

Часть первая БЕЛЫЙ ШАР

*«Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
несчетны солнца там горят,
народы там и круг веков»*

М.В.Ломоносов

Глава первая

БЛЕСТЯЩАЯ ТОЧКА

Было ясное утро конца июля.

Высоко в небе расходились легкие перистые облака. Быстро испарялась ночная роса, и отдаленные предметы казались дрожащими в прозрачном воздухе.

Солнце только что поднялось, а уже чувствовалось, что день будет жарким.

Дачный поселок Академии наук еще спал. На песчаной улице никого не было видно. Небольшие деревянные домики за разноцветными оградами, в густой зелени сосен и елей, тоже казались спящими. Открытые окна белели спущенными занавесками.

Был тот ранний час, когда даже воздух еще не очнулся от ночного сна, а дома, деревья, заборы как-то особенно неподвижны и резко очерчены.

Чуть слышно скрипнула отворившаяся дверь, и на крыльцо одной из дач вышел мужчина в полосатой пижаме.

При виде прекрасного утра он потянулся, подставляя солнцу лицо. Небольшие, глубоко сидящие глаза зажмурились от удовольствия.

Это был человек среднего роста, полный, но не толстый, лицо гладко выбрито, редкие седые волосы зачесаны назад. Глубокие залысины делали его лоб очень высоким. Мясистый нос и большой рот придавали его лицу добродушное выражение.

Он медленно спустился с крыльца и пошел по дорожке сада.

Заглянув в почтовый ящик, больше, по привычке, так как газет не могли принести так рано, он уселся возле калитки на скамью и стал смотреть по сторонам.

С наслаждением вдыхая чистый утренний воздух, насыщенный запахом хвои, он думал о том, что лучше этих ранних часов нет и не может быть ничего на свете. Пройдет час — два — и беспокойная жизнь дня вступит в свои права. Проснется жена и позовет его завтракать. Потом придет машина и надо будет ехать в душный и пыльный город.

Только поздно вечером, когда солнце низко опустится над горизонтом, он вернется и снова будет сидеть на своей любимой скамейке, пока не придет время ложиться спать.

«Дачная жизнь хороша тогда, — подумал он, — когда можно проводить здесь весь день».

Он посмотрел через улицу на окрашенную в желтый цвет дачу, и чувство, похожее на зависть к ее владельцу — академику Штерну, — невольно проснулось в нем.

Сосед был в отпуске и целыми днями лежал с книгой в шезлонге.

Есть же такие счастливицы!..

Доктор медицины профессор Куприянов обычно никогда не завидовал людям, которые ничего не делают, но сейчас ему казалось, что лучше безделья ничего быть не может. Он устал и находился в ленивом, предотпусковом настроении.

До желанного дня оставалось уже немного, но отпуск все же не радовал профессора. Он был бы вполне доволен, если бы мог провести его здесь, на даче, и подобно Штерну весь

день лежать и читать; но это было невозможно. Пошаливало сердце, и необходимо было ехать в санаторий. Путевка уже лежала в ящике письменного стола.

Скучный санаторный режим был неизбежен.

Мимо проехал велосипедист. Молодой загорелый парень крутил босыми ногами педали, и концы мохнатого полотенца развевались за его спиной, как два крыла.

Куприянов знал этого юношу. Это был сын биолога, профессора Лебедева, жившего на другом конце поселка.

Юноша давно скрылся из виду, а Куприянов все еще смотрел ему вслед. Он знал, что молодой Лебедев направился к озеру. Через несколько минут он доедет и бросится в холодную воду...

Профессор даже поежился, — так ясно он представил себе это ощущение.

Прислонившись к забору, Куприянов стал смотреть вверх. Облака уже совершенно исчезли. Ясная, прозрачно голубая бездна чуть заметно дрожала. Нагретый солнцем воздух казался видимым и физически ощутимым.

Профессор пристально вглядывался в бездонную глубину, и вдруг ему показалось, что прямо над его головой, в зените, внезапно вспыхнула крохотная яркая точка.

Он на секунду закрыл глаза. Посмотрев опять, убедился, что не ошибся. Едва заметная блестящая точка сверкала на том же месте. Вот она как будто погасла, снова вспыхнула и больше не исчезала.

«Самолет? — подумал Куприянов. — Нет, слишком высоко и не видно белого следа, который всегда оставляют за собой высоко летящие самолеты. Звезда не может быть видна днем. Значит, это какая-нибудь планета».

Блестящая точка была так мала, что профессор несколько раз терял ее из виду и потом с трудом находил опять. С полчаса Куприянов наблюдал за ней, но она не изменила своего положения на небе.

Калитка напротив отворилась, и на улицу вышел академик Штерн. Это был маленького роста, слегка сутулый, грузный старик с длинными седыми волосами и огромной густой бородой, в которой сейчас блестели капли воды (он только что умылся), под бородой виднелась голая волосатая грудь. На нем были сандалии и белые брюки.

Знаменитый астроном, директор обсерватории, действительный член Академии наук, Штерн всегда напоминал Куприянову героя романа английского писателя Конан-Дойля — профессора Челленджера.

— С добрым утречком! — сказал он, подходя к скамейке и тяжело опускаясь на нее.

— Поздно встаете, — сказал Куприянов, пожимая протянутою ему руку. — Я уже с час как вышел.

— Ваше дело молодое, — засмеялся академик. — А мы, старики, любим поспать. Поздно лег вчера, — прибавил он.

Куприянов опять стал смотреть в небо. Несколько секунд он безуспешно искал блестящую точку и решил было, что она совсем исчезла, но в конце концов нашел ее на том же месте.

— Что это за планета, Семен Борисович?

— Какая планета?

— Да вон, прямо над головой.

Штерн некоторое время пристально вглядывался в небо, потом пожал плечами.

— Это не планета. При таком ярком свете можно видеть только Венеру, но она никогда не бывает так высоко над горизонтом на параллели Москвы. Это самолет!

— Не похоже. Почти час эта точка находится на одном и том же месте.

— Посмотрим, — сказал академик и, повернувшись к своей даче, крикнул:

— Лида!

Внучка Штерна, девушка лет семнадцати, вышла на крыльцо.

— Лидочка, принеси-ка мне мою трубу. Она у меня на столе.

Жена Куприянова подошла к калитке и позвала мужа пить чай.

— Сейчас иду!.. Это, наверное, аэростат, — сказал Куприянов.

Лида принесла большую подзорную трубу.

— Сейчас узнаем, что это такое, — сказал Штерн.

Он приставил трубу к глазу и около минуты смотрел в нее:

— Это не самолет и не аэростат, — сказал он. — Моя труба очень сильная. Посмотрите сами.

В маленьком круглом отверстии объектива Куприянов увидел ту же точку. Она несколько не увеличилась в размерах и также сверкала золотистым блеском. Никакого видимого диаметра она не имела.

— Ни самолет, ни аэростат не могут находиться за пределами атмосферы,

— сказал Штерн. — А эта штука находится именно там.

Он взял у Куприянова трубу и опять стал смотреть в нее.

Улица постепенно наполнялась людьми. Увидя, что академик разглядывает что-то на небе, несколько соседей подошли к ним.

— Это стратостат! — сказал один.

— Нет! — коротко отрезал Штерн, не опуская трубы.

Велосипедист, ездивший купаться, возвращался обратно. Он остановился и слез с машины. Его загорелые плечи влажно блестели. Приставив руку к глазам, он тоже стал смотреть вверх.

Куприянов ушел пить чай. Машина должна была прийти с минуты на минуту.

Позавтракав, он переоделся и снова вышел к калитке.

Штерн по-прежнему смотрел в трубу. Около него было уже много народу.

— Может быть, это новая комета? — сказал кто-то.

Академик опустил трубу и пожал плечами.

— «Комета»!.. — сердито сказал он. — «Аэростат... Стратостат... Самолет»!.. Ну что глупости говорить!

Куприянов хорошо знал Штерна и видел, что старый астроном чем-то сильно взволнован.

— Что же это такое? — спросил он.

Не отвечая, академик направился к своему дому.

Куприянову совсем не хотелось уезжать, не выяснив заинтересовавшего его вопроса.

— Что это такое, Семен Борисович? — настойчиво повторил он.

— Позвоню на обсерваторию, — ответил Штерн на ходу.

Из-за угла бесшумно появился большой синий автомобиль. Мягко затормозив, он остановился у калитки; шофер отворил дверцу.

— Сегодня, — сказал Куприянов жене, — я постараюсь освободиться пораньше.

Жена улыбнулась и махнула рукой.

— Каждый день это слышу!

Прежде чем сесть в машину, профессор еще раз отыскал на небе блестящую точку. Она по-прежнему сверкала на том же месте.

Ему очень хотелось задержаться и узнать, что ответит Штерну обсерватория, но он боялся опоздать. За тридцать пять лет работы в институте Куприянов еще ни разу не опаздывал.

— Поехали! — сказал он, усаживаясь рядом с шофером.

Автомобиль плавно тронулся с места, на тихом ходу выехал из ворот в высоком заборе, окружавшем поселок, и помчался по шоссе.

Профессор закрыл глаза и стал думать о непонятном явлении на небе, которое так взволновало академика Штерна. Куприянов знал, что старый ученый не будет волноваться без серьезной причины.

— Обязательно вернусь рано, — громко сказал он.

Шофер улыбнулся. Он давно знал Куприянова и хорошо изучил его привычки и распорядок дня.

— Сегодня я поеду домой ровно в семь часов.

— Машина всегда готова, — уклончиво ответил шофер.

Профессор не знал и не мог знать, что совсем не вернется в этом году на свою дачу, не пойдет в долгожданный отпуск, и путевка, лежавшая в ящике его письменного стола, не будет использована.

Если бы ему сказали об этом и прибавили, что причиной всех этих перемен явится именно та блестящая точка, которую он первый в поселке увидел на небе и о которой все время думал, он, конечно, не поверил бы.

Он не знал и не мог знать, что эта крохотная, не имеющая видимого диаметра, золотисто сверкающая точка круто изменит его жизнь, заставит бросить работу, уехать из Москвы и испытать много такого, что ему даже не снилось.

Он не знал, что ближайшие месяцы ничем не будет заниматься, как только этой блестящей точкой, что день, когда он увидел ее на утреннем небе, запомнится ему навсегда.

Он не знал, что представляет собой эта точка, и не мог предвидеть последствий ее неожиданного появления.

НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ!

— Вероятно, наш старик в кого-нибудь влюбился, — вполголоса сказал молодой лаборант девушке, сидевшей с ним рядом. Она засмеялась, но, заметив, что профессор оглянулся на них, быстро наклонилась над микроскопом.

Куприянов действительно был очень рассеян в этот день. Он часто отвечал невпопад, забыл проверить важный для него результат анализа, пока ему не напомнили о нем; рассматривая поданную ему мензурку, уронил и разбил ее. Это было так не похоже на обычную спокойную и четкую работу профессора, что сотрудники института экспериментальной медицины с изумлением смотрели на своего шефа, не понимая, что с ним происходит.

Куприянов очень часто подходил к окнам и подолгу смотрел куда-то вверх. Отрываясь от этих непонятных наблюдений, он хмурился, и было видно, что какая-то навязчивая мысль не дает ему покоя.

Иногда он надолго задумывался и, если ему задавали в это время какой-нибудь вопрос, вздрагивал и просил повторить. Чувствовалось, что мысли профессора находятся далеко от института и обычной работы.

— Может быть, он болен? — шептались между собой его помощники.

Петр Широков, старший ассистент и любимый ученик Куприянова, выбрал момент, когда профессор находился один в своем кабинете, и в очень осторожной форме посоветовал ему прекратить работу и уехать домой, так как профессор, по-видимому, не совсем хорошо себя чувствует.

— Я здоров, — сухо ответил Куприянов.

Молодой человек смутился.

— Я совершенно здоров, — повторил профессор. — Правда, я сегодня немного невнимателен. Меня все время занимает одна мысль. — Он задумчиво посмотрел в лицо ассистенту и вдруг спросил: — Как вы думаете, Петр Аркадьевич, есть на Марсе разумные существа?

При этом совершенно неожиданном вопросе на лице молодого ученого появилось выражение тревоги.

— Видите ли... — запинаясь ответил он. — Я, собственно... До сих пор... Я совсем не думал об этом.

— Я тоже, — сказал Куприянов. — Но сегодня этот вопрос не выходит у меня из головы. Где вы живете? — задал он опять неожиданный вопрос.

— Обычно в городе, а сейчас на даче.

— Так. А сегодня утром вы смотрели на небо?

— Нет. — Молодой ассистент всеми силами старался скрыть тревогу, которая все сильнее охватывала его. — Сегодня я как будто не смотрел на небо.

— Напрасно!

Куприянов встал и подошел к окну.

— На небе бывают интересные вещи. Вот, например, сегодня...

Он подробно рассказал о блестящей точке и о беспокойстве академика Штерна.

— Когда я ехал в Москву, — закончил он, — мне пришла в голову мысль, что этот маленький блестящий предмет, который находится, как сказал Штерн, за пределами атмосферы, может оказаться космическим кораблем, летящим на Землю с другой планеты. Я никак не могу избавиться от этой мысли.

Молодой человек успокоился и тоже подошел к окну.

— К сожалению, — сказал Куприянов, — в городе не видно этой точки. Тут воздух не так чист.

— Вы серьезно думаете, что это может быть корабль с Марса? — спросил Широков.

— А почему бы нет? Люди неосновательно думают, что непременно они первые полетят на Марс и другие планеты. Но если там есть разумные существа, то почему не может случиться, что не мы, а они первыми прилетят к нам?

— Это было бы очень интересно.

— Не только интересно, но и очень, очень важно. Ведь наша техника еще не может построить космического корабля. Если на Землю прилетит такой корабль с другой планеты, люди узнают много нового и полезного. И не только в области техники, но и в других науках.

— Это было бы очень интересно, — повторил Широков.

Он высунулся в открытое окно и пристально смотрел вверх.

— Ничего не увидите, — сказал Куприянов. — Я уже десять раз пробовал. В городе мешает пыль.

— Теперь я тоже буду все время думать об этом, — сказал Широков. — Пока не узнаю, что это за точка.

— И кто-нибудь посоветует вам ехать домой, потому что вы «не совсем здоровы», — усмехнулся Куприянов.

Широков покраснел.

— Я думал...

— Что профессор Куприянов сошел с ума, — dokonчил за него собеседник.

— Что вы, Михаил Михайлович! Кто мог это подумать?

— Вы первый. Разве не это вы подумали, когда я спросил вас, есть ли люди на Марсе? — Куприянов рассмеялся. — Успокойтесь, — сказал он, положив руку на плечо ассистента. — Я нисколько не обиделся на вас.

Завонил телефон. Куприянов снял трубку.

— Слушаю!

— Кто у телефона? — услышал он голос Штерна.

Профессор внезапно почувствовал волнение. Рука с трубкой задрожала.

— Это я, Семен Борисович. Куприянов.

— Вас-то мне и надо. Немедленно бросайте все и приезжайте ко мне на обсерваторию. Только как можно скорей!

— Это касается...

— Да, да! Не теряйте ни минуты! Штерн повесил трубку.

— Ну!.. — Куприянов развел руками и тяжело сел в кресло. — Академик Штерн срочно просит меня приехать к нему. Он, по-видимому, очень взволнован.

— Вы поедете?

— Немедленно. Это явно касается нашего «космического корабля».

— Михаил Михайлович! — умоляюще сказал Широков. — Возьмите меня с собой.

— Хорошо, — сказал Куприянов. — Вызовите мою машину.

Было два часа дня.

Куприянов пригласил к себе старших сотрудников института и отдал все необходимые распоряжения.

Какое-то смутное чувство говорило ему, что сегодня он не вернется сюда.

Неотложные дела заняли много времени, и только в три часа Куприянов с Широковым сели в машину.

— Домой? — спросил шофер.

Профессор нахмурился.

— Нет, домой, как я сказал, в семь часов. Пока поезжайте на обсерваторию.

Астрономическая резиденция Штерна была расположена за городом, как и все обсерватории мира. Но машина шла быстро, и через сорок минут они уже подъезжали к ней.

Ни профессор, ни его ассистент за всю дорогу не проронили ни слова. Они были одинаково взволнованы и одинаково нетерпеливы. Что неожиданный вызов Штерна означал правильность догадки Куприянова, казалось им обоим несомненным. Но это величайшее и поразительнейшее событие, со всеми неисчислимыми последствиями, которые оно должно было повлечь за собой, совершилось так просто, что они никак не могли поверить, что оно действительно совершилось. Каждый из них старался уверить себя, что он ошибается и что вызов Штерна имеет какую-нибудь другую причину.

Ведь если правда, что на Землю прилетел космический корабль, то это должно было повлечь за собой полное крушение не только старых идеалистических взглядов на мир, но и многих научных «истин» относительно обитаемости планет солнечной системы.

Как ни далеки от астрономии были Куприянов и Широков, но и они знали, что наука считает Марс и Венеру необитаемыми, не говоря уж о других планетах.

Прилет корабля марсиан или жителей Венеры докажет, что даже в иных, нежели существующие на Земле, природных условиях разумная жизнь может развиваться и даже опередить земную.

Оба молчали, погруженные в свои мысли.

У главного входа обсерватории стояло несколько автомобилей. Куприянов узнал по номера светло-серый «ЗИМ», принадлежавший профессору Лебедеву. Значит, он тоже приехал сюда.

К подъезду подошел еще один автомобиль, и из него вышел хорошо знакомый Куприянову профессор Лежнев — знаменитый лингвист, книги которого по истории языка пользовались большой известностью. Он был очень высок ростом, толст и неповоротлив. Кивнув головой, он пожал руку Куприянову и, отдуваясь, сказал:

— И вы здесь?.. Подумать только!

С ним вместе приехал китаец средних лет, в больших роговых очках. Он мельком оглядел Куприянова и Широкова и молча стал подниматься по лестнице.

— Вас тоже вызвал Штерн? — спросил Куприянов.

— Нет! Мне позвонили из Совета министров. Просили срочно приехать... в обсерваторию... не знаю зачем.

Через каждые два слова он шумно отдувался и вытирал лицо платком. Несмотря на жаркий день, на нем было пальто.

— Вам не жарко? — участливо спросил его Широков.

— Даже очень жарко... но жена... боится простуды.

— Кутаться — это самый верный путь к простуде, — заметил Широков.

— Да, так говорят... врачи. Но моя жена... им не верит.

Куприянов засмеялся, а Широков только пожал плечами.

Они вошли в обширный, отделанный белым мрамором вестибюль, вдоль стен которого стояли низкие скамьи, обитые красным бархатом.

Сотрудник обсерватории подошел к ним и пригласил подняться на третий этаж, в кабинет директора.

— Вы можете воспользоваться лифтом, — сказал он.

Даже Лежнев отказался от этого предложения. Внутри обсерватории было прохладно, и никому не хотелось забираться в душную кабину. Они не спеша пошли наверх.

Куприянов еще ни разу не был здесь, и его на каждом шагу поражала роскошь отделки. Обсерватория походила на дворец. Она была недавно построена, и ею по праву гордилась не только Москва, но и весь Советский Союз.

— Не по монаху монастырь, — сказал Лежнев.

Куприянов вспомнил неказистую внешность Штерна и невольно улыбнулся.

— Вы посмотрели бы на телескопы, которые тут установлены, — сказал Лежнев. — Астрономы всего мира не видели ничего подобного. Это лучшая обсерватория мира.

— Вы уже были тут? — спросил Куприянов.

— Был, — ответил толстяк. — Я любитель астрономии, и Семен Борисович поощряет мои «недостатки».

Когда они вошли в огромный, отделанный мореным дубом кабинет директора, там уже находилось человек двенадцать. Они сидели вокруг стола, покрытого темно-малиновым сукном. Академик Штерн быстро ходил по кабинету, заложив руки за спину. Китаец, приехавший с Лежневым, тоже был тут.

— Ну, наконец-то все, — сказал Штерн. — Садитесь, время не терпит.

Среди присутствующих, кроме астрономов, Куприянов с удивлением увидел крупнейших ученых самых различных специальностей, не имевших прямого отношения к науке о небе. Тут были биологи, химики, энергетики и языковеды. Был даже знакомый ему географ.

Куприянов сел на свободный стул, недоумевая, — какое заседание тут готовится. Когда Штерн вызвал его по телефону, он полагал, что астроном просто хочет показать ему в телескоп блестящую точку, которую они наблюдали утром. Если даже эта точка и в самом деле космический корабль, то зачем все-таки это собрание?..

Штерн подошел к столу и постучал карандашом. Тотчас все разговоры прекратились и все головы повернулись к нему. На молодых и старых лицах было одинаковое выражение нетерпения и любопытства.

СОГЛАСЕН!

Штерн обеими руками расправил свою могучую бороду («Нервничает старик!»)

— подумал Куприянов) и начал говорить.

— Сегодня утром, — сказал он, опуская всякое обращение, — случилось событие, равного которому еще не случалось за всю историю нашей планеты. Впрочем, не так! Вернее будет сказать, что такого события еще не случалось за всю историю сознательной жизни человечества на Земле. Так вот, сегодня утром на небе было замечено появление какой-то непонятной блестящей точки. Наша обсерватория выяснила природу этой точки. Оказалось, что «точка» представляет собой металлический шар, имеющий около тридцати метров в диаметре. С помощью одного из наших рефракторов шар был детально рассмотрен. Нет никакого сомнения, что он является искусственным и имеет внеземное происхождение. Я сам его видел. Мы имеем дело с космическим кораблем обитателей другой планеты; и корабль этот, по-видимому, намерен опуститься на поверхность нашей Земли. Этот вывод вытекает из анализа наблюдений за его движением, которые удалось провести, пока шар был виден. В шесть часов утра он находился над Москвой почти в зените. В девять корабль отклонился на восемнадцать градусов к западу и находился на высоте четырех тысяч

километров. Потом он постепенно стал опускаться, одновременно двигаясь на запад. Благодаря тому, что наша Земля имеет привычку вращаться вокруг своей оси, корабль к двум часам дня исчез за горизонтом. Последнее определение его высоты показывает три тысячи километров. Это значит, что корабль опускается со скоростью почти двести шесть километров в час, или пятьдесят семь метров в секунду. Вероятно, он вполне может замедлить или, наоборот, ускорить быстроту снижения. По этому поводу мы пока не можем сказать ничего. Намерения экипажа нам неизвестны, но если корабль начал опускаться, то нет никаких оснований думать, что он прекратит спуск и улечит от Земли, не опустившись на нее. Вопрос заключается в том, где он опустится. Я обо всем сообщил президенту Академии наук, а он в свою очередь — председателю Совета Министров. Вы сами понимаете, что подобное событие требует принятия самых срочных мер. Перед нами две возможности. Или корабль опустится в пределах СССР или Китая, или в какой-нибудь капиталистической стране. Но не надо забывать, что СССР и Китай по площади, занимаемой ими, довольно заметная величина на поверхности Земли. Шансы примерно равны. Я даже думаю, что у нас больше шансов, если вспомнить скорость, с которой корабль опускается. Продолжая двигаться так же, он достигнет Земли завтра утром и как раз над нашей территорией. Время не ждет, и на предварительные разговоры этого времени у нас нет. Президент Академии Неверов был немедленно вызван в Центральный Комитет партии и получил там указание срочно собрать научную экспедицию для встречи гостей. Корабль близок к Земле и хотя летит сейчас очень медленно, но опустится не позднее ближайших двадцати часов. Список членов экспедиции был составлен мною и утвержден президентом в количестве девяти человек. Начальником экспедиции назначен член-корреспондент Академии наук, профессор Куприянов, которого вы все знаете. Он здесь присутствует.

Никак не ожидая подобного конца, Куприянов с изумлением посмотрел на Штерна. Старик усмехнулся в бороду.

— Да, да, Михаил Михайлович! Мы решили вам поручить встречу гостей, если они пожалуют к нам, и позаботиться, чтобы они сохранили хорошее воспоминание о людях Земли. А главное, — чтобы они в добром здоровье вернулись на свою родину. На разных планетах разные атмосферы, а в них могут быть разные бактерии. Первая и главная роль принадлежит медицине. Мы не должны допустить, чтобы наши гости хоть в какой степени повредили свое здоровье. Конечно, они и сами понимают опасность и, возможно, примут свои меры, но мы все же обязаны сделать все, что в наших силах. Вот поэтому мы с президентом и решили поручить руководство всей экспедицией именно вам, как руководителю института экспериментальной медицины. Я полагаю, что, как вы, так и все остальные товарищи, занесенные в список, не откажутся от участия.

Никто ничего не ответил. Взволнованные ученые молча переглядывались. Было видно, что неожиданное и столь необычайное сообщение Штерна потрясло всех. У Лежнева лицо покрылось красными пятнами, и он нервно мям пальцами сукно на столе. Широков умоляющим взглядом смотрел на Куприянова; и, встретив этот взгляд, профессор понял, что молодой человек умирает от желания быть зачисленным в состав экспедиции. Китаец, приехавший с Лежневым, сидел неподвижно. Лебедев что-то говорил своему соседу, но сосед явно не слушал и растерянно оглядывался по сторонам.

— Так что же, товарищи? — спросил Штерн. — Давайте решать вопрос. Слово за вами, Михаил Михайлович.

Куприянов поднял голову. Он успел уже обдумать неожиданное предложение и понял, что отказываться нельзя. Задача, которую хотели возложить на него, была трудна и ответственна, но он хорошо понимал, что выбор президента был правильным.

Он встал. Все глаза устремились на него.

— Я согласен, — сказал он, — и благодарю за доверие. Участие в подобной экспедиции большая честь...

— Ближе к делу, Михаил Михайлович! — сказал Штерн.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал Куприянов. — Что будем делать, если

корабль опустится не в Советском Союзе? Каким образом мы узнаем место приземления и как доберемся до этого места? Кто зачислен в состав экспедиции?

— Отвечаю по порядку вопросов, — сказал Штерн. — Как я уже говорил, вся наша подготовка должна вестись из расчета, что космический корабль приземлится в СССР или в Китайской Народной Республике. В этом, последнем, случае... — он замолчал на секунду. — По счастливой случайности, в Москве находится сейчас вице-президент китайской Академии наук — профессор Ляо Сен.

Китаец, приехавший с Лежневым, встал.

— По поручению китайского народного правительства, — сказал он на чистом русском языке, — с которым я связался сегодня утром, в случае приземления корабля на китайской территории, приглашаю вас к нам.

— Прекрасно! — сказал Штерн. — Но может, конечно, случиться, что космический корабль опустится в Африке, Америке или Австралии. Гадать тут бесполезно. Нам остается только надеяться, что случится так, как нам желательно. Шансы на это, повторяю, есть, и не малые. Если все-таки корабль опустится не у нас, тогда и будем решать, что делать. Там увидим. Отвечаю на второй вопрос: в настоящий момент по всей территории Советского Союза и Китая идет подготовка. Авиационные соединения, военные и гражданские, получили приказ: как только корабль появится, ему навстречу вылетят скоростные самолеты и проводят его до места приземления, а затем немедленно сообщат об этом в Москву. Мы с вами будем находиться здесь и сразу же вылетим. Самолеты нас ждут. Это ответ на третий вопрос.

Он надел очки и взял со стола бумагу.

— Состав экспедиции, — он поднял очки на лоб и оглядел сидящих за столом. — Я прошу товарищей, фамилии которых я буду называть, тут же говорить, согласны они или нет. Правда, я уверен, но все-таки... Итак, начальник экспедиции — член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии медицинских наук, доктор медицины, профессор Куприянов Михаил Михайлович. Согласие уже имеется. Заместители или помощники начальника экспедиции: Штерн Семен Борисович. Согласен! — ответил он самому себе. — Вице-президент Академии наук Китая, профессор Ляо Сен.

— Согласен!

— Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор биологических наук, профессор Лебедев Семен Павлович.

— Конечно, согласен! — сказал высокий мужчина с очень моложавым лицом и гладко зачесанными седыми волосами.

— Члены экспедиции: профессор Лежнев Анатолий Владимирович.

— Я, конечно, очень хочу, — сказал толстяк. — Но есть некоторые обстоятельства...

Штерн досадливо замахал рукой.

— Согласен! — сказал он. (Лежнев с комическим недоумением развел руками.) — Следующий: доктор химических наук, профессор Аверин Кондратий Поликарпович.

Сидевший рядом с Куприяновым худощавый человек, очень похожий лицом на Тимирязева, приподнялся и ответил:

— Согласен. Благодарю!

— Доктор технических наук, профессор Смирнов Александр Александрович.

Небольшого роста, подвижной, с тонким нервным лицом, профессор Смирнов наклонился вперед и поспешно ответил:

— Безусловно согласен!

— Член-корреспондент Академии наук УССР, доктор технических наук, профессор Манаенко Артем Григорьевич.

Манаенко, по лицу которого можно было безошибочно узнать его национальность, провел рукой по усам и пробасил:

— Согласен.

Он посмотрел на Куприянова и неизвестно зачем подмигнул ему.

— И последний, — сказал Штерн, — доктор географических наук, профессор Степаненко Владимир Петрович

— Какие могут быть разговоры! — ответил тот.

— Названные мною товарищи, — продолжал Штерн, — являются основным составом экспедиции. В случае необходимости к нам будут присоединяться ученые других специальностей. Прошу помнить, что каждый участник отвечает за работу с гостями по своей области.

— А позвольте узнать, на каком языке вы собираетесь говорить с этими самыми гостями? — спросил Лежнев. — Мы не знаем, что они собой представляют. Может быть, эти существа не имеют с нами ничего общего.

— Подобные опасения мне кажутся необоснованными, — ответил профессор Лебедев. — Из того, что нам рассказал Семен Борисович о корабле наших гостей, очевидно, что они хорошо знакомы с геометрией (корабль имеет форму шара), металлургией (шар металлический), математикой, космографией и многими другими науками, без которых невозможно осуществить космический полет. А это доказывает, что их разум тождественен нашему разуму. Возможно, конечно, что их внешняя оболочка, тело, отличается от нашей, но мне кажется несомненным, что нам удастся найти с ними общий язык.

— Правильно! — сказал Штерн. — А задача найти этот общий язык как раз ложится на вас, Анатолий Владимирович, и на товарища Ляо Сен. Именно вам придется изучить язык гостей или научить их нашему языку. Что касается меня, то я совершенно согласен с тем, что сказал Семен Павлович.

— Мне тоже так кажется, — заметил Куприянов.

— Сдался! — шутливо сказал Лежнев.

— Есть у кого-нибудь вопросы? — спросил Штерн.

— Как не быть, — сказал Аверин. — Нас вызвали сюда, не предупреждая ни о чем. Может случиться, что через короткое время мы будем в самолете. А дома у нас ничего не знают. И, полагаю, что с этим все согласятся, надо ведь захватить с собой кое-какие вещи.

— У меня, например, при себе денег нет.

— Мне надо оставить распоряжения по институту.

— У меня срочная работа, которую нельзя так бросить. Надо поручить ее кому-нибудь.

— Вы решили за меня; но хоть предупредить жену можно? — посмеиваясь сказал Лежнев.

Штерн внимательно выслушал всех.

— Все это понятно, — сказал он. — Но должно быть понятно и то, что событие произошло так внезапно. Конечно, затруднения будут. Ждать и откладывать наш вылет мы не можем. Как только будет получено известие о приземлении корабля, мы должны немедленно вылететь. Но кое-что сделано. Специальные люди уже отправлены на ваши квартиры. Они привезут то, что ваши жены пришлют вам. Вы можете позвонить по телефону. Все необходимое, что не успеет захватить сейчас, будет доставлено на место самолетом. Что касается денег, то с минуты на минуту должны быть доставлены сюда необходимые средства и документы на случай, если придется лететь в Китай. Я думаю, что Михаил Михайлович не откажется выдать необходимые суммы тем, кто в них нуждается. Наша экспедиция будет все время связана с правительством и президиумом Академии наук. Все будет в порядке. Есть еще вопросы ко мне? Нет? В таком случае моя сегодняшняя роль окончена. Прошу обращаться к начальнику экспедиции.

— Есть еще один небольшой вопрос, Семен Борисович, — сказал Куприянов. — Надо взять с собой кинооператора...

— Предусмотрено, — перебил Штерн. — ТАСС командирует с нами корреспондентов, фотографов и кинооператоров. Они все будут на аэродроме одновременно с нами.

— Я хочу взять с собой моего ассистента — Петра Аркадьевича Широкова.

— Куприянов показал на своего спутника, который радостно встрепенулся, услышав эти слова. — Возможно это?

— Это уже ваше дело, — ответил Штерн. — Позвоните президенту.
— Я могу воспользоваться вашим телефоном? — спросил Куприянов
— Конечно, но только не этим. — Штерн указал на телефон, стоявший на маленьком столике. — По нему нам будут сообщать о космическом корабле. Этот аппарат всегда должен быть свободен.

ОЖИДАНИЕ

Переговорив с президентом Академии наук, Куприянов зачислил в состав экспедиции еще двух человек, доведя, таким образом, их общее число до одиннадцати. Зачислены были: кандидат медицинских наук Широков и сотрудник обсерватории, молодой астроном Синяев, который с радостью согласился.

Из ТАСС сообщили, что работников печати будет пятеро. Куприянов позвонил на аэродром и выяснил, что для переброски шестнадцати человек к месту посадки космического корабля достаточно четырех скоростных пассажирских самолетов.

Один за другим приезжали люди, посланные на квартиры участников полета, и уже много чемоданов стояло внизу, в вестибюле. Куприянов тоже получил свои вещи и записку от жены, в которой она желала ему успеха.

Жена Лежнева приехала сама и, к удивлению всех, кто ее не видел раньше, оказалась маленькой худенькой женщиной, которую странно было видеть рядом с ее слоноподобным супругом.

Что касается Широкова и астронома Синяева, которые не были занесены в первоначальный список, то им пришлось самим съездить за своими вещами.

— Не задерживайтесь! — сказал Куприянов. — Как только будет получено известие о корабле, мы вылетим. Если вы все-таки опоздаете, то вылетайте за нами.

Но, вопреки этому распоряжению, сам же Куприянов дал Широкову дополнительное поручение. Он попросил его заехать в институт и привезти целый ряд различных медикаментов. Судя по списку, врученному им Широкову, профессор собирался открыть на месте посадки корабля полностью оборудованный медпункт.

— Захватите пару складных коек, — сказал он — Кто знает, в каких условиях придется жить, а больных, если таковые окажутся, нельзя держать на земле И, конечно, необходимое белье. Не забудьте наши халаты. По дороге сами сообразите: может, я забыл что-нибудь.

Никто не знал, сколько времени придется ждать. Штерн предоставил в распоряжение участников экспедиции несколько комфортабельно обставленных комнат, которые в обсерватории предназначались для астрономов, приезжавших сюда со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Но отдохнуть было некогда.

Заседание, начавшееся в кабинете Штерна в четыре часа дня, без перерыва продолжалось до десяти часов вечера.

Сообщений о космическом корабле все еще не поступало, и это время нужно было использовать на то, чтобы как можно лучше подготовиться к предстоящей работе. Президент Академии сам приехал на обсерваторию и вместе с Куприяновым и Штерном помогал каждому участнику экспедиции составить план работы по его специальности.

Широков вернулся и привез столько материалов для будущего медпункта, что даже Куприянов немного поворчал на такое усердие.

Профессор Аверин настаивал на том, чтобы взять с собой целую химическую лабораторию. Смирнов и Манаенко явились на совещание с длиннейшим списком, судя по которому, на месте приземления корабля должен был появиться если не музей, то во всяком случае хорошо оборудованная выставка.

— Должны же мы познакомить гостей с техникой Земли, — отвечали они на возражения руководителей экспедиции.

— Для этого не обязательно везти с собой модели машин, — ответили им,

— достаточно фотографий, чертежей и рисунков.

Любая серьезная экспедиция всегда требует длительной подготовки, а Куприянову и его спутникам предстояло отправиться в исключительную по своему значению и ответственности поездку в «пожарном порядке». Неудивительно, что множество вопросов так и осталось неразрешенным.

— Радиосвязь экспедиции с Москвой будет поддерживаться непрерывно, — говорил Неверов. — Все, что вам понадобится, получите немедленно.

Наконец, в одиннадцатом часу, основные вопросы были согласованы, материалы для работы доставлены, личные дела участников экспедиции закончены. Президент уехал, обещав вернуться, как только будет получено известие о корабле.

— Где сейчас находится корабль? — спросил он у Штерна.

— Если продолжает двигаться так же, как утром, — сейчас он находится над Северной Америкой.

— А завтра утром?

— Окажется над Европейской частью Советского Союза. Но кто ему мешает изменить скорость снижения или направиться в другую сторону?

— Никто, конечно. Но будем надеяться, что нам повезет.

Члены экспедиции, один за другим, собрались в кабинете Штерна и расселись по креслам и диванам. Нервное состояние, в котором все находились, не давало заснуть, хотя Куприянов и рекомендовал это сделать.

Разговор, естественно, шел о корабле.

— Если он опустится в Америке, то сможем ли мы поехать туда? — спросил Синяев.

— Сможем-то сможем, — ответил Куприянов, — но там мы будем не хозяевами, а гостями.

— Не говоря уже о том, — подхватит Штерн, — что получение виз займет много времени. И не исключена возможность, что мы вообще не получим разрешения посетить Америку. Такие случаи, к сожалению, еще встречаются. В капиталистических странах наука не всегда встречает поддержку правящих классов. Главную роль играет выгода монополистов, а эти господа отлично сознают, какую огромную пользу они могут извлечь для себя из подобного визита. Люди, или кто бы они ни были, сумевшие построить космический корабль и осуществить межзвездный полет, безусловно, в области техники перегнали Землю.

— Да, плохо! — сказал Лебедев.

Наступило непродолжительное молчание.

— Откуда он мог прилететь? — тихо, ни к кому не обращаясь, спросил Степаненко и сам себе ответил: — С Марса.

— То есть как это с Марса? — вскинулся на него Штерн. — Ну что глупости говорить! На Марсе нет разумной жизни.

— Откуда же тогда? С Венеры?

— С Венеры?.. С Юпитера, Урана, Нептуна, Плутона. Запомните! В солнечной системе, кроме как на Земле, нет разумных существ. Корабль прилетел с другой планетной системы.

— Но в таком случае он должен был лететь...

— Не менее четырех с половиной лет, и то если он летел со скоростью света.

— Однако! — сказал Широков.

— А можно быть уверенным, что этот корабль летит на Землю не с враждебными намерениями? — неожиданно поставил вопрос Аверин.

— Уэллсовщина! — пренебрежительно ответил Штерн. — Борьба миров!

Разгорелся спор. Несколько человек стали на сторону Аверина, другие соглашались со Штерном.

Куприянов не слушал. Он сидел в глубоком кресле с закрытыми глазами и думал. Возможность для корабля опуститься не в Советском Союзе почему-то вызывала в нем чувство досады и раздражения. «Им, — думал он, — этим существам, прилетевшим на Землю из глубин мирового пространства, совершенно безразлично, где опуститься. Они

ничего не знают о Земле и о человечестве. Они опустятся там, где вздумается их начальнику, если таковой у них есть. А может быть, они и не подозревают, что Земля населена разумными существами, и, облетев ее кругом, направятся к Венере или Марсу».

Он выпрямился в кресле, пораженный неожиданной мыслью.

«Облетев ее кругом!.. Ну, конечно, это самое естественное, что должны сделать разумные существа, которые впервые подлетели к неизвестной им планете. Но тогда завтра утром корабль опять появится над Москвой, над которой он впервые так близко подошел к Земле. Зачем ему опускаться в Америке, когда, подлетая к ней, его экипаж видел только половину земного шара? Простое любопытство заставит их облететь вокруг всей Земли».

Он посмотрел на часы. Был уже двенадцатый час.

— Вот что, товарищи! — сказал он. — Если корабль опустится в Америке, то нам бесполезно сидеть тут и ждать. А у нас он не может опуститься ночью. Это может случиться только утром или днем. Поэтому я настоятельно прошу вас разойтись по своим комнатам и лечь спать.

Это требование было так логично, что никто не стал возражать. Участники экспедиции разошлись. В кабинете остались только Куприянов, Лебедев и Штерн.

— Я переночую здесь, — сказал Куприянов. — лягу на диване, поближе к телефону.

— Мы тоже останемся с вами, — ответил Штерн. — Тут места хватит.

Лебедев и Куприянов долго не могли заснуть. Старый академик уже спал, а они еще лежали с открытыми глазами и разговаривали.

Куприянов рассказал о своих предположениях, и биолог вполне согласился с ним.

— Это совершенно логично, — сказал он. — Как это никто не подумал об этом!

— Случайно, — сказал Куприянов, — они подлетели к Земле с нашей стороны. Облетев ее кругом, они опустятся именно здесь, в Европейской части Союза. Мне кажется это несомненным. — Он сел на диване. — Вы помните, Семен Павлович, Штерн говорил, что корабль летит очень медленно. Его движение не зависит от движения Земли вокруг ее оси. Он просто тихо опускается, а Земля, вращаясь, проходит под ним.

— И, когда Земля сделает полный оборот, корабль опустится, — подхватил Лебедев. — Правильно, Михаил Михайлович! Вы угадали.

— И знаете, что я вам скажу, — на полном лице Куприянова появилась улыбка. — Хотите я буду пророком? Мы получим известие о корабле в шесть часов утра, когда он появится над Владивостоком.

— Ну что глупости говорить! — послышался голос, и взлохмаченная борода поднялась над диваном. — Обсерватория Петропавловска-на-Камчатке первая увидит корабль, а это будет не в шесть, а в два часа ночи по московскому времени. При чем тут Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Комсомольск?..

— Мы вас разбудили, Семен Борисович?

— Я давно не сплю и слушаю вас, — ворчливым тоном ответил Штерн.

— Вы согласны со мной, Семен Борисович? — спросил Куприянов.

— Логично, — коротко ответил старик.

Он кряхтя встал с дивана и подошел к своему столу.

— Кто их знает, какая у них там погода! — проворчал он.

Куприянов и Лебедев переглянулись. Об этом они не подумали. Пасмурная погода могла испортить все. Старый астроном, привыкший всегда думать о погоде, первый вспомнил об этом. Он позвонил в институт прогнозов и долго слушал ответ, записывая что-то на бумаге.

— Слава те, природа великая! — сказал он, кладя трубку. — Нам везет. По всей трассе от Петропавловска до Москвы ясное небо.

Он подошел к дивану, на котором лежал Куприянов, и сел в стоявшее рядом кресло. Вынув из кармана гребень, тщательно расчесал волосы и бороду. Потом с довольным видом вытянул короткие ноги и скрестил руки на животе.

— Да! — сказал он. — Жалко, что при вашем разговоре не присутствовал Степаненко

Владимир Петрович! То-то бы он посмеялся! Академики!.. Школьную географию забыли! Владивосток настолько южнее, что там и не увидят корабля.

Куприянов засмеялся.

— Вы, я вижу, уже выспались.

— А вы всех разогнали спать, а сами...

— Теперь, после того, что вы сказали, совсем не придется спать, — заметил Лебедев. — Без двадцати минут два.

Дверь тихо открылась, и на пороге с виноватым видом появился профессор Смирнов. За его спиной виднелись усы Манаенко.

— Вы не спите? — спросил он. — Можно?

— Входите, входите. — Куприянов скинул ноги с дивана и сел. — Где уж тут спать!

— Никак не заснуть, — извиняющимся тоном сказал Смирнов. Его тонкое нервное лицо сангвиника дышало возбуждением, глаза блестели. — Когда я думаю о тех тайнах, которые несет к нам этот корабль... технических тайнах, меня охватывает чувство, среднее между восторгом и страхом.

— Я понимаю вас, — сказал Лебедев.

— Меня глубоко поразили слова Семена Борисовича, что корабль прилетел из соседней планетной системы. Он летел почти пять лет в пустоте и мраке вселенной, с непостижимой для нас скоростью.

— Пять лет, — сказал Штерн, — это только в том случае, если он прилетел из системы ближайшей к нам звезды. Ближайшей! — повторил он, внушительно поднимая палец

— Голова кружится, когда подумаешь о тех силах, которые с такой скоростью движут этот корабль. Ведь тридцать метров! Вы так, кажется, сказали? Шар диаметром в тридцать метров. Это значит, что, когда он приземлится, его верхняя часть будет на высоте десятиэтажного дома.

— Да! — отозвался Манаенко. — Только для того, чтобы построить такой шарик, нужна фантастическая техника.

— Еще двое, — сказал Штерн.

Куприянов оглянулся и увидел, что в кабинете появились еще два члена экспедиции. — Синяев и Степаненко. Почти тотчас же за ними вошел Аверин.

— Если так будет и дальше, — смеясь сказал Лебедев, — придется сменить начальника экспедиции. Его не хотят слушаться.

— И не будут слушаться, если он сам не выполняет своих распоряжений,

— решительным шагом входя в кабинет, сказал Лежнев.

С приходом Широкова вся экспедиция, за исключением Ляо Сена, оказалась в сборе.

— Завидная выдержка, — заметил Лежнев. — Спит как ни в чем не бывало!

— Вы думаете, он спит? — спросил Лебедев.

Он вышел и через полминуты вернулся обратно.

— Заглянул в замочную скважину, — весело сказал он. — Сидит и читает. Я хотел...

Он не договорил и замер с открытым ртом. Почти все вскочили со своих мест.

Заветный телефон на маленьком столике зазвонил.

Куприянов, стараясь быть спокойным, снял трубку. Все с напряженным вниманием следили за выражением его лица.

— Космический корабль, — сказал он, — появился на горизонте Петропавловска на Камчатке (Штерн довольно хмыкнул) на высоте около пятисот километров.

НА ВОРОНЕЖ!

Никто больше не думал о сне. Нервное состояние, казалось, достигло предела. Обычно такие хладнокровные и всегда уравновешенные, ученые бестолково метались по кабинету, уходили и сейчас же возвращались обратно. Поминутно начинались короткие разговоры и прерывались на середине. Голоса звучали громче обычного, но, как только звонил телефон,

наступало гробовое молчание.

Телефоны трещали почти непрерывно. Звонили из Академии наук, из Совета министров, из ЦК партии, с аэродрома, из различных институтов и научных учреждений. Казалось, что в эту ночь вся Москва не спала.

Без двадцати минут три поступило сообщение из Космодемьянска. Там видели корабль низко над северным горизонтом и определили его высоту в те же пятьсот километров.

Значило ли это, что экипаж корабля прекратил снижение? Или наблюдатели ошиблись? От ответа на этот вопрос зависело многое.

Сообщение из Космодемьянска смутило многих. Кое-кто совсем упал духом, решив, что все пропало. Куприянов, Штерн и Ляо Сен одни только сохраняли спокойствие. Китайский ученый неподвижно сидел за столом Штерна; и временами казалось, что он спит. Штерн ни разу не встал со своего кресла, сидя все в той же позе, — ноги вытянуты, руки скрещены на животе. Куприянов переходил от одного телефона к другому и в промежутках между разговорами успокаивал особенно нетерпеливых. Он был непоколебимо убежден, что корабль опустится.

Позвонив на аэродром, он приказал подготовить самолеты и отправил туда весь багаж.

— Если бы они не имели намерения сесть на поверхность Земли, — говорил он, — то им незачем было бы спускаться так низко.

Профессор Смирнов поддержал его.

— Надо учитывать, что для отлета космического корабля с планеты, имеющей размеры Земли и, следовательно, довольно значительную силу тяжести, требуется затратить колоссальное количество энергии. Существа, создавшие космический корабль, безусловно создали и первоклассную оптическую технику. Значит, они давно разглядели, что имеют дело с населенной планетой. Зачем же им тратить запасы энергии, если они не думают опуститься?

— С высоты четырех тысяч километров они еще не могли разглядеть, что планета населена, — отвечали ему сомневающиеся.

— Ну что глупости говорить! — вмешался Штерн. — Для любого разумного существа задача космического рейса заключается в том, чтобы найти на других планетах жизнь, подобную жизни на их собственной. Не забывайте, что корабль прилетел из другой солнечной системы. Это значит, что он летел не один год. Предпринять подобное путешествие только для того, чтобы бросить беглый взгляд на цель своего пути и сейчас же повернуть обратно, — это нелепость.

— У них может быть ограниченный запас энергии.

— Ну, разве что так! — насмешливо сказал Штерн.

— Почему же они прекратили снижение?

— Это еще не установлено. Наблюдатели могли ошибиться.

— Ну, разве что так! — в тон астроному пошутил Манаенко.

В четыре часа снова приехал президент Академии. Он рассказал, что жители Москвы действительно не спят. Уступая настойчивым требованиям, радиотрансляционная сеть начала работать в неуточное время, передавая сведения об экспедиции.

— Примерно то же происходит по всей стране, — сказал президент. — И не только в нашей стране. Половина земного шара нервничает.

— Это не удивительно, — заметил Лебедев. — Такое событие не может не волновать мыслящих людей.

— Для многих это событие означает полное крушение их мировоззрения, — сказал Куприянов.

Раздался очередной звонок, и Чита сообщила, что космический корабль находится прямо над городом, на высоте четырехсот километров.

— Корабль хорошо виден, — сообщили оттуда. — Он ярко блестит в лучах солнца, подобно звезде. Весь город на улицах.

Значит, корабль все-таки опускается!

— Они летят не совсем прямо, — сказал Степаненко, — но примерно следуют по пятьдесят второй параллели.

— Откуда можно ждать следующего сообщения? — спросил Неверов.

— Из Иркутска, — ответил географ.

— А какая там погода?

Штерн ответил, что должна быть ясная, но президент все-таки позвонил на метеорологическую станцию.

— В Иркутске безоблачное небо, — сказал он. — Погода нам благоприятствует.

На горизонте медленно разгоралась утренняя заря...

Наступил день, один из самых замечательных дней в истории Земли.

Там, за линией горизонта, окрашенного в пурпурные цвета рассвета, солнце изливало свои животворные лучи на просторы Сибири, и в этих лучах, высоко в верхних слоях атмосферы, летел корабль.

Рожденный где-то в безднах вселенной, задуманный и построенный неведомыми существами, он властно и неопровержимо доказывал, что всепобеждающий разум существует не только на Земле. Появление этого корабля наносило последний и окончательный удар тем, кто все еще пытался опровергнуть выводы современной науки и доказать исключительное положение маленькой Земли в бесконечной вселенной. В ее безграничных просторах, среди неисчислимого количества планетных систем, должны существовать миры, несущие на себе жизнь. Жизнь, а с нею и могучий, творящий разум!

Гипотеза превратилась в истину!

Космический корабль, творение чуждого Земле разума, летел над планетой, и глаза пока еще загадочных и неведомых существ смотрели из него на Землю.

Что представляют собой эти существа?.. Каков их внешний облик?.. Похожи ли они на человека?.. Удастся ли найти с ними общий язык?..

Эти вопросы оставались пока без ответа.

Но, кто бы они ни были, на что бы ни были похожи, между ними и человечеством, населяющим Землю, уже возникла и незримо крепла связь. Связь разума, объединяющая живые существа всей вселенной. Связь, которая всегда существовала и всегда будет существовать, хотя бы разумные существа, населяющие разные планеты, и не знали о ней.

Эти мысли владели всеми, кто находился в этот момент в кабинете Штерна.

С аэродрома сообщили, что работники ТАСС, корреспонденты, фотографы и кинооператоры уже прибыли и ждут у самолета.

Куприянов решил дожидаться телефонограммы из Иркутска и, в зависимости от ее содержания, ждать или тоже ехать на аэродром.

Иркутск, наконец, позвонил; и сообщение, переданное оттуда, взволновало всех еще больше.

Корабль был уже на высоте двухсот километров.

— Они увеличили скорость снижения! Корабль опускается! Они приземлятся в Сибири! Надо немедленно вылетать! — раздались нетерпеливые голоса.

— Может быть, ошибка? — невозмутимо сказал Штерн.

Никто не успел ответить на это замечание, как поступило следующее сообщение.

Абакан телефонировал, что космический корабль показался на его горизонте и быстро летит на запад на высоте ста пятидесяти километров.

Сомнений больше не было. Гости из глубин вселенной решительно опускались. Было похоже, что их колебания, если таковые у них были, окончились, и они уверенно направили свой корабль к поверхности планеты.

— На аэродром — коротко распорядился Куприянов.

— Я останусь здесь, — сказал президент Академии. — Буду принимать сообщения и немедленно передавать вам. Необходимо, хотя бы приблизительно, определить, где они приземлятся.

— Это можно будет почти точно определить, когда мы получим сообщение из

Акмолинска, — сказал Степаненко. — Очень важно знать, в каком направлении и на какой высоте они пролетят над ним.

— Я вам немедленно это сообщу. Счастливого пути, товарищи!

Автомобили всю ночь стояли у подъезда. Шоферы, так же как и участники экспедиции, не смыкали глаз, каждую минуту ожидая своих пассажиров.

Все быстро расселись, и четыре машины, выехав из ворот обсерватории, помчались к аэродрому, до которого было не больше пяти километров.

Куприянов и Степаненко остались на аэровокзале, а остальные направились прямо к самолетам, моторы которых уже работали на малом газу.

Начальник аэропорта провел Куприянова и его спутника в свой кабинет.

Ожидание было непродолжительным. Президент передал телефонограмму из Акмолинска, сообщавшую, что корабль на высоте всего сорока пяти километров пролетел прямо на запад.

— Вылетайте немедленно! Счастливого пути!

Куприянов положил трубку.

— Ну, Владимир Петрович, решайте.

Географ думал недолго.

— Корабль летит вдоль пятьдесят второй параллели, — сказал он — Судя по его скорости снижения и быстроте полета, он должен опуститься по эту сторону Уральского хребта. Я думаю, что он опустится где-нибудь между Саратовом и Курском. Нам надо лететь по направлению к Воронежу.

— Так и сделаем, — сказал Куприянов.

Было уже совсем светло. Как только они вышли на бетонное поле, возле самолетов произошло движение. Летчики поспешно занимали свои места.

Равномерный рокот моторов сразу усилился, перейдя в оглушительный шум. Двухмоторные серебристые птицы нетерпеливо дрожали, удерживаемые тормозами на месте.

— Флагманский самолет второй слева! — крикнул начальник аэропорта, наклонившись к самому уху Куприянова.

— До свидания! — сказал профессор, протягивая руку.

— Счастливого пути! Желаю успеха!

Куприянов и Степаненко поднялись на борт. В самолете находились Штерн и Ляо Сен.

Штурман эскадрильи встретил начальника экспедиции у двери.

— На Воронеж! — сказал Куприянов.

Громче взревели моторы, и флагманский самолет, чуть-чуть покачнувшись, двинулся вперед. За ним тронулись с места и три остальных.

После короткого разбега машины поднялись в воздух и, не делая прощального круга над аэродромом, легли на курс.

Глава вторая

«ОН НЕ ГОЛУБОЙ, А СОВСЕМ БЕЛЫЙ!»

Предположение Степаненко, что космический корабль опустится между Саратовом и Курском, по-видимому, было правильным.

Миновав Акмолинск, он, быстро снижаясь, перелетел Уральский хребет и в шесть часов тридцать минут утра появится над Чкаловом, на высоте двух километров.

Ожидавшие его самолеты Чкаловского аэроклуба поднялись в воздух, и, приветствуя гостей, полетели с ним рядом с обеих сторон.

Учитывая, что космический корабль может двигаться по принципу реактивного движения (хотя позади него не видно было ни малейшего следа), инструктор аэроклуба

рекомендовал летчикам не приближаться к его задней части, чтобы не попасть в мощную струю, которую должен был оставлять за собой этот гигантский шар.

По неизвестной причине (это навсегда осталось тайной) один самолет нарушил это указание и вошел в «кильватер» гостя.

Тысячи зрителей, наблюдавших полет корабля, а также другие летчики видели, как самолет, словно отброшенный вихрем, с огромной скоростью помчался хвостом вперед в обратном направлении, несколько раз перевернулся и со сломанными крыльями рухнул на землю.

Заметил ли экипаж корабля эту катастрофу, которой он был невольной причиной, или им не понравилось приближение непонятных машин, но шар резко увеличил скорость и в несколько секунд оставил все самолеты далеко позади себя.

Точно так же он уклонился от почетного конвоя в Саратове, а затем и в Воронеже.

К обоим этим городам он подлетел на небольшой скорости, но, как только в воздухе появлялись самолеты, корабль увеличивал скорость, упорно оставляя их позади и не подпуская к себе на близкое расстояние.

Экипаж космического корабля будто хотел этим сказать, что просит оставить его в покое и не мешать.

Боялся ли он неизвестных крылатых машин? Опасался ли с их стороны враждебных действий? Это было возможно.

— Они просто хотят, чтобы им не мешали выбрать место и произвести спуск, — сказал Куприянов. — Может быть, они опасаются, что приземление их огромного корабля повлечет за собой такие же катастрофы, как в Чкалове.

— Скорей всего так, — согласился с ним Штерн.

Эскадрилья с экспедицией Академии наук находилась в воздухе уже полтора часа. Радист непрерывно принимал и передавал Куприянову радиogramмы, и флагманский самолет все время находился в курсе всего, что относилось к космическому кораблю.

Когда стало известно, что он на высоте шестисот метров пролетел мимо Воронежа, направляясь дальше на запад, эскадрилья повернула по направлению на Орел — Гомель.

Куприянов, Штерн, Ляо Сен и Степаненко внимательно перечитывали получаемые радиogramмы, стараясь по неполным и отрывочным описаниям составить себе представление о внешнем виде космического корабля. Эти описания передавались со слов летчиков, которые видели его с близкого расстояния и, каждый по-своему, рассказывали о нем.

Было несомненно, что корабль представляет собой геометрически правильный шар голубоватого цвета. (В некоторых радиogramмах его называли белым, в других — голубым.) Было и такое описание, в котором говорилось, что шар «белый как снег при лунном свете».) Летчики сходились на том, что корабль металлический, но определить, что это за металл, никто из них не смог. Сходились также на том, что шар не окрашен. Поверхность шара покрыта небольшими черными пятнами, которых с одной стороны насчитали сорок, а с другой — сорок два.

Но, что было поразительнее всего, — это полное отсутствие чего бы то ни было, хотя бы отдаленно похожего на окна. Все наблюдатели в один голос отмечали эту подробность.

— Но должны же они видеть окружающее! — сказал Ляо Сен. — Может быть, эти черные пятна?..

— Сомнительно, — ответил Штерн. — Что они должны видеть вокруг, это несомненно, но трудно представить себе, зачем могло понадобиться такое большое число маленьких окон. Нельзя забывать, что полеты внутри планетных систем таят в себе опасность встречи с бесчисленными метеоритами, бороздящими межпланетные пространства во всех направлениях. В этом отношении, чем меньше отверстия будет иметь космический корабль, тем лучше. Эти черные пятна — что-то другое.

— Бесполезно гадать, — сказал Куприянов. — Корабль построен не на Земле, и нам все равно не понять его конструкции, пока мы не познакомимся с ним вблизи.

— Может быть, стенки корабля прозрачны для его экипажа, — заметил Степаненко.

— Ну, это уж совсем невероятно, — сказал Штерн — Корабль же металлический.

— Это могло бы быть только в том случае, — ответил географу Куприянов, — если органы зрения этих существ воспринимают невидимую для нас часть спектра. Ультракороткие волны в десятые и сотые доли онгстремов 51 0.

(Онгстрем (Ангстрём) — очень малая единица длины, равная 0,0000001 мм. Употребляется для измерения весьма малых расстояний каковы, например, расстояния между атомами в веществе а также длины световых волн ультракоротковолновой части спектра.)

— Мне кажется, что мы имеем тут дело с техникой телевидения, — сказал Ляо Сен.

— Это самое вероятное Радист вошел в кабину и подал Куприянову очередную радиограмму. Она была из Москвы.

Президент Академии сообщал, что правительство СССР договорилось с Польшей и Германской Демократической Республикой. Если космический корабль опустится на их территории, то экспедиция свободно может отправляться туда.

— Очевидно, в Москве считают, что корабль может вылететь за пределы нашей страны, — сказал Куприянов, прочитав радиограмму. — Но ведь они уже очень низко опустились.

— Очевидно, они прекратили снижение.

— Печально будет, если корабль улетит еще дальше.

— Да, в этом случае наш полет превратится в бесцельную увеселительную прогулку, — сердито подытожил Куприянов.

Пассажиры самолета молча смотрели в окна на расстилавшийся под ними пейзаж, и беспокойные мысли одинаково мучили всех. Ведь экипажу корабля совершенно безразлично, где опуститься. Они не могут знать о том глубоком различии, которое существует между двумя половинами земного шара. Они даже не подозревают, что, если их корабль пересечет двенадцатый меридиан к востоку от Гринвича, их приземление повлечет за собой совершенно иные последствия не только для людей, но и для них самих.

Что они знают о Земле и о жизни на ней? Ничего!

Но прошло минут десять — и настроение пассажиров флагманского самолета поднялось.

Радист принял следующую радиограмму. Из Тима сообщали, что корабль только что пролетел над городом по направлению на Щигры.

— Что за Щигры такие? — недовольно сказал Куприянов. — Надо попросить у летчиков карту.

— И как это вы, географ, и не взяли с собой карты? — ворчливо заметил Штерн, обращаясь к Степаненко.

— Ничего! — ответил тот. — Разберемся и так. Щигры находятся в тридцати километрах от Тима, на северо-запад. Выходит, что корабль круто изменил направление, уклонившись от пятьдесят второй параллели на юг, а потом опять повернул к северу.

— Это верно? — с надеждой в голосе спросил просиявший Штерн.

— Вы не ошибаетесь, голубчик? — сказал Куприянов.

Надежда оживила всех.

— Для нас это очень хороший признак, — сказал Ляо Сен. — Раз корабль начал менять направление полета, — это может означать только одно: они выбирают место для посадки.

— Курская область, — продолжал Степаненко, — подходящее место для приземления такого огромного корабля. Там местность равнинная. А лесистость всего около восьми процентов.

Куприянов попросил штурмана повернуть больше к югу. Распоряжение было передано по радио другим самолетам, и эскадрилья изменила курс.

Вскоре поступило еще более интересное сообщение. Курск радиовал, что из районного центра Золотухино, находящегося в сорока километрах на север, поступила телефонограмма о том, что корабль вот уже минут десять медленно кружится над городом на

высоте в двести метров. Вокруг Золотухино поднялась настоящая буря. Ураганный ветер, идущий от корабля прямо вниз, поднял тучи земли и пыли, которые закрыли весь горизонт так, что город находится в полумраке. Жители попрятались, и жизнь замерла. Ветер валит телеграфные столбы, срывает крыши с окраинных домов. С Курского аэродрома вылетели самолеты, так как телефонная связь с Золотухино внезапно прервалась.

— Все столбы повалили! — сказал Штерн. — Веселенькая история.

Становилось очевидным, что дело идет к концу. Космический корабль решил опуститься. Но зачем он кружится над этим небольшим городком? Неужели его экипаж не понимает или не желает обратить внимание на то, что под ними населенный пункт? С высоты двухсот метров они не могут не видеть домов и улиц.

— Чуждая психология... Чуждый разум, — проворчал Штерн, яростно расправляя бороду обеими руками.

— Вокруг города пшеничные, картофельные и конопляные поля... — сказал Степаненко.

Никто не отозвался на его замечание. Взволнованные и мучимые нетерпением, ученые не отрывались от окон.

С высоты, на которой они находились, местность очень медленно, как им казалось, уходила назад. Самолеты пролетали мимо Орла, окраины которого смутно виднелись на горизонте. До Золотухино оставалось около ста километров.

С борта самолета, вылетевшего из Курска, передали через Москву длинную радиограмму, в которой сообщалось, что космический корабль опустился на землю в десяти километрах к югу от Золотухино и в пяти километрах от линии железной дороги Орел — Курск. Он сел на конопляное поле и при этом поднял такую громадную тучу земли, смешанной с вырванными кустами, что она поднялась на километр вверх.

Зная, что к месту приземления летит эскадрилья с научной экспедицией, летчик дополнительно сообщил, что рядом с полотном железной дороги, с западной стороны, имеется хорошее ровное поле, пригодное для посадки, и что он и три другие самолета сейчас опустятся там и встретят эскадрилью.

— Молодец! — сказал штурман, когда Куприянов показал ему эту радиограмму. — Видно, что опытный летчик. Золотухино! — сообщил он, заглянув в окно.

Все бросились к левым окнам. Самолеты начали снижаться, и небольшой город был виден как на ладони. Левее города медленно оседала на землю громадная черная туча.

— Передайте на самолет ТАСС, чтобы они засняли эту тучу, — сказал Куприянов.

— Снимаем! — ответили оттуда.

Четверо ученых напряженно вглядывались, стараясь найти корабль. Когда самолеты немного повернули в сторону, направляясь к месту посадки, они увидели его. Небольшой, как им в первую минуту показалось, белый шар резко выделялся на зеленом поле. Поднятую им тучу уже отнесло в сторону ветром.

— Он не голубой, а совсем белый, — сказал Куприянов.

— По-моему, чуть-чуть голубоватый, — ответил Штерн. Машины разворачивались. Внизу были видны четыре самолета, стоявшие по углам обширного четырехугольника. В центре этого поля четко выделялось посадочное «Т».

— Быстро они управились, — сказал штурман — Все как полагается.

Флагманский самолет первым пошел на посадку. Едва не коснувшись посадочного знака, он мягко пробежал по полю и отрулил в сторону, давая место следующему. Один за другим сели остальные.

Открылись двери, и на землю начали выскакивать члены экспедиции. Как по команде, все побежали к полотну железной дороги. Убеленные сединами академики наравне с

молодежью, как дети, бежали по полю. Вместе с ними туда же устремились и экипажи самолетов.

Высокая насыпь закрывала горизонт — и корабля не было видно. Только добежав до насыпи, Куприянов вспомнил, что корабль опустился в пяти километрах от железной дороги. И действительно, когда задыхающиеся люди взобрались на полотно, они были разочарованы. Белый шар был еле виден почти на самом горизонте. Но все же они долго стояли и молча смотрели на маленький шарик, на поверхности которого солнце зажгло нестерпимо блестящую точку.

«НИКТО НЕ БУДЕТ ПРОПУЩЕН!»

Больше получаса участники экспедиции, корреспонденты и летчики простояли на насыпи, молча всматриваясь в маленький белый шар, заключавший в себе великую тайну, принесенную на Землю силой разума неведомого мира.

Молодые ученые Широков, Синяев и некоторые из корреспондентов выразили желание немедленно идти к кораблю. Куприянов категорически запретил подобную экскурсию.

— Все в свое время, — сказал он.

Вернувшись в самолет, он послал длинную радиogramму президенту Академии наук, в Москву.

Было только восемь часов утра, но солнце стояло уже высоко и было жарко. Члены экспедиции расселись прямо на траве, и Куприянов обратился к ним с маленькой речью. Он просил воздержаться от необдуманных действий, вроде предложенного похода к кораблю, и рассказал содержание полученных им во время полета радиogramм.

— Прибытие этого корабля, — сказал он, — уже стоило жизни одному человеку и нанесло большой вред городу и населению Золотухино. Мы не знаем, каков моральный облик наших гостей и как они собираются относиться к нам. Я верю, что существа, сумевшие построить такой корабль и осуществить межпланетный полет...

— Межзвездный, — поправил Штерн.

— Межзвездный полет, должны стоять на высокой ступени развития. Возможно, что все несчастья произошли случайно и наши гости в них не виноваты, но все же соблюдать элементарную осторожность мне кажется необходимым. Я прошу всех не покидать этого аэродрома и терпеливо ждать. Самолеты, — обратился он к летчикам, — пока останутся здесь. Не как руководитель экспедиции, а как врач, я настоятельно рекомендую всем немного соснуть после бессонной ночи. Это будет самое лучшее.

Никаких возражений не последовало. Большинство ученых забрались обратно в самолеты. Некоторые улеглись в тени крыльев, прямо на земле.

Нервное состояние, в котором все находились так долго, естественно сменилось усталостью, и вскоре со всех сторон послышался храп.

Куприянов тоже устал, но считал себя не вправе последовать примеру своих товарищей. Он уже в полной мере чувствовал ту ответственность, которая так тяжело ложится на руководителей. Он знал, что все равно не заснет, пока не убедится, что сделано все, что нужно, чтобы участники экспедиции могли спокойно и по возможности удобно устроиться на новом месте.

Он решил слетать к кораблю и посмотреть, что происходит около него. Военные самолеты, встретившие экспедицию, еще не улетели, и Куприянов обратился к летчикам со своей просьбой.

— Пожалуйста, товарищ профессор, — ответил ему молодой краснощекий летчик с погонами старшего лейтенанта. — Мой самолет двухместный.

Куприянов с трудом втиснул свое солидное брюшко в узкую кабину военного самолета. Летчик с невозмутимо серьезным лицом (только глаза его озорно смеялись) помог профессору устроиться на сидении и, чуть коснувшись ногой крыла, впрыгнул на свое место.

— На какой высоте прикажете вести машину? — спросил он.

— Мне бы хотелось облететь шар кругом, сначала сверху, потом внизу, — ответил Куприянов. — Если это можно. И поближе.

— Слушаюсь! — ответил летчик.

Винт бешено завертелся. Машина дрогнула и, сорвавшись с места, как показалось профессору, без разбега, оторвалась от земли.

Куприянову никогда не приходилось летать на военных самолетах, а на современных скоростных — тем более. Он не успел сообразить, что произошло, как увидел, что белый шар, быстро увеличиваясь в размерах, вплотную приблизился к самолету, на мгновение куда-то исчез и вдруг оказался над головой. Земля очутилась не внизу, где ей полагалось находиться, а сбоку. Все смешалось в какой-то бешеной карусели. Самолет, описав вокруг шара круг (одно крыло к земле, второе к небу), пошел на второй, опустившись почти до земли. Не в силах что-либо рассмотреть в этом сплошном круговороте, где невозможно было понять, где небо, где земля и где шар, Куприянов закрыл глаза и, махнув на все рукой, ждал конца этого сумасшедшего полета. Почувствовав, что самолет летит горизонтально, он открыл глаза и увидел, что они уже опускаются на аэродром. Он был ошеломлен и раздосадован на неуместную шутку, которую (как он думал) сыграли с ним. Но, пока самолет отруливал к месту стоянки, он сообразил, что не летчик, а он сам виноват во всем, когда попросился на военный самолет, не подумав о его скорости. Он понял и оценил замечательное искусство пилотирования, которое продемонстрировал ему этот молодой парень, буквально выполнивший его легкомысленную просьбу облететь шар «поближе». Чувство досады сменилось в нем восхищением перед мастерством летчика.

— Спасибо! — сказал он, когда мотор был выключен и наступила тишина.

— Правда, я ничего не видел, но зато я знаю теперь, что такое военный самолет.

— Это истребитель, товарищ профессор, — извиняющимся тоном сказал старший лейтенант. Он чувствовал себя виноватым, что не предупредил профессора перед стартом. — Он не может лететь медленнее. Я не подумал, что вы, может быть, не привыкли ориентироваться в воздухе. Я прошу вас не сердиться на меня.

— Нисколько не сержусь, — сказал Куприянов. — Мне только досадно, что я не видел то, что хотел увидеть.

— Шар лежит неподвижно, — сказал летчик, — и около него никого нет. Эта махина не имеет ни одной двери и ни одного окна. Я его очень внимательно рассмотрел. Сплошной металлический шар. Но в километре от него я видел большую толпу, которая, по-видимому, направляется из Золотухино.

— И вы успели все это увидеть? — сказал Куприянов.

Он вылез из машины и тут только заметил, что рядом с летчиками на траве сидит академик Штерн.

— Ну, как прошла разведка? — спросил старик и, не выдержав, громко расхохотался. — Много видели?

Куприянов улыбнулся и, заметив, как старший лейтенант подмигнул ему, серьезно ответил:

— Достаточно. Возле шара нет никого. Экипаж еще не выходил. Меня беспокоит другое. К кораблю подходят жители Золотухино. Их нельзя туда допускать.

— Вот как! — удивился Штерн. — Вы, оказывается, опытный летчик.

Куприянов посмотрел на своего пилота, и оба рассмеялись.

— Нет, Семен Борисович, я не опытный летчик и ничего не видел. Все это мне рассказал товарищ старший лейтенант. Но что нам делать с этими людьми?

— Остановить.

— Разрешите выполнить? — сказал старший лейтенант.

— Ах, голубчик, пожалуйста! — обрадованно сказал Куприянов. — Но как вы это сделаете?

— Посажу машину на дорогу и остановлю их. Мы слетаем вдвоем, — прибавил он.

— Буду вам очень благодарен. Скажите им, что приближаться к шару опасно.

Через несколько секунд два самолета поднялись в воздух и исчезли за высокой насыпью железной дороги.

— Поезд идет, — сказал Штерн.

Куприянов обернулся и увидел длинный товарный состав. Поравнявшись с аэродромом, поезд остановился, и из вагонов, как из мешка, посыпались солдаты. В одну минуту состав опустел и возле насыпи выстроилась воинская часть. Два человека отделились от нее (Куприянов догадался, что это командиры) и направились к самолетам. Шедший впереди пожилой подполковник, увидев кучку людей, среди которых бросалась в глаза огромная борода Штерна, повернул к ним.

— Вы начальник экспедиции? — обратился он к Штерну.

— Нет, это я, — сказал Куприянов.

Подполковник четко взял под козырек. Стоявший на полшага позади него капитан сделал то же. Куприянов, не зная, как отвечать на такое официальное приветствие, тоже поднял руку и приложил ее к своей мягкой шляпе. За его спиной послышался смех летчиков. (Эти молодые, здоровые ребята смеялись по всякому поводу.)

— По приказу министра обороны, — сказал подполковник, — стрелковый полк прибыл в ваше распоряжение, товарищ начальник экспедиции. Командир полка, подполковник Черепанов.

— Это очень, очень хорошо, — сказал Куприянов. — Вы нам до зарезу нужны. Необходимо организовать охрану корабля. Сделать так, чтобы к нему никто не мог подойти. Окружить его кольцом.

— Понимаю!

— Но будьте и сами осторожны. Не ставьте людей близко к кораблю. Метров за двести, я думаю, и лучше, чтобы люди не стояли, а сидели или лежали.

— Вы ожидаете от этого корабля враждебных действий?

— Нет, я не думаю этого, но на всякий случай...

— Ясно, — сказал подполковник. — Товарищ капитан, ведите полк! — повернулся он к своему спутнику.

— Слушаюсь!

Капитан повернулся и пошел обратно к насыпи.

Паровоз дал свисток, и поезд тронулся. Стрелковый полк длинной лентой стал переходить полотно железной дороги. Куприянов заметил, что кинооператор тоже пошел с полком.

— Только бы он не сунулся к кораблю! — сказал он озабоченно.

— Без вашего разрешения, — сказал подполковник, — никто не будет пропущен через цепь.

БЕЛЫЙ ШАР

Недалеко от импровизированного аэродрома проходило шоссе, и на нем вскоре показалась длинная автоколонна. Впереди шло несколько легковых автомобилей. Поравнявшись с аэродромом, машины остановились. Несколько человек подошли к самолетам.

— Кто из вас профессор Куприянов? — спросил высокий, плотный мужчина, в легком сером костюме. — Ах, это вы! Здравствуйте, профессор! Я секретарь Курского областного комитета партии, Козловский Николай Николаевич, — отрекомендовался он. — Ну, как дела? А, вы уже здесь! — обратился он к командиру полка. — А люди где?

— Направлены на охрану космического корабля.

— Хорошо! — Козловский повернулся к военным летчикам. — А вы что тут делаете?

— Были направлены командованием на разведку места приземления космического корабля, — ответил старший из летчиков. — Потом нашли площадку для посадки самолетов эскадрильи и встретили ее.

— Молодцы! — сказал секретарь обкома. — Ну, а вы, профессор? Что вы думаете делать? Так и будете стоять посреди поля? А если дождь пойдет?

Он быстро задавал вопросы, внимательно слушал ответы, глядя прямо в лицо говорившего и одновременно зорко оглядывая все вокруг. (Посмотрев на бороду Штерна, он чуть заметно улыбнулся.) Было видно, что он очень доволен прекрасным днем, прилетом экспедиции и тем, что все так хорошо и быстро делается. Куприянову очень понравился этот энергичный человек.

— Я ожидаю ответа от президента Академии наук на мою радиограмму, — ответил он.

— Этот ответ вместо вас получил я, — сказал Козловский. — Вот, — он указал на автоколонну. — Мы привезли вам все, что необходимо для устройства лагеря. Вы только покажите место, а мы вам быстро все сделаем. У вас утомленный вид, товарищ Куприянов, — прибавил он.

— Что ж тут удивительного! Не спал со вчерашнего дня. Ну, да это не так важно.

— Как не важно? Все важно, дорогой товарищ. Впрочем, все мы тоже не спали сегодня ночью. Какой уж тут сон! Где же будем разбивать лагерь? Здесь?

— Нет. Лагерь надо поставить ближе к кораблю.

— В таком случае поехали! Самолеты отправляйте обратно в Москву. Вы,

— повернулся он к военным летчикам, — возвращайтесь в свою часть. Вам тут больше нечего делать. Ваши машины, товарищ подполковник, пришли с нами. Вон они, в конце колонны. Кто у вас заведует хозяйством, товарищ Куприянов?

— Пока еще никто.

— Назначьте кого-нибудь. А где члены экспедиции? Сколько их?

Слушая эти градом сыпавшиеся вопросы и распоряжения, Куприянов, Штерн, корреспонденты и летчики повеселели. Секретарь всем понравился. Люди, приехавшие с ним, стояли с серьезными лицами и ждали приказаний. Они, видимо, уже привыкли к характеру своего руководителя.

— Члены экспедиции спят, товарищ Козловский, — ответил Куприянов. — Нас одиннадцать человек. И пятеро корреспондентов.

— Всего шестнадцать. Хорошо! Багажа у вас, вероятно, не много? Мы доведем вас на машинах. Так кто же все-таки будет завхозом?

— Лучше назвать комендантом, товарищ секретарь, — сказал подполковник.

— Ладно, пусть будет комендант. Так кто же?

Куприянов вспомнил о своем ассистенте.

— Широков Петр Аркадьевич, — сказал он.

— Давайте его сюда.

Куприянов обратился к корреспондентам и попросил их разбудить членов экспедиции.

— Когда улетят самолеты, — сказал он Козловскому, — мы потеряем возможность радиосвязи с Москвой.

— С нами передвижная радиостанция, — ответил секретарь.

Участники экспедиции один за другим подходили к ним. Куприянов называл их фамилии, и Козловский со всеми здоровался за руку.

Два самолета, поднявшиеся в воздух, чтобы остановить жителей Золотухино, вернулись обратно, и старший лейтенант доложил Куприянову, что задание выполнено.

— Полк уже на дороге, — сказал он. — К кораблю никто не подойдет.

— От любопытных вам не будет отбоя, — сказал Козловский — Все жители Курска, Золотухино, Свободы, Фатежа, Щигров побывают здесь. Да из Орла будут приезжать. И из других мест. Придется построить тут полустанок. А это вы, товарищ Широков? — сказал он, когда Куприянов представил ему молодого ассистента. — Вы назначены комендантом

лагеря. Самый лагерь мы вам построим, а вам надо позаботиться об остальном. Охрана, пропускной режим, — говорил он, не обращая внимания на ошеломленный вид Широкова, — распорядок дня, размещение членов экспедиции. Кухни и продукты на машинах. Повара тоже. Вы кто по специальности?

— Врач. Кандидат медицинских наук.

— Очень хорошо! Удачный выбор, — кивнул секретарь Куприянову. — Прежде всего позаботьтесь о питании. Уверен, что все ходят голодные. Василий Семенович, — обратился он к одному из своих спутников, — помогите молодому человеку на первых порах. Он скоро освоится. А вы, — обратился он к другому, — освободите все легковые машины для научных работников. До места лагеря поедете на грузовых.

— Зачем же? — сказал Куприянов. — Мы отлично доедем на чем угодно. Тут недалеко.

— Мы хозяева, вы гости, а гость хозяину не указчик. Машины не могут переехать через насыпь железной дороги, переезд же находится в шести километрах отсюда. Так что не так уж близко. Молодежь, вроде вашего коменданта, поедет на грузовиках, остальные — на легковых. У нас всего-то пять легковых машин.

Военные самолеты уже улетели, а те, которые привезли экспедицию, разворачивались на старт. Штурман флагманского самолета подошел к Куприянову и от имени личного состава эскадрильи пожелал ему удачи.

— Прощайте, голубчик! — сказал профессор. — Большое вам спасибо!

— Передайте привет Москве, — сказал Козловский.

Двухмоторные серебристые красавцы один за другим поднялись в воздух и, сделав круг над аэродромом, влетели на север. Поле опустело.

— Первый этап вашей экспедиции закончен, — сказал Козловский.

Машины медленно продвигались по узкой и извилистой проселочной дороге между двумя высокими стенами созревающей пшеницы. Тяжелые колосья бились о борта, и позади колонны дорога была усеяна сочными, крупными зернами.

— Каков урожай? А? Вы только посмотрите на эту красоту! — говорил Козловский.

Широким жестом он показывал на бесконечные просторы колхозных полей.

— Это колхоз-миллионер «Путь к коммунизму». В нем одних только Героев Социалистического Труда восемнадцать человек.

Машину отчаянно качало на ухабах и колдобинах Куприянов, Штерн и Ляо Сен поминутно валились друг на друга и потому не могли с должным энтузиазмом отнестись к словам секретаря обкома.

— Этому колхозу-миллионеру следовало бы хоть дорогу починить, — сердито говорил Штерн.

Козловский весело рассмеялся.

— Назвался груздем, — сказал он, — полезай в кузов! Ваш корабль мог опуститься в таком месте, где дорог вообще нет. Скажите спасибо, что едете в машине, а не идете пешком.

— Чем так трястись, лучше... о черт! — выругался Штерн, когда при очередном толчке Куприянов и Ляо Сен одновременно навалились на него.

— Здесь автомашины не ходят, — сказал шофер. — Тут есть другая дорога, параллельная этой.

— Так почему же поехали именно по этой?

— Потому что космический корабль опустился как раз на эту дорогу, — ответил Козловский. — Она нас прямо к нему выведет.

Пшеничному полю не было конца. Автомобили, как лодки, плыли по желтым волнам.

— Хорошо, что хоть здесь посева не пострадали, — сказал Козловский.

— Ближе к городу совершенно уничтожено свыше тысячи га.

В его голосе прозвучала такая искренняя грусть, как будто он сам был председателем

того колхоза, которому принадлежали погибшие посе́вы.

Внезапно, вслед за крутым поворотам, желтые стены раздвинулись и словно разбежались в обе стороны, открыв взору широкий простор равнины. Прямо впереди, в километре расстояния, четко вырисовывался на фоне неба исполинский белый шар, с едва заметной голубизной, ярко освещенный солнцем. Непонятным и загадочным выглядел он среди этой обычной русской равнины.

Шофер остановил машину.

— Мм-да! — сказал Козловский после нескольких минут молчания.

Сзади слышались нетерпеливые гудки.

— Ну, ладно, поехали! — секретарь обкома с шумом выдохнул воздух и покачал головой. — Такое только во сне может присниться.

Одна за другой выходили машины из моря пшеницы, и каждая, словно в изумлении, останавливалась на несколько секунд. Люди молча смотрели на шар, потом переводили глаза на засеянные поля, словно хотели убедиться, что родная природа по-прежнему окружает их.

Белый шар был реальной действительностью, но каждый невольно задавал себе вопрос, — не во сне ли он видит эту картину?

В передней машине первым нарушил молчание Ляо Сен.

— Вы обратили внимание, — сказал он, — что корабль опустился в таком месте, где до самого горизонта не видно ни одного населенного пункта?

— Да, место выбрано далеко не случайно, — сказал Куприянов.

Дорога стала гораздо лучше, но колонна все так же медленно, словно крадучись, приближалась к шару. С этого расстояния уже отчетливо были видны те черные пятна, о которых говорили радиogramмы. Они были расположены по поверхности шара не как попало, а в строгом порядке. Слово «пятно» не подходило к их внешнему виду. Они были правильной круглой формы и совершенно черные, что резко подчеркивалось белым корпусом корабля. Каждое «пятно», насколько можно было судить на расстоянии, имело около метра в диаметре.

Когда колонна приблизилась на пятьсот метров, стало видно, что чудовищный мяч на одну десятую часть корпуса погрузился в землю. Было ли это следствием его тяжести или выходящий из него с огромной силой поток неизвестного газа (тот ураганный ветер, который произвел опустошения в Золотухино), удерживая корабль от падения, вырыл под ним этот котлован, сказать было нельзя. Может быть, действовали обе причины.

— Остановимся вот здесь, — почему-то вполголоса сказал Козловский. — Место вполне подходящее.

Он указал на пять или шесть берез, одиноко стоявших среди конопляного поля.

— Хорошо, — ответил Куприянов.

И вдруг из зеленой конопли появились сотни людей. Это было так неожиданно, что натянутые нервы выдержали не у всех. В колонне слышались крики. Некоторые судорожно закрыли лицо руками.

Куприянов вздрогнул, но сразу понял, что это не существа, вышедшие из космического корабля, как в первую секунду подумали многие и он сам, а просто солдаты полка, который расположился на этом месте. Люди лежали на земле, и конопля скрывала их. Когда подошли машины, они поднялись по команде, которую не слышали в колонне, и одновременным движением создали этот театральный эффект.

Место действительно было удобное. Корабль был виден отсюда как на ладони. Конопляное поле кончалось у берез, а дальше тянулась незасеянная, поросшая травой полоса невспаханной земли. Метрах в двухстах от деревьев протекал ручей с чистой прозрачной водой, берега которого заросли кустами малины.

— Место для лагеря идеальное! — сказал Козловский и, подзвав своих помощников, дал приказание разгружать машины и начинать работу. — К семи часам вечера все должно быть закончено.

Подполковник Черепанов предложил помощь своих людей. У корабля находился в

карауле всего один батальон.

— Очень хорошо! — сказал Козловский.

— Ну, как там? — спросил Куприянов у знакомого уже капитана, кивнув на шар.

— Никакого движения. Можно подумать, что в нем никого нет, — ответил офицер.

При таком количестве работников дело пошло быстро. До срока оставалось еще два часа, а уже на травяном поле вырос целый полотняный город. Просторные палатки экспедиции стояли ближе к шару, а за ними ровными рядами выстроились палатки военного лагеря. На берегу ручья задымили походные кухни полка и заканчивалась постройкой кухня экспедиции.

Привычные к лагерной жизни офицеры быстро навели воинский порядок. У традиционных «грибов» встали часовые. Всюду мелькала озабоченная фигура дежурного по полку с красной повязкой на рукаве.

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Пока строился лагерь, Куприянов, посоветовавшись со своими заместителями, решил на то, чего настойчиво требовали от него корреспонденты и многие члены экспедиции, — подойти к шару и осмотреть его с близкого расстояния. Он решил на это скрепя сердце. Какое-то смутное чувство, в котором он сам не мог разобраться, предостерегало его от этого. То был не страх, а какое-то другое, более сложное чувство.

С ним пошли Лебедев, Ляо Сен, Аверин, Смирнов и Манаенко. Кинооператор и один корреспондент присоединились к ним. Штерн не пожелал участвовать в экскурсии.

— Мне трудно идти, — сказал он. — Устал.

Куприянову показалось, что старый астроном сказал это только для того, чтобы найти какой-нибудь предлог, но что у него есть другая, более серьезная причина. В нем опять проснулись сомнения, но ему не хотелось менять принятого решения.

— Идите. Никакой опасности нет, — сказал Штерн, словно угадав его мысли.

Маленькая группа вышла на дорогу и направилась к шару. В двухстах метрах от цели они были остановлены часовым, который неожиданно вырос на их пути. Он категорически отказался пропустить их. Пришлось остановиться и послать за караульным начальником.

Офицер проверил документы Куприянова и, только убедившись, что перед ним действительно начальник экспедиции, приказал часовому дать дорогу.

— Когда вам надо пройти к кораблю, — сказал он, — берите пропуск, товарищ профессор.

— Хорошо! — сказал Куприянов.

Ему нравилось, что эти люди так строго выполняют его просьбу никого не допускать к шару.

Часовой отошел в сторону и снова спустился в маленький, недавно вырытый окопчик. Куприянов знал, что часовые стоят вокруг всего шара на расстоянии двадцати шагов друг от друга, но, сколько ни смотрел по сторонам, никого не видел. Офицер повернулся и, даже не посмотрев на корабль, пошел обратно, к лагерю. Было очевидно, что за те несколько часов, которые они провели здесь, солдаты и офицеры успели наглядеться на космический корабль и теперь он уже не вызывал у них интереса. Это был обычный, правда не совсем понятный, военный объект, который им было приказано охранять, и они делали это с привычной добросовестностью.

Пока ожидали офицера, кинооператор установил свой аппарат и снимал шар. Проверку документов он тоже запечатлел на пленку. Некоторое время он снимал вслед группе ученых, потом вскинул аппарат на плечо и бегом догнал их.

По мере того, как они подходили все ближе и ближе, корабль словно вырастал вверх, закрывая собой небо. На его гладкой, точно отполированной, поверхности не заметно было ни одного шва. Словно на чудовищной величины токарном станке из одного куска белого металла выточили исполинское ядро и бросили его на Землю.

Черные пятна вблизи оказались круглыми отверстиями, закрытыми толстой решеткой. За ее прутьями была тьма. Кроме этих отверстий, не видно было никаких других: ни окон, ни дверей.

Куприянов и его спутники остановились в двадцати метрах от шара и молча смотрели на него. Кругом стояла полная тишина. Сколько они ни прислушивались, ни единого звука не слышно было из-за металлических стенок. Эти стенки безусловно были металлические, но такого металла на Земле не существовало.

— Сплав, — тихо сказал Смирнов.

— Что? — спросил не расслышавший Куприянов.

— Я говорю, что это какой-то сплав.

— Возможно.

И опять все замолчали.

Громадный шар был неподвижен и казался безжизненным. Но не мог же он прилететь на Землю один, без живых существ. Кто-то находился в нем! Что они делают сейчас и что намерены предпринять дальше? Может быть, существа, находящиеся внутри, и не собираются выходить из своего корабля, и он вдруг поднимется и улетит с Земли, продолжая свой путь по дорогам вселенной?

Невозможно было сомневаться, что экипаж корабля как-то видит то, что его окружает. Все его поведение при спуске на Землю доказывало это. Может быть, и сейчас чьи-то глаза (или что бы это ни было) внимательно наблюдают за людьми, подошедшими к шару?

При этой мысли Куприянов почувствовал себя неуютно. Он ясно представил себе, что произойдет, если кораблю вздумается именно сейчас подняться, и понял, что это подсознательное опасение и было причиной его колебаний, — подходить к шару или нет.

Экипаж корабля безусловно видит, что около него собралось много людей. Если им это не нравится и они решат перелететь на другое место, то обратят ли они внимание на то, что рядом, с кораблем стоят восемь человек? Может быть, подобная мысль и не придет им в голову («Если у них есть голова», — подумал Куприянов) и они просто поднимут шар в воздух, не заботясь о том, что будет с хозяевами этого места. Исполинский корабль весит, вероятно, сотни тонн, и, чтобы поднять его, нужна чудовищная сила. Люди, неосторожно подошедшие к кораблю, будут сметены этой силой.

Профессору захотелось немедленно уйти отсюда, даже убежать со всех ног, но вместо этого он спокойно сказал:

— Надо обойти шар кругом.

— От же бисова дитына! — вдруг сказал Манаенко. — Страшно!

Он рассмеялся и пошел вперед. Остальные двинулись за ним.

Они не прошли и тридцати шагов, как профессор Смирнов вдруг приглушенно вскрикнул и остановился.

— Смотрите! — прошептал он.

Но все уже увидели...

Замерев на месте, люди не спускали глаз с того, что происходило перед ними...

На высоте шести — семи метров от земли часть поверхности шара сдвинулась с места и сначала медленно отошла внутрь, а затем скользнула в сторону. Образовалось темное круглое отверстие не более тридцати сантиметров в диаметре.

— Щоб я вмер... — прошептал Манаенко. (Он всегда говорил по-русски, но в эту минуту крайнего напряжения невольно перешел на родной язык).

Несколько секунд отверстие в оболочке шара зияло чернотой. Потом в нем что-то показалось. Медленно выдвинулся длинный тонкий стержень. На его конце был какой-то предмет, похожий формой на цилиндр. Послышалось металлическое пощелкивание. Потом что-то громко стукнуло и стержень с цилиндром также медленно стал уходить обратно. Опять появилась круглая крышка и закрыла отверстие.

Все приняло прежний вид, но люди все так же стояли и молча смотрели на гладкую оболочку шара. Они не знали, что произошло, не знали, что представляет собой виденный

ими цилиндр, но самый факт несомненно разумного действия, первое проявление жизни внутри корабля глубоко потрясло их.

Только через несколько минут они почувствовали себя в силах продолжить обход шара. Корреспондент с киноаппаратом вдруг начал ругаться и ударил самого себя кулаком по лбу.

— Шляпа! — бормотал он.

— В чем дело? — спросил Куприянов.

— Зазевался, как болван, и не заснял этого... ну, как его?..

— Это дело поправимое, — утешил его Куприянов..

Хотя то, что он сказал, было бессмысленно, но корреспондента почему-то успокоили его слова.

Обойдя шар кругом, они вернулись на то место, откуда видели появление цилиндра, и около получаса стояли там в ожидании, не повторится ли то же явление. Но ничего больше не случилось.

— Пошли! — сказал, наконец, Куприянов. По мере того, как они удалялись от шара, их волнение проходило и разговоры становились оживленнее.

Куприянова неотвязно мучил нерешенный (и пока явно неразрешимый) вопрос о том, было появление цилиндра каким-нибудь сигналом, адресованным к ним или нет? Случайно ли он появился именно тогда, когда они проходили мимо? Или экипаж корабля намеренно сделал это, желая показать, что внутри находятся разумные существа? Если это был сигнал, то что он означает?..

Погруженный в эти мысли, он не слушал, что говорили между собой его спутники, как вдруг слова профессора Аверина дошли до его сознания.

— ...взятие проб воздуха, конечно, обязательно для них, — говорил химик — Они не могут выйти из шара, не зная состава нашей атмосферы.

Куприянов даже остановился

— Ну, хорошо! — сказал он — Я согласен с вами, что это было взятие пробы воздуха. Но почему они сделали это именно тогда, когда мы были рядом?

Аверин удивленно посмотрел на него.

— Мне не пришло в голову, — сказал он, — что этот цилиндр и был как раз аппаратом для взятия пробы. Я говорил вообще. Пожалуй, вы правы, Михаил Михайлович.

— Они видели, что мы рядом, и сделали это. Почему?

— Может быть, сигнал...

— Вот именно, — сказал Куприянов. — Может быть, они хотели подать нам сигнал.

— Если так, — сказал Смирнов, — то у них должно было остаться плохое мнение о нас. Мы стояли разиня рот...

Манаенко засмеялся. Куприянов недовольно посмотрел на него. Привычка этого человека смеяться, когда не следовало, раздражала его. Он ничего не ответил Смирнову и быстрым шагом пошел к лагерю.

Широков встретил их у первой палатки.

— Ну что? — спросил он. — Как?

Куприянов махнул рукой и нахмурился. Широков хорошо знал все оттенки выражения его лица и сразу понял, что профессор чем-то очень недоволен и что сейчас лучше ни о чем его не спрашивать.

— Обед готов, товарищи! — Широков хозяйским жестом показал на большую палатку, стоявшую поодаль. — Прошу вас!

— Где Штерн? — спросил Куприянов.

— В вашей палатке. Но я посоветовал бы вам пообедать, Михаил Михайлович.

По многолетнему опыту совместной работы с Куприяновым он знал, что, когда профессор бывает в таком состоянии, как сейчас, то самое лучшее делать вид, что не замечаешь этого. Нужно только не затрагивать тех вопросов, которые испортили ему

настроение, и тогда это быстро пройдет.

— Прошу вас, — повторил он еще раз.

Куприянов молча повернул к указанной палатке.

По дороге в столовую Широков подробно расспросил Ляо Сена обо всем, что они видели у шара. Китайский ученый спокойно и обстоятельно удовлетворил его любопытство. Он говорил ровным голосом на чистом, даже чересчур чистом, русском языке. (Этот выдающийся лингвист свободно владел восемнадцатью языками.) Но из его рассказа Широков так и не понял, почему начальник экспедиции вернулся в таком дурном настроении.

Между тем профессор вошел в палатку и свободно вздохнул, когда увидел, что, кроме Штерна, там никого не было. Просторная палатка казалась очень уютной. Посередине стоял хороший стол и мягкие стулья. Возле четырех кроватей были тумбочки. Над столом висела электрическая лампа под абажуром... (Подходя к палатке, Куприянов видел, как связисты полка тянули провода.) Штерн сидел у стола и при входе Куприянова поднял голову от книги.

— Ну что?

Куприянов волнуясь рассказал про все, что они видели, и о своих мыслях на обратном пути. Штерн внимательно слушал.

— Вы хорошо слышали это пощелкивание? — спросил он. — Может быть, это был голос живого существа?

— Нет. На голос этот звук был совсем не похож. Если бы вы были с нами...

— Но я не был с вами, — поспешно перебил Штерн. — Так вы думаете, что это был сигнал? А может быть, просто взятие пробы воздуха?

— Кондратий Поликарпович тоже высказал такое предположение. Но почему они сделали это именно при нас? Ведь они наверняка нас видели!

— Да, — сказал Штерн. — Это серьезный довод. Ну что ж, когда они выйдут из корабля, мы это узнаем.

— Так вы не думаете, что они улетят, не выходя к нам? Ведь мы никак не реагировали на их сигнал. Ни одним движением! Стояли и смотрели... как баран на ворота.

— Я думаю одно, — сказал Штерн. — Существа, построившие подобный корабль, в умственном отношении не ниже нас с вами. А если так, то они должны были понять ваше состояние. Они опустили и выйдут. Они вас видели

— это несомненно, — и доказали вам это. С их точки зрения появление цилиндра вполне достаточное доказательство.

— Если бы так, — сказал Куприянов. — Почему вы не пошли с нами, Семен Борисович?

— А может быть, это был фотоаппарат? — не отвечая на вопрос, сказал Штерн. — Может быть, они вас просто сфотографировали?

— Это тоже возможно. Мне кажется, что если бы вы были с нами, то поняли бы больше, чем мы.

Куприянов с удивлением увидел, что старый астроном вдруг покраснел.

— Вы трижды спросили меня об одном и том же, — сказал он спокойно. — Думаю, что мне следует объясниться, иначе вы можете подумать, что старик струсил. Видите ли, я был уверен, что они вас увидят. Вы были первые люди, которых они увидели вблизи. Мне казалось, что не следует... Я не хотел показывать им такой образец человеческой расы, как я.

— О господи! — вырвалось у Куприянова. — Что за дикая мысль!

— Каждому следует правильно оценивать себя, — сказал Штерн. — Они должны были увидеть таких людей, каких большинство на Земле. А я... не совсем обычная фигура... Несколько анахроничен.

Куприянов невольно рассмеялся.

— Чудите, Семен Борисович! Они все равно вас увидят.

— Потом не важно, — улыбнулся астроном. — Первое впечатление много значит.

Куприянов замолчал. Объяснение старого академика показалось ему и смешным и трогательным.

— Идите обедать! — сказал Штерн. — И не волнуйтесь! Они выйдут из корабля! Он сказал это так спокойно, что Куприянов не мог не поверить ему.

ДВА ПЛЮС ДВА — ЧЕТЫРЕ

Секретарь Курского обкома партии уехал из лагеря поздно вечером. С ним вместе ушли и машины, доставившие палатки и все остальное. Военные автомобили остались в лагере. Их разместили позади линии палаток, и около них ходил часовой; две легковые машины тоже остались. Козловский предоставил их в распоряжение Куприянова.

— Мало ли что может случиться, — сказал он.

Куприянов поблагодарил его, тронутый вниманием и предусмотрительностью, которой окружали их экспедицию. Он еще не представлял себе тот огромный резонанс, который вызвал космический корабль во всем мире. Сегодняшних газет в лагере еще не видели.

— До свиданья, товарищи! — сказал Козловский, садясь в машину. — Да, чуть не забыл. Комендант! — он позвал к себе Широкова. — Опросите всех членов экспедиции и узнайте, что кому нужно. Учтите, что, если ученые будут испытывать в чем-нибудь недостаток, вам не избежать партийного взыскания. (Он уже знал, кто из приехавших является членом партии и кто нет.) Обращайтесь прямо ко мне.

— Ну и человек! — сказал Широков, когда машина исчезла в наступающих сумерках. — Что за энергия!

— Хватит на троих обыкновенных людей, — отозвался Лебедев. — Я никак не думал, что мы устроимся здесь с таким комфортом.

— Подумайте только! — с восхищением сказал Лежнев. — В такой глуши мягкие кровати. Не койки, а настоящие кровати. Пружинные. И одеяла, и постельное белье.

— Самое важное! — насмешливо сказал Смирнов. — Пошлите телеграмму жене, чтобы не волновалась.

— Лагерь действительно организован образцово, — сказал Куприянов. — Я не думал, что удастся сделать все так быстро.

— В Москве не дремали, пока мы гонялись за кораблем, — заметил кто-то.

Сумерки быстро переходили в ночь. Алмазная россыпь звезд покрыла все небо. Запахи конопли, пшеницы и свежего сена, накошенного солдатами полка, смешивались с чуть слышным нежным ароматом каких-то цветов. Было очень тепло.

— Продолжение дачной жизни, — сказал Штерн.

К Куприянову подошел подполковник Черепанов.

— Что будем делать, товарищ начальник? — спросил он. — Наступает темнота. Часовые ночью не смогут наблюдать за кораблем. Разрешите зажечь прожекторы.

— Прожекторы?.. — удивился Куприянов.

— У нас двенадцать автомашин с прожекторными установками, — ответил Черепанов. — Я поставил их вокруг корабля.

Куприянов задумался.

Боязнь, что шар улетит, если его экипажу надоест такое непрерывное наблюдение за ними, подсказывало решение отказаться от прожекторов, но он вспомнил все, что говорил ему Штерн. Если эти существа действительно имеют намерение выйти из своего корабля, то они поймут и то, зачем их освещают, а если они намерены вообще не выходить, то улетят и без света. Кроме того, наблюдать за шаром было необходимо.

— Хорошо, — сказал он. — Зажигайте!

— Пойдемте посмотрим, — предложил Лебедев. — Это, наверное, интересное зрелище.

Члены экспедиции собрались возле крайней палатки, от которой днем хорошо был виден космический гость. Стемнело так, что шар был едва различим. Его огромный темный силуэт смутно угадывался на юго-востоке.

Подполковник поднял руку, в которой была ракетница...

И вдруг вспыхнул свет.

Это не был свет прожекторов. Они должны были загореться только по сигналу.

Свет шел от корабля.

Яркий луч появился сначала в стороне от лагеря, потом быстро пробежал по полю, и палатки словно вспыхнули, освещенные сильным белым светом.

Луч медленно передвигался по лагерю, будто ощупывая его. Было ясно, что за ним неотступно следуют глаза тех, кто направлял его.

Что он означал? Что хотели сказать обитателям Земли пришельцы из глубин вселенной этим лучом света?.. Или они зажгли его только для того, чтобы увидеть лагерь?.. Но они его хорошо могли рассмотреть днем. Свет был зажжен с какой-то другой целью, но с какой?..

Луч медленно приближался к стоявшей неподвижно группе людей.

Никто из них не пытался уйти с этого места, которое, как они хорошо понимали, через несколько секунд будет ярко освещено. С глубоким волнением они следили за приближением луча...

Вот он уже совсем рядом!

И вдруг луч подскочил вверх, пронесся над головами и погас.

Прошло несколько секунд, и он появился снова, погас, опять появился и снова погас.

Два раза!

Это было явно не случайно. Экипаж корабля адресовал эти две вспышки света людям.

Зачем? Что, что они хотели этим сказать?..

— Скорее! — сдавленным голосом сказал Штерн. — Где ближайший прожектор?

— Тут, рядом, — ответил подполковник.

Штерн и понявший его намерение Куприянов побежали за Черепановым. Следом бросились остальные.

— Зажгите прожектор и осветите корабль, — сказал Штерн. — Только одним этим прожектором. Ощупайте лучом весь шар и погасите. А затем два раза подряд зажгите на две — три секунды.

Космический корабль был слишком близко расположен и слишком велик, чтобы прожектор мог осветить его целиком. Белый круг света лег на поверхность шара и медленно обошел ее.

Ученые, стоявшие у автомашины, с пристальным вниманием следили за лучом.

Все одновременно заметили, как на поверхности шара блеснуло стекло, но луч только скользнул по нему на какую-то долю секунды.

Подполковник Черепанов поднял руку, но Штерн удержал его.

— Не надо! — сказал он.

Было ли это окно или стекло их прожектора?..

Свет погас — и все погрузилось в темноту. Потом он снова вспыхнул на секунду... И еще раз. Два раза!

Все молча ждали. Ответит ли экипаж корабля?.. Понял ли он?

Мгновения показались им очень длинными...

Все в один голос вскрикнули, когда то, чего они так желали, на что так надеялись, совершилось.

Космический корабль ответил! С короткими промежутками замигал ответный луч. Четыре раза!

Два плюс два — четыре! Два, помноженное на два, — четыре! Два, возведенное во вторую степень, — четыре!

Единственное и неповторимое ни с каким другим числом тождество результата.

Трудно было ответить яснее.

Свет погас — и снова наступила темнота. Люди ждали. Космический корабль ответил Земле. Теперь он сам должен был задать вопрос.

— Зажгите три раза, — сказал Штерн.

Его приказание было исполнено — и через несколько секунд пришел ответ:

Четыре!

В этом ответе был и вопрос. Все хорошо это понимали. Гости из глубин вселенной ждали ответа!

— Я думал, что они ответят пятью, — сказал Штерн.

— Тогда бы мы ответили: семь и одиннадцать, — отозвался Степаненко.

— Ряд простых чисел. Чего же они хотят теперь?

— Пять, — сказал Штерн. — Соотношение сторон прямоугольного треугольника. А еще лучше ответить двадцатью пятью. Это будет яснее.

— Отвечайте! — сказал Куприянов Черепанову.

Двадцать пять раз зажегся и погас прожектор. Двадцать пять коротких вспышек света послали ответ: сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

И снова мрак окутал Землю и космический корабль, прилетевший с другой Земли.

Свершилось!

Разум неведомой планеты и разум Земли обменялись первыми словами.

Эти слова были сказаны на том единственном языке, который должен быть понятен любому высокоразумному существу, в какой бы точке безграничной вселенной он ни жил! На языке математики!

Долго, очень долго стояли участники экспедиции у потухшего прожектора. Но луч корабля больше не загорался. Его экипаж был, по-видимому, вполне удовлетворен достигнутым результатом.

— Будем освещать корабль? — первый нарушил молчание подполковник Черепанов.

— Нет, нет! — ответил Куприянов. — Зажгите прожекторы, но не направляйте их на корабль. Осветите местность вокруг так, чтобы люди, находящиеся в нем, могли видеть вокруг себя так же, как и мы.

«Люди, находящиеся внутри корабля»...

Теперь, когда был достигнут первый успех, когда стала реальной действительностью вековая мечта, у него не повернулся язык назвать посланцев другого мира «существами».

Глава третья

КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ?

Лучшие умы человечества много размышляли над проблемами жизни на других мирах. Ответшала гипотеза о Земле — единственной носительнице разумной жизни во вселенной — давно уже была отброшена наукой. Идея множественности обитаемых миров постепенно завоевывала всеобщее признание. Но, как ни привлекательна была эта идея, сама по себе, она оставалась только гипотезой, требующей доказательства.

И вот прилет на Землю космического корабля принес, наконец, бесспорное доказательство.

Корабль стал виден на небе утром 27 июля в виде маленькой блестящей точки. В этот момент он был на высоте свыше четырех тысяч километров и находился далеко за пределами атмосферы.

Замедлив космическую скорость, с которой он летел в межзвездном пространстве, корабль в течение двадцати шести часов все ближе и ближе приближался к поверхности планеты. В семь часов сорок минут утра 28 июля (по московскому времени) он совершил посадку почти в центре Европейской части СССР, то есть в том месте, над которым впервые появился накануне.

Движение корабля совершалось независимо от движения Земли вокруг ее оси, и за эти двадцать шесть часов его экипаж мог рассмотреть неизвестную ему планету по всей длине пятьдесят второй параллели, над которой он находился. По счастливой для гостей

случайности, на всем этом пространстве совершенно не было облаков, и Земля предстала глазам звездоплавателей во всем разнообразии своей природы.

Увлекаемые вращением Земли, под кораблем медленно проплыли равнины, леса и реки, города, деревни и села СССР, Польши, Германии и Голландии. Если гости наблюдали Землю с помощью мощных оптических приборов, то они могли заметить Лондон в южной части Британского острова, который был им виден весь с такой высоты. Панорамы европейского материка сменились просторами Атлантического океана. Экипаж корабля мог видеть на юге безграничную водную равнину, а на севере — льды Арктики и Гренландию. Затем полуостровом Лабрадор открылся материк Северной Америки. Корабль был уже настолько близок к земле, что экипаж мог ясно различить Кордильеры и вершину горы Колумбия, поднимающуюся на 4300 метров, прямо над которой они пролетели. Тихий океан мог показаться им не особенно большим, так как они пересекли его в северной части над Алеутскими островами. Оказавшись над Камчаткой, они, не зная этого, снова вернулись в ту страну, от которой начали свой путь над Землей. И вот, пролетев всю Сибирь, миновав Уральские горы и пройдя над Волгой, корабль закончил свой полет в равнинной части Среднерусской возвышенности.

Было несомненно, что экипаж космического корабля понял, что на их пути попала густо населенная, освоенная разумными существами планета. Приняв решение опуститься, они выбрали место, где не было поблизости ни одного населенного пункта. Возможно, что это было сделано для того, чтобы приземление их огромного корабля не повлекло за собой новых жертв (Они не могли не заметить катастрофы самолета под Чкаловом.) 28 июля все утренние газеты мира были полны сообщениями о космическом корабле и его посадке. Сообщение ТАСС о приземлении корабля к северу от Курска, о его внешнем виде и об экспедиции Академии наук СССР печаталось самым крупным шрифтом на первых страницах. В газетах Советского Союза и Китая были помещены портреты участников экспедиции и приводились рассказы очевидцев полета корабля, главным образом летчиков.

Небольшой районный центр Золотухино, о существовании которого мало кто знал даже в СССР, за один день прославился на весь мир. Многие западные газеты поместили на своих страницах карту Курской области с обозначением места, где опустился корабль. Приводились подробные сведения о городе Золотухино и окружающей его местности, зачастую совершенно не соответствовавшие действительности.

Краткое упоминание ТАСС об урагане, сопровождавшем посадку корабля, превратилось под пером бойких журналистов в страшную катастрофу, при которой якобы погибли тысячи жителей.

«ГОРОД ЗОЛОТУХИНО ИСЧЕЗ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!»

«ПОСАДКА КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПОВЛЕКЛА ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ НЕСКОЛЬКИХ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК!»

«ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ, ЧТО КОРАБЛЬ НЕ ОПУСТИЛСЯ У НАС!»

«ПРИЛЕТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПРИЧИНИЛ СССР СТРАШНЫЕ ОПУСТОШЕНИЯ!»

Таковыми заголовками пестрели в этот день страницы европейских и американских газет. За всей этой шумихой ясно сквозило желание скрыть глубокое разочарование, вызванное посадкой корабля не там, где хотелось бы авторам.

Дневные газеты вышли со статьями, посвященными тому же событию. Содержание

этих статей было самым разнообразным — от теории звездоплавания до новых видов оружия, которые могли бы появиться в результате знакомства советских ученых с техникой гостей из глубин вселенной.

В последующие дни посольства СССР были засыпаны бесчисленным количеством просьб о визах. Эти просьбы исходили от отдельных ученых, научных учреждений, обсерваторий, редакций газет и журналов, киностудий и просто частных лиц. Удовлетворить все эти просьбы было явно невозможно, но в отношении крупных ученых, обсерваторий и некоторых научных журналов посольства запросили Москву.

Тысячи людей, которым было отказано в визах, подняли шум, обвиняя СССР в желании монополизировать космический корабль, скрыть его от других стран. Снова зазвучала во весь голос старая сказка о «железном занавесе». Пытаясь успокоить общественное мнение, крупнейшие газеты выразили уверенность, что посетив СССР, экипаж космического корабля, несомненно, захочет ознакомиться и с другими странами Земли. «Потерпите! — писали эти газеты. — После СССР корабль прилетит к нам. Незачем ехать для его осмотра в Советский Союз».

Миллионы людей собирались у радиоприемников, слушая передачи московских станций о космическом корабле, которые транслировались через каждые три часа на разных языках. Фамилии Куприянова, Штерна, Лебедева и Ляо Сена были у всех на устах. Всюду были известны все подробности прилета экспедиции, устройства лагеря, первой попытки разговора с помощью прожектора.

«КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ ИЗ КОРАБЛЯ?»

«НА ЧТО ОКАЖУТСЯ ПОХОЖИ ЭТИ СУЩЕСТВА?»

«КАК УДАСТЯ НАЙТИ С НИМИ ОБЩИЙ ЯЗЫК?»

Эти вопросы одинаково интересовали все население земного шара.

По мере того как шло время, волнение усиливалось. Были забыты повседневные заботы и интересы. Никто не читал в газетах политических новостей. Спортивные соревнования проходили на пустых стадионах. Театры и концертные залы собирали едва четверть обычного числа зрителей. Зато аудитории и лекционные залы ломались от желающих прослушать лекцию по астрономии. У кинотеатров, в которых демонстрировались научно-популярные фильмы о вселенной, выстраивались гигантские очереди. В магазинах невозможно было достать книгу, имеющую хотя бы отдаленное отношение к науке о небесных телах. Люди, никогда не интересовавшиеся небом (разве только с точки зрения хорошей или плохой погоды), жадно вчитывались в астрономические книги, пытались разгадать, откуда прилетел корабль. За всю историю астрономии эта прекрасная наука никогда не имела столько поклонников и усердных учеников, как в эти дни. Словно человечество впервые заметило небо над головой, и миллионы людей, с наступлением вечера, подолгу простаивали на улицах и площадях, глядя на звезды. Плохая погода расценивалась как величайшее несчастье, и люди проклинали облака, закрывавшие от их глаз блистательную красоту вселенной, на которую они раньше так редко обращали внимание.

Интерес к кораблю и нетерпеливое ожидание выхода его экипажа усиливались все больше и больше.

В лагере экспедиции на весь этот шум не обращали никакого внимания. Ученые деятельно готовились к предстоящей работе. Считалось вполне вероятным, что корабль за все время своего пребывания на Земле не переменит места стоянки, так как трудно было предположить, что его запасы энергии не ограничены, а для того, чтобы оторваться от земли, требовалось чудовищное количество этой энергии. Исходя из этого соображения, на совете руководящего состава было решено подготовить все материалы для работы на месте, которая

мыслилась как ознакомление гостей с жизнью Земли во всех ее проявлениях. Предполагалось, что в составе экипажа находятся ученые различных специальностей и что их будут интересовать все области человеческой деятельности. По мнению Ляо Сена и Лежнева, на изучение языка гостей или на изучение ими одного из языков Земли (в зависимости от того, который окажется для них легче) потребуется не менее двух месяцев, и то, если такая задача окажется вообще осуществимой. Последнее особо подчеркивалось Лежневым, который мало верил в успех.

— Может случиться, — говорил он, — что, как мы, так и они, не сможем воспроизвести звуки языка друг друга.

Мало кто разделял это мнение, но среди скептиков были и такие авторитетные лица, как Штерн и Манаенко. Старый академик напоминал об эпизоде с появлением цилиндра во время первого осмотра корабля и был непоколебимо убежден, что металлическое пощелкивание было звуком голоса кого-то из членов экипажа. «Они приветствовали вас на своем языке», — говорил он. Профессор Манаенко соглашался с ним. Если это действительно было так, то приходилось согласиться с мнением Лежнева. Для человеческого голоса такие звуки были недоступны, а для существ, говорящих при помощи «птичьих» звуков, будут недоступными звуки человеческого языка. В этом случае остается единственный способ общения — рисунок. Никто не сомневался, что экипаж звездолета привез с собой книги, атласы, наглядные пособия и цветные рисунки (или, может быть, фотографии), по которым можно будет увидеть природу, население и культуру неизвестной планеты, с которой он прилетел. Казалось немыслимым, чтобы разумные существа не позаботились об этом, отправляясь в межзвездный рейс. Они должны были рассчитывать встретить на своем пути населенную планету, иначе их путешествие теряло всякий смысл.

В лагере с утра и до позднего вечера кипела работа. Независимо от специальности, все члены экспедиции принимали участие в подготовке, заключалась ли она в устройстве химической лаборатории для Аверина или технического «музея» Смирнова и Манаенко. В палатке Куприянова по нескольку раз в день собирались совещания, на которых обсуждались все новые и новые способы демонстрации гостям достижений Земли в науке, искусстве и культуре. Не только ученые, но и многие офицеры и солдаты полка горячо включились в общую работу.

Ежедневно в лагерь приходили сотни писем со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Космический корабль и предстоящая встреча с его экипажем были в центре внимания миллионов людей, и неудивительно, что у экспедиции нашлись тысячи добровольных помощников. Много раз в этих письмах встречались ценные мысли, которые, по заведенному порядку, сейчас же подвергались обсуждению.

Конечно, ни Куприянов, ни весь состав экспедиции в целом не смог бы прочитывать всю эту массу писем. На помощь пришли корреспонденты ТАСС. Они были относительно свободны и добровольно взяли на себя разбор корреспонденции, что было очень нелегким делом. Благодаря им ни одно письмо не осталось непрочитанным.

Два раза в день Куприянов или Штерн выступали перед микрофоном передвижной радиостанции, всегда в одно и то же время. Их сообщения принимались московской станцией и транслировались по всей Земле. Сотни миллионов человек с волнением ждали этих сообщений.

Массовых экскурсий к космическому кораблю не было, но все же каждый день в лагере появлялись сотни людей. Большинство приходило только для того, чтобы посмотреть на звездолет, но многие являлись с какой-нибудь идеей и настойчиво требовали, чтобы их выслушал начальник экспедиции. Куприянов хорошо понимал, что этими людьми движет искреннее желание оказать помощь, но был физически не в состоянии говорить со всеми. Эту обязанность взяли на себя Широков и Синяев.

Все человечество нетерпеливо ждало знаменательного события — выхода экипажа корабля. Но после светового разговора в вечер прибытия экспедиции в лагерь космический корабль не обнаруживал никаких признаков жизни. Луч не появлялся, а наблюдатели, не

спускавшие глаз с корабля, не замечали в нем никаких признаков и внутренней жизни. Шар казался мертвым.

Что делал экипаж корабля? Если гости имели намерение совсем не выходить, то зачем им было оставаться так долго на одном месте? А если они хотели выйти, то почему откладывали свое намерение? Было вполне вероятно, что звездоплыватели с таким же нетерпением хотели познакомиться с Землей, с каким обитатели Земли хотели познакомиться с ними.

Экипаж не выходил из шара, и эти вопросы оставались без ответа.

В первые дни Куприянова осаждали требованиями хотя бы приблизительно, в порядке предположения, ответить на этот вопрос, но профессор отказался заниматься досужими вымыслами.

— Я к этому не привык, — отвечал он.

За него это делали другие. Тысячи предположений ежедневно печатались в заграничных газетах. В Англии даже был открыт своеобразный «тотализатор», в котором могли участвовать за определенный взнос все желающие. Угадавший день, когда выйдет экипаж, мог рассчитывать на крупный выигрыш.

В научных кругах мира придерживались мнения, заключавшегося в том, что экипаж выйдет тогда, когда тщательно изучит состав атмосферы. Без этой предосторожности звездоплывателям грозила опасность заразиться неизвестным на их планете микробом.

По мнению Куприянова, на такой процесс «акклиматизации» могло потребоваться не менее месяца.

ВТОРОЙ РАЗГОВОР

Все таинственное, загадочное, непонятное имеет какую-то притягательную силу для людей мыслящих. Ученый любой специальности прежде всего любопытен. Это хорошее, благородное любопытство, достойное человека. Оно источник радости, но и причина искренних и глубоких страданий, когда загадка не скоро поддается усилиям пытливой мысли. Ученые по самой своей природе активны. Неудивительно поэтому, что ожидание, когда же, наконец, раскроется тайна корабля, по мере того как шло время, начинала все больше и больше раздражать участников экспедиции. Самый вид звездолета, неподвижный и загадочный, вызывал в них чувство досады, и люди становились с каждым днем все больше молчаливыми и хмурыми.

«Когда они выйдут?» — этот навязчивый вопрос не давал покоя не только участникам экспедиции, но и всем офицерам и солдатам полка, несшего охрану шара.

С момента приземления корабля прошло уже шесть дней, но он по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Никто не знал, сколько времени пробудет на Земле космический корабль. Полгода? Год? Ведь для того, чтобы одолеть расстояние от ближайшей планетной системы до солнечной, звездолету потребовалось не меньше четырех — пяти лет, и то если он летел со скоростью света. (Штерн и Смирнов, не допускали такой возможности.) На обратный путь требовалось такое же время. Казалось невероятным, что экипаж корабля, совершив такой длительный путь, в скором времени покинет Землю. Звездоплыватели безусловно захотят хорошо ознакомиться с населенной планетой, встретившейся на их пути.

Зимовать в наскоро оборудованном лагере было невозможно. Но захочет ли экипаж звездолета покинуть свой корабль? Это было сомнительно.

Все должно было выясниться тогда, когда экипаж выйдет и будет достигнут успех в деле нахождения общего языка.

Но звездоплыватели не выходили, и это делало всю подготовительную работу, проводимую в лагере, какой-то «теоретической», лишенной ясной цели.

Штерн и Синяев затратили много труда и времени на подготовку чертежей и схем, которые должны были рассказать гостям о солнечной системе и истории планеты Земли.

Даже если гости не найдут с хозяевами общего языка, эти материалы должны быть им понятны, так как было несомненно, что они хорошо знают математику.

Профессор Лебедев взял на себя познакомить звездоплывателей с историей животной жизни на Земле, а Степаненко готовил материалы этнографического характера.

Аверин и Лебедев много усилий приложили к тому, чтобы оборудовать в лагере хорошую химическую и биологическую лаборатории.

Медики — Куприянов и Широков — помимо оборудованного ими медпункта, который слился с медицинской службой полка, были заняты подготовкой к изучению организма жителей другой планеты. Для этой цели Куприянов установил в лагере даже рентгеновский аппарат.

Вечером третьего августа Широков зашел в палатку, занятую Куприяновым, Штерном, Лебедевым и Ляо Сенем, и застал всех четверых в сборе.

— Садитесь, Петр Аркадьевич, — приветствовал молодого коменданта Штерн. — Что новенького?

— Когда же они, наконец, выйдут? — спросил Широков вместо ответа.

— Свеженький вопрос! — раздраженно сказал Лебедев

— Я не понимаю, — продолжал Широков, не обращая внимания на насмешку.

— Почему не спросить об этом экипаж корабля?

— Спросите, — пожав плечами, сказал Ляо Сен. — Если имеете возможность. Будем вам очень благодарны за такую услугу.

Подобная реплика со стороны всегда спокойного и невозмутимого китайского ученого ясно показывала, до какой степени у всех были напряжены нервы.

— Я считаю, что это вполне можно сделать, — сказал Широков

— Тем лучше! — буркнул Лебедев.

— Что вы придумали, Петр Аркадьевич? — спросил Куприянов.

В его голосе прозвучало волнение. Все уже серьезно смотрели на Широкова, ожидая ответа.

— Очень простую вещь. Надо спросить их лучом прожектора. Как в первый вечер. Они не могут не понимать, что мы с нетерпением ожидаем их выхода. Надо послать семь вспышек по числу прошедших суток. Они обязательно поймут, что это вопрос и ответят.

Несколько секунд все молчали.

— Что ж, это идея! — сказал Лебедев.

— И весьма неплохая! — сказал Штерн. — Молодец, Петр Аркадьевич!

Куприянов ласково посмотрел на своего любимого ученика. Профессор был рад, что эта удачная мысль пришла именно ему.

— Найдите подполковника и позовите сюда! — сказал он.

Обрадованный Широков бегом бросился за Черепановым.

Мысль использовать прожектор, чтобы задать экипажа звездолета мучивший всех вопрос, пришла ему в голову часа два назад. Он тщательно обдумал ее и только тогда решился предложить эту идею профессорам, не опасаясь с их стороны насмешливого отказа. Широков был очень самолюбив и избегал высказывать незрелые мысли.

Космический корабль и заключенные в нем тайны с непреодолимой силой влекли к себе воображение молодого ученого. Вероятно, больше всех в лагере он мучился нетерпением и старался найти способ как-нибудь узнать время выхода из корабля его экипажа.

Часами смотрел он на загадочный шар, и смелые мысли теснились в его голове. Суживались темно-синие глаза, словно стремясь проникнуть взглядом сквозь металлическую оболочку звездолета. Он сам боялся тех мыслей, которые возникали все чаще и чаще, но упорно возвращался к ним, и они начали казаться ему осуществимыми. Сердце билось радостно и тревожно, нетерпение становилось сильнее, неизвестность мучительнее.

Постоянно думая об одном и том же, он, наконец, нашел, как ему казалось, верный способ решить загадку.

Получив одобрение старших товарищей, он, как мальчик, бежал по лагерю, отыскивая командира полка.

Остроумная мысль Широкова понравилась всем.

— Молодец! — еще раз сказал Штерн.

Десять минут, в течение которых ученые ожидали подполковника, показались им очень длинными.

— Вот ведь никому не пришла в голову такая простая мысль, — заметил Лебедев.

— Простые мысли часто оказываются самыми трудными, — сказал Ляо Сен.

Очевидно, Широков успел по пути рассказать о предстоящей попытке, так как участники экспедиции, один за другим, поспешно подходили к палатке Куприянова.

Вскоре явился и командир полка.

— Проекторная установка всегда готова, — ответил он на вопрос профессора.

— В таком случае пошли.

Как и в первый вечер, все столпились вокруг машины.

Было еще совсем светло, но Куприянов и Штерн рассчитывали, что экипаж звездолета все-таки заметит луч прожектора. Ожидать, пока наступит полная темнота, у них не хватало терпения.

— Может быть, они спят, — сказал кто-то.

— Или не смотрят в нашу сторону!

— Сейчас узнаем, — сказал Куприянов. — Начинайте!

Вспыхнул прожектор — и семь коротких лучей ударились в белый корпус корабля.

Все молча ждали. Слышалось только взволнованное дыхание людей. Минута шла за минутой, но ответного луча не появлялось.

— Не заметили, — сказал Штерн. — Надо повторить.

Едва он это сказал, как от корабля пришел ответ. Вспыхнул свет его прожектора и погас.

— Один! — сказал Куприянов. — Неужели завтра?

— Мне кажется, что это только просьба повторить, — сказал Широков. — Они не успели сосчитать.

— Да, пожалуй, — сказал Штерн. — Для них это было неожиданно.

— Повторите, — обратился Куприянов к подполковнику.

Снова семь раз появился и погас луч прожектора. И тотчас же космический корабль ответил.

Двенадцать раз!

— Значит ли это, что они выйдут через двенадцать дней после посадки на Землю, или через двенадцать дней, считая от сегодня? — спросил Лебедев.

И, будто услышав его вопрос, луч замигал опять.

Девятнадцать раз!

— Ясно! — сказал Куприянов. — Пошлите им одну вспышку в знак того, что мы поняли.

Прожектор поставил короткую точку.

— Весь земной шар должен быть глубоко благодарен вам, Петр Аркадьевич,

— сказал Штерн.

— Они выйдут пятнадцатого августа. Надо немедленно сообщить об этом всему миру, — сказал Куприянов.

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Четвертого августа днем в лагере появилась машина секретаря обкома. Козловский приезжал часто, и каждый его приезд вносил что-то новое в жизнь участников экспедиции.

Секретаря обкома очень полюбили все за его заботу, любовь к людям и добрый, отзывчивый характер и радовались, когда видели его в лагере. Один только Широков с

тревожным чувством встречал появление знакомой серой машины. Козловский безжалостно ругал его за малейшее упущение. Комендант хорошо помнил угрозу секретаря и не сомневался, что если не будет добросовестно исполнять возложенные на него обязанности, то тот приведет ее в исполнение.

Увидя въезжавшую в лагерь машину, Широков поспешил к ней навстречу, озабоченно проверяя на ходу, нет ли где-нибудь беспорядка. Но лагерь блистал чистотой.

С другой стороны к автомобилю подбегал дежурный по полку, так же, как и Широков, внимательно и беспокояно осматриваясь. Он по-военному четко отдал рапорт.

— Хорошо! — сказал Козловский, узнав, что все благополучно и в лагере нет больных. — Ну, а у вас? — обратился он к Широкову.

— Все в порядке, Николай Николаевич.

— Вот как? Значит, подготовка к работе с гостями закончена?

— Нет еще.

— А вы говорите, что все в порядке, — улыбнулся Козловский. — А вы молодец! — неожиданно сказал он, крепко пожимая руку коменданта. — Как это вам пришло в голову?

Широков понял, что секретарь обкома говорит о вчерашнем разговоре с кораблем.

Увидев Куприянова, Козловский быстро направился к нему.

— Профессор, — сказал он, здороваясь, — я очень сердит на вас. Почему вы мне не позвонили, получив такую важную телеграмму?

— Какую важную телеграмму? — удивился Куприянов.

— О приезде в лагерь иностранцев.

— Такой телеграммы я не получал.

— Тогда другое дело. Считайте себя оправданным. А я уже получил.

Козловский вынул из кармана и протянул Куприянову телеграфный бланк. В этот момент появился дежурный радист и подал профессору только что полученную радиограмму.

— Вот она, — сказал Козловский.

Так и оказалось. Радиограмма извещала о скором приезде трех западных ученых и пяти журналистов, из числа тех, кому правительство СССР разрешило посетить лагерь. Иностранцы должны были приехать двенадцатого числа, и начальнику экспедиции предписывалось встретить их, устроить и обеспечить всем необходимым.

Озабоченный этим известием, Куприянов молча посмотрел на Козловского.

— Встретить, устроить и обеспечить нетрудно, — сказал секретарь обкома. — Поставим еще две палатки — и все! Труднее будет другое...

Он взял листок из рук Куприянова и внимательно прочитал его.

— В полученной мною телеграмме нет фамилий, — сказал он, — а здесь есть. Директор Кэмбриджской обсерватории Чарльз О'Келли; действительный член французской академии наук, профессор биологии Линьелль; профессор Стокгольмского университета Густав Маттисен...

— Тоже биолог, — вставил Куприянов.

— И пять корреспондентов: агенства «Франс-пресс» — Лемарж, агенства Рейтер — Дюпон, агенства «Юнайтед пресс» — Браунэлл, агенства «АДН» — Гельбах и агенства «Синьхуа» — Ю Син-чжоу. Это все первые ласточки. Будут и другие. Ю Син-чжоу, конечно, не в счет, — добавил Козловский. — А с остальными придется держать ухо востро.

— Вы чего-нибудь опасаетесь, Николай Николаевич?

— А вы нет? — Козловский поднял глаза на профессора. Их выражение было жестко и холодно. — Почему эту телеграмму сочли нужным прислать не только вам, но и мне, и мне даже раньше, чем вам?

— Эти люди, вероятно, проверены.

— Кем и как проверены?

— Зачем же им тогда разрешили приехать?

Козловский досадливо пожал плечами.

— Вы что-нибудь слышали о «железном занавесе», профессор? — ответил он. — Неужели вы не понимаете, что нельзя закрывать двери? Предоставьте гостей мне, и я о них позабочусь со всех точек зрения.

Он захватил с собой радиограмму и ушел. Куприянов видел, как он окликнул Черепанова и долго о чем-то говорил с ним.

Встретившись со Штерном, Куприянов рассказал ему все. Старый астроном отнесся очень серьезно к его сообщению.

— Николай Николаевич, конечно, прав. Мы часто забываем, что живем в капиталистическом окружении.

— Неужели можно дойти до такой низости, чтобы покуситься на звездолет и его экипаж? — печально сказал Куприянов.

— Вы помните, почему именно вас назначили начальником экспедиции? — вместо ответа спросил Штерн. — Вот то-то и оно! Мы думаем о здоровье наших гостей, а кое-кто, может быть, думает прямо о противоположном.

Куприянов сел к столу и подпер голову рукой.

— Дикая мысль! — сказал он.

— Дикая, Михаил Михайлович, очень дикая. Но, к сожалению... Что поделаешь? Когда-нибудь подобные мысли никому не будут приходить в голову.

— Мерзость! Они прилетели к нам, как к братьям, а мы...

— Положим не «мы», а «они». К чему так обобщать понятия? Да вы не волнуйтесь, Михаил Михайлович! Козловский сделает все, что нужно. Он человек деятельный и умный. Все будет в порядке.

— Я в этом несколько не сомневаюсь. Меня огорчает самая возможность...

— Что поделаешь! — повторил Штерн.

В палатку заглянул Широков.

— В восемь часов вечера закрытое партийное собрание, — сказал он. — В палатке красного уголка. Повестка дня — бдительность в научной работе. Докладчик — товарищ Козловский.

Куприянов и Штерн молча переглянулись.

Два часа продолжался доклад секретаря обкома. Сто тридцать коммунистов полка и экспедиции с напряженным вниманием слушали его. Многим этот доклад открыл глаза на опасность, угрожающую космическому кораблю со стороны тех, кто опасался его пребывания на советской земле, готов был на все, лишь бы советские ученые не узнали технических тайн, которые привез он с собой на Землю. Люди поняли, какая ответственность перед наукой и человечеством легла на них.

Козловский закончил так:

— Я не сомневаюсь, что межзвездный полет, осуществленный прилетевшими к нам людьми (он подчеркнул это слово), был предпринят ими с единственной целью — расширить научный кругозор, обогатить сокровищницу знания, разрешить ряд вопросов, стоящих перед их наукой. А это доказывает, что наука на их планете сильна и что человечество этой планеты не боится трудностей. Грандиозное создание их техники, которое находится перед нашими глазами, достаточное доказательство этому. Я не верю, что такое исполинское предприятие, как межзвездный полет, может быть осуществлено в условиях вражды народов, в условиях классовой борьбы, в условиях капитализма. Я верю, что члены экипажа корабля не только такие же люди, как мы, но что они наши товарищи по мировоззрению. Для меня кажется очевидным, что на их планете нет вражды народов, нет классовой борьбы, нет капитализма. Может быть, это такая счастливая планета, обитатели которой никогда и не знали этих зол. Но тогда им не известно, что такое вражда, ненависть, диверсия. Сами себя они не защитят. Это дело нас с вами. В корабле, прилетевшем к нам, мы

видим осуществление нашей собственной технической мечты, доказательство того, что эта мечта не утопия, не фантазия. Люди, прилетевшие к нам, опередили нас. Они уже достигли того, о чем мы пока только мечтаем. Их прилет сыграет огромную роль в деле звездоплавания у нас на Земле, поможет нам приблизить день, когда первый межпланетный рейс станет действительностью. В этом мы видим огромное значение прилета к нам космического корабля с другой планеты. Досушие измышления западноевропейских писак и их американских коллег, которые мы с вами ежедневно читаем в газетах, оставим на их совести. Дикая мысль использовать знания наших гостей для увеличения военной мощи чужда советскому человеку. Мы радуемся прилету этого корабля и приветствуем отважных звездоплывателей во имя науки, единой для всех населенных миров, для всех разумных существ во вселенной.

Сто тридцать человек дружными аплодисментами встретили эти слова. Собрание коммунистов лагеря закончилось в первом часу. Люди разошлись в твердой уверенности, что сумеют защитить звездолет от любого покушения на его безопасность.

Козловский не уехал в город, а остался ночевать в лагере. После собрания он долго стоял с Куприяновым и Лебедевым возле их палатки, откуда хорошо был виден космический корабль. Всем троем не хотелось спать.

Ночь уже давно вступила в свои права. Широко раскинулся над лагерем звездный купол, и низко над горизонтом висел широкий серп месяца. В его тусклом свете матово блестела поверхность шара. Ночной ветер дышал приятной прохладой после жаркого дня.

— Долго ли продержится такая хорошая погода? — задумчиво сказал Куприянов. — А что, если начнутся дожди?

— Это мало вероятно, — ответил Козловский. — В это время года у нас дожди редкость. Метеорологическая станция предсказывает, что хорошая погода продержится весь август.

— Можно подумать, что экипаж корабля намеренно выбрал именно это место для посадки, — сказал Лебедев.

— Может быть, они хорошо изучили нашу Землю? — сказал Козловский. — Может быть, давно знают о ней и наблюдают ее в свои телескопы?

— Ну что глупости говорить! — раздался голос Штерна, и сам астроном показался из палатки. — Как можно разглядеть такую маленькую планету на таком исполинском расстоянии? Это совершенно невозможно. Удачный выбор места просто случайность.

— Невольно начнешь фантазировать, — засмеялся Козловский.

— То-то что фантазировать! — усмехнулся Штерн. — Между прочим, пора спать, — прибавил он.

— В последнее время я совсем потерял сон, — со вздохом сказал Куприянов. — Скорей бы...

— Ждать поезда самое скучное занятие, — сказал Козловский, — а наше положение ничуть не лучше. Раньше, когда мы еще не знали день выхода, было как-то легче. Все думали, а вдруг завтра! Теперь же остается только считать дни...

— Почему они не выходят пока в каких-нибудь герметических костюмах?

— На это могу ответить словами Широкова, с которым я говорил недавно на эту тему. Он думает так: или у них нет таких костюмов, или они не выходят, боясь пропустить в свой корабль воздух Земли.

— Логичное соображение, — заметил Штерн.

— Хочется не хочется, а ждать надо, — сказал Куприянов. — Мы тут ничего не можем сделать.

Торопливым шагом к ним подошел Широков.

— Михаил Михайлович, — взволнованно сказал он, — остановите их. Запретите им это делать.

— Кого остановить? Что запретить?

— Аверина, Смирнова и Манаенко. Они собираются пойти к кораблю и отколочь

кусочек металла, из которого он сделан, чтобы подвергнуть его анализу. Я случайно слышал их разговор.

— Что за безобразия! — рассердился Куприянов. — Словно маленькие дети. Я им скажу завтра же утром.

— Как утром? Они собираются идти сейчас.

— Сейчас? Ночью?..

— Я слышал, как Манаенко говорил, что вы ни за что не позволите, но что это необходимо сделать и лучше всего ночью. Их интересует, что это за металл.

— Возмутительно! — сказал Куприянов.

— Результат ненасытного любопытства ученых, — сказал Козловский. — Но я их понимаю. Куда вы? — спросил он, видя, что Куприянов повернул к лагерю.

— К ним, конечно!

— Не мешайте им, Михаил Михайлович. Из этого все равно ничего не выйдет. Вы забыли об охране.

— Ваша правда. Ну что ж! Это послужит им уроком. Пойдем в караульное помещение.

Дежурный офицер встал при входе начальника экспедиции и его спутников.

— Товарищ лейтенант, — обратился к нему Куприянов, — вы уверены, что никто не сможет пройти к кораблю через цепь?

— Безусловно, товарищ Куприянов.

— А что сделает часовой, если увидит, что кто-то хочет приблизиться к шару?

— Остановит и даст световой сигнал, — ответил лейтенант.

Он никак не мог догадаться, что послужило поводом к этому «экзамену», но считал себя обязанным отвечать на вопросы профессора.

— А часовой не пустит в ход оружие? — продолжал Куприянов.

— Нет, зачем же! Конечно, если его не послушаются...

— Не волнуйтесь, Михаил Михайлович! — сказал Козловский, увидя на лице Куприянова явное беспокойство — Они же не маленькие.

— Нет, нет! Лучше не допускать, Петр Аркадьевич, — обратился Куприянов к своему ассистенту, — сбегайте, голубчик, к ним в палатку и скажите, что я запрещаю. Слышите? Запрещаю! Категорически!

Через пять минут Широков вернулся. За это время Козловский рассказал лейтенанту, что они решили с целью проверки бдительности караула послать к кораблю трех человек.

Офицер молча усмехнулся.

— Аверина и Смирнова в палатке нет, — сказал Широков. — Манаенко не знает, где они находятся. Когда я передал ему ваш приказ, он ответил, что и не собирался ходить к кораблю. А те двое уже ушли.

Куприянов выбежал из палатки.

Луна скрылась, и кругом была непроглядная тьма. Профессор и его товарищи напряженно прислушивались, но кругом стояла ничем не возмущаемая тишина.

— Я никогда не прощу себе, что вовремя не удержал их, — сказал Куприянов.

— Ничего не случится, — успокоил его лейтенант, вышедший вслед за ними. — Их остановят, вот и все. Придется только постоять с поднятыми руками.

— Хотел бы я видеть эту картину, — засмеялся Штерн.

Прошло минут десять — и в стороне от дороги красной искрой замелькал огонек.

— Сигнал, товарищ лейтенант! — доложил часовой, стоявший у палатки.

— Вижу, — ответил офицер. — Иду!

— Мы с вами, — сказал Куприянов.

— Нет! — резко ответил лейтенант. — Не разрешаю!

Он исчез в темноте.

— Обиделся, — тихо шепнул Козловский Штерну, — за то, что мы усомнились в их бдительности.

— Почему же вы не сказали правду?

— Почему? — пожал плечами Козловский. — Сами можете понять! Все-таки это не солидное предприятие. Два профессора...

Минут через пятнадцать лейтенант вернулся с обоими «диверсантами», у которых был чрезвычайно обескураженный вид. Опасаясь, что Куприянов начнет выговаривать им и этим выдаст офицеру его хитрость, Козловский громко и весело сказал:

— Ну вот! Я же говорил вам. Конечно, сразу задержали. Благодарю вас, товарищ лейтенант! Караульная служба поставлена образцово. Пошли спать!

— А они? — спросил Куприянов, указывая на Аверина и Смирнова.

— Задержанные останутся здесь до утра, — сухо ответил офицер.

Козловский хохотал до слез, когда они возвращались обратно.

— Я не могу этого допустить, — сказал Куприянов.

— Освободить их может только Черепанов, — сказал Козловский.

— В таком случае идемте к нему. Это вы виноваты! — неожиданно рассердился Куприянов. — Зачем было говорить, что мы хотим проверить охрану? Такие шутки до добра не доводят.

— Вот тебе раз! — смеющимся голосом сказал Козловский. — Я же и виноват оказался. Защищай после этого честь науки.

— Не сердитесь, голубчик! — сказал профессор. — Меня расстроила эта история. Петр Аркадьевич, где палатка?..

Но молодого коменданта не было. Он куда-то исчез.

— Я не знаю, где палатка командира полка.

— Зато я знаю, — сказал Козловский. — Идемте! Но едва они прошли несколько шагов, как встретили Широкова.

— Все в порядке, Михаил Михайлович, — сказал он. — Вот записка начальника штаба.

— Ну и отлично, — обрадовался Куприянов. — Тащите сюда наших энтузиастов.

ЭТО ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ!

Через два дня в лагере появились новые палатки: две были рассчитаны на троих человек и одна — на четверых.

— Здесь будут жить корреспонденты, — сказал Козловский.

— Но ведь корреспондентов пятеро, а не четверо, — заметил Куприянов.

— Это верно, что пятеро, но Ю Син-чжоу мы поселим с двумя московскими журналистами, которые приедут вместе с ними. Иначе иностранные, корреспонденты, чего доброго, смогут заподозрить, что Ю Син-чжоу следит за ними. Они, конечно, знают, что он коммунист. Не следует давать им повод так думать.

— Да! — вздохнул Куприянов. — Не следует!

Со времени памятного ему разговора со Штерном профессор все время находился в тоскливом и одновременно раздраженном состоянии. Мысль, что жизнь гостей Земли, которых он еще не видел, находится в опасности, что их чудесный корабль может стать жертвой диверсии, действовала на него угнетающе. Он хорошо понимал, что Козловский прав, но никак не мог примириться с возможностью такой безмерной подлости.

— Ни один из приезжающих не говорит по-русски, — продолжал Козловский. — Какими языками владеет Широков?

— Английским и немецким, — ответил Куприянов. — Немного понимает французский.

— Хорошо. Ну, а вы, например?

— Я хорошо говорю на французском, английском и немецком. Знаю латинский и немного греческий.

— Другие участники экспедиции тоже, вероятно, владеют языками?

— Да, все. Либо тем, либо другим. Что касается Лежнева...

— Ну, это ясно, — перебил Козловский. — О нем и Ляо Сене говорить нечего. — Он помолчал немного. — Я думаю, не надо приставлять к ним переводчиков. Разве что к трем

ученым, если они этого пожелают. Корреспонденты пусть чувствуют себя свободно. Это будет самое лучшее. Вы верите, Михал Михайлович, что они действительно не знают русского языка?

— Ах, не знаю! — Куприянов махнул рукой. — Меня все это так расстраивает.

Утром, в день приезда иностранцев, Козловский вызвал к себе Черепанова и парторга полка — капитана Васильева.

— Сегодня, — сказал он им, — в лагерь приезжают иностранные ученые и журналисты. Не исключено, что под видом журналиста к нам может проникнуть человек, подосланный враждебными Советскому Союзу кругами. Опасаясь усиления военной мощи СССР, эти люди готовы на все. Кое-какие сведения о готовящейся диверсии против корабля и его экипажа уже стали известны. Можно ожидать попытки уничтожить корабль и его экипаж, прежде чем мы найдем общий язык с нашими гостями. Правительство СССР учитывает эту опасность. Те, кто приедут сегодня, только первая группа. За ней будут приезжать другие. Мы не хотим закрывать двери перед учеными других стран. Прилет космического корабля касается не только нас, но всего человечества. Задача наша в том, чтобы не спускать глаз с приезжих, но только так, чтобы они этого не замечали. Конечно, охрана гостей будет осуществляться не нами. Приедут еще два «корреспондента».

Черепанов и Васильев молча кивнули.

— Нам надо им помочь, — продолжал Козловский. — Я настоятельно прошу вас скрыть знание иностранных языков. Вы оба владеете английским. Я хорошо знаю французский. Итак, товарищи, внимание, внимание и еще раз внимание. Прислушивайтесь к каждому слову. Старайтесь уловить тайный смысл самой незначительной фразы. Во что бы то ни стало надо предупредить злодейский замысел, если он действительно существует. Не дать совершиться несчастью. Это наш партийный долг. Весь этот разговор, разумеется, никому не должен быть известен.

Куприянов, Штерн, Козловский и Лебедев поехали встречать гостей. Поле, на котором когда-то опустили самолеты экспедиции, превратилось за эти дни в настоящий оборудованный аэродром. У полотна железной дороги была построена платформа и возле нее — дом для обслуживающего персонала. Был и небольшой домик начальника аэропорта и помещение караула. Поле было ограждено, на высокой вышке развевался флаг.

Козловский только посмеивался, видя изумление своих спутников.

— Это место историческое, — сказал он. — Оно известно всей Земле. Значит, надо привести его в соответствующий вид. А когда корабль улетит, мы поставим на его месте памятник.

— И, когда сами построим звездолет, он отправится в первый рейс с этого места, — подхватил Штерн.

— Вот именно. Здесь будет ракетодом.

В начальнике аэропорта, вышедшем им навстречу, они с удивлением узнали штурмана эскадрильи, который доставил их сюда.

— Вы как сюда попали, голубчик? — спросил Куприянов.

Летчик радостно приветствовал профессора и его спутников.

— Сам попросился, — сказал он, — чтобы быть поближе к космическому кораблю.

— Почему же вы не приехали к нам?

— Не было времени. Но теперь, когда аэродром готов, обязательно приеду. Очень хочется увидеть корабль.

Ожидать пришлось недолго. Минут через двадцать над полем появились два самолета и один за другим опустили на аэродроме. Первым вышел академик Неверов.

— Не вытерпел! — сказал он, здороваясь с Куприяновым. — Прошу меня приютить. У вас все готово для приема гостей? — озабоченно спросил он.

— По мере возможности, Александр Николаевич. Наш лагерь не курорт. Кроме президента, из самолетов вышли еще тринадцать человек. Куприянов нахмурился.

— Мне сообщили только о восьми.

— Семеро корреспондентов. Трое ученых и их секретари.

Астроном Чарльз О'Келли оказался человеком высокого роста. Его лицо и фигура производили впечатление юности, но длинные совершенно седые волосы говорили о другом. Серые глаза были умны и проницательны. Здраваясь со Штерном, он сказал ему несколько любезных слов.

Жорж Линьетль, маленький, неряшливо одетый старик, с чисто выбритым морщинистым лицом, радостно приветствовал профессора Лебедева и тотчас же вступил с ним в оживленный разговор. Они встречались раньше и знали друг друга.

Профессор Маттисен был типичным шведом. Огромного роста, розовощекий, белокурый, с трубкой в крепких белых зубах. Он с силой пожимал всем руку и радостно улыбался.

Четыре корреспондента — Лемарж, Гельбах, Дюпон и Браунелл — были молодые энергичные люди, которых на первых порах было трудно отличить друг от друга. Они немедленно взялись за фотоаппараты и сфотографировали все, что было на аэродроме.

Ю Син-чжоу скромно стоял в стороне рядом с двумя московскими корреспондентами. Поздоровавшись, он тотчас же опять отошел. Его узкие глаза внимательно наблюдали за всеми.

Из самолетов выгрузили багаж, оказавшийся довольно объемистым.

— Я вызвал две машины, — сказал Козловский. — Оставьте на аэродроме трех секретарей и наших корреспондентов, а с остальными поезжайте в лагерь. Я еще задержусь здесь.

— Где мы поместим президента? — спросил Куприянов.

— В нашей палатке. Она достаточно просторна. Я сказал Широкову, чтобы он все приготовил. Запасные кровати у него есть.

— Обратите внимание на Семена Борисовича, — сказал Куприянов.

— Я давно заметил, — ответил Козловский.

Он обернулся и вдруг перехватил устремленный на него взгляд Дюпона. Англичанин сейчас же отвернулся, но Козловский мог поклясться, что корреспондент прислушивался к их разговору.

Со старым астрономом действительно творилось что-то неладное. Он сердито хмурился, бормотал что-то и обеими руками расправлял бороду, что у него всегда служило признаком волнения.

Куприянов пригласил гостей сесть в машины.

Козловский внимательно следил за Штерном. Он видел, как, направившись к машине, астроном вдруг передумал и сел в другую. В автомобиле, в котором он не пожелал ехать, находились: Куприянов, О'Келли, Маттисен и Ю Син-чжоу.

«Так! — подумал Козловский. — Это заслуживает внимания».

Он прошел в кабинет начальника порта.

Через две минуты туда же зашел один из прибывших московских корреспондентов.

— Вы товарищ Козловский? — спросит он.

— Да. Вот мой паспорт. А вы полковник Артемьев?

— Совершенно верно. Разрешите представить мой документ.

Козловский прочитал бумагу.

— Идите! — сказал он. — Не надо, чтобы нас видели вместе.

Полковник повернулся и вышел.

В ожидании машин Козловский ходил по кабинету, от двери к окну и обратно. Его походка была чуть торопливее, чем обычно.

«Итак, — думал он, — борьба началась. Кто же является главным врагом? Один из ученых? Вряд ли. Они слишком известны. Кто-нибудь из их секретарей? Тоже вряд ли. Значит, корреспонденты. Но кто? Если Дюпон, то выбор слаб. Он слишком неопытен. Сразу попался в подслушивании, обнаружил знание русского языка. Если он и является врагом, то вторым, а не первым. Кто же главный? Браунелл, Лемарж или Гельбах? Ю Син-чжоу вне

подозрений. Он старый член партии, участник гражданской войны в Китае, пользуется доверием. Значит, все внимание на этих трех корреспондентов. И особенно на Браунелле».

Все было как будто ясно, но смутное беспокойство не покидало Козловского. Он старался понять, что его тревожит, и вдруг вспомнил, — Штерн.

«Что означало его поведение? Почему он так разволновался? Почему не сел в ту машину, в которую хотел сначала? Такой умный человек не будет волноваться без серьезной причины. Кто был в машине? Куприянов. В сторону! Ю Син-чжоу? В сторону! О'Келли и Маттисен... Да, причина кроется в одном из них. Надо сегодня же поговорить со Штерном».

Но за весь день Козловскому так и не удалось исполнить свое намерение. Старый академик ни минуты не оставался один. Несколько раз секретарь обкома замечал, что Штерн опять начинал волноваться. Это всегда было в присутствии иностранных ученых, и Козловский окончательно убедился, что именно в одном из них была причина этого необъяснимого волнения. Но в ком и почему? Это оставалось тайной.

Он уже три дня как окончательно перебрался в лагерь, объясняя это тем, что ушел в отпуск и хочет провести его здесь. Все были рады этому. Члены экспедиции с удовольствием включили его в свой коллектив, и Козловский неизменно присутствовал на всех совещаниях, деятельно помогая в подготовке к будущей работе. Он не был ученым, но обладал организаторским талантом и в высшей степени практической жилкой, которой не хватало многим профессорам и академикам. Все признавали, что без него многие вопросы были бы не предусмотрены.

В действительности он жил в лагере по распоряжению ЦК партии, но не считал нужным распространяться об этом. Версия об отпуске ни в ком не вызывала сомнения. Было вполне естественно, что человек, так близко соприкоснувшийся с космическим кораблем, хотел до конца присутствовать здесь. Никому не приходила в голову мысль, что может быть другая, неизмеримо более серьезная причина.

Он поселился в маленькой палатке, в которой жил один, расположенной в центре военного лагеря, рядом с палаткой Черепанова. «Поближе к массам», — говорил он. Это место имело то преимущество, что рядом стоял часовой у знамени и, следовательно, никто не мог подойти незамеченным.

В день прилета иностранцев Козловский рано ушел к себе. Он сел к столу, написал несколько писем и, не раздеваясь, лег на кровать.

Он ждал.

«Если мои предположения правильны, — думал он. — Штерн обязательно придет ко мне».

Как опытный охотник, не видя зверя, чувствует его приближение по едва уловимым признакам, так он чувствовал, что поведение старого астронома имеет какое-то отношение к тому «зверю», которого он хотел выследить. Подозрения были туманны и неясны ему самому, но он был убежден, что не ошибался.

И он не ошибся.

Часы показывали без четверти одиннадцать, когда Козловский услышал грузные шаги астронома. Штерн вошел в палатку и извинился за позднее вторжение.

— Входите, входите, Семен Борисович! — сказал Козловский, вставая с кровати и подвигая кресло. — Садитесь! Очень рад, что вы пришли. Спать не хочется, лежу и скучаю.

— Почему же вы ушли так рано?

— Устал.

Штерн сел и рассеянно стал перебирать лежавшие на столе книги. Козловский, внимательно наблюдавший за ним, заметил, что руки астронома дрожат.

— Вам холодно, Семен Борисович? — в упор спросил он.

Старик вздрогнул.

— Холодно? Нет, почему же!

— У вас руки дрожат. — Козловский обошел стол и сел напротив гостя.

— Я все хотел спросить вас, — почему вы так волновались на аэродроме, в лагере, да и

сейчас тоже волнуетесь?

— Я не волнуюсь... — начал Штерн, но сразу же перебил сам себя: — Нет, волнуюсь, даже очень волнуюсь. — Он поднял на Козловского глаза, добрые усталые глаза много прожившего человека. — Такой странный случай! Совершенно непонятный... Я никак не могу понять, в чем тут дело. И боюсь чего-то... Вы секретарь областного комитета партии. Я должен вам сказать... Вы поможете мне разобраться. Я не знаю, в чем тут дело, но чувствую что-то нехорошее. Мне почему-то кажется, что это имеет отношение к тому, о чем вы нам говорили на собрании.

Во время этой сбивчивой и путаной речи Козловский внимательно и серьезно смотрел прямо в глаза астронома.

— Вы хорошо сделали, что пришли ко мне, — сказал он. — Я ждал вас. Я не устал, а нарочно ушел, чтобы дать вам возможность прийти ко мне. Говорите! Здесь нас никто не услышит.

— Вы ждали меня? Значит, вы тоже заметили?

— Я заметил ваше волнение, и этого для меня достаточно.

— Это очень странный случай. И совершенно непонятный. Они должны были значь... Впрочем, этот очень похож на него...

— Дорогой Семен Борисович! — сказал Козловский. — Перестаньте говорить загадками.

— Да очень просто. — Голос Штерна внезапно окреп. — Этот О'Келли совсем не О'Келли.

— То есть как? — Козловский не ожидал такого оборота.

— А вот так! Он, может быть, действительно носит фамилию О'Келли, но он не директор Кэмбриджской обсерватории, не тот О'Келли, о котором нас предупреждали. Чарльза О'Келли я хорошо знаю. Этот человек очень похож на него, но это не он.

— Вы в этом уверены? — тихо спросил Козловский.

Штерн вдруг рассердился.

— Ну что глупости говорить! Извините! — спохватился он. — Конечно уверен. Они, вероятно, думают, что я от старости совсем одурел. У меня есть портрет Чарльза О'Келли, и я встречался с ним лично.

Его рука опять задрожала.

— Но что это может значить, Николай Николаевич? Зачем этот обман? Что нужно тут этому человеку? Неужели правда, что они хотят причинить зло кораблю и его экипажу? Недавно я сам говорил об этом Куприянову, а вот теперь спрашиваю вас.

— Говорить о возможности зла, — сказал Козловский, — это одно, а столкнуться с ним лицом к лицу — это другое. Я понимаю вас, Семен Борисович, и уважаю за ваше волнение. Этим О'Келли я займусь. Прошу вас никому не говорить ни слова, ни одному человеку, даже президенту или Куприянову. Это исключительно важно. Держитесь с О'Келли так, как будто вы ничего не заметили.

Штерн молча пожал руку Козловского и вышел из палатки.

По его уходе секретарь обкома немедленно отправился к Артемьеву и рассказал ему все.

— Если Дюпон и О'Келли те люди, которых мы опасаемся, — ответил полковник, — то они уже не опасны. Но я боюсь, что это только разведка. Во всяком случае ясно, что наши подозрения имеют основание. Кто-то хочет помешать нам. Это несомненно. Но в чем заключается план врага? Вот что надо разгадать во что бы то ни стало.

Глава четвертая

ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА

День пятнадцатого августа выдался на редкость хорошим. Рано утром прошел небольшой дождь, но к восьми часам небо совершенно очистилось и омытая от пыли земля нежилась под жаркими лучами солнца. Палатки лагеря быстро просохли и казались особенно чистыми и нарядными. Листья берез еще блестели влажным блеском и тоже казались нарядными. Словно сама природа хотела принять участие в празднике.

Наступил решающий день. Его с волнением и трепетом ждало все население земного шара. Если световой разговор третьего августа был правильно понят, то именно сегодня экипаж космического корабля должен был, наконец, показаться людям.

Специально приехавший из Москвы радиокомментатор с помощью радистов лагеря налаживал и испытывал переносной микрофон, готовясь к репортажу. Его рассказ о встрече будет транслироваться по всей Земле. Корреспонденты с особым вниманием проверяли кино— и фотоаппараты.

Никто не знал часа, в котором произойдет долгожданное событие. Люди торопились. В лагере ожидали выхода экипажа в полдень. Это мнение было высказано Штерном и казалось наиболее правильным. В составе гостей безусловно были астрономы, и за прошедшие девятнадцать дней они должны были определить время прохождения солнца через меридиан данного места. Они не могли не понимать, что им готовится торжественная встреча и, не имея возможности договориться о времени, логически должны были остановиться на полдне.

Церемониал встречи послужил предметом долгих и горячих споров. Не только обычаи, но даже восприятие гостей были совершенно неизвестны. Как сделать, чтобы они поняли смысл встречи? Известна ли им, например, музыка? Нашлись горячие головы, придумавшие сложный церемониал с живыми картинами, пантомимами и даже танцами — чуть ли не целое цирковое представление. Кто-то вполне серьезно предложил обсудить — надо ли поднести гостям хлеб-соль по русскому обычаю? В конце концов было решено не мудрить, а встретить так, как обычно встречают на Земле гостей другой страны.

— Не мы одни волнуемся и ждем, — говорил Козловский. — Они с таким же нетерпением ждали этого дня. Они тоже готовятся к встрече с нами и, может быть, тоже обсуждали, как сделать, чтобы мы их поняли.

— Им гораздо легче, — говорил Штерн. — Они видят нас и все время наблюдали за нами, а мы даже не представляем себе, что они такое.

Почти в последний момент возник вопрос, с какой стороны находится выход из корабля. Кроме того отверстия, которое появилось в первый день и за это время еще четыре раза открывалось, в корпусе звездолета не обнаруживалось никаких других.

— Будем ожидать со стороны лагеря, — сказал Куприянов. — Все равно мы не можем угадать, где у них выход.

К половине двенадцатого все было готово к встрече. В ста метрах от шара ровными рядами выстроились батальоны полка. Ближе расположился оркестр и почетный караул. В пятидесяти метрах от корабля стоял микрофон, и возле него собрались все члены научной экспедиции и иностранные гости. Корреспонденты со своими аппаратами были тут же.

В радиусе пятисот метров корабль плотной стеной окружали несметные толпы народа. Никакие запрещения не смогли удержать жителей окрестных городов и сел, и они со вчерашнего вечера непрерывно подходили и подъезжали к лагерю. Больше половины этих людей провели здесь всю ночь и стойчески мокли под утренним дождем. По любопытному совпадению, день пятнадцатого августа пришелся как раз на воскресенье, и это обстоятельство в сильной степени способствовало увеличению числа зрителей.

Караульная цепь была отодвинута от шара на полкилометра, и люди послушно остановились у этой границы, не пытаясь подойти ближе.

Куприянов сердился, что допустили «такое безобразие», ворчал на Черепанова, но тайне был доволен и одобрял поведение жителей.

— На их месте я сделал бы то же, — говорил он Козловскому.

— Иначе и не могло быть, — отвечал секретарь обкома.

День был очень жарким. Ни малейшего дуновения ветра не чувствовалось в

неподвижном горячем воздухе. Высоко поднявшееся солнце ослепительным блеском отражалось в металлических стенках космического корабля, трубах оркестра и огненными искрами вспыхивало на штыках войск.

Шар был неподвижен и загадочен, как всегда. В его внешнем виде ничто не изменилось. Белый корпус по-прежнему скрывал от людей то, что находилось внутри его. Видит ли экипаж корабля все эти приготовления? Понимает ли он, что это означает? Или звездоплаватели заняты своим делом, не обращая внимания на поступки людей, которые им непонятны и чужды? Может быть, они и не думают о выходе из своего корабля, и все эти приготовления были проделаны впустую?

— Этого не может быть, — сказал Неверов, когда Куприянов, стоявший с ним рядом, высказал эти мысли. — Они выйдут!

Президент Академии наук, начальник экспедиции и Козловский стояли отдельно, немного впереди остальных.

По мере того как шли минуты, усиливалось волнение. Люди не спускали глаз с корабля. Они не замечали зноя, готовые ждать и ждать. Время остановилось для них.

Но ждать пришлось недолго.

Вероятно, экипаж космического корабля сам мучился нетерпением и следил за тем моментом, когда подготовка будет закончена.

Гости из другого мира так же, как и люди, приготовились к встрече и выработали свой церемониал.

Опасения, что они не поймут смысла того, что делалось у корабля, оказались напрасными. Они хорошо поняли и доказали это торжественно и просто.

Со стороны корабля внезапно раздался громкий звук. Как будто тяжелый молот с силой ударился о звонкий металл. Мелодичный вибрирующий аккорд пронесся над полем и смолк.

Его слышали все. Огромное кольцо толпы всколыхнулось одновременным движением подавшихся вперед людей.

В тишине отчетливо прозвучала короткая команда Черепанова.

Полк вздрогнул и замер. Офицеры приложили руку к козырьку фуражек.

Над лагерем, над полем, над притихшей толпой медленно и величаво поплыли звуки неведомой мелодии. Они исходили сверху, с вершины шара. Какой-то очень мощный инструмент чистым металлическим звуком играл несомненно гимн, гимн неизвестного народа, неизвестной планеты. Эти звуки не напоминали ни один из музыкальных инструментов Земли. Словно громадный хор людей с металлическими голосами пел на неведомом языке неведомую песню.

Она звучала с какой-то необычайно мягкой силой, и ее было хорошо слышно на много километров вокруг.

Люди стояли, глубоко потрясенные этой музыкой, впервые раздавшейся на их планете. Это было создание неведомого композитора, близкое и дорогое тем существам, которые прилетели на Землю, иначе они не взяли бы его с собой. Они показывали людям Земли лучшее произведение своей музыкальной культуры, зародившейся бесконечно далеко и силой разума принесенной сюда, на Землю.

Смолкла песня, и опять над полем пронесся тяжелый удар молота о звонкий металл.

Наступила тишина.

Оркестр полка молчал. Было неизвестно, услышат ли обитатели корабля сквозь стенки своего шара ответную музыку. Когда они выйдут, Земля ответит им.

Сейчас они должны выйти!

Напряжение достигло предела. Вот сейчас, в каком-то, пока неизвестном, месте откроется дверь, может быть на землю упадет лестница, и появится... Кто? Какие существа выйдут к людям?..

Дыхание спиралось в груди, сердце билось неровно и часто, нервная дрожь трясла людей. Всюду виднелись бледные, напряженные лица с глазами, устремленными к кораблю...

Сейчас выйдут... Кто?

Уродливые пауки с мохнатыми телами и неподвижным жестоким взглядом огромных глаз, глаз спрута?..

Подобия людей, с шестью руками и хоботом на лице?..

Исполинские жуки с жесткими перепончатыми крыльями и человеческими головами?..

Или вся фантазия Земли не в силах предвидеть их внешний облик?

Сейчас откроется дверь...

Их ждали... ждали с напряженным вниманием, не спуская глаз с корабля, но они появились неожиданно. Того, что произошло в действительности, никто не ожидал.

Внезапно со всех сторон одновременно раздался тысячеголосый крик...

На самой вершине шара показалось живое существо.

Несколько секунд оно неподвижно стояло, четко вырисовываясь на голубом фоне неба.

Потом рядом с ним появились еще семеро.

Они казались совсем маленькими на такой высоте, в сравнении с исполинским размером их звездолета. Контуры их фигур были похожи на людей, одетых в длинные мягкие одежды. Отчетливо виднелись головы.

Почему они вышли наверху? Или, показавшись людям, они снова исчезнут внутри корабля, не ступая на землю? Может быть, они опасаются приближаться к неизвестным им существам?..

И вдруг складки «одежд» зашевелились, распахнулись, и восемь крылатых фигур поднялись в воздух...

Птицы!.. Птицы с человеческими головами!

Они плавно, свободно и красиво опускались вниз. Крылья не шевелились. Они управляли своим полетом, как делают это орлы или ястребы, наклоняя тело и слегка покачиваясь.

Подняв головы, застыв от изумления, люди следили за полетом своих гостей.

Птицы...

Разумные птицы населяли неведомую планету, откуда прилетел этот корабль.

И этот гигантский шар был сделан птицами. И музыка, прекрасная мелодия гимна-песни была создана птицей... С этими пернатыми звездоплывателями говорили люди на языке математики... И птицы осуществили великую мечту человечества — межзвездный полет!

Люди ждали, но того, что они увидели, никто не мог предвидеть.

Тишину нарушил голос профессора Лебедева.

— Этого не может быть! — сказал он.

— Значит, может, — печально отозвался Штерн.

В пяти шагах от группы ученых птицы легко и плавно опустились на землю, сложили крылья, и встали на ноги... на обыкновенные человеческие ноги... на две ноги!

Одновременным движением они что-то сделали у груди, и крылья вдруг отделились от тела и легли на землю. Освободились руки... две! Летательные аппараты лежали у ног своих хозяев.

Это были не птицы, а люди!

Все восемь были одинаково одеты в светло-серую одежду, похожую на летный комбинезон, с красными меховыми воротниками и такими же манжетами на запястьях. На каждой руке было пять пальцев, только значительно более длинных, чем у людей.

И они были черные!

Все — руки, шеи, лица, были черными, черными, как китайская тушь.

Черты их продолговатых лиц были такие же, как у людей белой расы, и красивы, красивы с земной точки зрения. Светлые золотистые волосы лежали мягкими волнами. Головы были ничем не покрыты. Ростом они были около двух метров, и их широкие плечи

указывали на физическую силу. По первому впечатлению, они казались молодыми. Их глаза (два глаза) были очень длинные и узкие, так что казались прищуренными. Ресницы были золотисты, как и волосы. Никаких признаков бороды или усов не было заметно.

Освободившись от своих крыльев, они сдвинулись теснее, ближе друг к другу, подняли головы и прямо взглянули своими узкими глазами в глаза людей.

Несколько минут представители двух миров неподвижно стояли друг против друга.

Люди Земли испытывали такое мучительное волнение, что, казалось, продлись оно еще немного — и обезумевшее сердце не выдержит и разорвется. Они были не в силах сделать хотя бы одно движение.

Что испытывали пришельцы из глубин вселенной, было трудно сказать, но их неподвижность говорила о многом.

Стояла такая тишина, что ясно слышалось учащенное дыхание... дыхание обеих групп.

И вдруг пришелец, стоявший прямо напротив Куприянова, сделал несколько шагов вперед и обнял его. Обнял так, как сделал бы это человек Земли, встретивший друга после долгой разлуки.

И ученый Земли ответил ученому другой планеты крепким объятием.

Тишина взорвалась.

Запоздало грянул оркестр. (От волнения музыканты бессовестно фальшивили.) Нарушая дисциплину, почетный караул бросился вперед. Пришельцев подняли на руки.

И они улыбались.

Радиокомментатор опомнился и бросился к забытому микрофону. Корреспонденты, с расстроенными лицами, взяли за свои аппараты. Они тоже забыли о своих обязанностях и не засняли появления гостей. Все смешалось в волнующуюся, гудящую толпу.

Несколько минут у корабля творилось что-то безумное. Звездоплывателям не давали ступить на землю. Они переходили с рук на руки. Каждый хотел хотя бы притронуться к ним.

Первым пришел в себя Черепанов. Он что-то сказал стоявшему рядом с ним офицеру. Раздалась громкая команда, перекрывшая шум. Со смущенными, виноватыми лицами солдаты бегом вернулись на прежнее место и с молниеносной быстротой выстроились.

Гости получили свободу.

Все это время Куприянов стоял рядом с человеком, обнявшим его, держа его за руку. Они часто смотрели друг на друга и улыбались.

Радиокомментатор подошел к ним и попросил профессора выступить у микрофона.

— Я передал все, что произошло, — смущенно сказал он. — Теперь нужно, чтобы вы сказали несколько слов. Ох! И достанется мне! — вздохнул он.

Куприянов подошел к микрофону. Он знал, что вся Земля будет слушать его, но был совершенно спокоен. Пережитые волнения были так сильны, что для новых не хватало сил.

Командир звездолета (это, вероятно, был командир) последовал за ним. Он внимательно и серьезно наблюдал за всем, что происходило перед его глазами.

Теперь, в более спокойной обстановке, Куприянов лучше рассмотрел его и убедился, что этот человек далеко не молод. На его лице были глубокие морщины и в волосах проступала седина. Его мощный лоб, энергичная складка губ, развитый подбородок выражали сильный, властный характер и глубокий ум. Глаза, губы (серого цвета), пальцы рук были не похожи на человеческие глаза, губы и пальцы, и все же это был самый настоящий «человек», только черного цвета, такого черного, какими никогда не бывают даже негры.

Окончив свою краткую речь, Куприянов на секунду задумался и чуть дрогнувшим

голосом сказал в микрофон:

— А теперь мы попросим командира звездолета сказать нам несколько слов.

Он отступил на шаг и жестом пригласил гостя подойти к микрофону.

Он не мог бы объяснить, что побудило его сделать это. Он не знал, может ли это существо говорить, не знал, поймет ли он, что от него хотят. Но, произнося свою ответственную фразу и хорошо зная, какое волнение он вызывает на всей планете, он был глубоко убежден, что не делает ошибки.

Члены научной экспедиций, стоявшие вокруг микрофона, с изумлением посмотрели на своего руководителя. Лебедев даже крикнул с досадой. Один Козловский одобрительно улыбнулся.

И вдруг в наступившей тишине раздался мягкий голос. Говорил звездоплаватель Звуки неизвестного языка понеслись в эфир. Станные, чуждые земному слуху, с отчетливыми промежутками между словами, они поражали какой-то необычайной мягкостью. Как будто после каждой согласной буквы стоял мягкий знак, независимо от гласной, следующей за нею.

Он говорил не больше минуты. Закончив, повернулся к Куприянову и улыбнулся, словно этой улыбкой спрашивая «Довольно ли?»

Лежнев и Ляо Сен с особым вниманием прислушивались к языку гостя. Оба с удовлетворением отметили, что в этом языке не было ни одного звука, который был бы непроносим для людей. Наибольшая трудность, несомненно, заключалась в мягкости согласных букв, которая не была свойственна земным языкам, но эта трудность не казалась им непреодолимой. Изучить этот язык, получить возможность говорить с этими обитателями другой планеты было трудно, но они решили, что эта задача им по силам.

Оба запомнили последнее слово в речи гостя.

Если написать это слово русскими буквами, то получалось странное созвучие: «КЪАЛЬИСЬТЬО».

Они не знали, что означало это слово, но оно врезалось им в память, с таким глубоким чувством оно было произнесено.

КРЫЛЬЯ

— Кялистье, — повторил Ляо Сен, стараясь произносить звуки как можно мягче.

Звездоплаватель отрицательно покачал головой.

Это движение, столь понятное и привычное людям, было с удовольствием воспринято всеми. Между гостями и хозяевами обнаруживалось все большее и большее сходство.

— Къальисьтьо, — сказал он медленно и отчетливо.

Ляо Сен повторил, тщательно выговаривая «а» вместо «я» и «о» вместо «ё». Получилось гораздо лучше.

Серые губы улыбнулись одобрительно. Звездоплаватель показал рукой на корабль, потом на себя и своих спутников и, наконец, на небо.

— Къальисьтьо! — повторил он еще раз.

— Это название планеты, с которой они прилетели, — сказал Козловский

— Странное совпадение! — заметил Штерн. — У нас тоже есть Каллисто. Это один из крупных спутников Юпитера, вторая по величине «луна» солнечной системы.

— Может быть, они с нее и прилетели? — спросил кто-то

— Ну что глупости говорить! Во-первых, наша Каллисто совершенно непригодна для жизни, а во-вторых, никак не могло так случиться, что и мы и они назвали небесное тело одинаковым именем. Звездолет прилетел с другой планетной системы. Запомните это раз навсегда.

— Такое предположение действительно не выдерживает критики, — сказал Неверов. Он обвел рукой вокруг, показал вниз и отдельно произнес. — Земля.

— Зьемлья, — повторил гость Он опять указал на корабль и своих спутников, потом

на людей и, подняв руку к небу, быстро опустил ее вниз, указывая на землю.

— Къальисьтьо — Зьемьля! — сказал он.

Смысл этого места и слов был совершенно ясен. Корабль прилетел на Землю с планеты Каллисто.

Ляо Сен указал пальцем себе на грудь и сказал:

— Человек!

Потом указал на Куприянова, Козловского, каждый раз повторяя: «Человек».

Звездоплаватель отлично понял его. Он повторил ту же операцию, указывая на себя и своих товарищей, каждый раз произнося:

— Мьенькь!

Лежнев решил расширить ассортимент слов. Он указал на командира звездолета и повторил «Меньк». Потом обвел рукой всех звездоплавателей и спросил:

— Менькн?

— Дье! — ответил командир. Он явно понял и это. — Мьенькькь!

— Дье значит нет! — сказал Ляо Сен. — У них множественное число произносится с прибавлением последней буквы слова.

— Очевидно! — ответил Лежнев.

Звездоплаватель, видимо, тоже решил узнать, как произносится множественное число. Он указал на Лежнева и сказал:

— Чьельовьекь!

Потом, так же как Ляо Сен, обвел рукой группу людей и сказал:

— Чьельовьекькь?

— Нет! — ответил Лежнев. — Люди!

По движению головы было похоже, что звездоплаватель удивился. Он показал на Лежнева и спросил:

— Льюдь?

— Нет! — ответил Лежнев. — Человек! — он опять указал на всех и повторил:

— Люди!

Звездоплаватели о чем-то заговорили между собой. Было ясно, что это странное расхождение в словах было им непонятно.

— У них, — сказал Ляо Сен, — язык проще, чем у нас.

— Это еще не известно, — сказал Лежнев. — По двум словам нельзя судить обо всем языке.

Было очевидно, что предстоящая работа по изучению языка увенчается успехом. Начало было все-таки положено, и достаточно успешно.

Еще несколько слов, обозначающих нос, губы, волосы, руки и ноги, было названо с обеих сторон. Широков вынул блокнот и тщательно записывал каждое слово. Звездоплаватели обходились без записей. Они или запоминали, или решили, что этот первый разговор не стоит записывать.

Каждое название произносилось в единственном и множественном числе. Стало совершенно очевидно, что в языке гостей множественное число обозначалось тем же самым словом, но с повторением последней буквы.

Хозяева остались вполне довольны этим первым разговором. Насколько они понимали выражение лиц своих гостей, те тоже были удовлетворены.

Командир корабля показал рукой на темное кольцо толпы, все еще стоявшей на том же месте и не расходившейся.

— Люди! — сказал Лежнев.

— Льюдьи! — кивнул головой звездоплаватель. Он указал на своих товарищей, потом на толпу и изобразил руками крылья.

— Они хотят полететь к народу, — сказал Козловский. Посмотреть или показать им себя.

— Это очень хорошо! — сказал президент.

Куприянов жестами показал, что желание гостей понято и не встречает возражений.

Семеро из них, в том числе и командир, подошли к своим крыльям, лежащим на земле. Быстро и, видимо, привычно, они надели на себя что-то похожее на длинную мягкую одежду. Теперь все заметили, что на спине помещался продолговатый ящик, сделанный из темного металла. Крылья прикреплялись к телу при помощи гибких металлических «ремней». Руки вошли в «рукава», вделанные с внутренней стороны крыльев.

Звездоплаватель, не присоединившийся к своим товарищам, поднял с земли свои крылья и подошел к людям. Семеро других, уже готовые к полету, стояли не трогаясь с места и ждали чего-то.

Звездоплаватель медленно надел на себя летательный аппарат. Он явно хотел показать людям, как это надо делать. Проведя руки, он глазами указал на маленький ящичек, прикрепленный под левым крылом. На крышке ящичка было четыре кнопки. Он положил на них пальцы и нажал на первую кнопку, справа. С тихим шуршащим звуком крылья распахнулись. Их размах достигал четырех метров. На вид они были жестки и упруги. Каркас, на котором они держались, был, очевидно, вделан внутри. Формой крылья напоминали крылья орла. Переждав минуту, чтобы дать возможность людям осмотреть их, он кивком головы снова обратил внимание на кнопки и нажал вторую. Столб пыли поднялся с земли за его спиной. Но он не двигался с места. Показав, опять-таки глазами, на правую руку, он как бы попросил обратить внимание на второй такой же ящичек, на крышке которого находилась маленькая рукоятка. Он чуть-чуть, едва коснувшись, повернул и сейчас же поставил ее в прежнее положение. Несмотря на молниеносную быстроту его движения, он поднялся на метр от земли и опустился обратно. Пыль вихрем кружилась позади этой крылатой фигуры. Нажав третью кнопку, он остановил двигатель. (Ящик на спине был несомненно двигатель.) Нажав четвертую — и крылья сложились.

Все с волнением и интересом следили за этой демонстрацией.

— Ясно и, кажется, очень просто! — сказал Широков.

Звездоплаватель снял с себя летательный аппарат и протянул его Куприянову. Он явно приглашал его лететь вместе со своими товарищами, которые по-прежнему ждали.

— Ну, нет! Это не для меня! — сказал профессор.

Корреспондент агентства Рейтер, Дюпон с решительным видом выступил вперед. Казалось, он хотел принять это предложение.

Широков перехватил тревожный взгляд Козловского. Поборов невольный страх, он, опережая англичанина, громко сказал:

— Я полечу!

— Упадете и разобьетесь, — сказал Штерн.

Дюпон с недовольным лицом чуть насмешливо поклонился и отошел. По лицу Козловского скользнула улыбка. Корреспондент вторично обнаружил понимание русского языка.

— Конечно, упадете, — поддержал Штерна Куприянов.

— Я этого не думаю, — сказал президент. — Эти люди очень разумны и не стали бы предлагать лететь, если бы не были уверены в устойчивости аппарата. Они должны понимать, что у нас нет и не может быть опыта.

— Я полечу! — повторил Широков. — Когда-то я мечтал стать планеристом. Я убежден, что они не дадут мне упасть.

Он решительно протянул руку к крыльям.

Звездоплаватель улыбкой выразил свое одобрение. Его узкие глаза смотрели прямо в глаза молодого медика, и Широкову показалось в этих необычайно длинных черных глазах выражение ласки.

— Вьельи! — сказал гость.

По интонации это слово, вероятно, означало — «смелее!»

Широков с удивлением заметил, что совсем не волнуется. Он надел на себя аппарат, оказавшийся очень легким, и продел руки в «рукава». Кнопки и рукоятка оказались как раз

под пальцами. Звездоплаватель заботливо помогал ему. Он еще раз показал на каждую кнопку и жестами объяснил, для чего они служат.

Широков кивнул головой, показывая этим, что понял.

— Петр Аркадьевич! — взволнованно сказал Куприянов. — Может быть, лучше не надо?

— Нет, — ответил Широков. — Теперь уже поздно!

Он осторожно, стараясь не запутаться в концах крыльев, подошел к семерым звездоплавателям, которые встретили его ласковыми, одобрительными улыбками.

Командир сказал что-то, и его товарищи раздвинулись, освобождая место друг другу, чтобы иметь возможность свободно раскрыть свои крылья. Широков стоял рядом с командиром.

Ему еще как-то не верилось, что через несколько секунд он действительно превратится в птицу и полетит по воздуху на этом непонятном аппарате. Он стоял и улыбался.

Раздался сильный шорох, и семь пар крыльев раскрылись рядом и позади него.

Широков стиснул зубы и нажал кнопку. Аппарат раскрылся с такой силой, что его руки поднялись сами собой.

Командир повернул к нему голову и кивнул.

Широков нажал вторую кнопку. Он ничего не почувствовал. Увидел только, как у ног командира вихрем поднялась пыль. Из ящика, расположенного на спине, очевидно, била сильная струя воздуха или какого-нибудь газа.

Он знал, что рукоятка, расположенная справа, служит для усиления этой струи, и понимал, что надо повернуть ее, но не мог сделать этого. Его пальцы вдруг онемели.

Он увидел, как Куприянов быстро направился к нему, понял, что его учитель и друг хочет запретить ему лететь. С энергией отчаяния, поборов слабость, он резко повернул ручку.

Земля провалилась вниз. Он почувствовал упругое сопротивление воздуха. Мощная сила несла его вперед. Тело само собой приняло горизонтальное положение. Рядом висел в воздухе командир звездолета, внимательно наблюдая за ним. Широков увидел внизу дорогу и понял, что летит к лагерю. Командир наклонил тело и повернул влево. Широков поднял правую руку и опустил левую. Его тело послушно повернуло в нужном направлении. Он чуть повернул ручку и полетел быстрее, догоняя командира. За ними летели остальные шестеро.

Чувство страха совсем исчезло. Аппарат был послушен, и Широков больше не боялся, что упадет. Он целиком отдался необычайному и приятному ощущению этого свободного полета. Он наклонялся вправо и влево, опускался вниз и снова поднимался. Его спутники повторяли все его движения, очевидно не решаясь оставить его одного. Они держались близко к нему и, казалось, были готовы в любую секунду прийти на помощь.

Прошло не более двух минут, и Широков почувствовал себя так, словно десятки раз летал на этих чудесных крыльях.

Они летели к кольцу толпы и, очутившись над нею, опустились совсем низко. Широков намеренно отстал, пропустив своих спутников вперед. Они не возражали против этого, убедившись, что их земной товарищ чувствовал себя свободно.

Широков видел внизу, на расстоянии всего трех — четырех метров, поднятые к ним бесчисленные лица, слышал оглушительный шум приветственных криков. Шапки летели вверх, едва не задевая крылатых звездоплавателей. Несколько кепок и фуражек, брошенные слишком высоко, были далеко отброшены струей от двигателей. Широков вспомнил при этом катастрофу под Чкаловом и понял, что эти аппараты двигались по тому же принципу, что и весь космический корабль. Это был принцип реактивного движения.

Его спутники описывали в воздухе широкий круг. Они явно хотели облететь все кольцо толпы.

Широков внезапно почувствовал, что его руки устали, они начали болеть все сильнее и сильнее...

Группа ученых, корреспонденты и несколько офицеров полка стояли на том же месте, наблюдая за полетом. Куприянов очень волновался за своего ассистента, но, увидя, как легко и свободно он летит, успокоился.

— Молодец! — повторял Штерн

— Жаль, что я уступил ему место, — шутливо сказал Козловский.

— Ну, вот и состоялось это знаменательное событие, — говорил президент. — И они оказались обыкновенными людьми! А сколько было фантазий!

— Я сразу не поверил, что это птицы, — сказал Лебедев. — Организм высокоразумных существ формируется трудом. Для труда необходимы соответствующие органы тела — руки или что-нибудь подобное рукам, но не крылья. Вы заметили, какие у них длинные и гибкие пальцы? Рука не только орган труда, она также его продукт, как говорил Фридрих Энгельс.

— Это верно, — сказал Аверин. — Их руки свидетельствуют, что на их планете, так же как на Земле, царит труд.

— Без труда не построишь такой корабль, — заметил Неверов.

— Меня интересует, — сможем ли мы осмотреть корабль внутри? — сказал Куприянов. — А почему же нет?

— Не знаю, согласятся ли они на это.

— Не только согласятся, но и сами пригласят нас, — уверенно сказал Козловский.

— А если так, то каким способом мы проникнем в него? Пользоваться их крыльями я решительно отказываюсь.

— Может быть, есть другой выход, внизу, а если нет, то можно затребовать вертолет, — ответил Неверов.

— Это удачная мысль, — подхватил Штерн. — Если Михаил Михайлович не хочет уподобляться птице, то мне это и подавно не удастся.

Звездоплаватель, молча стоявший рядом с ними, тронул Куприянова за плечо и показал рукой налево.

Группа крылатых фигур несколько минут тому назад скрылась позади шара. Все видели, что Широков летел сзади, и понимали, чем это вызвано. Теперь, когда они появились с другой стороны, их было только семеро.

Несколько секунд люди еще не понимали, что это означало. Семь фигур летели вперед. Восьмая не появлялась.

Но вдруг спокойное течение полета нарушилось. Семь «птиц» резко повернули обратно. Очевидно, они заметили исчезновение своего спутника.

— Это Широков! — испуганно сказал Куприянов. — Он упал!

Все побежали, огибая шар. Они увидели, как звездоплаватели опустились на землю и окружили что-то. Но толпа стояла спокойно. Если бы Широков действительно упал, этого не могло быть.

Потом одна фигура поднялась в воздух и быстро полетела прямо к шару. Пять других тоже поднялись и продолжали полет по прежнему направлению.

— Кажется, все благополучно, — облегченно сказал Неверов. — Один из них остался с Широковым. Наверное, сломалось что-нибудь.

Направившийся к кораблю звездоплаватель быстро подлетел к ним и опустился на землю. Он кивал головой и улыбался, словно хотел сказать: «Все в порядке!»

— Они поняли, что мы будем волноваться, и послали его успокоить нас,

— сказал Козловский. — Это не только люди, — это очень хорошие люди! — прибавил он.

Приблизительно минут через десять пятеро звездоплавателей вернулись, закончив облет толпы. Они сняли свои аппараты и тоже старались успокоить людей. Они указывали на руки, выше локтя, и трясли ими. Что это должно было означать, никто догадаться не мог, но все совсем успокоились. Очевидно, с Широковым ничего плохого не случилось.

Еще через несколько минут они увидели, как поднялись в воздух две отставшие фигуры.

Широков и командир звездолета, целые и невредимые, опустились у корабля.

— Что случилось, Петр Аркадьевич? — спросил Куприянов.

— Устал, — ответил молодой человек. — Почувствовал такую боль в руках, что был вынужден опуститься на землю. К этому аппарату нужно привыкнуть.

— Напугали вы нас, — сказал президент.

— Ну, как впечатление? — спросил Козловский.

— Замечательно! — ответил Широков. — Если удастся изготовить такой аппарат, он произведет целую революцию в спорте и военном деле.

Козловский стремительно обернулся и в упор посмотрел на Дюпона. Застигнутый врасплох журналист не успел принять равнодушный вид.

— Вас интересует такое использование крыльев, мистер Дюпон? — по-русски спросил секретарь обкома.

— Интересно! — вызывающий тоном ответил корреспондент. (Он понял, что разоблачен и нет смысла упорствовать.) — Не меньше, чем вас.

— Вы хорошо говорите по-русски, — с усмешкой похвалил Козловский. — Сегодня побеседуем с вами.

— С большим удовольствием! — Дюпон поклонился и отошел в сторону.

Куприянов, Штерн и Широков не слышали этого короткого разговора, а те, кто слышали, не придали ему никакого значения.

«Один обезврежен, — подумал Козловский. — Но он что-то подозрительно легко попался».

Между тем командир звездолета настойчиво приглашал посетить корабль. Он указывал на крылья, потом на Широкова, улыбался, жестами приглашая надеть аппарат и подняться вверх. Его мимика была так выразительна, что иногда казалось, что он просит словами.

«Ваш товарищ летал, — будто говорил он, — и с ним ничего не случилось. Наденьте крылья, и я покажу вам наш корабль».

Куприянов всеми силами старался объяснить ему, что завтра прилетит вертолет и тогда они примут приглашение, но из его объяснений ничего не выходило. Звездоплаватель не понимал.

Широков взял карандаш и нарисовал на листке из блокнота шар, затем поставил девятнадцать черточек и опять нарисовал шар и на нем — крылатую фигуру. Указывая на последнюю, девятнадцатую, черточку, он затем указал на солнце.

Звездоплаватель внимательно рассмотрел рисунок и вернул его, кивнув головой. Казалось, что он понял.

Тогда Широков поставил еще одну черточку и снова нарисовал шар, старательно изобразив над ним вертолет с опущенной лестницей и фигурками людей. Командир корабля закивал головой. Он хорошо все понял.

— Къатьри! — сказал он.

— Къатри! — ответил Широков, решив, что это слово означает «завтра».

После этого графического объяснения командир оставил в покое Куприянова и все свое внимание перенес на Широкова, приглашая его одного посетить корабль сегодня.

Предложение было очень заманчиво, и Широков спросил профессора, не будет ли тот возражать против этого.

— Нисколько! — ответил Куприянов. — Могу только позавидовать вам.

— Скажите ему, что я тоже хочу с вами, — сказал Синяев, обращаясь к Широкову, как к испытанному уже переводчику.

— Если можно, то и меня возьмите, — сказал Ляо Сен.

— И меня! И меня! — послышались со всех сторон просьбы корреспондентов.

Широков обратился к командиру звездолета. Тот, очевидно, догадался, о чем идет речь, и показал два пальца. Это означало, что посетить корабль могут одновременно два человека.

— Пусть на корабль отправятся товарищи Ляо Сен и Широков, — сказал Куприянов. — Остальные подождут до завтра. А двух человек, которые отдадут вам свои

аппараты, мы отведем в лагерь и покажем им нашу жизнь. Скажите им, Петр Аркадьевич!

Такому понятливому человеку, как командир звездолета, было нетрудно передать жестами слова Куприянова. Два звездоплвателя отдали свои аппараты двум людям и помогли надеть их.

Подъем на корабль не доставил никаких затруднений.

Когда восемь человек скрылись внутри шара, Куприянов пригласил оставшихся пройти в лагерь. Они, видимо, охотно приняли это приглашение. Группа ученых, их гости и корреспонденты ушли. За ними ушел и полк.

Толпа, видя, что все кончилось, стала постепенно расходиться.

ЗВЕЗДОЛЕТ

Очутившись на вершине шара, Ляо Сен и его спутник увидели, что находятся на небольшой плоской площадке. На ее середине было круглое отверстие диаметром около полутора метров. Оно напоминало колодец или шахту с металлическими стенками.

Широков заглянул туда. Труба уходила глубоко вниз. Ее дно скрывалось во мраке.

Командир корабля снял с себя крылья. Все сделали то же. Он наклонился и нажал маленькую кнопку у края трубы.

Прошло несколько секунд, и снизу беззвучно поднялась круглая плоская крышка. Она остановилась как раз у края колодца и так плотно закрыла отверстие, что неразлично слилась с поверхностью шара. Если бы не узкая синяя полоса, идущая по краю крышки, было бы невозможно найти ее.

Трое звездоплвателей стали на эту крышку и жестами пригласили Широкова присоединиться к ним. Очевидно, подъемная машина могла поднять только четырех человек сразу. Три их товарища и Ляо Сен остались наверху.

Крышка дрогнула и быстро, плавно опустилась вниз.

Кругом было совершенно темно. Высоко над головой виднелся светлый круг выхода. По его видимой величине Широков определил, что они опустились не меньше как на десять метров. Это было уже близко к центру шара.

Машина остановилась без малейшего толчка. Раздался слабый свист, потом металлический звук — и темная заслонка, как показалось Широкову, над самой их головой закрыла колодец. Кусочек неба, видимый наверху, исчез.

Мрак еще больше сгустился. До сих пор Широков слабо, но все же различал черные тени своих спутников. Теперь и эти тени исчезли. Их окружала полная темнота.

Внезапно он почувствовал резкий и неприятный запах. Замкнутая со всех сторон кабина наполнялась каким-то газом. Стало трудно дышать.

Был ли это воздух Каллисто?..

Он не знал, что подумать. Мелькнула тревожная мысль: «Может быть, эти существа не понимают, что мы не можем дышать таким воздухом, привычным для них».

Рука звездоплвателя коснулась его руки и сжала ее нежно, ласково, успокаивая...

И вдруг запах исчез. Воздух снова стал чистым.

Раздался мелодичный звон. Стенки кабины раздвинулись, и яркий свет на мгновение ослепил его.

Открылась внутренность корабля.

Первое, что почему-то пришло в голову Широкову, было сознание, что он дышит воздухом чужой планеты. Вся процедура спуска доказывала, что звездоплватели не допускали в свой корабль воздух Земли. Может быть, газ наполнивший кабину, как раз и предназначался для того, чтобы каким-то образом уничтожить в ней земной воздух и заменить его своим?

«Но если это так, — подумал он, — мы можем заразиться неизвестной на Земле болезнью, вдохнуть в себя неизвестный нам микроб, с которым наш организм не сумеет справиться».

Эта мысль мелькнула и тотчас же исчезла. Он чувствовал доверие к этим обитателям другого мира и подумал, что если бы существовала такая опасность, то они не допустили бы их на корабль.

Он с любопытством осмотрелся.

Помещение, в котором он находился, представляло собой как бы внутренность граненого шара, перерезанного внизу плоскостью пола. Стенки этого шара состояли из правильной формы восьмиугольных панелей, сделанных из чего-то, похожего на молочное стекло. Сходство со стеклом усиливалось тонкой металлической рамой или оправой, в которую были вделаны эти панели. Помещение имело пять или шесть метров в диаметре. Пол был сплошь металлический и состоял из ясно видимых отдельных плит. В середине, на длинных и тонких металлических стержнях, уходящих в стены, висело что-то, похожее на большой щит управления, какие Широкову приходилось видеть на электростанциях, сплошь заполненный странной формы приборами, трубками, кнопками и рукоятками. Перед ним, соединенное со стержнями, поддерживающими самый щит, находилось мягкое кресло совершенно «земного вида». Пол проходил как раз под щитом, но, очевидно, не служил ему опорой. Никаких дверей или люков (через которые можно было бы попасть в другие помещения), не было видно. Кроме пульта и кресла, никакой другой мебелировки в помещении не было. Оно было совершенно пусто.

В нескольких местах, наверху и почти у самого пола, были расположены источники света, закрытые выпуклыми матовыми стеклами или чем-то, очень похожим на стекло.

Выйдя из кабины, они оказались на небольшой площадке с перилами. Вниз вела металлическая лестница. Прямо напротив Широков увидел вторую, такую же площадку и лестницу. Там, очевидно, была расположена другая подъемная машина, ведущая на поверхность шара.

Командир корабля жестом указал вниз. Широков спустился по лестнице. За ним последовали хозяева.

Они сняли с себя свои меховые комбинезоны и оказались в легких одеждах, сквозь которые просвечивали их черные тела.

Только сейчас Широков заметил, что внутри корабля было очень жарко. Он вспомнил обстоятельство, ускользнувшее раньше от его внимания. Несмотря на знойный августовский день, звездоплаватели вышли очень тепло одетыми. Сопоставив это с черным цветом их кожи, он пришел к выводу, что неизвестная планета — Каллисто, с которой прилетели эти люди, обладает неизмеримо более жарким климатом, чем Земля. (Это предположение впоследствии оказалось правильным.) Он услышал, как снова опустилась подъемная машина и появились Ляо Сен и трое оставшихся с ним наверху звездоплавателей.

Профессор без приглашения спустился по лестнице к Широкову.

— Что это за газ? — спросил он, кивнув головой назад, в сторону подъемной машины.

— Сам этого не знаю, — ответил Широков.

Три спутника Ляо Сена тоже сняли свои теплые одежды.

На них всех были мягкие брюки, похожие на те, которые носят лыжники, с широкими поясами и легкие, почти прозрачные, рубашки. Покрой был одинаков, но цвет различным. Командир и еще двое были в синих костюмах, один в темно-сером и двое — в красных.

Как уже упоминалось, помещение было шарообразным, но пол проходил гораздо ниже центра этого граненого шара, и боковые стенки подходили к нему наклонно, под очень тупым углом.

Неожиданно один из восьмиугольников, примыкавших к полу, сдвинулся с места, отошел назад, затем скользнул в сторону. Образовался люк. Снизу поднялись еще двое звездоплавателей, одетых в такие же костюмы; один — в сером, другой — в зеленом.

Значит, экипаж корабля не ограничивался первыми восьмью звездоплавателями, вышедшими наверх. Сколько еще могло быть скрыто в огромном корпусе звездолета?..

Тот, кого принимали за командира, указал на одного из них и сказал:

— День Сьиньгь!

Потом протянул руку к другому, в зеленом костюме, и представил его:

— Рьигь Дьиегьонь!

Он обвел рукой окружающее пространство, словно охватывая весь корабль, потом опять указал на того же человека и снова повторил:

— Рьигь Дьиегьонь!

Широков и Ляо Сен поняли, что человек в зеленом был или командиром звездолета или его конструктором.

Они поклонились и назвали свои имена. Китайский лингвист произнес свое имя на манер гостей — «Ляо Сьень», — желая облегчить им его произношение.

Широков, назвавшись, протянул руку. Он сделал это инстинктивно и сразу понял, что этот обычай был не известен этим людям.

Ригь Диегонь улыбнулся и, не беря руки, обнял сначала Широкова, потом Ляо Сена. То же сделал его товарищ в сером костюме.

Они были немолоды, с совершенно седыми волосами, — явно старше остальных. Широков подумал, что им, вероятно, трудно пользоваться крыльями и что именно поэтому они не вышли из корабля.

Ригь Диегонь что-то сказал, и пятеро звездоплывателей один за другим спустились в люк и исчезли. Остались два старика и тот, которого принимали за командира.

Широкову захотелось узнать его имя. Он по очереди указал на вновь пришедших и повторил их имена. Потом указал на него и вопросительно замолчал.

Звездоплыватель понял. Приложив руку к груди, он сказал:

— Дьень Бьяининь!

Первое слово, очевидно, означало имя. Оно было тем же, что и у старика в сером костюме.

— У них имена и фамилии, — сказал Ляо Сен.

Диегонь обратился к Широкову и, погладив его по плечу, руками изобразил крылья. Молодой ученый понял, что командир звездолета видел его полет и хвалит его за смелость. При этом он вспомнил, что эти люди каким-то образом видят сквозь стенки своего корабля, и ему захотелось узнать, как это делается. Но он не мог придумать способа сообщить им о своем желании. Несколько раз он показывал на свои глаза и затем на стены, но звездоплыватели не понимали. Они внимательно и серьезно наблюдали за его мимикой, но, очевидно, не могли догадаться, чего хочет от них человек Земли.

Ляо Сен в свою очередь попытался объяснить, что они просят показать, как звездоплыватели видят то, что окружает корабль, но и его старания не увенчались успехом.

На черных лицах хозяев появилось выражение, которое нельзя было понять иначе, как сожаление. Они о чем-то поговорили между собой, и Диегонь жестами пригласил Широкова и Ляо Сена идти за ним. Приходилось временно оставить вопрос о «глазах» звездолета и подчиниться желанию хозяев.

— Узнаем потом, — сказал Ляо Сен.

Диегонь подошел к восьмиугольному люку и спустился по маленькой, всего в четыре ступени, лестнице. Широков, Ляо Сен и два других звездоплывателя пошли за ним.

Они очутились в круглом коридоре, напоминавшем внутренность широкой трубы. Коридор, как оказалось, был устроен кольцом вокруг шарообразной комнаты. Бьяининь жестами объяснил, что такой же круглый коридор был еще и наверху.

Через каждые несколько шагов коридор был освещен такими же лампами, прикрытыми матовыми стеклами, как и центральный пост. (Шарообразная комната была явно тем помещением, откуда осуществлялось управление космическим кораблем в полете.) Пол был покрыт чем-то вроде резиновой дорожки. Широков наклонился и пощупал материал. Это была не резина.

Они прошли шагов двадцать. Диегонь остановился и нажал кнопку. В этом месте снова оказалась совершенно незаметная дверь.

Все двери и люки космического корабля были так тщательно пригнаны, что их никак

нельзя было заметить. Это было сделано с какой-то целью, но с какой, — Широков не мог догадаться.

Подъемная машина, летательные аппараты, двери — все приводилось в действие при помощи кнопок. Они, очевидно, служили для включения электрического тока. Предположить на корабле существование электростанции было трудно. Ток, по-видимому, давали аккумуляторы.

«Здесь много интересного для Манаенко», — подумал Широков.

Оказавшаяся перед ними дверь вела в другой, узкий коридор, круто поднимающийся вверх. В этой трубе уже не было пола. Вместо него здесь находилась лестница. Широков обратил внимание, что она не была прикреплена к стенам, а имела такой вид, будто была временно положена. Он вспомнил пол в центральном посту, тоже имевший «временный» вид.

Широков был мало знаком с вопросами звездоплавания, но его знаний было достаточно, чтобы догадаться: пол в центральном посту и эта лестница не являлись постоянными частями корабля. Они были нужны только тогда, когда звездолет находился в условиях тяжести. Во время полета эти части были не нужны и, наверное, убирались.

Поднявшись по лестнице, они опять-таки оказались перед герметически закрытой дверью, которая открылась, когда нажали нужную кнопку.

За ней оказалось небольшое, тесное помещение. Оно было полно толстых металлических труб, которые со всех сторон выходили из стен и оканчивались у массивного цилиндра, метра полтора в поперечнике. И цилиндр и трубы были сделаны из того же голубовато-белого металла, из которого состоял корпус корабля. Цилиндр уходил в противоположную стену.

Бьяининь взял у Широкова блокнот и карандаш и нарисовал шар. Он рисовал быстро и гораздо лучше, чем молодой медик. Вокруг шара, со всех сторон, он изобразил звезды. Это явно означало корабль в полете. Позади шара он нарисовал несколько длинных прямых хвостов, имевших вид пара. Потом он указал на цилиндр.

— Это двигатель, — сказал Ляо Сен.

— Да, это один из двигателей, — ответил Широков. — Корабль приводится в движение реактивной силой.

Бьяининь опять указал на цилиндр и несколько раз сжал и выпрямил пальцы обеих рук.

— Восемьдесят, — сказал Широков. — Неужели у них восемьдесят двигателей?

— Это не удивительно, — ответил Ляо Сен. — Корабль так велик, что для его полета нужна огромная сила. Он должен иметь возможность двигаться во все стороны. Вспомните черные отверстия, закрытые решетками. Это наружные отверстия дюз.

По знаку Диегоня, они снова спустились в круглый коридор.

На этот раз нужная дверь, вернее люк, оказалась внизу, под полом. Бьяининь откинул «резиновую» дорожку и уже не кнопкой, а просто рукой поднял крышку этого люка. Здесь оказалась не временная, а постоянная винтообразная лестница. Она уходила прямо вниз. Спустившись по ней, они очутились в небольшой, сплошь металлической комнатке, с прямоугольными стенами, полом и потолком.

В одной из стен, в углублении, была дверь, которая открылась обычным порядком, то есть при помощи кнопки. За этой дверью оказалась вторая. Обе двери были очень толсты и массивны.

За ними находилось помещение, занятое какой-то большой и сложной машиной. Так, по крайней мере, показалось Широкову и Ляо Сену. Внешне этот агрегат мало походил на машину. Не было заметно никаких движущихся частей. Тяжелые металлические щиты, скрепленные между собой болтами, составляли как бы кожух, под которым сквозь толстые узкие стекла, виднелись металлические трубы. Две массивные рукоятки на длинных стержнях, какие-то стеклянные трубочки с металлическими шариками в них, были расположены снаружи и ограждены легкой решеткой, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. В этом помещении пол был отнюдь не временный и состоял из разноцветных плиток,

напоминающих керамику, образующих красивый, но для земного глаза не понятный узор.

Ляо Сен хотел подойти ближе к машине, но Диегонь остановил его и отрицательно покачал головой. Очевидно, нельзя было подходить. Они остались стоять у самой двери.

Диегонь протянул руку к машине, потом обвел ею вокруг и в заключение положил к себе на грудь с правой стороны. Что он хотел этим сказать не поняли ни Широков, ни Ляо Сен.

По-видимому звездоплаватели хотели, чтобы их гости как следует рассмотрели эту таинственную машину, потому что они около пяти минут не двигались с места.

Широков был уверен, что перед ними находится одна из самых главных, если не самая главная, часть космического корабля. Выражение лица Диегоня, насколько он понимал его, показывало, что он демонстрирует людям эту машину с чувством гордости. За что?.. За технику своей планеты, конечно! За технику Каллисто!

На секунду Широков представил себе, что роли переменялись. Вот он, командир советского звездолета, прилетевшего на другую планету, показывает ее обитателям чудесное творение человеческого гения, могучее создание мысли, воли и техники человека Земли. Какое чувство испытывал бы он тогда?..

Он повернулся к командиру корабля (не его ли конструкции была эта машина?) и, взяв его руку, крепко сжал ее. Жест был непонятен этому черному человеку, но чувство, побудившее к нему, он хорошо понял. Протянув руку, он длинными черными пальцами коснулся головы Широкова и погладил его по лбу. На серых губах появилась ласковая улыбка.

По той же винтовой лестнице они поднялись наверх и прошли опять в шарообразную комнату. (Широков мысленно называл ее центральным постом.) Диегонь подошел к пульту и сел в находящееся перед ним кресло. Положив руки на рукоятки, он обернулся к людям и снова улыбнулся.

Широков и Ляо Сен поняли, что им демонстрируют управление космическим кораблем в полете. Не имея возможности говорить с гостями, хозяева не могли объяснить яснее. Но и так все было достаточно понятно. Им показали двигатель, машину, которая чем-то была связана с ним, и в заключение место командира корабля. Но не управляют же звездолетом вслепую?..

Диегонь нажал какую то кнопку на пульте.

Широков и Ляо Сен с изумлением увидели, что один из восьмиугольников, находящихся низко над полом, на уровне их глаз, вдруг потемнел, потом стал ослепительно белым. По нему замелькали частые полосы; — и все исчезло. В стене было окно.

Они видели всю панораму лагеря так ясно, как будто это было действительно сквозное отверстие. Изображение было объемным, цветным и создавало полную иллюзию прямой видимости.

Это был огромный экран телевизора, съемочная камера которого находилась, по видимому, в стенке корабля, позади экрана.

Они видели людей в лагере, видели, как шевелятся ветви берез.

Бьяининь дотронулся до руки Широкова, словно призывая к вниманию.

И вдруг панорама лагеря дрогнула и стала медленно приближаться. Как будто космический корабль сдвинулся с места и поплыл к нему. Все ближе и ближе, и вот уже на всем экране видна только вершина березы. Каждая веточка, каждый листик казались столь близкими, что до них можно было рукой дотронуться.

И опять все поплыло, но уже в обратную сторону. Лагерь стал удаляться, пока не занял прежнего положения, соответствующего действительному расстоянию до него.

— Будущее нашего телевидения! — сказал Ляо Сен.

— Весь этот корабль наше будущее, — отозвался Широков. — Мы находимся в мире будущего.

Диегонь нажал другую кнопку — и рядом с первым экраном появился второй. Вскоре все восьмиугольные панели, за исключением тех, которые находились позади лестниц, и трех, очевидно служивших дверями, превратились в экраны.

Бьяининь погасил свет — и изображение приобрело еще большую четкость. Если у Широкова и Ляо Сена были какие-нибудь сомнения относительно природы этих «окон», то теперь они рассеялись. Это было телевидение, давно им известное, но неизмеримо более совершенное, чем на Земле.

Стены исчезли. Люди стояли на полу, висящем в воздухе. А кругом расстилался пейзаж, окружающий звездолет. Сверху ярко синело небо и нестерпимым блеском сияло солнце, заливая своим светом внутренность корабля. Его лучи светили, но не грели, проходя через оптическую систему и провода, соединяющие съемочные камеры с экранами.

Тайна «глаз» корабля объяснилась просто и естественно. В наружных стенках помещались съемочные телекамеры, работающие автоматически и снабженные телеобъективами, силу которых можно было произвольно изменять с центрального поста.

— Артем Григорьевич с ума сойдет от восторга, — сказал Широков, когда экраны погасли и все приняло прежний вид.

— А вы еще не сошли? — улыбнулся Ляо Сен. — Я не далек от этого.

По приглашению хозяев, они опять прошли в круглый коридор, спустились по другой лестнице и очутились в очень странном помещении, очевидно служившем жилой каютой.

Она была совершенно круглая, как внутренняя полость мяча. Но так же, как в центральном посту, здесь был явно временный пол, но только не голый, а покрытый тем же материалом, как и дорожка в коридоре. «Каюта» была меблирована. Предметы, находившиеся здесь, поразительно напоминали земную мебель, но в то же время были совершенно на нее не похожи. Общим было их назначение, о котором можно было легко догадаться, — стол, кресла, шкафы; но форма и — главное — материал ни на секунду не позволяли забыть, что все это сделано не на Земле. В том, как были изогнуты ножки стола, причудливо «сломаны» линии кресел, непривычная для глаз шестигранная форма дверец шкафов, прозрачная глубина их панелей — все это было чуждо Земле, во всем чувствовался вкус, привычки и устоявшаяся культура другого народа.

На стене находился большой щит с многочисленными приборами, и это навело Широкова на мысль, что они находятся в каюте командира звездолета.

Диегонь жестом пригласил сесть в кресла, Это было совсем как на Земле.

КНИГА

Обстановка была так похожа на земную, что Широкову стало немного не по себе. Ему вдруг пришла мысль, — не во сне ли он видит все это? Только черные лица хозяев, с их странно удлинненными, совсем не земными глазами, напоминали, что он находится в гостях у обитателей другой планеты, на космическом корабле, принесшем их неведомо откуда.

Диегонь сел рядом с ним. Бьяининь, который был, очевидно, одним из помощников командира, и Синьг достали из шкафа (как иначе было назвать этот предмет, столь похожий на обыкновенный шкаф?) две большие книги, как показалось Широкову, в кожаных переплетах, положили их на стол и тоже сели.

Что было в этих книгах?.. Рисунки людей, животных, природы той планеты, откуда они прилетели? Или звездные карты, по которым станет ясно, откуда прилетел на Землю этот корабль?..

Диегонь взял книгу и положил ее перед Широковым. Синьг положил другую перед Ляо Сенем.

Глубокое волнение охватило молодого ученого. Сейчас он увидит то, что никогда не видели человеческие глаза...

Какие тайны откроются ему?

Он заметил, что всегда невозмутимый китайский ученый открыл книгу рукой, которая

заметно дрожала.

Широков последовал его примеру.

На первой странице (листы были плотны и толсты) он увидел... изображение космического корабля, на котором они находились. Это была, по-видимому, фотография.

Корабль стоял среди широкого поля, поросшего низкой оранжево-красной травой. Вдали виднелись какие-то здания. Около корабля не было ни одного человека. Над полем плыли облака совсем такие же, как на Земле. Цвет неба был слегка желтоватым.

Оранжево-красная трава и желтое небо придавали пейзажу какой-то фантастический, неправдоподобный вид.

Широков пристально вглядывался в этот, впервые увиденный человеком ландшафт чужой планеты. Красная трава могла быть следствием жаркого климата Каллисто, но почему небо было такого странного цвета? Чем это было вызвано?

Он перешел к следующей странице.

Это была схема... схема «солнечной» системы, к которой принадлежала планета Каллисто. Рисунок был в точности такой, какие неоднократно видел Широков в книгах по астрономии, где изображалась наша солнечная система. Также в центре схемы находилось «Солнце» и вокруг него — орбиты планет. Их было двенадцать. Четвертая была обведена красным кружком; и Широков понял, что это и есть Каллисто. Седьмая, как маленькое солнце, была окружена пятью орбитами спутников и напоминала Широкову нашу планету Юпитер. На схеме находились какие-то непонятные значки, которые, по всей вероятности, представляли собой цифры.

Следующий рисунок опять изображал корабль, летящий среди звезд. Зеленая пунктирная линия шла от одной из них к другой. Узоры созвездий были совершенно незнакомы Широкову.

«Этот рисунок надо показать Семену Борисовичу», — подумал он.

На следующем листе опять было изображено звездное небо с летящим по нему кораблем. Но созвездия были уже знакомыми. Зеленая пунктирная линия отсутствовала. Широков узнал созвездия Большой медведицы, Ориона, Лебедя и некоторые другие. Одна из звезд была обведена красным кружком. Это было «Солнце» Каллисто, но какая это была звезда, он не знал. Заметив, что Ляо Сен рассматривал тот же рисунок (книги были совершенно одинаковы), он спросил его, но китайский ученый не смог ответить на его вопрос. Он знал астрономию не лучше Широкова.

Как жалко, что с ними не было Штерна или Синяева! Интересующий весь мир вопрос, откуда прилетел корабль, был бы уже выяснен.

Диегонь указал на обведенную кружком звезду, потом на себя и Бьяиния. Широков кивнул головой.

Да, эта звезда была центральным светилом той системы, с которой прилетел звездолет.

В эту минуту Широков проклинал себя за то, что недостаточно интересовался астрономией. Как он был глуп! Он мог бы сейчас узнать!..

Но загадка оставалась загадкой и волей-неволей приходилось перейти к следующей странице, не выяснив жгучего вопроса.

Перевернув лист, Широков замер...

Это была фотография... но какая!

Не раз люди пытались представить себе, как выглядит их планета со стороны, из мирового пространства. В любой астрономической книге можно встретить описание фантастической картины — Земля в пространстве!

И вот перед глазами Широкова была его родная планета, сфотографированная с расстояния многих тысяч километров. На фоне звездного мира висел голубоватый, белесый диск, окруженный словно прозрачной дымкой, сквозь которую смутно проступали очертания Северной Африки, Средиземное море и южные берега Европы. Характерный «сапог» Италии, нацелившийся своим носком в футбольный мяч Сицилии, не оставлял никаких сомнений, что это была Земля, а не другая какая-нибудь планета.

Эта фотография, которую, несомненно, удастся размножить, станет уникальным сокровищем, пока люди сами не научатся летать в межпланетных просторах и не смогут получить другую, подобную этой.

Широков с трудом заставил себя перейти к следующей странице.

На ней был изображен звездолет, стоявший... у лагеря!

Рисунок был прекрасно выполнен. Палатки, одинокие березы, дорога, на которой опустился шар, все мелкие подробности местности были изображены в красках рукой хорошего художника.

Это была не фотография, а рисунок, выполненный от руки. Значит, на корабле был художник!

Эти пять страниц изображали путь звездолета от старта до финиша. Что могло быть на следующей?

Она была заполнена математическими формулами. Значки были чужды и непонятны, но это была математика. Широков без труда узнавал характерные линии геометрических фигур. Они были такими же, как на Земле.

Но разве могло быть иначе? Математика всюду одинакова. Это наука общая для всей вселенной.

«Наши математики, Штерн и Синяев, легко разберутся в этих страницах»,

— подумал Широков и невольно вздохнул. Для него эти значки были совершенно непонятны.

Шестнадцать листов подряд были посвящены математике. Очевидно, ученые Каллисто возлагали на нее свои надежды найти общий язык с обитателями других миров. Эта книга доказывала, что они были уверены, что встретят обитаемые планеты на своем пути.

Что подумали звездоплыватели, видя, как их гости равнодушно перевернули эти страницы? Может быть, они были глубоко разочарованы?..

Внешне они ничем не выдали своих чувств.

После математических страниц началась... азбука!

Это явно была она! На каждом листе были крупно изображены две буквы.

Ляо Сен встрепнулся и впился глазами в эти непонятные знаки. Это была его область!

Диегонь встал и локтями оперся о стол. Эта поза была так похожа на позу земного человека!..

Широков видел перед самыми глазами его лицо, черное морщинистое лицо с серыми губами и неестественно (если в природе может существовать что-нибудь «неестественное») длинными глазами.

Бьяининь указал на первую букву и произнес звук «ль».

По укоренившейся привычке Широков ожидал услышать «а», но азбука Каллисто, очевидно, начиналась с согласных букв.

Он вынул блокнот и хотел срисовать значок, изображавший букву «л», но Диегонь остановил его руку. Он указал на книгу, предлагая на ней нарисовать земное обозначение этой буквы. То же самое предложил Синьг Ляо Сену.

Люди поняли, что хозяева хотят обменяться азбукой. Это был первый взаимный урок языка. Теперь стало понятно, почему была не одна, а две книги. Одна предназначалась людям, вторая — звездоплывателям.

Ляо Сен предложил Широкову, неплохо умевшему рисовать, взять на себя книгу хозяев. Молодой медик тщательно вычертил рядом с «ль» Каллисто земное «л» (в русском начертании).

За «л» последовало «д».

В языке гостей оказались все буквы русского алфавита, за исключением «ш», «щ» и «ч». Незнакомых Широкову звуков не было совсем.

Это облегчало людям изучение языка Каллисто, но затрудняло звездоплывателям изучение русского языка.

Широков решил, что во что бы то ни стало овладеет языком гостей.

Это намерение совпадало с его тайными мыслями, которые еще более настойчиво осаждали его после того, как он увидел «каллистьян» и убедился, что они такие же люди, как он сам, правда, с несколько иными чертами лица, но все же самые настоящие люди. Он понял в этот момент, что его неожиданная для него самая храбрость, когда ему предложили подняться на крыльях, объяснялась той же причиной, о которой он все же боялся думать определенно.

Книга (точнее говоря, — альбом) заканчивалась азбукой. Это было пособие для облегчения первого знакомства, и только.

Когда последняя буква («ж») была осмотрена и «переведена» на русский язык, Бьяининь встал и торжественно передал книгу Ляо Сену. Вторую, с изображением русских букв, он прижал к груди и поклонился.

Первый урок был окончен.

Широкову и Ляо Сену очень хотелось увидеть другие книги и фотографии, не имевшие «учебного» характера, но хозяева, очевидно, решили, что на первый раз этого вполне достаточно.

Они опять перешли в центральный пост. Сквозь «окна» Широков увидел, что возле корабля стоят Куприянов, Штерн и два звездоплывателя, оставшиеся в лагере.

Пора было покинуть корабль.

Сколько времени они пробыли в нем, Широков не знал. Может быть, прошел час, а может быть, и десять. Время пролетело незаметно.

На этот раз кабина подъемной машины не наполнялась никаким газом. Он, очевидно, был нужен только при входе.

Диегонь попрощался с ними у подножия лестницы. Бьяининь и Синьг проводят их наверх.

Оказавшись снова на вершине шара, Широков обратил внимание, что вокруг корабля не было прежней толпы. Она успела разойтись. Даже с высоты тридцати метров никого не было видно. Это доказывало, что они пробыли на корабле довольно долго.

Ляо Сен все время держал в руках книгу. Надевая крылья, он положил ее на площадку. Но, когда его руки вошли в «рукава», он не мог ни поднять, ни взять ее. Бьяининь поднял книгу и положил ее в специальный карман внутри крыльев.

Широкову очень хотелось попрощаться с хозяевами, спросить их, когда можно еще раз посетить корабль, но он мог только кивнуть головой и улыбнуться.

Немного страшно было смотреть вниз и сознавать, что нужно прыгнуть с такой высоты. Куприянов и Штерн казались совсем маленькими.

— До свиданья! — сказал Ляо Сен.

Он первый раскрыл крылья.

Спуск прошел вполне благополучно. Летательный аппарат был так просто устроен, что даже ребенок мог бы пользоваться им. Через несколько секунд они уже стояли внизу.

Часть вторая ГОСТИ ЗЕМЛИ

«В нашей стране быть героем — святая обязанность.»

Н.Островский

Глава первая

ПОД СВЕТОМ РЕЛЬОСА

«Когда великая Сотис блистает на небе, Нил выходит из своих берегов». Такую надпись сделали древние египтяне на фронте одного из храмов. Сотис — звезда Нила!..

Она имела огромное значение для Египта.

В то время еще не существовало календаря и люди не умели определять времена года. Ежегодные и всегда внезапные разливы реки причиняли страшные бедствия, уносили десятки человеческих жизней.

Веками разливы Нила заставляли земледельцев врасплох. Египтяне не знали, как предвидеть эти разливы, как заранее и своевременно предсказывать их.

Плодородие полей зависело от Нила. Он давал жизнь Египту, но он же был и коварным врагом. Определять начало разливов было необходимо. Египет остро нуждался в предсказателе и в конце концов нашел его... на небе!

Люди, наконец, заметили, что разливу Нила всегда предшествует появление одной и той же блестящей звезды. Сверкая в лучах утренней зари, она как бы предупреждала о грозящей опасности.

Египтяне называли эту звезду: Сотис. Ее считали божеством, в ее честь строили храмы, ей поклонялись и приносили жертвы.

Сотис — великая и добрая покровительница Египта!

На заре цивилизации звезда Сотис способствовала возникновению египетской астрономии.

Ее знали не только в Египте.

Древние греки называли ее «Сейриос», римляне — «Сириус», что значит «Блистающий».

Под этим, последним, названием она вошла и в современную астрономию.

Сириус — самая блестящая звезда на небе Земли. В северном полушарии, в частности, в СССР, она видна зимой, на южной стороне горизонта, в созвездии Большого Пса. Даже красавица северного неба — Вега, голубым бриллиантом сверкающая почти в зените, не может соперничать блеском с Сириусом.

Сириус — один из ближайших соседей нашего Солнца. Из видимых простым глазом звезд только альфа Центавра находится ближе к нам.

Ближайший сосед!..

Эти слова, когда дело идет об астрономии, имеют несколько иное значение, чем в обиходном разговоре. «Ближайший сосед» находится от нас на расстоянии 8,6 световых лет!..

Это значит, что свет Сириуса, пролетая 300 000 километров в секунду, доходит до Земли только через восемь лет и семь месяцев!

Трудно представить себе подобную «близость»!

Но все же Сириус имеет полное право называться «близким». Другие звезды находятся гораздо дальше.

Солнце — звезда желтая, Сириус — белая. Его температура гораздо выше солнечной. Он светит абсолютно в 17 раз ярче Солнца и в два раза превосходит его по диаметру.

В 1862 году у Сириуса был обнаружен спутник, предсказанный за восемнадцать лет до этого астрономом Бесселем на основании математического исследования движения Сириуса в пространстве. Этот спутник очень необычен.

Известный популяризатор науки Я. И. Перельман писал о нем:

«...Когда мы берем в руки стакан ртути, нас удивляет его грузность: он весит около трех килограммов. Но что сказали бы мы о стакане вещества, весящем двенадцать тонн и требующем для перевозки железнодорожной платформы?»

Эти слова справедливы.

Спутник Сириуса, названный «Сириус-В», очень невелик. По размерам он только в три раза больше Земли, но, несмотря на это, оказывает заметное влияние на движение своего гигантского «солнца». Под воздействием притяжения маленького спутника блистательный

Сириус уклоняется от прямого пути. Это может произойти только в том случае, если масса спутника очень велика.

Так и оказалось.

«Сириус-B», имеющий всего сорок тысяч километров в диаметре, по массе почти равен (0,8)нашему Солнцу. Это доказывает невероятную плотность вещества, из которого состоит это небесное тело. До того, как был открыт «Сириус-B», физики не подозревали о существовании в природе веществ, в пятьдесят тысяч раз более плотных, чем вода.

Сперва это казалось необъяснимым. Подобная плотность «противоречила законам природы»...

Но законам природы нельзя противоречить.

Люди проникли в тайны атома, и то, что казалось невозможным, стало легко объяснимо. Загадка «Сириуса-B» была раскрыта наукой.

Итак, Сириус имел спутника. Но есть ли у него другие спутники, другие планеты?

На этот вопрос астрономия не могла ответить. Планеты сами не светятся. Они освещаются своим «солнцем». («Сириус-B» был усмотрен в телескоп только потому, что светится сам.) На исполинских расстояниях, отделяющих звезды друг от друга, при современном состоянии оптической техники, нельзя увидеть слабый, отраженный свет планеты.

И астрономия предполагала, даже больше — была уверена, что не только наше Солнце имеет планетную систему, что планеты — обычное явление в мире звезд.

А доказательства, которое убеждало бы всех, не было.

Множественность планетных систем и, логическое следствие из него, множественность обитаемых планет оставались заманчивой, красивой сказкой. Но сказка стала былью.

Прилетел космический корабль! Обитатели другого мира ступили на землю. И они оказались людьми, подобными тем, что населяют нашу планету. Для споров и сомнений не оставалось больше никакой почвы. Нельзя спорить с истиной.

Много раз писатели-фантасты пытались изобразить жителей других миров. Но странно, все, за редкими исключениями, рисовали образы существ, не имеющих ничего общего с человеком Земли.

Чем это было вызвано? Может быть, подсознательное, веками укоренявшееся убеждение, что такого человека, как на Земле, не может быть нигде в другом месте, мешало этим писателям понять ту простую истину, что человек есть продукт развития живого существа, приспособившегося к труду. Формы человеческого тела — это результат длительной эволюции, протекавшей в борьбе с природными условиями жизни, существующими на Земле, и что везде, где эти условия сходны с земными, везде, где развитие материи привело к появлению разумного существа, этот процесс может идти сходным путем и привести к появлению существа, хорошо приспособленного к трудовой деятельности. Тело человека создано природой, а природа всегда идет по самому естественному, самому простому пути.

И на четвертом спутнике Сириуса, названном его обитателями именем «Каллисто», природные условия оказались сходными с природными условиями, существующими на Земле, и это привело к тому, что человек Каллисто оказался почти тождественным человеку Земли.

Эволюция шла одним путем и результат оказался одинаковым.

Можно ли этому удивляться?

— Человек мыслит консервативно, — сказал Штерн. (Хотя в своих книгах он всегда удивлял научный мир смелостью суждений.) — Я был убежден, что звездолет прилетел с «альфы Центавра», и только потому, что это ближайшая к нам звезда. Сириус мне даже в голову не приходил.

Прошло уже три дня после выхода из корабля его экипажа. За это время все члены научной экспедиции и иностранные ученые побывали на борту звездолета, а гости, которых оказалось двенадцать человек, неоднократно посетили лагерь. Вызванный президентом Академии наук вертолет удобно и просто доставлял ученых на вершину шара и обратно. Его услугами пользовались и гости.

В лагере привыкли к внешнему виду гостей, и их появление уже не вызывало любопытства.

Это были обыкновенные люди, только черного цвета. Но разве на Земле не было подобных людей? Разве появление на улице негра вызывало когда-нибудь сенсацию? То, что это все-таки не люди, а жители другого мира, существа чуждые Земле и ее населению, как-то забывалось всеми, или по крайней мере утратило свою остроту.

С помощью жеста и рисунка ученые обеих планет уже сумели кое-что узнать друг о друге. Стало известно, что в экипаже корабля имеются астрономы, медики, биологи и инженеры. Удалось добиться полного взаимопонимания и в вопросе о том, чей язык будет изучаться — Земли или Каллисто. Решили, что люди научатся говорить на языке гостей, так как, во-первых, этот язык был проще, а во-вторых, твердые звуки оказались совершенно непригодными для каллистян.

Работа с гостями, к которой так долго и тщательно готовились обитатели лагеря, постепенно развертывалась. Отсутствие общего языка пока что тормозило эту работу, но каллистяне оказались исключительно понятливыми. Разговаривая с ними на «мимическом языке», Куприянов убеждался в том, что умственное развитие жителей Каллисто так же перегнало людей Земли, как и их техника. Совершенно не зная Земли и не имея никакого понятия о жизни на ней, каллистяне, казалось, понимали все, что показывали и объясняли им с помощью рисунка и мимики. Гости, очевидно, схватывали суть мысли своих собеседников и задавали вопросы так ясно и понятно, что иногда казалось, что они говорят словами.

— Не обольщайтесь этим, — говорил Штерн, в ответ на восторженные отзывы Куприянова. — Не надо забывать, что в подобный космический рейс могли попасть только самые выдающиеся умы Каллисто. Каков умственный уровень рядового каллистянина, мы не знаем.

Лежнев и Ляо Сен целые дни проводили на корабле и под руководством Бьяининя и Вьеньяня (это было имя одного из астрономов корабля) энергично и настойчиво старались как можно быстрее овладеть языком и получить возможность обстоятельно побеседовать с гостями. Не приходится говорить, с каким нетерпением все члены научной экспедиции, да и гости, ждали конца этой работы.

К удивлению Куприянова, Широков присоединился к лингвистам и изучал язык гостей с таким усердием, что Лежнев был от него в восторге.

— У вас большие способности к языку и прекрасная память, — говорил он молодому медику. — Вам следовало бы быть лингвистом.

— Жена не позволила, — отшучивался Широков, который никогда женат не был.

Даже Лежневу и Ляо-Сену, имевшим большой опыт изучения языков, язык Каллисто казался очень трудным, главным образом благодаря совершенно необычному произношению слов. Грамматика была очень проста, и успех зависел только от памяти, но каждое слово было так чуждо земному слуху, так не похоже на слова любого земного языка, что даже вначале, когда они изучали только имена существительные, им иногда казалось, что эта задача им не по силам. Что будет, когда придется перейти к понятиям, они себе плохо представляли. Но добиться успеха было совершенно необходимо. Только Широков ни минуты не сомневался и своей уверенностью заражал своих более опытных товарищей.

— Он действует на меня, как катализатор, — говорил Лежнев Куприянову.

— Ваш Петр Аркадьевич золото, а не человек! С ним все кажется легким.

— Да, он очень способный, — отвечал профессор.

Помимо вполне понятного желания ускорить возможность обмена мыслями, была еще одна причина торопиться с изучением языка. Диегонь сумел объяснить Куприянову, что

звездолет пробудет на Земле не более ста дней. За это время надо было успеть показать гостям жизнь Земли. Кроме того, провести все эти сто дней в лагере было невозможно. В нем можно было остаться, в лучшем случае, до середины сентября, а отвезти гостей в Москву, не имея возможности разговаривать с ними, было очень неудобно.

— Я просто требую от вас, — говорил Куприянов Ляо Сэну и Лежневу, — чтобы вы в один месяц настолько изучили язык Каллисто, чтобы мы могли сговориться с ними обо всех вопросах, связанных с отъездом из лагеря.

— Тяжелая задача! — отвечал Лежнев.

Китайский лингвист только хмурился.

Козловский официально заявил Широкову, что освобождает его от обязанностей коменданта лагеря. Он горячо поддерживал желание Петра Аркадьевича изучить язык гостей и радовался, видя его успехи.

Широков с головой ушел в работу. Он занимался зазубриванием слов все время. Даже, обедая или ужиная, клал перед собой тетрадь и без конца повторял одно и то же слово, добиваясь правильного произношения. Он заметно подвигался вперед.

Книга-альбом, принесенная из корабля в первый день посещения его людьми, была уже тщательно изучена. Ее математические страницы, непонятные для Широкова и Ляо Сэна, были легко «расшифрованы» Штерном и Синяевым.

Кроме того, что звездолет прилетел с планетной системы Сириуса, узнали много других интересных подробностей.

Сириус, или, как называли его каллистяне, Рельос, имел двенадцать спутников, двенадцать планет, обращающихся вокруг него. Четвертой из них была Каллисто. Вокруг нее обращались две «луны», по размерам почти равные спутнику Земли. Две луны! Можно было представить себе, как светлы и красивы ночи на Каллисто.

Седьмой планетой был тот самый Сириус-В, который впервые указал земным ученым на существование в природе сверхтяжелых веществ. Притяжение этого «белого карлика¹» оказывало заметное влияние на движение Каллисто в пространстве, и планета совершала свой путь вокруг Сириуса по странной волнистой орбите.

(1 Белый карлик — название, присвоенное в астрономии белым звездам, имеющим небольшие размеры и значительную плотность.)

Выяснилось, что Каллисто очень жаркая планета. По земному, средняя температура на ее поверхности равнялась пятидесяти пяти градусам. Планета находилась от своего «солнца» втрое дальше, чем Земля от своего, и ее «год» равнялся почти двум земным годам. Эксцентриситет¹ Каллисто был очень мал — 0,0022, то есть планета двигалась по орбите, совсем мало отличающейся от окружности.

(1 Эксцентриситет — отношение расстояния между фокусами к длине большой оси у эллипса. Э. Земли = 0,01673.)

Это обстоятельство, несомненно, способствовало ровности ее климата. Еще большее влияние оказывал малый угол наклона ее оси к плоскости эклиптики. Он был равен всего трем градусам двадцати минутам¹.

(1 Наклон оси Земли = 23°27'.)

Это означало, что на родине звездоплавателей не было смены времен года. На Каллисто было всегда одно и то же время года, в зависимости от широты места.

По своим размерам Каллисто была почти равна Земле. Ее диаметр составлял 12900 земных километров и был, таким образом, только на 143 километра больше земного. Ускорение силы тяжести тоже было почти такое, как на Земле, и равнялось 10 м/сек.

По книгам, которые в большом количестве находились на корабле, было видно, что на планете богатая растительность, в общем похожая на растительность тропического пояса Земли. Ее цвет был оранжево-красным, как и следовало ожидать при таком жарком климате. Но, подобно тому, как на Земле встречались растения, имевшие такую же окраску, на Каллисто были растения зеленого (в умеренном поясе) и даже голубого (в полярных областях) цвета.

Отличительной особенностью растений Каллисто была небольшая высота. Не только таких деревьев, как секвойи, но даже таких, как пальмы или высокие ели, не было на ней. Средняя высота растений не превышала четырех — пяти метров.

Животный мир Каллисто был очень разнообразен. На суше, в воде и в воздухе обитало бесчисленное количество живых существ. Цветные рисунки, изображавшие обитателей планеты, занимали четыре толстых альбома.

Лебедев, Маттисен и Линьелль целыми днями просиживали над этими книгами.

Рыбы и птицы были поразительно похожи на соответствующих обитателей Земли. Биологов это не удивило. Вода и воздух на Каллисто были такими же, как на Земле, и природа должна была создать именно такие существа, формы тела которых наилучшим образом были приспособлены к движению и жизни в воздушной и водной среде. Но «похожие» это не значит «такие же». Линьелль — специалист по ихтиологии — не нашел ни одной рыбы, которую можно было бы классифицировать по земной классификации. Они были похожими, и только. Это были рыбы и птицы Каллисто, а не Земли.

Наибольшая разница замечалась среди позвоночных животных. Тут было много видов, не имевших, казалось, ничего общего с земными. Животные с длинной шерстью попадались редко. Таким был небольшой зверек, похожий на очень длинную лисицу, и причудливый зверь, на шести ногах, напоминающий ящерицу, с ярко-красным мехом, но величиной с гиппопотама.

Наибольший интерес вызвали у всех фотографии и рисунки населенных пунктов Каллисто. На планете было много городов, расположенных преимущественно по берегам морей и океанов. Все они были большими и густо населенными. Чего-нибудь похожего на села, деревни или небольшие городки, ни в книгах, ни на картах не было. Действительно ли их совсем не было, или каллистяне не считали нужным показывать их, пока было неизвестно.

Архитектура зданий напоминала архитектуру древнего Египта, но была гораздо разнообразнее. Плоские крыши, украшенные статуями, широкие террасы и длинные, спускающиеся к воде лестницы служили постоянным украшением домов.

Своеобразный вид придавали зданиям очень широкие и высокие окна, не имевшие ни рам, ни стекол. Их обитатели не знали холода. Закрывающихся дверей также не было. Их заменяли мягкие портьеры окрашенные в самые разнообразные цвета.

Было трудно предположить, что все дома на Каллисто были дворцами, но изображений более скромных жилищ в альбоме не было.

Все города утопали в густой «зелени» (желтого, красного и оранжевого цвета).

Средства передвижения были представлены разнообразными видами транспорта — земного, водного и воздушного. Летательные аппараты, те самые, которые находились на звездолете, были во всеобщем употреблении на Каллисто. Фотографии изобиловали летящими фигурами каллистян. Реактивные самолеты и огромные «дирижабли» дополняли воздушный транспорт. Железных дорог совсем не было, но зато очень много видов экипажей, вроде автомобиля.

Были ли на планете различные народы, или все ее население представляло собой один народ, оставалось пока неизвестным. Существовало два обширных материка, разделенных широким, километров в триста, морским проливом. Оба были расположены в поясе экватора. По площади каждый из этих материков равнялся приблизительно материка Африки. Все остальное пространство занимали океаны, среди которых было разбросано несколько архипелагов небольших размеров. Ракетодром, с которого взлетел корабль, был расположен на одном из них. Фотография именно этого острова и была помещена в первом альбоме.

На звездолете оказалось много технических книг, но, к великому сожалению Смирнова и Манаенко, без объяснений инженеров корабля в них невозможно было разобраться. В этом отношении приходилось запастись терпением.

И еще одно замечательное обстоятельство выяснилось из тех страниц альбома, которые были заняты математикой.

Звездолет летел от Рельоса к Солнцу одиннадцать земных лет!

Одиннадцать лет пребывания на корабле, во мраке и холоде межзвездного пространства, — это казалось просто невероятным. Но этот научный подвиг был совершен экипажем звездолета. Обратный путь тоже должен был отнять одиннадцать лет! Двадцать два года жизни отдали эти люди для выяснения вопроса, — есть ли жизнь на соседних планетных системах?

Двенадцать героев, в самом полном смысле этого слова, прилетели на Землю. Они не испугались опасностей долгого пути, не пожалели долгих лет, оторванных от жизни своей родины. Ничто их не остановило. Жажда знания, желание расширить научный кругозор, ненасытное любопытство ученых влекло их вперед.

И они были вознаграждены за свой героизм.

Все, на что они надеялись, все, чего так страстно желали, свершилось, — на пути звездолета попала планета, населенная разумными существами!

Трудно представить себе то чувство, которое испытали они, когда, подлетев к Земле, убедились, что их цель достигнута. Это была прекрасная награда.

Почти год звездолет летел с ускорением. Оно равнялось десяти метрам, то есть было равно обычному ускорению сиди тяжести на Каллисто. Такое же время должно было занять и замедление скорости при подходе к Солнцу. Остальные девять лет корабль летел по инерции, со скоростью двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду!

Чудовищная скорость, близко подходящая к скорости света.

Как, какими средствами удалось достичь этого? Что служило горючим для двигателей звездолета? Как осуществлялась задача найти правильный путь в пустоте вселенной, когда и Сириус и Солнце казались с борта звездолета одинаково небольшими звездами?..

Экипаж корабля с огромным и вполне понятным интересом смотрел все, что им показывали люди. По их просьбе, многие из имевшихся в лагере кинокартин демонстрировались по нескольку раз.

Насколько можно было судить по жестам и мимике, гости видели на экране много такого, что вызывало в них большой интерес. Профессор Смирнов даже высказал предположение, что не только люди получают возможность перенять опыт пришельцев с другой планеты, но и каллистяне в результате визита на Землю обогатятся новыми знаниями.

Желания хозяев и гостей получить, наконец, возможность свободно объясняться друг с другом совпадали. И те и другие с нетерпением ждали, когда, наконец, смогут узнать то, что их интересовало. Бьяининь, Вьеньянь, Лежнев, Ляо Сен и Широков были в центре внимания всего населения лагеря. От них зависело наступление долгожданной минуты, и они делали все, что могли, чтобы ускорить момент, которого и сами ждали не меньше, чем другие.

О'КЕЛЛИ

В конце августа президент Академии наук уехал, из лагеря. Неотложные дела требовали его присутствия в Москве.

— Через две недели, — сказал он Куприянову, — вы должны выехать отсюда. Я подготовлю все, что нужно к приему гостей.

— У наших лингвистов дело подвигается очень медленно, — ответил профессор.

— Торопите их! Не давайте им покоя! Скоро начнутся осенние дожди.

— А как поступить с охраной корабля, когда мы уедем?

— Этот вопрос я выясню в Москве.

— Согласятся ли они покинуть свой звездолет?

— Я думаю, что согласятся. Может быть, не все поедут с вами, кого-нибудь они,

наверное, захотят оставить на корабле, но с остальными вы должны быть в Москве не позднее пятнадцатого числа.

— Я это понимаю, — сказал Куприянов. — Но вот язык. Может быть, вам это покажется странным, но я больше всего надеюсь на Широкова. У него, как мне кажется, дело идет лучше, чем у Лежнева и Ляо Сена.

— Меня это не удивляет. Во-первых, он гораздо моложе, а во-вторых, у него огромное желание овладеть их языком.

— Я никак не могу понять, чем вызвано это желание. Петр Аркадьевич занимается с таким старанием, как будто для него лично от этого зависит очень многое.

— Может быть, это так и есть, — задумчиво сказал Неверов.

Из иностранцев Гельбах и Браунелл изъявили желание уехать. У них обоих были какие-то неотложные дела на родине.

В день отъезда президента и его спутников в лагерь пришла телеграмма на имя Артемьева, срочно вызывающая его в Москву. После долгого разговора с Козловским «корреспондент» уехал вместе с президентом.

Но освободившиеся палатки недолго стояли пустыми. Неожиданно для Куприянова, Диегонь пожелал поселиться в лагере. Разговор с ним произошел с помощью всех трех переводчиков, которые коллективными усилиями справились со своей задачей.

Выяснилось, что звездоплаватели сами решили уехать из лагеря. С этой целью они намеревались провести в палатках оставшееся время, чтобы привыкнуть к «земной жизни». Нечего и говорить, что Куприянов с радостью согласился исполнить это желание.

С этого дня на корабле постоянно находился только один член его экипажа. Остальные все время были на земле. В сопровождении кого-нибудь из членов экспедиции, чаще всего Широкова, гости совершали поездки по окрестностям лагеря и соседним колхозам, побывали даже два раза в Золотухино, где им была устроена торжественная встреча.

Медленно, но верно общение людей с каллистянами становилось все более близким. Полное взаимопонимание было не за горами.

— Мне очень стыдно признаться вам, — сказал Лежнев Куприянову, — но Петр Аркадьевич будет говорить на языке Каллисто гораздо лучше меня. Он сумел замечательно справиться с произношением.

Куприянов и сам видел это. Хотя разговоры происходили не часто и касались только самых простых тем, звездоплаватели охотнее всего обращались к Широкову. Они, по-видимому, понимали его лучше. Когда профессор слушал, как его молодой ассистент говорил с кем-нибудь из гостей, то поражался, с каким искусством он воспроизводит мягкие звуки их языка. Они получались у него совершенно естественно. Ляо Сен также довольно успешно справлялся с трудностями произношения, но у Лежнева дело шло плохо. Он никак не мог овладеть переходом от мягкой согласной к следующей за ней гласной. Это мешало ему произносить слова, а гостям — понимать его.

Первого сентября, поздно вечером, Артемьев вернулся в лагерь. На следующее утро подполковник Черепанов зашел в палатку начальника экспедиции и от имени Козловского пригласил к нему Куприянова, Штерна, Ляо Сена и трех иностранных ученых, живших в лагере. За это время к месту приземления корабля съехалось несколько сотен иностранцев. Для них был построен второй лагерь, расположившийся в километре от первого, по другую сторону от звездолета. Но Маттисен, Линьелль и О'Келли продолжали жить в той же палатке, что и раньше.

Профессора Лебедева не было в лагере. В этот день он уехал в Курск, где происходила научная конференция биологов, посетить которую его настойчиво просили все ее участники. Хотя он был очень занят, но не считал возможным отклонить это приглашение.

В палатке Козловского находились два корреспондента — Лемарж и Ю Син-чжоу. Артемьев сидел в самом углу, на постели Козловского. Полковник не считал еще нужным раскрывать свое инкогнито и попросил секретаря обкома провести разговор вместо него.

Трое иностранцев хорошо знали, кто такой Козловский. Неожиданное приглашение к

областному партийному руководителю возбудило их любопытство. На лице О'Келли ясно отражалось беспокойство.

— Садитесь, пожалуйста! — сказал секретарь обкома, когда приглашенные им вошли в палатку.

Выражение его лица было непривычно хмурым. Голос звучал сухо и отрывисто.

Все сели вокруг стола.

Несколько секунд Козловский молчал, всматриваясь в лица своих гостей. Его взгляд остановился на О'Келли, и американец, не выдержав, опустил глаза.

— Я буду говорить по-французски, — сказал Козловский. — Этот язык понимают все присутствующие, — он взглянул на Лемаржа и, видя, что корреспондент приготовил блокнот, продолжал: — В СССР прилет космического корабля на Землю рассматривается только с научной и человеческой, — (он подчеркнул это слово), — точки зрения. Знания гостей интересуют нас постольку, поскольку они могут принести пользу человеку, помочь мирному развитию человеческой техники. Других целей ни у нас, ни у них нет и быть не может!

Куприянов с удивлением слушал Козловского. Он не понимал, для чего он говорит эти, всем известные истины. Штерн ожесточенно тербил бороду. На лицах иностранных ученых выражалось вежливое внимание. Лемарж и Ю Син-чжоу записывали слова секретаря.

— Нам известно, — продолжал Козловский, — что в некоторых кругах капиталистических стран прилет корабля вызвал совсем другую реакцию. Психоз войны мешает этим людям видеть научное значение этого события. Единственное, что им приходит в голову, — это усиление военной мощи СССР, которое якобы будет следствием ознакомления советских ученых с техникой Каллисто. Ничего другого они не видят и не хотят видеть.

Нервным движением он передвинул книги на столе.

— Я не буду долго испытывать ваше терпение. Оценка моральной стороны подобных взглядов не входит в мою задачу. Можно было бы вообще не обращать внимания на эти досужие домыслы, но, к сожалению, дело не ограничивается ими. Присущая реакционным кругам чисто звериная ненависть к прогрессу толкает их на выводы и соответствующие действия. В страхе перед мнимой опасностью со стороны СССР эти круги решились на самое мерзкое преступление, которое только можно себе представить. Можно не сомневаться, что их замыслы встретят самое решительное осуждение всех народов, всех честных людей. Короче говоря, они решили, что раз так случилось, что звездолет опустился в нашей стране, то лучше уничтожить корабль и его экипаж, но не дать СССР возможности заимствовать знания и технику другой планеты. С этой целью они направили к нам диверсантов. Мне точно известно, что они находятся здесь, в лагере.

При этом неожиданном сообщении все невольно взглянули друг на друга.

В лагере!.. Может быть, кто-нибудь из находящихся в палатке является этим тайным врагом!

Один Штерн не поднял головы и еще яростнее задергал свою пышную бороду.

Ю Син-чжоу посмотрел на Козловского, и в его узких глазах мелькнул огонек.

— Кто? — сквозь стиснутые зубы спросил Маттисен. Его всегда добродушное лицо стало суровым.

— Чудовищно! — прошептал Линьелль.

— Вы спрашиваете кто? — сказал Козловский. — К сожалению, мы не знаем этого с полной достоверностью. Но ждать, пока враг обнаружит себя, нельзя. Это может слишком дорого обойтись. Два человека возбудили подозрения. Один из них — это корреспондент агентства Рейтер — Дюпон...

При этих словах Куприянов понял, почему только Лемарж и Ю Син-чжоу были в палатке.

— Дюпон, — продолжал секретарь, — заявил, что не знает русского языка, но он попался на том, что хорошо его знает. Это еще не доказывает, что именно он является

диверсантом, но этого достаточно, чтобы ему нельзя было доверять. Сегодня он уедет из лагеря и покинет пределы СССР. Мы знаем, что такая мера вызовет шум и различные обвинения по адресу нашей страны, но поступить иначе не можем. Всякому гостеприимству есть границы. Жизнь и безопасность ученых Каллисто нам дороже!

— Правильно! — сказал Маттисен. — А кто второй?

— С другим дело обстоит серьезнее. Именно ради этого я пригласил вас ко мне. Как вы знаете, советское правительство не мешает любому ученому западных стран приехать сюда и лично познакомиться с каллистами и их звездолетом. Мы не монополизируем корабль. Но, к сожалению, это гостеприимство и добрая воля СССР используются во зло. Под именем одного из известных ученых к нам проник другой человек.

Он наклонился вперед и в упор посмотрел на О'Келли.

— Директор Кембриджской обсерватории, — медленно сказал он, — профессор Чарльз О'Келли находится в настоящий момент на своей даче в штате Флорида, он даже не собирался ехать в СССР.

Американец вскочил с кресла.

— Сядьте! — повелительно сказал Козловский. — Сядьте, мистер Невинс!

Тяжелый нажим руки. Черепанова заставил мнимого О'Келли опуститься в кресло.

— Игра окончена, мистер Невинс, — сказал секретарь обкома. — Мы знаем кто вы такой.

Внезапно Маттисен повернулся (он сидел рядом с О'Келли), и его рука мелькнула в воздухе. Звук сильной пощечины раздался в палатке.

— Мерзавец! — прохрипел швед, побледнев от ярости.

Куприянов испуганно схватил его за руки.

— Не надо так волноваться, господин Маттисен, — улыбнувшись сказал Козловский. — Он и так получит по заслугам.

Швед тяжело дышал. Его широкая грудь бурно вздымалась. Он весь дрожал от гнева.

— Мерзавец! — повторил он еще раз.

— Вы арестованы, мистер Невинс, — сказал Черепанов. — Прошу следовать за мной.

О'Келли молча повиновался. На его щеке горело багровое пятно. Он встал, долгим, пристальным взглядом посмотрел на Маттисена и вышел.

— Все обошлось проще, чем я думал, — сказал Козловский. — Я ожидал, что он будет упорствовать в своем обмане. Тогда пришлось бы Семену Борисовичу помочь мне разоблачить его.

— Я хорошо знаю Чарльза О'Келли, — в виде пояснения сказал Штерн.

— Значит, вы с самого его приезда знали, что это не он? — удивленным тоном спросил Куприянов.

— Да, знал, — нехотя ответил астроном.

— Все кончилось счастливо, — сказал Лемарж. — Вы разрешите послать эту корреспонденцию во Францию?

— Конечно! — ответил Козловский. — Для этого я и пригласил вас.

— Но вы уверены, что, кроме этого Невинса, нет других? — озабоченно спросил профессор Линьелль.

— Нет, пока еще не уверен.

— Разрешите вас поблагодарить, — вставая и протягивая руку, сказал Маттисен. — Безопасность корабля и его экипажа — дело чести ученых всего мира.

— Мы тоже так думаем. — Козловский крепко пожал руку шведского ученого. — Для охраны гостей будет сделано все, что в наших силах.

Иностранцы вышли. В палатке остались Артемьев, Куприянов, Штерн и Ляо Сен.

— Откуда вы узнали, что его зовут Невинс? — спросил Куприянов.

— Это было не так трудно, — ответил Козловский, — раз явилось подозрение, что он не тот, за кого выдает себя. Между прочим, этот Невинс крупный агент одной иностранной разведки. Они не пожалели его. Игра, по их мнению, стоила свеч. Значительно труднее было

установить, что настоящий О'Келли не выезжал из Америки. Но, как видите...

Куприянов покачал головой.

— Хитро придумано, — сказал он.

— Вы считаете, что это хитро? — Козловский удивленно посмотрел на профессора. — У меня совсем другое впечатление. Мне кажется, что это не только не хитро, но даже наивно. Они должны были понимать, что из состава экспедиции Академии наук кто-нибудь обязательно знает такого крупного ученого, как Чарльз О'Келли. Этот Невинс шел на верный провал.

— Он очень похож на настоящего О'Келли, — заметил Штерн.

— Похож, верно! — Козловский всем телом повернулся к старому академику. — Если бы у них было время подготовить его как следует к роли астронома, тогда — другое дело. Можете ли вы утверждать, что не открыли бы обмана после первого же научного разговора с этим человеком?

— Чем можно объяснить присылку к нам этого Невинса под видом О'Келли?

— спросил секретарь обкома у Артемьева, когда они одни остались в палатке.

— Тут можно предположить разное, — ответил полковник, — или они допустили недооценку нашей бдительности, что, между прочим, часто случается, или...

Он замолчал и пристально посмотрел куда-то поверх головы собеседника, в угол палатки.

— Или... — тихо повторил он.

Его лицо стало каменно неподвижным.

Не в первый раз возникала эта тревожная мысль. Она легко могла оказаться правильной. В Москве разделяли его подозрения. Но, если так, — борьба не окончена. Она только начинается!

Артемьев не чувствовал себя одиноким. За ним незримо стояла мощная сила, всегда готовая прийти на помощь. Он был только на передовом посту, на самом трудном участке этой борьбы, борьбы сил мира и созидания с темными силами реакции и мракобесия.

Вокруг звездолета и его экипажа завязывалась смертельная схватка.

Артемьева не радовала первая победа; наоборот, легкость победы тревожила его. Он чувствовал за ней тонкий и хитрый замысел опытного врага.

Борьба продолжалась.

«Я ПРОШУ НИКОГО НЕ ДОПУСКАТЬ»

Профессор Аверин уже видел, что химическая наука Земли может многое получить от знакомства с химией Каллисто. Искусство синтеза органических соединений у каллистян было высоко развито. Они умели получать многие питательные вещества синтетическим путем из неорганических соединений. Это открывало перед земной наукой заманчивые пути. Но еще большее значение имело то, что великая тайна фотосинтеза¹ растений не была для них тайной.

(1 Фотосинтез растений — процесс, происходящий в листьях растений, когда углекислый газ под действием солнечного света превращается в кислород. По выражению К. А. Тимирязева, «тайна зеленого листа — одна из величайших тайн на Земле».)

На звездолете была прекрасно оборудованная химическая лаборатория, и Аверин целыми днями пропадал в ней. С неистощимым терпением он изучал непонятные ему значки химических формул каллистян, сопоставляя их с аналогичными формулами земной химии, и, шаг за шагом, продвигался вперед.

Синг, который, помимо того, что был врачом, являлся одновременно и высококвалифицированным химиком, с видимым удовольствием помогал ему. Сотни опытов были проделаны обоими учеными, начиная с самых простых; благодаря тому, что они сразу же обменивались соответствующими формулами, изучение «химического языка» шло гораздо успешнее, чем разговорного. Только в редких случаях они бывали вынуждены

обращаться за помощью к Широкову.

Своеобразный «коллоквиум¹» в большинстве случаев давал хорошие результаты, и оба химика с каждым днем все лучше понимали друг друга. Но все же между ними не было и не могло быть полного взаимопонимания, так как наука Каллисто настолько обогнала науку Земли, что для практического использования тех знаний, которые привезли с собой каллистяне, требовалось пройти длинный путь постепенного освоения этих знаний, путь, уже пройденный учеными Каллисто.

(1 Коллоквиум (лат.) — беседа, имеющая целью выяснить познания учащегося.)

Это касалось не только химии, но и всех остальных наук. Звездоплаватели привезли с собой огромное количество научных материалов, уверенные в том, что встретят возле Солнца населенную планету. Изучение этих материалов должно было потребовать нескольких лет работы. Перед экспедицией Академии наук СССР и многочисленными иностранными учеными, приехавшими в лагерь, стояла одна задача — ориентироваться, с помощью каллистян, в их научных материалах и этим создать базу для успешной работы в будущем, когда корабль Каллисто покинет Землю.

В «иностранном лагере» собралось много ученых почти всех стран мира. Работать им всем непосредственно на корабле было невозможно. На ученом совете было принято решение, что изучение каллистянских материалов на месте будет проводиться советскими учеными, Матти-сеном и Линьеллем, которые должны были ежедневно докладывать обо всем, что узнают, ученому совету, количество членов которого достигало семидесяти человек. Ляо Сен, свободно владевший многими языками, взял на себя задачу знакомить желающих с каллистянским языком, по мере того, как сам овладевал им. Желающих набралось более тридцати человек, и китайскому лингвисту предстояла нелегкая задача.

В обоих лагерях с раннего утра до поздней ночи кипела работа.

Штерна и Синяева в особенности заинтересовала оптика звездолета. Системы телескопов были совсем иными, чем на Земле. Насколько можно было понять из объяснений Вьеньяня, оптика каллистян основывалась на амплитудном усилении световых волн, что было совершенно новым принципом, не известным земным оптикам.

Внешний вид телескопов также совершенно не был похож на земные инструменты. Не было привычной трубы. Объективы соединялись проводами с каким-то очень сложным прибором, откуда, опять-таки по проводам, изображение передавалось в глазок окуляра. Увеличение этих «телескопов» было во много раз более сильным, чем у самых мощных земных.

Занимаясь вопросами оптики, Синяев совершенно случайно наткнулся на чрезвычайно важный и интересный факт; трехцветная теория зрения¹ была найдена учеными Каллисто приблизительно двести лет назад (по земному счету), то есть тогда же, когда на Земле эта теория была высказана Ломоносовым.

(1 Трехцветная теория зрения впервые была высказана Ломоносовым в 1756 году. Заключается в том, что в сетчатой оболочке глаза имеются три вида воспринимающих аппаратов — рецепторов, каждый из которых чувствителен к одному из трех основных цветов спектра — красному, зеленому или синему.)

Это показывало, что в некоторых отношениях наука обеих планет, находящихся так далеко друг от друга, шла одним путем и, по крайней мере в прошлом, одновременно делала свои открытия.

Сообщение Синяева вызвало оживленную дискуссию по вопросу о том, — почему же сейчас наука Каллисто так далеко ушла вперед? Что послужило столь мощным толчком к ее развитию?

— Мне кажется несомненным, — заявил на одном из собраний ученых академик Штерн, — что на Каллисто не только наука, но и общественное устройство было в прошлом таким же, как на Земле, или очень похожим. Наличие классов и подчинение науки классовым интересам, так же как у нас, тормозило ее развитие. Каллистяне, очевидно, изменили у себя общественный строй, создали условия для свободного творчества, свободного занятия

наукой широчайших масс населения планеты. И мы видим результаты освобождения мысли от классовых оков.

— Вы хотите сказать, что на Каллисто полный коммунизм? — ироническим тоном спросил его один из иностранных ученых.

— Вашими устами глаголет истина, — ответил Штерн.

Инженеры встретили на звездолете еще большие трудности, чем другие ученые. Космический корабль был сплошной технической загадкой. Главнейшей из них, несомненно, являлись двигатели и то «горючее», которое давало им силу. Смирнов и Манаенко пришли к выводу, что принцип работы был реактивным, но первоначальное предположение, что двигатели атомные, по мере знакомства вызывало все большее сомнение.

— Если они атомные, — говорил профессор Смирнов, — то атомная техника на Каллисто ушла так далеко вперед, что стала совершенно не похожа на ту, которую мы знаем и можем себе представить.

Манаенко и другие инженеры соглашались с этим выводом.

В нижней части корабля (той, на которую он приземлился) находилось его «сердце» — место, где был расположен какой-то очень сложный агрегат, отдаленно напоминающий атомный реактор. Отсюда по специальным трубам (только с натяжкой их можно было назвать «трубами») неведомая «энергия» поступала в каждый из двигателей, воспламенялась и производила взрывы чудовищной силы. Следуя друг за другом со скоростью пятидесяти пяти взрывов в секунду, они создавали страшное давление, толкавшее корабль в сторону, противоположную открытому отверстию дюз.

Пуская в ход различные двигатели, равномерно расположенные по всей поверхности звездолета, можно было двигаться по всем направлениям.

Как уже было известно, корабль летел с ускорением, то есть с работающими двигателями, почти год при старте и столько же во время торможения. Стенки дюз должны были все это время выдерживать колоссальное давление и огромную температуру. Они были сделаны из того же металла, что и корпус корабля.

Это был сплав, по прочности превосходивший все известные на Земле сорта брони. Смирнов и Манаенко легко убедились, что их легкомысленное намерение «отколочь кусочек» было заранее обречено на провал. Не только зубило, которым они намеревались воспользоваться, но и другой любой режущий или колющий инструмент был бессилён против этого металла, обладавшего к тому же абсолютной изотропностью¹.

(¹ Изотропность — одинаковость свойств тела по любому направлению внутри его).

Кроме твердости, в сравнении с которой даже «победит¹» показался бы мягким, он отличался еще и исключительной жароупорностью. Температура плавления этого металла при нормальном давлении равнялась одиннадцати тысячам градусов, то есть более чем в три раза превосходила температуру плавления самого жароупорного материала на Земле — вольфрама.

(¹ «Победит» — сплав, не уступающий по твердости алмазу, в состав которого входит вольфрам. Изобретен на московском заводе имени В. Куйбышева.)

По мнению Аверина, вольфрам безусловно входил составной частью в этот сплав.

Диегонь объяснил, что твердость и упругость металла (на языке Каллисто он назывался «кьясьиндь») такова, что только самые быстрые из метеоритов, скорость которых превышает сто километров в секунду, способны пробить стенки звездолета, а как было известно каллистянской астрономии, даже вблизи Сириуса метеориты исключительно редко достигают таких скоростей.

Каллистяне очень охотно показывали и объясняли все, что интересовало земных ученых. Они совершенно не пытались скрыть какие-нибудь «секреты» и, как могли, помогали понять устройство двигателей и принципы их работы. Даже в помещении «атомного котла» (его называли так потому, что не нашли другого подходящего названия), являвшегося самой ответственной частью звездолета, они свободно допускали всех желающих.

Было ли это следствием их уверенности, что агрегат нельзя испортить, или такая возможность даже не приходила им в голову, но они нисколько не боялись и с полным доверием относились к людям.

Они не могли не понимать, что выйди из строя «сердце» их корабля — и они теряют возможность вернуться на родину. И, несмотря на это, не только не препятствовали Смирнову и Манаенко в их желании изучить работу этого «сердца», но даже часто на целые часы оставляли их одних в этом помещении.

Эта детская доверчивость, с земной точки зрения граничащая с беспечностью, очень беспокоила полковника Артемьева, и он часто обращался к Козловскому с просьбой ограничить число лиц, посещающих корабль. Секретарь обкома разделял его беспокойство.

До сих пор не удалось обнаружить никаких следов пребывания в лагере диверсантов, в существовании которых ни Артемьев, ни Козловский не сомневались. Агентурные сведения, сообщенные им из Москвы, не оставляли сомнения в том, что враг в лагере. Но кто был этим врагом? Этого не удалось выяснить.

— Вы уже достаточно хорошо познакомились с этим самым «котлом», — сказал Смирнову Козловский, пытливо всматриваясь в лицо профессора. — Скажите, Александр Александрович, можно вывести его из строя?

— Можно, — был ответ.

Козловский нервным движением потер руки.

— Так зачем же, скажите на милость, они разрешают вам возиться у этого «котла»?

— Они нам верят. Конечно, рассуждая со стороны, они слишком доверчивы, порой кажутся даже наивными. Семен Борисович как-то сказал, что, по его мнению, эти люди привыкли к поведению и морали коммунистического общества. Если это так, то для них должны быть совершенно непонятны такие вещи, как диверсия.

— Зато эти, как вы выражаетесь, «вещи» должны быть хорошо понятны вам. Я очень прошу вас, Александр Александрович, никого не допускать к «котлу».

— Как, даже Артема Григорьевича?

— Нет, Манаенко я не имею в виду, — ответил Козловский. — Но вот, например, Ю Син-чжоу? Почему он постоянно бывает на корабле вместе с вами? Что ему надо у «котла»?

— То же, что и нам, Он старается изучить его. Разве вы не знаете, что Ю Син-чжоу не всегда был журналистом? По специальности он инженер.

— Я не знал этого, — нахмурившись сказал Козловский.

— Он сам рассказал мне свою биографию, — продолжал Смирнов, — когда я заинтересовался происхождением его технических знаний. Если вы требуете, я не буду брать его с собой.

— Да, лучше не надо. Чем меньше людей будет иметь туда доступ, тем лучше.

ВЗГЛЯД НАЗАД

Время шло своим чередом. Все больше сведений о родине звездоплавателей и о них самих становилось достоянием населения Земли, все больше и больше узнавали и каллистяне о Земле и ее жизни.

Петр Аркадьевич Широков стал постепенно неизменным переводчиком при всех беседах. Его успехи были так велики, что он теперь занимался языком отдельно от своих товарищей, далеко опередив их. Было очевидно, что в скором времени он сможет свободно говорить с каллистянами на любую тему. Лежнев и Ляо Сен были вынуждены признать, что они, несмотря на весь свой опыт, не в состоянии угнаться за молодым медиком, обнаружившим неожиданно для самого себя, что язык Каллисто не доставляет ему почти никаких трудностей.

— Я и сам не знаю, чем это объяснить, но слова этого языка кажутся мне очень легкими для запоминания, — говорил он Куприянову.

Неожиданные способности Широкова были очень счастливым обстоятельством. С его

помощью выяснилось много подробностей прилета космического корабля на Землю.

Если планетная система Солнца имела только одну населенную разумными существами планету — Землю, то система Сириуса-Рельоса — имела их целых две. Кроме Каллисто, еще на одной планете были люди, правда стоявшие на низкой ступени развития, но все же люди, — разумные существа, знакомые с орудиями труда, огнем и обладавшие членораздельной речью.

Звездолеты Каллисто только недавно побывали на этой планете, и сделанное ими открытие произвело целый переворот в мыслях каллистян. До этого они склонялись к тому, что Каллисто — исключительное явление в природе. Большинство ученых придерживались той точки зрения, что жизнь — это своего рода «болезнь» планеты, что нормальное состояние небесного тела исключает возможность жизни.

Этот глубоко ошибочный взгляд (на Земле он тоже существовал, его сторонником был английский астроном Джине) тормозил развитие научного мировоззрения на планете, и с ним долгие века боролись лучшие умы Каллисто. Все это чрезвычайно напоминало не прекратившуюся до сих пор борьбу идеализма с материализмом на Земле.

Открытие населенной планеты по соседству с ними заставило каллистян пересмотреть свои взгляды на сущность жизни и послужило мощным толчком к организации полета к Солнцу.

Ригь Диегонь — инженер и крупнейший теоретик звездоплавания — еще до открытия разумного населения на соседней планете был ярким сторонником полета к Солнцу и работал над проектом звездолета, но его идея не встречала сочувствия, и только после того, как наука получила доказательство существования жизни на других мирах, он смог, наконец, осуществить свою долголетнюю мечту.

К этому моменту он был уже стар (на Каллисто средний возраст человека был равен восьмидесяти — ста годам), но это его не остановило. Он был великим энтузиастом науки.

Первой планетой, обнаруженной звездоплавателями в «окрестностях» Солнца, была Венера. Корабль проник под ее облачный покров и встретил там богатую растительность такого же цвета, как на Каллисто. Животной жизни на планете не оказалось.

Это было сенсационной новостью. Астрономы Земли только подозревали существование на Венере растительной жизни, а многие из них считали, что ее нет. Фотографии пейзажей Венеры, оказавшиеся на звездолете, рассматривались Штерном и другими учеными с величайшим вниманием. Это было такое научное сокровище, значение которого трудно было переоценить.

Убедившись, что на Венере нет разумной жизни, каллистяне стали искать другие планеты. Они скоро нашли планету Юпитер, но, учитывая ее величину и отдаленность от Солнца, решили, что на ней жизни быть не может, и поэтому не познакомились с ней ближе. Диегонь и Вьеньянь считали, что бесполезно искать разумную жизнь на большом расстоянии от Солнца, и звездолет три месяца обследовал пространство между орбитами Венеры и Земли, о существовании которой они долго не подозревали.

Не находя никакой планеты (Марс так и остался незамеченным) каллистяне решили, что система Солнца гораздо беднее планетами, чем система Сириуса.

С чувством глубокого разочарования они собирались отправиться в обратный путь.

Найти Землю помогла случайность.

Желая точно рассчитать орбиту Венеры, Вьеньянь наблюдал планету с помощью телескопа и несколько раз фотографировал. Рассматривая снимки, он обратил внимание на заметное смещение одной из ярких звезд, на фоне которых он видел Венеру. Заподозрив, что эта звезда является планетой, Вьеньянь стал изучать ее и очень скоро убедился, что не ошибся. Определив орбиту открытого им спутника Солнца, он понял: то, что они искали, найдено.

Неизвестная планета находилась на таком расстоянии от Солнца, что на ней вполне могла оказаться жизнь, хотя бы такая, как на Венере.

На совете экипажа корабля было решено обследовать находку. Звездолет направил свой

путь к Земле.

Подлетев к ней, каллистяне сразу поняли, что эта планета сильно отличается от Венеры, но что ее природа еще богаче, чем у ее соседки. Наличие на Земле разумного населения было установлено ими только тогда, когда звездолет приблизился на пятьсот километров к ее поверхности. Первым признаком, по которому им стало ясно, что они встретили, наконец, человеческий разум, был океанский пароход, замеченный в телескоп. Его искусственное происхождение было для них несомненно.

Потом они увидели еще несколько кораблей. Оказавшись над Сибирью, они уже сознательно искали признаки разумной деятельности и без труда находили их.

Их радость была очень велика. Несколько часов, которые отделяли момент появления парохода от приземления в Курской области, пролетели для них как один миг.

Только Диегонь сохранял относительное спокойствие и управлял звездолетом. Остальные, находились в состоянии лихорадочного волнения.

Когда, опустившись ниже, они увидели поднявшиеся им навстречу самолеты, даже Диегонь оторвался от пульта управления и подошел к экрану. С огромным интересом рассматривали каллистяне воздушные машины.

Катастрофа самолета, неосторожно вошедшего в струю позади корабля, произвела на них потрясающее впечатление. Они были в отчаянии, что их прибытие повело к смерти обитателя Земли. Диегонь бросился обратно к пульта и резко увеличил скорость, боясь повторения несчастья. Он думал, что реактивное движение неизвестно на Земле и что люди не понимают опасности приближения к задней части звездолета.

Они видели другие эскадрильи самолетов и понимали, что жители Земли приветствуют их, но теперь каждый раз уходили далеко вперед, уклоняясь от почетного эскорта.

Им не хотелось производить посадку в пустынях, которые они встречали во время полета над Землей, и они стали искать достаточно уединенного места, где не было бы свидетелей приземления, и Курская область показалась им подходящей. Остановившись на окрестностях Золотухино, Диегонь долго кружил на одном месте, чтобы дать возможность Вьеньяню хорошо рассмотреть местность, — он опасался сесть на болото. Тучи пыли, поднятые кораблем, помешали им видеть, что под ними населенный пункт. О существовании под ними города они даже не подозревали и только случайно не посадили звездолет прямо на дома.

Когда корабль коснулся земли и замер неподвижно, они поздравляли друг друга с достижением поставленной цели. Они были глубоко счастливы.

Звездолет находился на планете, подобной их собственной, и эта планета была населена разумными существами!

В свои «окна» — экраны — каллистяне наблюдали за прибытием экспедиции и постройкой лагеря. Они хорошо поняли цель, с которой это делалось, — люди готовились к встрече с ними. Световые разговоры убедили их в том, что общий язык с населением Земли будет найден.

Девятнадцать суток¹, которые они были вынуждены провести на корабле, показались им очень долгими. Но было необходимо произвести пробы земной атмосферы и выяснить, какие в ней содержатся болезнетворные микроорганизмы.

(1 Сутки Каллисто, или время полного оборота планеты вокруг ее оси, равнялось двадцати трем часам сорока минутам, то есть было только на двадцать минут короче, чем на Земле.)

Синьг, который испытывал такое же нетерпение, как и его товарищи, торопился как мог. Он установил, что состав и плотность атмосферы Земли такие же, как на Каллисто. Он обнаружил несколько микробов, неизвестных на их родине, и нашел средства против заражения ими. Это позволило каллистянам выйти из корабля без масок. Но все бактерии, известные Синьгу, оказались и в атмосфере Земли. Это открытие обрадовало его, так как устраняло опасность заражения для людей. Он решил, что на первое время нельзя допускать на звездолет воздух Земли, и именно поэтому они подвергали кабину подъемной машины

«дезинфекции». Синьг надеялся, что в дальнейшем, когда он лучше изучит микроорганизмы Земли, можно будет обходиться без этой неприятной процедуры.

Первое появление людей вблизи от корабля очень взволновало каллистян. С жадным любопытством они рассматривали жителей неведомой планеты, столь похожих на них самих, но с белым цветом кожи. Желая показать, что видят их, они намеренно выдвинули аппарат для взятия проб воздуха в тот момент, когда люди шли мимо. Бьяининь хотел выйти из корабля и показаться жителям Земли, так велико было его нетерпение. Он соглашался пойти на риск заражения, но Синьг и Диегонь не позволили ему этого сделать.

День пятнадцатого августа (они, конечно, не знали, что это «август» и что сегодня пятнадцатое число) был для каллистян таким же праздником, как и для людей. По их счету, это был четыреста тридцать третий день 2392 года.

На Каллисто, так же как и на Земле, время полного оборота планеты вокруг ее центрального светила (Сириуса) считалось «годом», но вследствие того, что орбита планеты была длиннее орбиты Земли и сама Каллисто двигалась медленнее, этот «год» равнялся почти двум земным годам.

«Год» Каллисто не делился, подобно земному, на месяцы. Это было не удивительно, если вспомнить, что на ней не было смены времен года. Каллистяне не знали, что такое весна, осень, зима и лето. В той части планеты, где были расположены материки, всегда было одно сплошное лето, более жаркое, чем на экваторе Земли. На полюсах Каллисто, наоборот, всегда царила зима, но значительно более мягкая, чем на полюсах Земли.

До отъезда из лагеря осталось три дня. Все вопросы, связанные с переездом в Москву, были успешно согласованы. Диегонь сам предложил, чтобы экипаж корабля в полном составе покинул лагерь.

Космический корабль должен был остаться под охраной воинских частей.

Глава вторая

В РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЕ

Час ночи.

Экспресс «Пекин — Москва» только что отошел от крупной станции и, набирая скорость, мчался вперед. В двухместном купе международного вагона у окна, закрытого опущенной занавеской, сидели в креслах два пассажира. Один был пожилой китаец, второй, судя по его костюму и манере держаться, — американец.

Беседа шла на английском языке.

— Что же мне оставалось делать? — говорил американец. — В разрешении посетить лагерь мне отказали. Я не ученый и не журналист. Просто любознательный человек. Хочу увидеть жителей другой планеты — марсиан... Я очень доволен, что удалось получить визу и что еду в Москву. Может быть, марсиане приедут туда, а если нет, постараюсь хоть издали посмотреть на корабль.

— Профессор Куприянов разрешил экскурсии к звездолету, — сказал китаец. — Вам надо поехать в город Курск, советую сделать это пятнадцатого августа.

— Вы думаете, что световой разговор был правильно понят?

— У меня это не вызывает сомнений.

— Вы счастливый человек, — сказал американец. — Без всяких хлопот увидите корабль и марсиан.

— Почему вы называете их марсианами? По данным современной науки, на Марсе нет разумного населения.

— Ну что «современная наука»! Что она знает? Тайны природы недоступны слабому человеческому уму.

— Вот как! — усмехнулся китаец. — Вы не верите в науку? Во что же вы тогда верите?

— В человека. В силу его ума и энергии.

— Так это и есть сила науки.

— Человеку не понять тайн природы, — повторил американец.

— Непознаваемость мира! — китаец засмеялся. — Вы фидеист?

— Как вы сказали? Фидеист? А что это означает?

— Есть такое философское учение. Оно оспаривает научное познание мира и отдает предпочтение вере перед знанием. Фидеизм — опора реакции.

— Вы говорите, как коммунист.

— Я и есть коммунист, — просто ответил китаец.

Американец вынул часы и взглянул на них.

— Не хотите ли пройти в ресторан? — предложил он. — Стаканчик водки перед отходом ко сну. Русская водка лучше джина.

— Нет, благодарю вас, — ответил китаец.

Американец вышел из купе.

Оставшись один, китаец начал раздеваться. Вспоминая разговор, он улыбался.

«Таковы они все, — думал он. — Считают себя высшей расой и сочетают это с полной научной неграмотностью. Он верит только в энергию человека, то есть в искусство бизнеса».

Едва он успел снять пиджак, как его спутник вернулся.

— Идемте скорее! — сказал он. — В соседнем вагоне произошло убийство.

— Что вы говорите! — воскликнул китаец.

Он поспешно надел пиджак и пошел за американцем.

В коридоре вагона было пусто. Пассажиры спали.

Они вышли на площадку, чтобы перейти в другой вагон.

Поезд мчался по лесу. Близко к полотну дороги подступила черная стена деревьев. В слабом свете маленькой лампочки на площадке смутно темнела фигура какого-то человека.

Если бы проводник вагона увидел его, то мог бы поклясться, что этого человека раньше не было в поезде.

Американец сделал шаг назад, пропуская китайца вперед.

Неизвестный человек взмахнул рукой. Звук тяжелого удара потерялся в стуке колес бешено несущегося экспресса.

Тело упало на площадку вагона. Двое наклонились над ним и поспешно обыскали труп. Потом они открыли дверь и выбросили убитого, на всем ходу, в черноту ночи.

Главный врач одной из районных больниц омской области, доктор Казимбеков, всегда приходил на работу ровно в восемь часов. Надев халат, он, в сопровождении дежурного врача, начал обычный обход больных.

— Слышали? — говорил он в каждой палате. — Товарищ Широков уже почти свободно говорит с каллистянами. Что значит медицинский работник! Принято решение переехать из лагеря в Москву. Профессор Аверин узнал много нового в вопросах синтеза органических соединений. Профессор Смирнов изучает двигатели.

Больные улыбались. Они уже привыкли, что главный врач каждый день сообщал им новости из лагеря под Курском, не считаясь с тем, что они сами их уже знали. Радиостанции три раза в день включали в свою программу передачу сообщений Куприянова.

Казимбеков очень интересовался звездолетом. Он сетовал, что сам не увидит гостей с Каллисто, и ворчал на то, что корабль не опустился где-нибудь поближе.

— Что им, места не хватило у нас в Сибири? — говорил он.

Миллионы сибиряков видели звездолет во время его полета, но даже этого утешения судьба не доставила бедному Казимбекову. Корабль пролетел в стороне от Омской области.

Не один Казимбеков был в эти дни недоволен своей судьбой. Вряд ли можно было отыскать в Советском Союзе человека, который не завидовал бы жителям Курской области. Звездолет, его экипаж, научная экспедиция Академии наук были самой волнующей темой разговора. Где и о чем бы ни говорили люди в эти дни, беседа обязательно переходила на Каллисто.

И в небольшой районной больнице все, здоровые и больные, думали и говорили о том же.

Пациентов было не так много, и Казимбеков скоро закончил свой обход.

— А в каком положении китаец? — спросил он у дежурного врача.

— Все в том же, — со вздохом ответил тот. Речь шла о человеке, доставленном в больницу девятого августа с линии железной дороги. Он был найден путевым обходчиком рано утром на лесном перегоне.

У китайца, хорошо одетого, пожилого человека, была разбита голова и сломаны обе ноги. Он лежал под насыпью и не подавал никаких признаков жизни.

Несмотря на то, что человек казался мертвым, путевой обходчик доставил его в ближайшую больницу.

Китаец оказался жив («На один процент», — как выразился Казимбеков.) Энергично принятыми мерами удалось если не совсем предотвратить смерть, то, во всяком случае, отдалить ее и получить слабую, но все же надежду на благополучный исход.

У пострадавшего не нашли никаких документов или бумаг, из которых можно было бы узнать, кто он такой.

Путевой обходчик утверждал, что, когда он перед этим обходил свой участок, под насыпью еще никого не было, а с той поры прошел только один пассажирский поезд — экспресс «Пекин — Москва».

Оставалось предположить, что пострадавший упал именно с этого поезда. Можно было только удивляться, что он остался жив, так как экспресс проходил этот участок с очень большой скоростью. Но расследование не подтвердило этой догадки. На посланную вдогонку за поездом телефонограмму пришел ответ, что все пассажиры экспресса налицо. Никто не пропал дорогой.

Предположить, что человек ехал на каком-нибудь из товарных поездов, было трудно. Он был так хорошо одет, что на него безусловно обратили бы внимание.

Дело перешло в ведение прокуратуры. Судебно-медицинский эксперт, специально приехавший для этого из Омска, установил, что рана на темени (голова была разбита в двух местах) была вызвана падением, а вторая, с левой стороны лба, нанесена раньше каким-то тупым орудием.

«Падение с поезда» оборачивалось убийством, которое только случайно не увенчалось успехом.

По мнению эксперта, пострадавший был выброшен из вагона поезда на ходу, после того как ему был нанесен удар кастетом.

Переломы ног были не опасны, заживление подвигалось быстро. Но с головой дело обстояло плохо. Рана на темени была очень глубока, и раненый вот уже больше месяца не приходил в себя. Его кормили искусственным способом, и надежда на спасение его жизни становилась все слабее и слабее.

Выяснить обстоятельства преступления и личность убийцы можно было только тогда, когда пострадавший придет в сознание. Казимбекова ежедневно запрашивали из Семипалатинска, но на вопрос о состоянии больного он изо дня в день вынужден был отвечать, что все по-прежнему и пострадавший в сознание не приходит.

Состояние неизвестного было настолько тяжелым, что не могло быть и речи о перевозке его в Омскую хирургическую клинику, и он оставался в районной больнице.

— Значит, без перемен? — спросил главный врач.
— Без перемен.
— Плохо его дело, — сказал Казимбеков. — Такое длительное беспамяństwo неизбежно заканчивается смертью.
— И преступник останется неузнанным?
— Меня не интересует преступник, — сердито ответил главный врач. — Это дело следственных органов. Меня интересует больной.
Он вошел в отдельную палату, где лежал раненый. Здесь стояла только одна кровать, стул и небольшой столик. Окно было завешено, и в комнате царил полумрак.
Китаец лежал на спине. Его забинтованная голова сливалась с белой подушкой.
В первый момент Казимбеков не заметил никаких перемен в положении пациента, но, подойдя ближе, с удивлением и радостью увидел, что глаза раненого открыты.
— Сейчас же вызовите переводчика, — шепнул он дежурному врачу, — и следователя.
По полученному им приказу он был обязан немедленно сообщить, как только раненый придет в сознание. Следственные власти с нетерпением ждали этого момента.
Надо было спешить. Может быть, это последняя вспышка жизни!
Но как ни тихо было дано это распоряжение, раненый расслышал и понял его.
— Не надо... — чуть слышно сказал он, — переводчика. Я... говорю... по-русски.
Дежурный врач быстро вышел. Казимбеков наклонился над кроватью.
— Не разговаривайте! — сказал он.
— Что... со мной... случилось?
— Вы ранены. Прошу вас не говорить сейчас. Поберегите силы.
Китаец послушно закрыл глаза. Казимбеков взял его руку. Пульс был слабым, но ровным. Врач позвонил, чтобы вызвать к раненому дежурную сестру.
Внезапно китаец вздрогнул и сделал движение подняться.
Казимбеков поспешно, но все же очень осторожно удержал его за плечи.
— Спокойно! — сказал он. — Не надо шевелиться.
Раненый сделал движение рукой, предлагая нагнуться.
Доктор услышал прерывистый шепот:
— Я вспомнил... Скорее следователя... Я должен успеть...

Опрос продолжался долго. Раненый с трудом давал показания. Часто приходилось делать длительные перерывы, чтобы дать возможность пострадавшему собраться с силами.
Казимбеков ворчал и требовал перенести опрос на завтра, но китаец не соглашался на это.
— Я должен успеть, — говорил он. — Это очень важно. Может случиться, что я умру.
— Теперь вы уже не умрете, — уверял его врач.
— Все равно, время не терпит.
— Постарайтесь подробнее описать внешность вашего спутника, — сказал следователь.
Раненый, как мог подробнее, рассказал об амерканце.
— Вы успели разглядеть человека на площадке?
— Я его плохо видел... Мне показалось... что он китаец...
— Номер вагона и купе?
— Вагон восемь. Купе пять.
— Что, по-вашему, могло быть причиной нападения?
— Думаю, что... им нужны были мои документы... Это и есть самое страшное... Ему нужно было пробраться в лагерь... под моим именем.
— В какой лагерь? — одновременно спросили следователь и Казимбеков.
— В лагерь у космического корабля... Я еще не говорил вам... Я ехал туда... Я корреспондент агентства Синьхуа. Мое имя Ю Син-чжоу.

ОНИ ОТРАВЛЕННЫ!

Полковника Артемьева разбудили шаги человека, подошедшего к палатке. Он всегда спал очень чутко, а в последнее время, снедаемый тревогой, вообще забыл, что значит спокойный сон.

Никто в обоих лагерях не подозревал, кто он такой. Все считали Артемьева корреспондентом. Один только Козловский знал, что он сотрудник разведки.

Работа с каллистами, изучение их научных материалов внешне шли гладко. Ничто не указывало, что гостям Земли может угрожать какая-нибудь опасность. Но советская разведка знала, что такая опасность существует.

Техника Каллисто все еще оставалась загадочной. Изучением двигателей звездолета занимались Смирнов и Манаенко, — оба советские ученые. Определенные круги за границей опасались, что результаты их открытий останутся в руках СССР и не будут опубликованы, как другие материалы, добытые на звездолете. С их точки зрения советские люди должны были скрыть «атомные тайны», использовать их на усиление военной мощи своей страны. Такая перспектива, разумеется, тревожила их. Они не могли себе представить возможности добровольного отказа от технической тайны, да еще столь важной. Они судили по себе и сделали соответствующие выводы. Пусть лучше техника Каллисто останется никому неизвестной, чем отдать ее СССР. Лучше уничтожить «котел», уничтожить книги каллистан, убить их самих... Это было чудовищно, но логично.

Несмотря на все усилия, напасть на след врага не удавалось. Все обитатели лагеря Академии наук и лагеря иностранцев были проверены самым тщательным образом. Напрасно! Могло создаться впечатление, что никакого тайного врага нет, что сведения, добытые советской разведкой, ложны, но полковник Артемьев даже не допускал такой мысли. Враг был! Его надо найти! Разоблачение Дюпона и О'Келли подкрепляли его уверенность в этом. Противник не мог быть так наивен. Враг был, по-видимому, очень осторожен и очень опытен.

«Тем лучше! — думал Артемьев. — Когда мы обнаружим его, то можно быть уверенным, что теперь-то это именно тот, кого мы ищем».

Николай Николаевич Козловский не придавал никакого значения факту, сообщенному ему профессором Смирновым. Но не так поступил опытный разведчик. Узнав, что китайский журналист Ю Син-чжоу в прошлом инженер, Артемьев не оставил это неожиданное открытие без внимания. Подлинность Ю Син-чжоу до сих пор не вызывала у него сомнений. Сведения, полученные от агентства «Синьхуа», устраняли малейшие подозрения. Но вот появилось новое, неизвестное раньше обстоятельство, и Артемьев не прошел мимо него.

«Почему он раньше не сказал, что он инженер? — думал полковник. — Случайно это или намеренно!»

Артемьеву казалось странным, что человек, имеющий диплом инженера, сменил свою профессию на журналистику. Но, с другой стороны, агентство «Синьхуа» могло именно потому послать Ю Син-чжоу в лагерь, что он инженер, человек технически грамотный. Такой корреспондент в данном случае был безусловно полезнее профессионального журналиста. Но почему он молчал до сих пор?..

Артемьев еще не подозревал Ю Син-чжоу, но смутное недоверие возникло, и он решил проверить все до конца. В тот же день, когда ему стал известен разговор Козловского с профессором Смирновым, он послал радиogramму с требованием прислать подробную биографию журналиста и вслед за этим его фотографию.

С нетерпением ожидая ответа, он инстинктом разведчика чувствовал, что напал на след, но к чему мог привести его этот след, было неясно. Лояльность Ю Син-чжоу казалась несомненной.

По свойству своего характера Артемьев всегда целиком отдавался тому делу, которым занимался в данный момент. Даже во сне он не забывал о вставшей перед ним задаче.

Погруженный в некрепкий сон, он продолжал ждать ответа на свою радиограмму и, когда услышал шаги, сразу проснулся, сел на постели и включил свет.

Было четыре часа утра; лагерь был погружен в сон, и только серьезное дело могло привести кого-то к его палатке.

Он не ошибся.

Вошел один из его помощников, дежуривший в эту ночь на радиостанции подполковника Черепанова.

— Срочная радиограмма, товарищ полковник!

Радиограмма была длинная. В ней сообщалась вся биография Ю Син-чжоу.

Глаза Артемьева быстро пробежали по строчкам.

Имя... Год рождения... Партийность... С какого года... Семейное положение... Образование...

Рука Артемьева замерла на бланке.

Образование: окончил литературный институт в Москве.

Значит...

Значит, Ю Син-чжоу не был инженером. Но профессор Смирнов, заподозривший в нем инженера, не мог ошибиться. Да и сам Ю Син-чжоу подтвердил, что он инженер.

Артемьев на секунду закрыл глаза. Замысел врага, который он не мог разгадать, предстал вдруг перед ним с ослепительной ясностью. Так вот где таилась опасность, которую он предвидел, приближение которой чувствовал!.. Все было так понятно и просто, что Артемьев с удивлением заметил, что мучившее его волнение совершенно прошло.

Радиограмма не опоздала! Она пришла вовремя!

Он стал быстро одеваться.

Враг обнаружен! Настоящий, подлинный враг, так долго сумевший оставаться неизвестным!

Куда девался настоящий Ю Син-чжоу, китайский товарищ, ставший жертвой врага, выяснится потом. Как им удалось убрать его, заменить своим человеком? Это тоже выяснится в свое время. Самое главное сделано. Замысел врага провалился.

Дюпон и О'Келли, подsunутые, чтобы усыпить бдительность советских разведчиков, никого не обманули. Истинный враг, ради успеха которого они пожертвовали двумя своими агентами, все-таки выявлен.

Артемьев бегом направился к палатке Козловского.

Она стояла в центре лагеря, рядом с палаткой Черепанова; и, когда полковник подбежал к ней, его остановил часовой. Кроме узкого круга лиц, никто не знал, кто такой Артемьев: он был в гражданском платье; и часовой поступил правильно, не пропустив его, но Артемьеву была дорога каждая минута. Он громко позвал Козловского; секретарь обкома вышел и провел его в палатку.

Полковник молча протянул ему радиограмму. Козловский прочел и сразу понял.

— Немедленно... — начал он, но в этот момент полог палатки распахнулся, и в нее буквально ворвался Широков. С одного взгляда на его лицо Козловский и Артемьев поняли, что случилось какое-то несчастье.

— Хорошо, что вы не спите! — тяжело дыша сказал он. — Кьяльисто вьестьи мьяньиньо...

— Говорите по-русски, — перебил Козловский.

Очевидно, случилось что-то очень серьезное.

— Звездоплаватели умирают, — сказал Широков.

Он бросился на стул и сжал голову руками.

— Они умирают, — повторил он. — Идемте, Николай Николаевич! Надо что-то делать. Нельзя допускать такого конца.

— Где Куприянов?

— Там, с ними. Он послал меня за вами.

Козловский повернулся к Артемьеву.

— Немедленно, — сказал он, — арестуйте человека, живущего в лагере под именем Ю Син-чжоу. И не спускайте с него глаз. Идемте, Петр Аркадьевич!

Широков настолько был поглощен мыслями о каллистянах, что даже не обратил внимания на эту короткую сцену, которая в другое время безусловно очень удивила бы его. Приказание Козловского арестовать Ю Син-чжоу, отданное тому, кого они все считали корреспондентом, должно было изумить его. Но он был в таком состоянии, когда человек ничего не видит вокруг себя и не отдает себе отчета в совершающихся событиях, не имеющих отношения к тому, что поглотило все его сознание.

По дороге он рассказал Козловскому о подробностях неожиданного происшествия.

Звездоплаватели последнее время ночевали в лагере. Один Вьеньянь оставался на корабле. Широков поселился с ними, чтобы все время слышать их разговор и упражняться в языке.

Сегодня ночью Синьг разбудил его.

— Он еле держался на ногах, — говорил Широков. — Разбудив меня, он упал на пол. Остальные лежали без сознания. Я бросился за Михаилом Михайловичем, и он, как был, неодетый, побежал в палатку. Штерн, Ляо Сен и Лебедев прибежали с ним, но он попросил их уйти. Лебедев принес ему одежду.

— Что могло случиться, по-вашему?

— Отравление. Михаил Михайлович тоже думает, что они отравились растительным ядом. Нашей пищи они не ели. Только свою...

— Положение опасно?

— Очень. Самое скверное, что Синьга не удастся привести в чувство. Его помощь необходима. Михаил Михайлович вызвал Аверина и поручил ему срочно сделать анализ остатков ужина. Что мы можем предпринять, не зная яда!

— Какие меры вы приняли?

— В палатке имеется аптечка Синьга, но, пока он не пришел в себя, она бесполезна. Все же Михаил Михайлович ввел им один препарат, который я указал ему. Синьг говорил мне, что он употребляется при отравлениях. Но полной уверенности, что это то, что нужно, у нас нет.

У палатки, где жили каллистяне, толпились все члены экспедиции и много военных. Новость быстро распространилась по лагерю и всех подняла на ноги.

— Вьеньянь знает? — спросил Козловский.

— Нет. У меня не было времени сообщить ему.

— Пошлите Лежнева или Ляо Сена. Может быть, он сможет чем-нибудь помочь.

Куприянов стоял наклонившись над постелью, на которой лежал Синьг. Он обернулся при входе Козловского.

— Извините, что разбудил вас, — сказал профессор. (Странно и нелепо прозвучала эта фраза.) — Необходимо позвонить в Золотухино и срочно доставить сюда подушки с кислородом. У нас может не хватить.

Выражение лица Куприянова, его голос и движения были совершенно спокойны, и Козловский понял, что этот человек перестал быть начальником экспедиции. Он был сейчас только врачом у постели больного.

— Постарайтесь достать где-нибудь свежего молока, — прибавил он.

Молча кивнув головой, секретарь обкома быстро вышел. Он видел, как Куприянов и Широков снова наклонились над Синьгом.

Хотя Козловский пробыл в палатке не больше минуты, он успел внимательно осмотреться. Звездоплаватели лежали неподвижно, с закрытыми глазами. Черный цвет их кожи не давал возможности определить «бледны» их лица или нет. Они казались такими же, как всегда. На полу валялись куски ваты, осколки ампул. Шприц, очевидно отброшенный в спешке, воткнулся иглой в спинку кресла. Сильный запах какого-то лекарства стоял в воздухе.

Все указывало на отчаянную борьбу за жизнь, которая здесь происходила недавно. Чем

кончится эта борьба? Удается ли победить неожиданно явившуюся в лагерь смерть?..

Едва за ним опустился полог, Козловский оказался в плотном кольце взволнованных людей.

— Как там?.. Что?.. Есть надежда?.. — слышались со всех сторон нетерпеливые вопросы.

— Я ничего не знаю, товарищи, — отвечал Козловский. — У постели пострадавших один из лучших врачей Советского Союза. Будем надеяться на его искусство. Пропустите меня, — прибавил он, видя, что пробраться сквозь толпу будет трудно. — Я очень тороплюсь выполнить просьбу товарища Куприянова.

Эти слова сказали волшебное действие. Сразу перед ним образовался проход, и Козловский почти бегом направился к палатке начальника экспедиции, где был телефон.

По дороге он сказал первому попавшемуся офицеру, чтобы немедленно послали в ближайший колхоз за молоком.

— Возьмите мою машину! — крикнул он на ходу.

Он позвонил прямо на квартиру первого секретаря Золотухинского райкома и получил от него обещание, что требуемый кислород будет доставлен со всей возможной быстротой.

Положив трубку телефона, Козловский вышел из палатки.

Оранжевым заревом разгоралась утренняя заря. Бледнело небо; одна за другой потухали звезды. Наступал день, полный тревог, день, который мог стать последним в жизни ученых Каллисто, совершивших великий научный подвиг. Неужели одиннадцать лет летели они через бездны вселенной, чтобы, достигнув цели, победив пространство и время, здесь, на Земле, в восьмидесяти трех триллионах километров от родины, прийти к такому печальному и нелепому концу?..

Все случилось так внезапно, что у Козловского путались мысли и он никак не мог заставить себя спокойно обдумать случившееся.

Была ли какая-нибудь связь между этим внезапным отравлением и разоблачением Ю Син-чжоу? Действительно ли каллистяне отравились своими же продуктами (это казалось просто невероятным) или они были отравлены?..

На звездолете был огромный запас самых разнообразных продуктов, рассчитанный на двадцать с лишним лет полета. Большая часть их состояла из растительных веществ, заключенных в большие, герметически закрытые банки наподобие земных консервов. Все запасы хранились в шестнадцати кладовых, в которых искусственно поддерживалась низкая температура. Испортиться в пути они никак не могли, а предположить, что при снаряжении звездолета в космический полет на него попали уже испорченные продукты, было невозможно. Каллистяне рассказывали, что их полет готовился почти два года (по земному счету) и в этой подготовке принимала участие вся планета...

Мысли Козловского внезапно прервались, — он увидел Артемьева. Полковник должен был находиться возле арестованного им «журналиста», но вместо этого шел по лагерю, явно разыскивая кого-то.

Заметив секретаря обкома, Артемьев подбежал к нему.

— Ю Син-чжоу нет в лагере, — сказал он.

— Как нет?

— Нигде! Все палатки обысканы...

— Куда же он мог деваться? Вечером я его видел, — перебил Козловский.

— Ночью охрана никого не пропустит.

— Я спрашивал у дежурного офицера, — почему-то шепотом сказал Артемьев. — Часовые видели, как кто-то пролетел на крыльях в сторону звездолета.

— Когда это было?

— Около трех часов ночи.

Козловский судорожно вцепился рукой в плечо полковника.

— Вертолет! — прохрипел он. — Как можно скорее позовите профессора Смирнова.

Неужели!.. Неужели радиограмма все-таки пришла слишком поздно?..

Звездоплыватели отравлены... Ю Син-чжоу на корабле... Там один Вьеньянь, он не сможет помешать ему...

Неужели, несмотря на все усилия, злодейский замысел увенчается успехом?

В эту страшную минуту Козловский считал одного себя виновным во всем.

«Ю Син-чжоу — проверенный китайский коммунист! Человек вне подозрений!»

Урок О'Келли пропал даром!

По дороге к месту стоянки вертолета Козловский рассказал Смирнову о радиограмме и своих подозрениях.

— Ю Син-чжоу воспользовался крыльями. Он знал, что ночью, без разрешения, вертолет не доставит его на корабль.

— Он хорошо знает внутреннее устройство корабля, — заметил профессор.

— Надо во что бы то ни стало помешать ему! — воскликнул Артемьев.

— Если мы не опоздали, — так тихо, что его услышал один только полковник, прошептал Козловский.

Они почти бежали.

— Кондратий Поликарпович только что был у Куприянова, — сообщил Смирнов. — Он нашел в пище звездоплывателей кристаллы соли синильной кислоты.

Как ни торопился Козловский, но он невольно остановился, услышав эти слова.

— Но это же смерть!

— Петр Аркадьевич говорит, что доза безусловно смертельна для человека. Но он считает, что есть надежда на благополучный исход.

— Не понимаю.

— Доза смертельна для человека, — повторил Смирнов. — Раз каллистяне до сих пор не умерли, — значит, их организм не так восприимчив к этому яду, как наш. Вы знаете, что Широков считается специалистом в токсикологии¹.

(¹ токсикология — наука о ядах и противоядиях.)

— Он надеется?

— Да. И Михаил Михайлович разделяет эту надежду.

— Это было бы счастьем! — сказал Козловский.

Когда они пришли на место, вертолета не оказалось. Он улетел, чтобы доставить на вершину космического корабля вице-президента китайской Академии наук, профессора Ляо Сена.

Если бы Козловский не был так взволнован, он давно вспомнил бы об этом.

Было уже настолько светло, что они хорошо видели над кораблем неподвижно висящий в воздухе вертолет. Очевидно, китайский ученый приказал летчику ожидать его возвращения.

В лагере был только один летательный аппарат Каллисто. Им воспользовался диверсант.

Козловскому и его спутникам было не на чем подняться на вершину шара.

«СЕРДЦЕ» КОРАБЛЯ

Вертолет неподвижно повис в двух метрах над кораблем. Борт-механик отворил дверцу и опустил лестницу.

— Подождите меня, — сказал Ляо Сен.

Он быстро спустился на площадку. У шахты подъемной машины темнел какой-то предмет. Профессор с удивлением узнал в нем крылья. Это было странно и непонятно. Каллистяне очень заботились о своих летательных аппаратах и никогда не бросили бы их валяться на «крыше» звездолета всю ночь. Но думать о причине этого необычного нарушения порядка было некогда. Ляо Сен торопился сообщить Вьеньяню о несчастье, постигшем его товарищей.

Подъемная машина оказалась внизу. Еще одно непонятное обстоятельство Отверстие

шахты всегда закрывалось на случай дождя.

«Кто-нибудь опередил меня», — подумал профессор.

Это казалось самым простым и естественным объяснением. Кто-то из обитателей лагеря поторопился слетать за Вьеньянем и воспользовался для этого крыльями.

Ляо Сен зажег карманный фонарик и при его свете отыскал знакомлю кнопку. Как всегда, бесшумно поднялась снизу подъемная машина.

Опускаясь, он вспомнил, что не знает, как наполнить кабину газом для дезинфекции. Обычно при посещении звездолета людьми с ними всегда был кто-нибудь из каллистян. Проникнуть на корабль без этой обязательной процедуры Ляо Сен считал недопустимым.

Профессор знал, что кабину можно наполнить газом и изнутри. Сигнализация, связывающая подъемную машину с внутренними помещениями, также была ему хорошо известна.

Но поймет ли Вьеньянь, что от него хотят, когда услышит сигнал?

«Поймет, — подумал Ляо Сен. — Я ведь не первый. Человек, пришедший до меня, тоже должен был обратиться к нему за помощью».

Когда машина остановилась, он нажал кнопку сигнала.

Прошла минута. Ответа не было.

Ученый вторично нажал кнопку и долго не отпускал ее.

Даже сквозь металлические стенки шахты он слышал громкое гудение (на звездолете не было звонков), но никто не откликнулся. Так прошло минут пять.

Что делать? Вернуться в лагерь и посоветоваться с Куприяновым? А если это промедление будет стоить жизни ученым Каллисто? Каждая минута была на счету. Но открыть дверь и войти внутрь звездолета без дезинфекции — это значило свести на нет все меры предосторожности, которые так пунктуально выполнялись всеми.

Может быть, на корабле никого не было? Может быть, человек, прилетевший на крыльях, уже покинул звездолет вместе с Вьеньянем. В волнении и спешке они могли забыть летательный аппарат и воспользоваться другими. Это было вполне правдоподобно.

Но почему же тогда они опустили вниз подъемную машину? Было естественнее оставить ее наверху.

Ляо Сен сделал последнюю попытку «дозвониться». Никакого результата!

Он ничего не знал о полученной радиограмме и не мог заподозрить присутствия на корабле Ю Син-чжоу. Тем более ему не могло прийти в голову, что журналист, в подлинности которого у профессора не было никаких сомнений находится здесь с враждебными намерениями.

Ляо Сен был уверен, что Вьеньянь не покидал звездолета. Тот факт, что подъемная машина была внизу, неопровержимо доказывал это. Не слышать сигнала он никак не может. Гудение было очень громким, и его хорошо было слышно во всех помещениях корабля, кроме тех, которые находились внизу, у атомного «котла». Эта часть корабля была отделена от остальных помещений очень толстыми, двойными стенами. Но Вьеньяню незачем было находиться там.

Вьеньянь слышит, но не отвечает. Что же это значит?..

Профессор чувствовал, как тревога все сильнее охватывает его. В безмолвии звездолета ему чудилось что-то страшное. Медлить дольше было нельзя!

«Если можно дезинфицировать подъемную машину, — решил он, — то можно сделать это и со всем кораблем».

Он снова зажег фонарь и решительно нажал кнопку. Дверь раздвинулась.

Центральный пост, или «граненая комната», как ее называли, была, как всегда, ярко освещена. В ней никого не было.

Ляо Сен спустился по лестнице и подошел к люку, ведущему в круглый коридор. Внимательный взгляд профессора вдруг заметил у самой стены небольшой блестящий предмет. Он наклонился и поднял его.

Это была гильза, от которой шел свежий запах пороха...

Ляо Сен неподвижно стоял у отверстия люка, держа на ладони маленький медный цилиндр, неопровержимо доказывавший, что совсем недавно в центральном посту звездолета раздался выстрел...

Кто стрелял? Зачем? В кого?..

У каллистян не было пистолетов, подобных земным. Они имели оружие совсем другого рода. Стрелял человек Земли, и стрелял именно в Вьеньяня. Больше на корабле никого не было.

Меньше минуты понадобилось китайскому ученому, чтобы понять все... Звездоплаватели не отравились, они отравлены... На корабле находится враг... Он стрелял в астронома Каллисто.

Цель врага была ясна. Вывести из строя «сердце» корабля, чтобы не дать возможности советским ученым изучить его механизм, уничтожить технические книги и другие материалы, которые могли бы рассказать людям об атомной технике Каллисто.

Где сейчас находятся враги? Если он слышал сигнал, то понял, что кто-то хочет войти. С какой стороны последует выстрел из-за угла? У Ляо Сена не было никакого оружия. Диверсант не остановится перед вторым убийством!

Подняться наверх и предупредить летчика? Это казалось самым разумным, но Ляо Сена тревожило, что он нигде не видит тела Вьеньяня. Может быть, каллистянин только ранен? Может быть, он нуждается в помощи?

Ляо Сен осторожно наклонился и заглянул в люк. В коридоре никого не было. Спрятаться там было негде.

Он спустился по лестнице.

У самых ступенек лежала вторая гильза. В нескольких шагах перед собой профессор увидел третью.

Диверсант, стреляя, гнался за Вьеньянем. Чем кончилась эта погоня?..

Ляо Сен знал, где помещались каюты экипажа. Вот здесь было помещение командира звездолета, немного дальше — каюта Синьга. В которой из них скрылся Вьеньянь, если ему удалось избежать трех пуль?

Профессор сознавал, что в любую секунду может встретиться с диверсантом и тогда... но он не мог заставить себя уйти, не узнав о судьбе астронома.

Нажав кнопку, он открыл дверь каюты Диегоня. В ней никого не было.

Ляо Сен хотел войти в следующую, но в этот момент заметил, что дверь в каюту Бьяининя открыта. Он бросился туда, забыв об опасности.

Вьеньянь лежал на пороге лицом вниз. У его головы расплывалась лужа крови.

Неужели конец!..

Профессор наклонился. Ему послышался слабый стон. Опустившись на колени, он осторожно повернул каллистянина.

Астроном был только ранен. Пуля разорвала кожу на лбу, и из раны обильно текла кровь. Но он был не только жив, но и в полном сознании. Длинные и узкие глаза Вьеньяня смотрели на Ляо Сена с выражением страдания и недоумения. Он слабым жестом указал на маленький шкафчик на стене.

Это была аптечка. В ней находились неизвестные Ляо Сэну лекарства и перевязочные материалы. Он, как мог лучше, наложил на лоб раненого повязку.

— Хорошо! — сказал Вьеньянь. — Теперь бок.

Рана на голове была не единственной. Две пули попали в правое плечо.

С помощью самого пострадавшего Ляо Сен закончил перевязку и помог Вьеньяню лечь на диван.

— Что это значит? — спросил астроном.

Только сейчас, при этом вопросе, профессор вспомнил о диверсанте и поспешно закрыл дверь. Враг мог вернуться. Почему он оставил Вьеньяня живым, было непонятно.

Или он решил, что все уже кончено?..

— Как вы себя чувствуете? — спросил он вместо ответа.

Как жаль, что тут, на его месте, не было Широкова! Молодой медик лучше смог бы оказать помощь раненому и объяснить ему, что произошло.

— Больно, — сказал Вьеньянь. — Особенно голове.

Он вопросительным и по-прежнему недоумевающим взглядом смотрел на лингвиста. Очевидно, он никак не мог понять, что послужило причиной неожиданного нападения. Для него это было необъяснимо.

— На меня напал Ю Син-чжоу, — сказал астроном.

Эти слова как громом поразили профессора. Ю Син-чжоу! Неужели именно он был тем врагом, которого искал Козловский?

— Где Ю Син-чжоу? — спросил профессор.

— Не знаю! Он выстрелил в меня и убежал. Я потерял сознание. Надо позвать Синьга.

Сказать, что Синьг сам лежит при смерти? Взволновать этим известием человека, который чуть дышит и ела может говорить от слабости? Нет, этого нельзя делать!

— Я позову Синьга, — сказал Ляо Сен. — Ю Син-чжоу сошел с ума. Нет ли у вас тут какого-нибудь оружия?

Он сам чувствовал, что говорит на таком ломаном языке, что вряд ли Вьеньянь поймет его слова. Но это не имело никакого значения, потому что каллистянин потерял сознание.

Профессор беспомощно оглянулся. Он был один с раненым, которого нельзя было оставить одного, так как запереть дверь можно только изнутри. Если оставить ее незапертой, то диверсант вернется и добьет свою жертву.

И во что бы то ни стало надо было попытаться помешать Ю Син-чжоу выполнить его намерения на звездолете.

Положение казалось безвыходным. В лагере не знают ничего о том, что произошло на корабле. Никто не придет на помощь!

Вертолет!.. Надо как можно быстрее сообщить летчику и вернуться к Вьеньяню. Может быть, найдется и какое-нибудь оружие?

Риск был велик, но промедление могло обойтись слишком дорого. Все равно другого выхода не было...

Ляо Сен посмотрел на Вьеньяня. Каллистянин лежал неподвижно; его дыхания не было слышно. Как можно скорее надо вызвать врача!..

Профессор выбежал в коридор. Он не забыл закрыть за собой дверь каюты. Если враг придет во время его отсутствия, то, может быть, не сразу вспомнит в каком именно помещении находится раненый. Можно успеть вернуться вместе с бортмехаником вертолета.

На корабле по-прежнему было очень тихо. Его огромный корпус казался пустым. Где был сейчас Ю Син-чжоу? Что он делал?..

Подбежав к лестнице, ведущей в центральный пост, Ляо Сен едва успел поставить ногу на первую ступеньку, как услышал звук открывавшейся двери подъемной машины.

Кто там был? Может быть, Ю Син-чжоу закончил свое дело и теперь собирается покинуть корабль? Если он до сих пор был внизу, то мог не слышать и не знать, что кто-то, кроме него, находится на звездолете...

Послышались шаги. Они приближались к люку. Шаги нескольких человек! Ляо Сен еще не решил, что ему следует делать, когда увидел Козловского, который быстро спустился, — вернее, прыгнул — в люк. За ним появились Артемьев, Смирнов и Широков.

— Где он? — отрывисто спросил Козловский.

И у него и у Артемьева в руках были револьверы.

— Не знаю! Я его не видел, — ответил Ляо Сен, понимая, что спрашивают о Ю Син-чжоу, но не зная, чем объяснить этот вопрос, доказывавший, что секретарю обкома известно о присутствии на корабле журналиста. — Вьеньянь тяже-то ранен. Идемте скорее, Петр Аркадьевич.

— Идите к раненому, — сказал Козловский. Он повернулся к Артемьеву.

— Оставайтесь здесь. При появлении диверсанта задержите его. В случае сопротивления убейте гада!

В сопровождении Смирнова он прошел несколько шагов и спустился в открытый люк.

Убедившись, что они опоздали и Ляо Сен уже улетел на звездолет, Козловский сразу понял, какой опасности подвергается китайский ученый, который ничего не знал о Ю Син-чжоу и не имел никакого оружия для защиты. Он немедленно послал Артемьева связаться по радио с вертолетом и приказать летчику спуститься вниз. Считая вполне вероятным, что на корабле могут оказаться раненые, он вызвал Широкова.

Очутившись на лестнице, ведущей в помещение атомного «котла», Козловский шепотом приказал Смирнову держаться позади и осторожно стал спускаться, чутко прислушиваясь. Он был уверен, что диверсант находится там, у «сердца» корабля.

Тяжелая дверь, за которой находилась вторая, такая же, была заперта. Если Ю Син-чжоу догадался выключить механизм замка, то проникнуть внутрь было невозможно.

Козловский встал напротив двери и приготовил оружие.

— Нажмите кнопку! — тихо сказал он.

Профессор исполнил приказ. Дверь открылась.

Вторая дверь, отстоящая от первой на полметра, тоже была закрыта. Чтобы открыть ее, надо было подойти к ней вплотную.

— Отойдите от двери! Под защиту стены! — сказал Козловский.

Смирнов открыл рот, чтобы протестовать, но Козловский, не тратя времени на разговоры, оттолкнул его и решительно нажал вторую кнопку.

Он знал, что дверь откроется быстро. Если Ю Син-чжоу слышал, как отворилась первая дверь, то Козловского могла встретить пуля, выпущенная в упор. Но он считал промедление недопустимым и сознательно шел на риск. Если он будет убит или ранен, то профессор Смирнов встретит диверсанта в коридоре. (Он дал Смирнову пистолет, взятый у караульного начальника.) А если и профессора постигнет неудача, то дело будет доведено до конца Артемьевым. Во что бы то ни стало надо было помешать Ю Син-чжоу испортить важнейший механизм звездолета.

Но дверь не открылась. На этот раз диверсант не забыл выключить кнопку.

Знал ли он, что ему все равно не удастся скрыться после выполнения замысла, или, услышав, как открылась первая дверь, запер вторую, чтобы без помех довести дело до конца, но он отрезал всякий доступ в помещение «котла» и мог делать там, что хотел.

— Оставайтесь на месте! — поспешно сказал Козловский Смирнову. — Если Ю Син-чжоу появится, стреляйте не задумываясь!

Он опрометью бросился наверх. Единственный, кто мог, может быть, спасти положение, был Вьеньянь.

Каллистянин был уже приведен в чувство. Широков менял перевязку, неумело наложенную Ляо Сенем. Он что-то быстро говорил астроному.

— Скорей! — крикнул Козловский, вбегая в каюту. — Переводите ему мои слова!

Он рассказал, что диверсант находится в помещении «котла», что дверь заперта и нет возможности помешать ему испортить механизм. Не может ли Вьеньянь посоветовать, что делать?

Выслушав Широкова, астроном на секунду задумался. Потом что-то сказал:

— Вьеньянь говорит, что в это помещение есть вторая дверь, но она тоже может быть закрыта, — перевел Широков. — Он предлагает пустить в ход механизм «котла», но это безусловно приведет к смерти того, кто около него находится.

— Если это может спасти машину, — сказал Козловский, — то надо так и сделать. Но спросите его, не опасно ли это для Александра Александровича, который находится у самой двери?

Вьеньянь ответил, что не опасно.

— В таком случае пусть говорит, что надо делать. Только скорее! — сказал Козловский.

Ему казалось, что они теряют очень много драгоценного времени. Что, если диверсант успеет!

— Вьеньянь говорит, что если Ю Син-чжоу добрался до каких-то частей «котла» — я не могу понять, каких именно, — то пуск в ход может привести к взрыву, — сказал Широков. — Но он все же советует это сделать. Другие помещения корабля не пострадают, если обе двери закрыты.

— Я закрыл вторую дверь, — сказал Козловский.

Он действительно сделал это, чтобы как-то обезопасить Смирнова.

— Все-таки позовите сюда Александра Александровича, — посоветовал Широков.

Выполнить задуманный план можно было только из каюты Диегоня или из центрального поста. Каюта была ближе, и туда осторожно перенесли раненого. Ляо Сен побежал за Смирновым.

Вьеньянь, видимо, волновался. Он что-то горячо говорил Широкову.

— Ему страшно пустить «котел» в работу, — сказал Широков. — И не потому, что он боится взрыва, а только потому, что это убьет человека.

— Скажите ему, что там не человек, а бешеное животное, — ответил Козловский.

На стене каюты командира звездолета находится большой щит с многочисленными кнопками, ручками и приборами. Вьеньянь указал, как пустить в ход «котел».

Козловский подошел к щиту и положил руки на указанные рукоятки.

— Смирнов здесь? — спросил он.

— Я здесь, — ответил профессор, появляясь в дверях. — Может быть, не надо, Николай Николаевич?

Он сразу понял, что хочет делать Козловский.

— Если есть хоть один шанс из тысячи, — жестким голосом ответил секретарь обкома, — мы обязаны это сделать.

И с этими словами он повернул обе ручки.

Все замерли, напряженно прислушиваясь. Вьеньянь закрыл лицо длинными пальцами обеих рук.

Но все было по-прежнему. Ни единого звука не раздалось на корабле.

Только маленький шарик в узкой стеклянной трубочке вздрогнул и стал подниматься вверх.

— Взрыва не произошло, — сказал Козловский. Его лицо было очень бледно, но совершенно спокойно. — Жизнь человека дороже любой машины. Я рад, что на Каллисто такой же взгляд на это, как у нас. Но бывают случаи, когда машина дороже человека. К тому же там совсем не человек. — Он нервно рассмеялся. — Там не человек, — повторил он, — а ядовитое пресмыкающееся!

— Остановите котел, — дрожащим от волнения голосом сказал Смирнов. — Ничего живого там уже не осталось.

ЭТО ТЕРАПИЯ!

Сообщение о случившемся в лагере было немедленно послано в Москву. Во второй половине дня прибыла правительственная комиссия для расследования диверсии и принятия мер к ликвидации ее последствий. В составе этой комиссии находились крупнейшие советские специалисты. Председателем был академик Неверов.

По просьбе Куприянова президент привез с собой известного хирурга, чтобы оказать помощь Вьеньяню, в плече которого застряли две пули. Состояние каллистьянского астронома не вызывало опасений, но операция была необходима.

Произвести ее в лагере не решились, и в тот же день на санитарном самолете Вьеньянь был доставлен в Курск и положен в хирургическую клинику. С ним улетел Лежнев, чтобы

служить переводчиком ученому Каллисто. Широков был нужен в лагере.

Куприянов подробно ознакомил хирурга с особенностями организма каллистян и показал ему рентгеновские снимки, сделанные им за это время. Каллистяне охотно позволяли профессору исследовать себя, и Куприянов уже хорошо знал внутреннее устройство их тела.

Оно очень мало отличалось от тела земного человека. Мозг, нервная система, дыхательный аппарат, сердце с кровеносными сосудами и желудок были такими же. Кости скелета в основном были расположены, как у людей, но у каллистян кости были значительно более толстыми. Ребер было не девять, а одиннадцать. Существенная разница заключалась в том, что организм каллистян был негативен по отношению к организму земного человека. Сердце и желудок помещались с правой стороны, печень — с левой.

Знал ли Ю Син-чжоу об этой особенности? Очевидно, знал и намеренно стрелял с целью попасть в сердце. В его осведомленности не было ничего удивительного, так как результаты всех работ в лагере были широко известны всему миру. Советские ученые не пытались и не хотели скрывать того, что они узнавали от каллистян.

— Теперь, — сказал хирург, получив все эти сведения, — я могу делать операцию совершенно спокойно и гарантирую вам благополучный исход.

Но операцию не пришлось делать. Вьеньянь категорически отказался ложиться на операционный стол в отсутствие Синьга. Главный врач курской хирургической клиники — профессор Стесенко — немедленно сообщил об этом Куприянову.

— Операция, — сказал он, — должна быть произведена срочно. Может начаться нагноение. У раненого температура — сорок и одна десятая.

— Пусть это вас не смущает, — ответил Куприянов. — У каллистян температура тела выше, чем у нас. Нормально — тридцать девять и семь. Так что ничего страшного нет. Я сейчас переговорю с Синьгом.

Чтобы не тревожить каллистян, еще не вполне оправившихся от последствий отравления, им ничего не говорили о том, что произошло ночью на корабле. Один Синьг знал о попытке отравить их, но и ему не сообщали о ранении Вьеньяня. Захватив с собой Широкова, Куприянов отправился в палатку, где жили каллистяне.

Здоровье звездоплывателей уже не вызывало никаких опасений, но они были еще слабы и, по настоянию Куприянова и Синьга, лежали в постели. Синильная кислота — страшный яд для людей — не оказала на каллистян обычного для нее смертельного действия. Причина этого счастливого обстоятельства выяснилась сразу, как только Синьг узнал, каким ядом их хотели отравить. На Каллисто росло растение, повсеместно употребляемое в пищу, по своим химическим свойствам родственное земному горькому миндалю. Так же, как на Земле, плоды этого растения (внешне совсем не похожего на миндаль) заключали в себе цианистоводородную кислоту, и организм жителей Каллисто привык к ней. У них образовался иммунитет ко всей группе земных ядов, добываемых из солей синильной кислоты, и именно поэтому яд оказал на них слабое действие.

Но все же доза была сильна и, если бы не энергичные действия Куприянова, дело могло кончиться гораздо хуже. Профессор правильно сделал, что все внимание обратил на Синьга. Каллистянский врач быстро был приведен в чувство, и по его указаниям пострадавшим было произведено вторичное вливание лекарства, которое первоначально было дано в недостаточном количестве.

С этого момента звездоплыватели были уже вне опасности и их полное выздоровление было только вопросом времени.

Яд, безусловно смертельный для людей, не был таким же для каллистян. Этого не учел диверсант.

Сообщение о том, что хорошо известный ему Ю Син-чжоу хотел отравить их, было принято Синьгом без особого удивления. Он уже достаточно знал о Земле и о существующих на ней противоречиях. Он легко понял мотивы, которыми руководствовался «журналист».

Но, когда Куприянов, вызвав его из палатки, через Широкова, рассказал о Вьеньяне,

Синьг очень разволновался.

— Вы плохо сделали, — сказал он, — что не рассказали мне этого сразу. Вьенья незначем было увозить отсюда.

— Мы хотели сделать лучше, — сказал Широков. — Операция необходима. Пули надо удалить из тела. Мы вызвали из Москвы лучшего хирурга.

— Я вас понимаю, — ответил Синьг. — Мы знаем, что вы хорошо относитесь к нам. Но операция не нужна. У нас есть другие средства. Наша медицина давно отказалась от хирургии. Она была хороша тогда, когда терапия была еще несовершенна. Я прошу вас доставить меня к Вьеньяню как можно скорей.

— А как вы сами себя чувствуете? — спросил Куприянов.

Широков перевел вопрос.

— Достаточно хорошо, — ответил Синьг. — Но если бы даже мне было плохо, то все равно я поехал бы. Моя жизнь вне опасности, а Вьеньяню надо срочно оказать помощь.

Против этого трудно было что-нибудь возразить, и Синьга на автомобиле отправили, в Курск. По его настойчивой просьбе пришлось отпустить с ним и Широкова, хотя его присутствие в лагере было очень нужно. Инженеры комиссии настаивали на скорейшем техническом совещании, на котором один Ляо-Сен вряд ли мог справиться с переводом.

— Мне нужен переводчик-медик, — сказал Синьг.

Невозможно было не выполнить требования каллистянского врача, и Широков поехал с ним. Техническое совещание пришлось отложить. Куприянов был даже доволен этим, так как здоровье Мьеньоня — старшего инженера звездолета — было еще недостаточно хорошо и его не следовало тревожить.

По просьбе Синьга об этой поездке никто в Курске (кроме профессора Стесенко) не знал. Он не хотел, чтобы население города встречало его.

— Если вам хочется, чтобы нас торжественно встречали, — сказал он Широкову, — то пусть это будет в Москве, а сейчас мне не до этого.

По дороге Синьг расспрашивал Широкова о жизни на Земле, о различии экономических систем и народов. Его очень удивляло обилие различных национальностей. (На Каллисто всегда существовал только один народ.)

— Неужели у вас сотни различных языков? — спрашивал он. — Как же вы говорите друг с другом?

Когда въехали в город, он замолчал. Курск был первым крупным земным городом, который он видел не на экране. Узкие темные глаза Синьга быстро перебежали с домов на людей, с автомобилей — на трамваи и троллейбусы. По его лицу нельзя было понять, какое впечатление все это производит на него, но, когда он обратился к Широкову с каким-то вопросом, его голос заметно дрожал от волнения.

Профессор Стесенко радушно встретил каллистянского врача. Он уже пригляделся к Вьеньяню и поздоровался с Синьгом без всяких признаков любопытства. Предупрежденный им персонал клиники делал вид, что не замечает необычайного гостя.

Вьеньянь лежал в отдельной палате. Когда они вошли, он о чем-то беседовал с Лежневым, одетым в белый халат.

На астрономе была земная больничная одежда, и он казался бы в ней обыкновенным негром, но черты его лица, совершенно не похожие на черты негритянской расы, нарушали это впечатление.

Он очень обрадовался Синьгу и засыпал его вопросами. Отвечая на них, Синьг ни словом не упомянул об отравлении. Слушая их разговор, Широков был рад, что оказывая на звездолете помощь раненому, также ничего не говорил Вьеньяню. Очевидно, Синьг считал, что такое известие взволнует раненого и этого не следует делать.

Осмотр был долгий и тщательный. Профессор Стесенко обстоятельно отвечал Синьгу на его вопросы. Принадлежность переводчика — Широкова — к медицинской профессии чрезвычайно облегчала взаимопонимание.

— Завтра утром, — сказал в заключение Синьг, — Вьеньянь вернется в лагерь.

— Мне кажется, — сказал на это Стесенко, — что после операции раненому следует остаться здесь дней на пять.

— Он не собирается делать операцию, — сказал Широков.

Присутствовавший при этом московский хирург удивленно поднял брови.

— А две пули? — спросил он. — Останутся в теле?

— Товарищ Синьг, — ответил Широков, — говорил, что медицина Каллисто имеет другие средства.

— Если так, то это очень интересно!

— Чем вы кормили раненого? — спросил Синьг.

— Вашими продуктами, — ответил Широков. — Я отправил их вместе с Вьеньянем.

— Хорошо сделали.

Синьг открыл привезенный с собой ящик, на крышке которого была изображена зеленая звезда. Широков знал, что эта эмблема соответствовала земному красному кресту. Достав оттуда несколько склянок и перевязочные материалы, он попросил принести горячей воды.

Лежнев и трое врачей с волнением, затаив дыхание наблюдали за действиями каллистянского врача.

— Начнем? — спросил Синьг.

— Начинайте! — ответил Вьеньянь.

Из присутствующих только Широков и Лежнев поняли этот короткий обмен словами.

Синьг достал пять кусков темной материи и смочил их жидкостью из склянки. Один из них он взял себе, остальные протянул Широкову.

— Пусть все закроют этим нос и рот, — сказал он.

Распоряжение было немедленно выполнено. От куска материи шел слабый, но не неприятный запах.

Синьг взял другую склянку и поднес ее к самому рту Вьеньяня. Закрыв себе рот и нос, он быстро открыл и снова закрыл металлическую пробку.

Вьеньянь глубоко вдохнул в себя, и в тот же момент голова его упала на подушку. Глаза закрылись. Было такое впечатление, что он мгновенно заснул.

Синьг отнял от лица кусок материи и бросил его в таз с горячей водой. По его знаку все сделали то же.

— Я погрузил его в сон, — сказал Синьг. — Чтобы он не чувствовал боли.

— Это лучше нашего хлороформа, — сказал профессор Стесенко.

— Помогите повернуть раненого, — попросил Синьг.

Вьеньяня осторожно положили лицом вниз. Синьг ловко снял перевязку. Открылись две пулевые раны. Действуя быстро и четко, каллистянин наложил на них слой желтой мази и прикрыл куском белой ткани, очень похожей на обыкновенную марлю.

Из того же ящика появился какой-то небольшой прибор, имевший вид портативного радиоприемника. На крышке находились маленькие, как будто костяные, круглые ручки и узкая шкала с подвижной стрелкой. Этот аппарат Синьг положил на спину Вьеньяня, как раз над ранами. Потом он осторожно и медленно стал вращать одну из ручек.

Все увидели, как тонкая стрелка медленно пошла влево. Послышалось шипение...

Синьг быстро снял со спины раненого прибор и марлю. В слое мази был виден ясный металлический налет, словно в нее насыпали мелко истолченный в порошок кусочек свинца. Каллистянин осторожно, ловкими движениями удалил мазь и наложил слой свежей. Потом он перевязал раненого, и его снова перевернули на спину. Все заняло не более трех минут.

— Через пять минут он проснется, — сказал Синьг. — Вечером от ран не останется никакого следа. Завтра Вьеньянь может вернуться в лагерь.

— А пули? — спросил Широков.

— Их уже нет в теле. Вот они! — прибавит Синьг, указывая на таз с водой, куда он бросил куски марли со снятой мазью.

Профессор Стесенко, Широков и московский хирург молча переглянулись. Эта

операция, произведенная бескровно и быстро, ошеломила их.

— Вот это терапия! — сказал, наконец, Стесенко.

— Да, есть чему поучиться, — вздохнул хирург.

Через пять минут, как и говорил Синьг, Вьеньянь открыл глаза.

— Готово? — спросил он.

Синьг кивнул головой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Широков. — Голова не болит?

— Нет.

— А почему бы ей болеть, — сказал Синьг, укладывая обратно в ящик свои материалы.

— Товарищ Широков, — попросил Стесенко, — скажите ему, что советская медицина будет бесконечно благодарна, если он откроет нам секрет этой операции.

— У них нет от нас никаких секретов, — ответил Широков. — Все, что они знают, к нашим услугам.

Синьг пожелал остаться возле своего раненого товарища, и Широков один вернулся в лагерь.

Он подробно рассказал Куприянову обо всем, что произошло в клинике. Профессор задумчиво покачал головой.

— Прилет этого корабля, — сказал он, — двинет далеко вперед не одну только медицину.

Широков узнал, что в его отсутствие была получена радиограмма из Москвы с приказом арестовать мнимого Ю Син-чжоу. Эта радиограмма опоздала ровно на двенадцать часов. Обитатели лагеря с радостью узнали, что настоящий Ю Син-чжоу жив и находится вне опасности. Диверсия, таким образом, не повлекла за собой ни одной человеческой жертвы.

Кто был в лагере под именем китайского журналиста, оставалось пока неизвестным, да это никого особенно и не интересовало.

Преступный план не удалось осуществить в той мере, как этого хотелось его инициаторам; все намеченные жертвы остались живы, и это было самое главное. Насколько удалось диверсанту повредить «сердце» звездолета, должно было выясниться в ближайшее время. Пуск «котла» прошел, по-видимому, нормально, и можно было надеяться, что диверсант не успел добраться до его главных частей.

Помещение «котла» было закрыто. Вторая дверь также оказалась запертой изнутри. Это указывало на то, что диверсант учитывал возможность помех и принял меры, чтобы при любых обстоятельствах добиться цели.

Каков был его первоначальный план, никто не знал, но, почувствовав близость разоблачения, он пошел напрямик, не считаясь со своей дальнейшей судьбой.

Он ошибся только в одном: не учел, что механизм «котла» можно пустить в ход из других помещений (возможно, что он не знал об этом или считал Вьеньяня убитым, а остальных каллистян отравленными насмерть), и этот просчет привел к мучительной смерти. В момент начала работы «котла» температура в помещении поднималась до тысячи градусов.

Предусмотрительность преступника причинила серьезное затруднение. Чтобы проникнуть в помещение, нужно было найти способ открыть дверь. Это была первая техническая проблема, с которой столкнулись инженеры комиссии.

Механизм дверей помещался внутри стен. Кнопки были устроены так, что, когда они выключались, невозможно было восстановить снаружи электрическую цепь.

Каллистяне были уверены в прочности стенок своего корабля, но принимали меры против непредвиденных случайностей. Каждая дверная кнопка, помимо ручного выключения, имела еще и автоматическое, приводимое в действие понижением температуры воздуха внутри помещения.

Если бы стенка корабля оказалась все же пробитой случайным метеоритом, обладавшим большой скоростью, то хлынувший через образовавшееся отверстие холод

вселенной мгновенно выключил бы механизм двери — и доступ в помещение стал бы невозможен. Правда, помещение «котла» было расположено так, что ему ни при каких случайностях не угрожала такая опасность, но его двери были устроены так же, как и все остальные.

Разве могли каллистяне предвидеть то, что случилось?

Глава третья

МЕДЛИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Инженеры комиссии упорно осаждали Куприянова, и профессор, наконец, сдался. В тот же день, а не «завтра», состоялось техническое совещание с участием командира звездолета — Диегоня и его старшего инженера — Мьеньоня. Переводчиком был, конечно, Широков.

Куприянов понимал, как важно выяснить, какие меры надо принять, чтобы восстановить «сердце» звездолета, если оно серьезно повреждено, и упорствовал только потому, что опасался за состояние здоровья Мьеньоня, который тяжелее всех переносил последствия отравления. Диегонь был уже совсем здоров. Перед своим отъездом Синьг рассказал товарищам о диверсии, и каллистяне сами просили ускорить это совещание. Под таким натиском с двух сторон Куприянову пришлось отступить со своих «медицинских» позиций. Все же он заставил Широкова переговорить по телефону с Синьгом и, только получив согласие каллистянского врача, разрешил Мьеньоню встать с постели.

Поздно вечером в палатке Куприянова собрались все члены экспедиции, правительственная комиссия и оба звездоплывателя.

Профессор Смирнов подробно ознакомил собравшихся с устройством дверей звездолета. По его мнению, оставалось только одно — прорезать стену, но сплав, из которого состоял корпус корабля и все его перегородки, был настолько тверд, что никакой инструмент не мог справиться с ним.

— Электродуговые, автогенные и термитные способы резки металлов не годятся в этом случае, — сказал он. — Они могут дать температуру не больше трех-четырёх тысяч градусов, а для расплавления металла Каллисто требуется не менее одиннадцати.

— Может быть, у них есть что-нибудь вроде «каллистянского» сварочного аппарата? — спросил Неверов.

— Насколько я знаю, — ответил Смирнов, — нет. Они уверены в крепости частей звездолета и не предполагали, что возникнет необходимость ремонта.

Широков, сидевший рядом с каллистянами, слово за словом переводил им все, что говорилось. Мьеньонь подтвердил, что сварочного аппарата на корабле нет.

— Сколько времени находился диверсант у агрегата? — спросил он.

— Около полутора часов.

— Товарищ Мьеньонь говорит, — перевел Широков, — что этого времени недостаточно для того, чтобы разобрать даже верхнюю часть кожуха машины. А не разобрав, нельзя ничего испортить. Он считает, что диверсия привела только к тому, что придется резать стену и опять сваривать ее.

— Скажите ему, что наши сварочные аппараты не могут дать больше четырех тысяч градусов.

— Это я ему уже говорил.

— Можно попытаться размягчить металл токами ультравысокой частоты, — сказал один из инженеров комиссии. — Спросите его мнение об этом.

Перевод занял много времени. Знание Широковым языка каллистян было еще недостаточно, чтобы перевести такую сугубо техническую фразу. С помощью профессора Смирнова, прибегнувшего к рисунку и математике, задача все-таки была решена.

— Этого делать нельзя, — ответил Мьеньонь. — Такая операция нарушит изотропность металла.

Слово «изотропность» осталось непереуведенным. О его значении догадались по смыслу фразы.

Положение оказалось затруднительным. Проникнуть внутрь помещения «котла» и установить, в какой мере потребуется помощь земной техники, надо было как можно скорее. Но как это сделать, если не видно способов открыть дверь?

— Товарищ Диегонь спрашивает, — сказал Широков, — можем ли мы сделать аппарат... я не совсем понимаю, что он говорит... Такой аппарат, чертежи которого имеются на звездолете. Кажется, так? — повернулся он к Ляо Сену.

— По-моему, так, — ответил китайский лингвист.

Инженеры комиссии переглянулись.

— Все зависит от того, что для этого нужно.

Совещание затягивалось по мере того, как переводчики запутывались в дебрях технических слов. Почти каждое из них приходилось переводить очень сложным способом. В переводе принимали участие Смирнов, Манаенко и Аверин.

Совершенно неожиданно пришлось рассказать каллистянам о ранении Вьеньяня. Это произошло тогда, когда Мьеньонь обратился к Широкову с просьбой слетать на звездолет и принести оттуда нужную ему книгу и какие-то чертежи.

— Передайте Вьеньяню записку, — сказал инженер. — Он найдет то, что нужно.

— Синьг просил ничего не рассказывать о Вьеньяне до его возвращения,

— сказал Куприянов, когда Широков перевел просьбу. — Но теперь ничего не подделаешь! Расскажите!

Как и следовало ожидать, сообщение о ранении товарища произвело на каллистян очень большое впечатление. Мьеньонь вскочил и взволнованно заходил по палатке. Он что-то сказал Диегону, на что командир звездолета молча пожал плечами.

Куприянов видел, как Широков и Ляо Сен недовольно поморщились, но не перевели слова каллистянского инженера Мьеньонь подошел к Широкову.

— Придется мне самому слетать на звездолет, — сказал он. — Проводите меня! Они вышли из палатки.

— Не сердитесь! — сказал Мьеньонь, протягивая руку. (Каллистяне переняли этот жест, не употреблявшийся на их родине.) Широков пожал руку.

— На что же я могу сердиться? — сказал он. — Вы совершенно правы. Но ваши слова справедливы не для всего человечества.

— Я это знаю, — сказал Мьеньонь.

— Мы именно к тому и стремимся, чтобы эти слова исчезли из сознания людей, — сказал Широков.

— Это не так просто. У нас на Каллкто уже давно изменились отношения между людьми, но, как видите, я смог их сказать.

— Память о прошлом сохраняется долго, — сказал Широков.

На корабле Мьеньонь достал нужные ему материалы. Потом он спустился вниз и внимательно осмотрел обе двери и помещение «котла».

— Пройдет много времени, пока мы попадем туда, — сказал он. — Тело вашего товарища будет лежать...

— Там нет нашего товарища! — как ужаленный воскликнул Широков. — Там лежит тело врага и... и...

Он хотел сказать «негодяя», но не знал, как произнести это слово по-каллистянски.

— Кажется, — сказал Мьеньонь, — я сегодня совершаю одну ошибку за другой. Извините! Я не то хотел сказать. Диверсия на корабле, ранение Вьеньяня — все это вывело меня из равновесия. Мы все очень дружны между собой, — добавил он как бы в пояснение.

— Я вас понимаю, — сказал Широков. — И не сержусь на ваши «промахи».

«Что они думают о нас в глубине души? — мысленно задавал себе вопрос Широков,

когда они летели на вертолете обратно в лагерь. — Как говорят о нас между собой? Может быть, они считают нас дикарями и негодуют на то зло, которое человек Земли причинил им? Их приветливость и дружеские чувства, которые они высказывают, — все это, возможно, только маска вежливости».

Эти вопросы мучили его, но ответа на них пока было невозможно получить. Со временем все станет ясным. Он сам искренне полюбил этих чернокожих пришельцев из другого мира, и ему было очень горько думать, что они не относятся к людям так же. В лагере все были убеждены в искренности каллистян. Их откровенность, явное желание помочь ученым разобраться в технике Каллисто, полное доверие к людям — все это говорило о том, что они смотрят на своих хозяев, как на братьев. Но Широкова не удовлетворяли эти внешние признаки доброжелательства. Он хотел знать затаенные мысли каллистян. Почему? Он сам себе не любил задавать этот вопрос.

Они вернулись в палатку, где участники совещания с нетерпением ожидали их.

Мьеньонь принес книги с описанием сварочного аппарата Каллисто и его чертежи.

Выяснилось, что для того, чтобы сделать этот аппарат, надо было предварительно изготовить тот материал, из которого был построен звездолет, и найти способ получения из земных материалов не известного до сих пор газа. Сварочный аппарат Каллисто был газовый.

— Задача, которую не решить в один день, — сказал один из инженеров комиссии. — Но она не является невыполнимой. Медлить нельзя. Когда мы откроем дверь, могут появиться новые проблемы. Завтра утром надо возвратиться в Москву и решить, каким заводам поручить этот необычный заказ. Кто из каллистян будет нас консультировать? — обратился он к Широкову.

— Мьеньонь и Ньяньингъ, — ответил Диегонь.

— Ньяньингъ, — пояснил Широков, — это второй инженер корабля. Кроме того, он химик.

— Необходим будет переводчик.

— Петр Аркадьевич нужен здесь, — поспешно сказал Куприянов.

Ему не хотелось отпускать своего любимого ученика. Намерение Широкова, в котором он сам себе не хотел признаться, давно уже не составляло тайны для профессора. Вдали от него это намерение могло только укрепиться. Куприянов надеялся, что Широков еще передумает.

— Лучше всего отправить с вами Лежнева, — сказал Козловский.

На том и порешили. Лежнев завтра должен был вернуться в лагерь вместе с Вьеньянем и Синьгом.

— Изготовить металл, могущий выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, нелегко, — сказал Неверов. — Если этого не удастся сделать, то придется прибегнуть к токам высокой частоты. Тогда мы обойдемся меньшей температурой.

— Я уже говорил, что это нежелательно, — ответил Мьеньонь. — Но, если не будет другого выхода, придется помириться с ухудшением качества металла двери.

— Что сказал Мьеньонь? — спросил Куприянов, когда совещание окончилось и они с Широковым шли «домой». — Почему вы не перевели его слова?

— Гомо гомини люпус эст, — ответил Широков, — вот смысл его слов. К сожалению, он совершенно прав. (1 Гомо гомини люпус эст (лат.) — «Человек человеку волк».)

— Прав, но не по отношению ко всей Земле, — сказал Куприянов.

— Это я ему сказал, и он согласился со мной, — ответил Широков.

ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА

В этот вечер Широков долго разговаривал с Диегоном. Этот разговор был продолжением того, который возник в палатке звездоплывателей в связи с известием о ранении каллистянского астронома.

Мьеньонь, которого забыли предупредить о просьбе Синьга, ничего не стал скрывать от своих товарищей.

Широков с напряженным вниманием следил за каждым словом инженера. Он опасался, что причины покушения будут изложены неправильно. Так и случилось. Тогда Широков сам начал говорить. Он прочел каллистянам целую лекцию и сам удивился, как хорошо это ему удалось. Звездоплыватели отлично поняли все, что он говорил, и засыпали его вопросами. Беседа о современной жизни на Земле затянулась до полуночи.

Когда она кончилась, Широков вышел из палатки, решив немного посидеть на воздухе перед сном. Через несколько минут к нему присоединился Диегонь.

— Как быстро и хорошо вы овладели нашим языком! — сказал он.

— Еще недостаточно хорошо, — ответил Широков.

— Правда, что Ляо Сен знает восемнадцать языков?

— Теперь уже девятнадцать.

— Нашим языком он владеет хуже, чем вы. Мне кажется просто невероятным, что человек может удержать в памяти девятнадцать различных языков. У нас всегда существовал только один язык.

— Расскажите мне о вашей родине, — попросил Широков.

Диегонь поднял голову и стал смотреть на звезды. Небо было безоблачно, и туманная полоса Млечного Пути казалась очень яркой. Ночь была теплой, но Широков видел, как каллистянин плотнее застегнул меховой воротник. Для него было слишком холодно.

— Рьельос, — сказал он, — не виден у вас.

— Он виден зимой.

— Да, я знаю. У вас тепло сменяется холодом и опять теплом. «Льетьо» сменяется «зимьой». (Он по-русски сказал эти два слова.) Нам трудно представить себе, как вы живете в таком сменяющемся климате. К тому же и «летьюмь» у вас холодно.

— Мы к этому привыкли, — сказал Широков.

— Да. И поэтому ваша кожа такая светлая. Мне нравится ваша планета. Я хотел бы еще раз посетить ее.

— Вы думаете, что полет к нам будет повторен?

— Конечно. И вы прилетите к нам. Общение двух планет, раз начавшись, будет продолжаться. Но мне, конечно, не удастся еще раз попасть на Землю.

— Почему?

Диегонь повернул голову к Широкову. Его черное лицо плохо различалось в темноте.

— Мне странно слышать от вас такой вопрос, — сказал он. — Так же, как на Земле, на Каллисто существует старость и люди не вечны. Не забудьте, что на полет туда и обратно требуется одиннадцать лет, по нашему счету.

— Вы еще не стары.

— Мне тридцать шесть лет.

«Семьдесят два по-нашему», — подумал Широков.

— Я не был на вашей планете, — сказал он, — и очень хочу попасть на нее.

— В вашем возрасте это вполне осуществимо. Мне почему-то кажется, что вы полюбите нашу Каллисто.

— Я ее уже люблю, — сказал Широков.

Диегонь ласково положил руку на руку Широкова.

— Мы это видим, — сказал он. — И больше всех полюбили именно вас и именно за это. Мы были бы рады взять вас с собой, когда будем возвращаться на Каллисто.

Широков вздрогнул всем телом от этих слов, отвечавших на его сокровенные мысли. Он смешался, покраснел и был рад, что благодаря темноте его собеседник не видел этого.

— Расскажите мне о вашей родине, — вторично попросил он.

— Вы о ней уже много знаете.

— Нет, совсем немного. Даже очень мало. У нас очень смутные представления о вашей жизни. Как вы живете сейчас? Как жили раньше? Нам кажется, что каллистяне прошли тот

путь, который проходят сейчас народы Земли. Я вам рассказывал об этом. Было ли у вас такое же время?

— Земля и Каллисто, — ответил Диегонь, — родные сестры. Как природа и люди Каллисто похожи на природу и людей Земли, так и история обеих планет имеет много общего. Была ли у нас другая жизнь? Да, была и не менее тяжелая, чем та, о которой вы сегодня говорили. Много веков на Каллисто существовало два класса. Вы видели снимки наших жилищ. Это прекрасные здания, достойные того, чтобы в них жил человек. Но так было не всегда. Было время, когда огромное большинство населения жило в условиях невероятной нищеты. Вы помните, недавно нам показывали картину, «кьяньо», о жизни вашей черной расы в «Афьрьнкье». Там были хижины из ветвей растений и люди ходили почти голыми. Вот так и жили каллистяне. Рабский труд и полное бесправие были уделом сотен миллионов. У нас всегда был только один народ, и поэтому для войн, подобных вашим, не было оснований. Но на Каллисто все же лилась человеческая кровь. Класс хозяев, считавшихся божествами, натравливал одну часть населения на другую, пользуясь для этого самыми дикими суевериями сплошь безграмотного населения. Но со временем сознание несправедливости существующего порядка все больше росло и укреплялось в среде рабочих. Росла их организованность, а развивавшаяся техника повлекла за собой и распространение грамотности. Потребовался грамотный рабочий. История развития нашей революционной мысли слишком длинна и сложна, чтобы говорить о ней сейчас. В свое время вы прочтете наши книги и узнаете, как это было. Наша революция была бескровной. Она свергла класс хозяев. Двести пятьдесят лет тому назад, по вашему счету, этот класс исчез совсем. Каллисто стала зеленой... Сейчас у нас нет ни одного человека, не имеющего самого широкого образования.

Диегонь говорил быстро и горячо. Широков не все понял из его рассказа, но ни словом не перебивал рассказчика. Когда каллистянин замолчал, он спросил:

— Почему вы сказали, что Каллисто стала «зеленой»?

— Объяснение этому слову надо искать в нашей истории, — ответил Диегонь. — Люди, борющиеся за свободу, назывались «зелеными».

— Какой же общественный строй у вас сейчас?

— Очень простой. Каждый трудится для всех и все для каждого. Богатства планеты принадлежат всем. Каждый имеет возможность полностью удовлетворить свои потребности.

— У нас такой строй называется коммунизмом, — сказал Широков.

— «Кьомьуньизьмь», — с трудом повторил Диегонь. — Объясните, что это означает.

— В прежние времена, — сказал Широков, — у нас люди жили в нищете, кроме небольшой кучки хозяев. Потребности большинства не удовлетворялись. Плоды людского труда шли в пользу немногих, а те, кто создавал эти плоды, не могли жить по-человечески. Такая система еще не везде исчезла на Земле и называется у нас «эксплуататорской». Я не могу перевести это слово на ваш язык.

— Я понимаю, — сказал Диегонь.

— Сейчас, — продолжал Широков, — на половине нашей планеты другой принцип. Мы требуем от каждого отдать все, на что он способен, и даем ему по результатам его труда на пользу всех. Это промежуточная стадия. Мы стремимся к другому. Чтобы каждый человек отдавал обществу все свои способности, а получал все, что ему нужно, независимо от результатов его труда. Это и будет то, что мы называем коммунизмом.

— В этом смысле у нас именно такая система, — сказал Диегонь. — Каждый берет то, что ему нужно.

— Значит, у вас коммунистическое общество. А кто руководит работами, кто составляет планы, следит за их выполнением?

— Раз в десять лет мы избираем совет старейшин. Ему все обязаны подчиняться.

— А если кто-нибудь не захочет?

— Таких случаев никогда не было.

— Ну, а если бы все-таки? Ведь аппарата принуждения у вас нет?

— Не представляю себе такого случая, — сказал Диегонь. — Мы же сами выбираем совет, и он действует в интересах всех. Все заинтересованы в выполнении общих работ.

— Обязательное рабочее время у вас существует?

— Принято работать четыре-пять часов. Кто здоров, тот работает.

— И никто не пытается уклониться от труда?

— Зачем же! — с искренним удивлением ответил Диегонь. — Мы никого не заставляем работать. Если человек не участвует в какой-либо общей работе, то, значит, он делает какую-нибудь другую. Например, я много лет работал над проектом звездолета. Все это время я не принимал участия в другой работе.

— Вы меня не понимаете, — сказал Широков. — Я говорю о том, что кто-нибудь может ничего не делать и жить за счет труда других.

— Теперь я понял, — сказал Диегонь. — Видите ли, Пьетья (Синьг и Диегонь называли Широкова по имени, по его собственной просьбе), дело в том, что изменение отношений между людьми изменяет их взгляды на труд. В первые десятилетия нашей «зеленой» жизни такие явления, конечно, были. И аппарат принуждения у нас существовал. Иначе не могло быть. Люди получали по своим потребностям, но только в том случае, если они работали установленное время и качество их труда было таким, как надо. Но время шло, новые отношения становились привычными, сознание людей менялось. И метод принуждения постепенно исчез сам собой, так как не к кому стало применять его. Сейчас, если человек ничего не делает, то это означает, что он болен или сильно утомлен. И в том и в другом случае отдых ему необходим. Это уже относится к области медицины.

Широков долго молчал.

— Все, что вы говорите, — сказал он, — доказывает мне, что на Каллисто исчезли многие понятия, существующие на Земле. Ваш прилет покажет людям, что получается, когда исчезнет эксплуатация человека человеком. Пример Каллисто — мощный толчок для тех, кто не идет еще по пути нашей страны. Он будет иметь огромные последствия.

— Мы будем рады, если наше посещение вашей планеты чем-нибудь поможет вам. Мы видим на примере Ю Син-чжоу, что у вас не все благополучно.

— Вы еще многого не знаете, — со вздохом сказал Широков. — Наша революция труднее вашей и именно потому, что у нас не один, а много народов. Что вы думаете о покушении Ю Син-чжоу? Как вы его расцениваете? — задал он вопрос, который не переставал мучить его.

— Так же, как и вы, — просто ответил каллистянин.

Он сказал это так, что Широков сразу понял, что его опасения ложны.

— Мы вас хорошо понимаем, — Диегонь провел пальцами по лбу Широкова. Все уже знали, что этот жест был на Каллисто выражением ласки. — И мы всегда искренни с вами. Покушение Ю Син-чжоу вам так же тяжело, как и нам. Мы это знаем.

«Что, он мысли мои прочел, что ли?» — подумал Широков.

Ему трудно было вести этот разговор. Он еще недостаточно свободно владел языком. Было ясно, что общественное устройство на Каллисто во многом походило на то, к которому стремились коммунисты, но не все было понятно. Он мог задать еще тысячу вопросов.

— Существует у вас семья? — спросил он.

— Ответ содержится в самом вашем вопросе, — ответил Диегонь. — Раз на нашем языке есть слово «семья», то, следовательно, сна существует.

Он вынул из нагрудного кармана фотокарточку. Широков зажег фонарик. На снимке были изображены шесть человек каллистян, сидящих на ступенях каменной лестницы.

— Этот снимок, — сказал Диегонь, — сделан перед самым отлетом с Каллисто. Эти шестеро — мои дети. Как видите, они вполне взрослые. От пятнадцати до двадцати пяти лет. Чтобы проститься со мной, они съехались вместе.

Широков внимательно рассматривал фотографию. Двое изображенных на ней особенно привлекли его внимание. Они были одеты в такие же костюмы, как и остальные, но нежный овал их лица, поза и весь внешний облик указывали на то, что он впервые видит женщин

Каллисто. Несмотря на непривычный облик, они показались ему очень красивыми.

— Это ваши дочери? — спросил он.

— Да. Льетьи и Мьенью. Они самые младшие. Вы полюбите их, когда будете на Каллисто.

— Почему вы так уверены, что я буду на Каллисто? — спросил Широков.

Ему показалось, что Диегонь пристально посмотрел на него в темноте.

— Я для вас чужой человек, — сказал каллистянин, — но если вы хотите послушать совета просто старшего товарища, то перестаньте скрывать то, что всем ясно. Ваше желание лететь на Каллисто ни для кого не тайна. И, насколько я понимаю, это желание не встречает возражений. Вы говорили с Куприяновым?

— Я поговорю с ним, — ответил Широков.

— Хорошо сделаете. Профессор любит вас, но он поймет и одобрит.

— Вы любите своих детей? — спросил Широков, меняя тему.

— Как и все, — ответил Диегонь. — Дети — цветы жизни.

Широков вздрогнул от неожиданности.

— Откуда вы знаете это выражение?

— Оно очень древнее.

— Это замечательно! — сказал Широков. — Дети — цветы жизни! Это самая прекрасная мысль, которая когда-либо была высказана у нас на Земле. И это ваша мысль, выраженная в точности теми же словами! Изумительное совпадение!

В МОСКВУ!

На следующий день, четырнадцатого сентября, инженеры правительственной комиссии, Лежнев и два каллистянских инженера — Мьеньонь и Ньяньиньгь — вылетели из лагеря в Москву.

Предстоявшая им задача была чрезвычайно ответственна и срочна. На советских заводах из земных материалов нужно было изготовить аппарат для резки, а затем для сварки металла, из которого был сделан звездолет.

Как уже выяснилось раньше, для этого было необходимо прежде всего получить сплав, способный выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, а таких сплавов еще никогда не изготавливали на Земле. Газ для сварочного аппарата тоже был неизвестен.

Все понимали, что если не удастся добиться успеха, то звездоплыватели будут обречены навсегда остаться на Земле и не увидят больше своей родины. Нечего и говорить, что люди были готовы совершить невозможное, но не допустить такого конца космического полета.

Каллистяне, несомненно, отдавали себе отчет в серьезности своего положения и понимали, что спасти их может только техника Земли, сила ее промышленности. Они, конечно, сильно волновались, но внешне ничем не проявляли этого. Их поведение и отношение к людям оставались прежними.

Только раз Широков услышал среди них тревожный разговор. Он постарался, как мог, успокоить своих друзей и внушить им веру в благополучный исход.

Прощаясь с Мьеньоном, Диегонь сказал ему:

— Помните, что от вас зависит, увидим ли мы когда-нибудь нашу Каллисто.

— Я не меньше вашего хочу ее увидеть, — ответил инженер.

— Все зависит от того, что смогут сделать для нас, — сказал Ньяньиньгь.

— Все! — убежденно воскликнул Широков.

— Желать, — ответил ему Мьеньонь, — это еще не значит иметь возможность выполнить желаемое. Мы несколько не сомневаемся в вашей готовности помочь нам, но...

— На Земле есть все, что необходимо, — настойчиво повторил Широков.

— Не сомневайтесь! Советское правительство сделает все, чтобы обеспечить вам возвращение на родину.

— Будем надеяться, — грустно ответил каллистянин. — Ничего другого нам не осталось.

— Анатолий Владимирович! — по-русски сказал Широков Лежневу. — Не давайте им приходиться в отчаяние. Почаще говорите с ними. Могут на первых порах случиться неудачи. Поддерживайте в них бодрость и уверенность в конечном успехе.

— Мне самому до слез жалко их, — ответил Лежнев.

В этот день с самого утра, погода стала хмуриться. Временами накрапывал мелкий осенний дождь. В низинах не расходился ночной туман. Вершина звездолета смутно проступала в колеблющейся дымке.

Настроение обитателей лагеря соответствовало погоде. Все были хмуры и неразговорчивы.

Куприянов предложил каллистянам переодеться в земную одежду, но они решили остаться в своих серых комбинезонах с красными воротниками.

Их головы были непокрыты. На Каллисто не употребляли головных уборов.

Широков поговорил с Синьгом, вернувшимся вместе с Вьеньянем из Курска, и с его помощью уговорил звездоплывателей взять плащи с капюшоном для защиты от дождя.

Они согласились с видимой неохотой.

— Скоро наступит зима, — говорил Широков. — Будет очень холодно. Если вы не переоденетесь, то неизбежно заболаете.

— Мы подумаем, — отвечали ему.

Куприянов и Широков понимали, что если бы не угроза никогда не увидеть Каллисто, звездоплыватели не возражали бы против земной одежды. Они хотели в ожидавшей их чуждой обстановке сохранить хотя бы платье своей родины.

В этот день утром в лагерь пришло письмо из Америки, адресованное Диегону. Так как оно было написано по-английски и Диегонь все равно не мог без переводчика прочитать его, Козловский попросил Широкова перевести это письмо. Оно было передано из Нью-Йорка по бильдаппарату и прислано из Москвы фотопочтой.

Американский стальной король предлагал каллистянам свои услуги. Он ручался, что в короткий срок изготовит требуемый сварочный аппарат, синтезирует нужный для него газ и вообще сделает все, что нужно для исправления «сердца» звездолета. В письме заключался тонкий намек на то, что диверсия была произведена с ведома Советского Союза.

— Довольно неуклюжий маневр, — сказал Козловский, выслушав перевод.

— А его уверенность в успехе — преждевременна.

— Что будем делать с письмом? — спросил Широков.

— Немедленно передадим адресату, — ответил Козловский. — Хорошо, что Мьеньонь и Ньяньиньгь еще не уехали.

— А если... — начал Широков, но Козловский перебил его.

— А если они согласятся, — сказал он, — то мы примем меры как можно скорее доставить их в Америку. Вот и все. — Неожиданно для Широкова он рассмеялся. — Я прошу вас, Петр Аркадьевич, передать и перевести это письмо в присутствии Лемаржа и профессора Маттисена. Они понимают английский язык. Это для того, чтобы они могли подтвердить, что письмо Диегоном получено и он знает его содержание.

— Вы думаете?..

— Я ничего не думаю. Думать должны каллистичне.

— А этот намек?

— Если они не поймут, то разъясните им.

Широков в точности выполнил поручение. Он сделал это не без тайного опасения. А что, если каллистяне согласятся? Об Америке они знают достаточно.

— Ну что? — спросил Козловский, встретившись через полчаса с Широковым.

— Диегонь только рассмеялся; а Мьеньонь другими словами повторил то, что сказали вы, — «неуклюжий маневр».

Козловский пожал плечами.

— Удивляюсь, — сказал он, — что вы так плохо понимаете их. Разве можно было в этом сомневаться?

Письмо из Америки оказалось не единственным. Весь день приходили аналогичные письма и телеграммы со всех концов мира. Казалось, что во всех странах испытывали горячее желание помочь каллистянам в постигшей их беде. Широков добросовестно читал все эти послания Диегону, пока каллистянин сам не попросил его прекратить чтение этих писем.

— Мы вверили свою судьбу вам, — сказал он. — Вы наши братья. Нам и так уже надоели газеты, которые вы нам читаете.

В лагере получались многие зарубежные газеты, и Козловский требовал, чтобы каллистяне были в курсе того, что в них писалось. Диверсия на звездолете и ранение Вьенья были в центре внимания мировой печати. Подавляющее большинство газет осуждали совершенное преступление и помещали на своих страницах протесты и негодующие письма Академий, научных институтов и обществ, учащейся молодежи всех стран и отдельных крупных ученых. Покушение на гостей Земли вызвало бурю негодования во всем мире. Но были и такие газеты, которые использовали сообщение о диверсии для клеветнических выпадов по адресу Советского Союза, и именно об этих газетах и говорил Диегонь.

Оставаться в лагере больше было нельзя. Осень вступала в свои права. «Иностранный лагерь» уже ликвидировался. Некоторые его обитатели переехали в Москву, чтобы там продолжать работу, другие вернулись на родину. Пора было всем уезжать отсюда.

Куприянов собрал совет, на котором присутствовали все каллистяне и члены экспедиции. Было решено переехать в Москву утром шестнадцатого числа.

— А вы, Николай Николаевич, — спросил Широков, зайдя вечером в палатку секретаря обкома, — неужели нам придется расстаться с вами?

— А зачем я вам?

— Вы поедете в Москву? — радостно спросил Широков, увидя в глазах своего собеседника лукавые огоньки.

— К сожалению, — шутливо ответил Козловский. — Такова уж моя горькая участь. Моя жена и то уж ворчит.

— Вы так полюбили каллистян, — сказал Широков. — Мне очень жаль, что вы не можете сами говорить с ними. Почему вы не учитесь их языку?

— Я его немного знаю, — по-каллистянски ответил Козловский.

Он весело рассмеялся, видя изумление Широкова.

— Этот язык дается мне трудно. Не то, что вам. Но я им обязательно овладею. Я хочу прочесть книги, которые они оставят на Земле, а когда звездолет прилетит вторично, я буду говорить с ними. Я твердо решил дожить до этого.

— Если бы я знал, — сказал Широков, — то помог бы вам.

— Мне помогал Лежнев. И не только мне. Еще один член нашей экспедиции изучает язык Каллисто.

— Кто?

— А этого я вам пока не скажу. Узнаете в свое время.

На следующий день погода окончательно испортилась. Весь день шел дождь. Земля стала мокрой, вязкой, и звездоплыватели были вынуждены надеть земную обувь. Их легкие туфли, похожие на сандалии, были совершенно негодны в этих условиях.

Последние две ночи каллистяне провели на звездолете. Они хотели проститься со своим кораблем, на котором провели одиннадцать лет.

Утром шестнадцатого числа вертолет совершил последний рейс на вершину шара. Корабль оставался под охраной полка Черепанова. Вскоре его должны были сменить другие части.

По распоряжению Куприянова звездолет окружали высокой оградой. Со вчерашнего дня автомашины подвозили в лагерь бревна и доски.

Не только каллистяне, но и люди с грустью смотрели на покидаемый корабль. С ним были связаны незабываемые минуты. Но никто не сомневался, что обреченный на неподвижность звездолет рано или поздно снова будет готов к стремительному полету в межзвездных просторах; что придет время — и люди проведут своих гостей обратно на родину. Могучая техника Советского Союза справится с поставленной перед ней задачей.

Внутри корабля, за толстыми двойными стенами, оставалось лежать тело человека, пытавшегося навеки остановить сердце металлического гиганта. Труп будет лежать там до тех пор, пока инженеры не сумеют открыть двери и выбросить его оттуда.

Было неприятно сознавать, что звездолет — замечательное создание разума далекой Каллисто — является сейчас не чем иным, как временным гробом, но приходилось свыкнуться с этой мыслью. Изменить пока ничего было нельзя.

Лагерь представлял собой унылую картину. Мокрые палатки стояли «нахохлившись». Всюду были лужи и невылазная грязь.

Куприянов предложил перебраться на аэродром с помощью вертолета, и это предложение было с удовольствием принято всеми. Путешествие в автомобилях по размытой дороге предвещало мало приятного. Вертолет мог за пять рейсов перебросить всех.

Первыми улетели иностранцы, Широков и Штерн. Кинооператор просил взять его в последний рейс, так как хотел снять отъезд каллистян из лагеря.

Последними вылетели Куприянов, Козловский и кинооператор.

Подполковник Черепанов и его офицеры с грустной завистью провожали их.

— Это были незабываемые дни, — сказал капитан Васильев.

Куприянов снова не узнал поля, на котором когда-то опустились их самолеты. Перед ним был современный, прекрасно оборудованный аэродром с бетонными дорожками.

Самолеты, прилетевшие за ними из Москвы, уже ждали.

— Нам бы хотелось еще раз взглянуть на корабль, — сказал Диегонь.

— Обязательно! — ответил Куприянов, когда ему перевели эту просьбу.

— Я скажу летчикам, чтобы они пролетели над звездолетом.

В Москву улетало двадцать семь человек; десять каллистян, шестеро иностранцев, Козловский, кинооператор и девять членов экспедиции. Профессор Смирнов улетел накануне. Его вызвали в Москву телефонограммой.

В Москве их ждали.

Столица Советского Союза готовилась встретить гостей Земли.

В городе находились многочисленные делегации со всех концов страны.

Академик Неверов вчера позвонил в лагерь и сообщил Куприянову, что вечером в день приезда звездоплыватели будут приняты Председателем Совета Министров и секретарем ЦК КПСС.

ПЕТР ШИРОКОВ

По предложению Штерна, каллистян поселили в обсерватории, так как это было удобно во многих отношениях.

Широков и Ляо Сен, разумеется, были с ними.

Приехав в Москву, они уже не застали Мьеньоня и Ньяньиньга. Лежнев, оба инженера и сопровождающие их земные ученые сразу после приезда и совещания у министра тяжелой промышленности вылетели на Уральский металлургический комбинат.

Они не хотели терять ни одного часа дорогого для них времени. Пока окончательно не выяснится, может ли техника СССР оказать им помощь, каллистяне не могли быть спокойны.

В Кремле тепло и сердечно встретили жителей другой планеты. Дружеская беседа продолжалась свыше трех часов.

Ляо Сену и в особенности Широкову пришлось много потрудиться, но они справились со своей нелегкой задачей и обеспечили полное взаимопонимание.

— Мы покажем вам все, что вы захотите увидеть, — сказал председатель Совета Министров. — Товарищ Куприянов об этом позаботится.

По вопросу, больше всего волнующему гостей, секретарь ЦК сказал:

— Я говорил сегодня по телефону с директором комбината. Они думают, что месяца через три — четыре аппарат будет готов. Вы не должны ни о чем беспокоиться. Все, что нужно, будет сделано, и вы вернетесь на Каллисто.

— Передайте нашу глубокую благодарность, — попросил Диегонь.

— Это и в наших интересах, — ответил секретарь ЦК. — Мы хотим, чтобы общение обеих планет продолжалось и впредь. Например, было бы хорошо найти способ обмена взаимной информацией. Это было бы полезно и для нас и для вас.

— Исключительно тяжелая проблема, — заметил Манаенко (все члены экспедиции присутствовали на приеме). — Такое исполинское расстояние...

— Соединенные усилия технической мысли двух планет, — сказал на это секретарь ЦК, — могут сделать даже невозможное возможным.

— Было бы полезно, чтобы люди побывали у нас, — сказал Синьг.

Широкову показалось, что при этих словах все каллистяне посмотрели на него. Он смешался и покраснел. Ляо Сен перевел эту фразу за него.

Глава правительства улыбнулся.

— У нас есть основание предполагать, что ваше желание будет исполнено,

— ответил он.

Прием закончился около полуночи.

По просьбе каллистян, автомобили долго кружили по улицам Москвы. Несколько раз москвичи узнавали пассажиров, и тогда вокруг машин мгновенно собиралась огромная толпа. Приходилось останавливаться, переводить гостям слова приветствия и их ответ. Долго не удавалось тронуться дальше.

Только в два часа ночи они, наконец, приехали в обсерваторию.

— Вы умеете встречать друзей, — сказал Диегонь. — Мне хочется надеяться, что и нам предстоит удовольствие встречать на Каллисто людей Земли.

— Вы же слышали, что ответил вам наш Председатель, — сказал Ляо Сен.

— Это время настанет. Не правда ли, Петр Аркадьевич?

Широков не ответил и вышел из комнаты.

Он пошел к Вьеньяню. Каллистянский астроном сразу по приезде лег в постель. Воздушное путешествие, долгий путь по Москве, когда автомобили медленно продвигались по улицам, заполненным народом, вышедшим встречать каллистян, волнение, вызванное этой встречей, утомили его. Лечение Синьга дало прямо волшебные результаты, но все же недавнее ранение сказало, и Вьеньянь даже не поехал в Кремль.

«У нас есть основания предполагать, что ваше желание будет исполнено»,

— повторял про себя Широков слова Председателя Совета Министров. «Что он хотел этим сказать? Неужели даже там, в Кремле, знают о моем желании?»

У постели Вьеньяня сидел Синьг. Он рассказывал своему товарищу о приеме в Кремле. Широков услышал, как он сказал:

— Они полны уверенности, что смогут помочь нам.

— Так оно и будет! — Широков присел на край постели. — Как вы себя чувствуете?

— Завтра Вьеньянь будет совершенно здоров, — ответил Синьг. — Все это простое утомление.

— Какое впечатление на вас произвела Москва? — спросил Широков.

— Нам еще трудно ответить на этот вопрос, — сказал Синьг. — Мы плохо видели. Встреча, устроенная нам людьми, поглотила все наше внимание. Но Москва мне лично показалась красивым городом.

— У вас мало растений, — сказал Вьеньянь. — Многие улицы представляют собой сплошной камень. Вы на меня не обидитесь, если я скажу откровенно? Архитектура мне не понравилась. У нас в домах больше света.

— Климат, не позволяет нам строить такие здания, как у вас, — сказал Широков. — Мы должны думать о защите от холода. Но если вы попадете в южные страны, то увидите там дома, похожие на ваши. Скоро может состояться второй полет к нам? — спросил он.

— Не думаю, чтобы скоро, — ответил Вьеньянь. — На путь от Каллисто до Земли и обратно требуется одиннадцать лет, двадцать два по-вашему, но я не сомневаюсь, что он будет совершен. Впрочем, — прибавил он, ласково посмотрев на Широкова, — если мы не ошибаемся, может легко случиться, что второй полет состоится вскоре после первого. Если мы правильно понимаем намерения одного человека...

Синьг засмеялся.

— Я думаю, что мы поняли правильно, — сказал он, кладя руку на плечо Широкова.

— Если так, — сказал Вьеньянь, — звездолет будет вторично на Земле через двадцать пять лет по вашему счету. Раньше чем через три года мы своего гостя не отпустим.

В эту ночь Широков долго не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами в полной темноте и думал. Слова каллистянского астронома звучали у него в ушах.

Двадцать пять лет!

Половина сознательной жизни человека!

И только три года из них пройдут там, на Каллисто. Остальные двадцать два придется провести на звездолете, в таинственной, пугающей неизвестности просторов вселенной.

«Нужно ли это? — думал он. — Есть ли смысл тратить драгоценные годы?»

Может быть, впервые перед ним ясно встало все, что ожидает его, если он осуществит свое желание. Отказ от всех прежних намерений, всех планов в жизни. Полный переворот его судьбы...

Он встал и подошел к окну, поднял шторы.

Огромным заревом разливалось необъятное море городских огней. Далекими красными точками сверкали звезды Кремля. Там услышал он фразу, из которой понял, что руководители страны одобряют его намерение. Слова Председателя Совета Министров нельзя было понять иначе.

«Это нужно! — говорил ему внутренний голос. — Половина твоей жизни пройдет не напрасно. Живое слово о жизни другой планеты, другого человечества, все, что ты увидишь и узнаешь, принесет огромную пользу людям».

«Но достоин ли я быть избранником человечества? — встал перед ним тревожный вопрос. — Хватит ли у меня знаний, способностей и сил, чтобы успешно справиться с исполинской задачей, которую я хочу взять на себя? Может быть, кто-нибудь другой был бы полезнее на моем месте?»

Эта мысль заставила сжаться его сердце. Он чувствовал, что не может уже отказаться от мечты, которая с такой силой овладела им. Далекая Каллисто непреодолимо влекла его к себе.

Наступающий рассвет уже погасил все звезды на небе, а Широков все еще стоял у окна. Он знал, что сегодня его судьба решится окончательно. Сегодня он открыто скажет о своем намерении и получит ответ.

Он думал о своей жизни, стараясь для самого себя решить вопрос, — пригоден ли он к выполнению задачи, которую сам же поставил перед собой.

Какие у него права считать себя достойным доверия всего человечества? Разве то, что он изучил язык Каллисто? Да еще, пожалуй, его молодость.

Но этого было так мало!

О том, что он талантливый ученый, человек с широким кругозором, он не подумал.

«С моей стороны даже дерзко мечтать об этом. Есть десятки людей, которые могут захотеть стать на мое место. Людей, жизнь которых дает им большее право на это. Кто я такой? Обычный, рядовой человек и хочу взять на себя такую почетную роль — представителя Земли на Каллисто».

Он заснул с тревожным чувством, решив утром же поговорить с Куприяновым. Профессор обещал приехать в обсерваторию в девять часов утра.

ВДВОЕМ!

Нескончаемо долго тянулось для Широкова это утро. Он почти не отходил от окна, ожидая появления знакомого автомобиля. Но его все не было.

Когда часы показали, что назначенное время прошло, а профессор все еще не приехал, Широков не выдержал и пошел к Штерну.

Он нашел директора обсерватории в его кабинете, том самом, в котором они все провели памятную ночь на двадцать восьмое июля, когда еще таинственный космический корабль летел над Землей и неизвестно было, где он намерен опуститься.

Словно вечность прошла с той ночи!

Штерн был не один. Он сидел в том же кресле, и в той же позе, как и тогда, вытянув короткие ноги и скрестив руки на животе. Напротив него, на диване, сидел Козловский.

— Разрешите? — спросил Широков, останавливаясь в дверях.

Штерн повернул голову.

— Петр Аркадьевич! Рад вас видеть, — сказал он таким тоном, как будто они не виделись уже несколько дней. — Садитесь!

— Вы не знаете, когда приедет Михаил Михайлович? — спросил Широков.

— Уже соскучились? — усмехнулся Козловский.

— Михаил Михайлович только что звонил, — ответил Штерн. — Он немного задержится. Будет здесь часа в два.

— Дайте мне машину. Я поеду к нему.

— Машина всегда к вашим услугам, — ответил Штерн. — Но разве это так срочно?

— Я не могу ждать.

— Где же вы будете искать Куприянова? — спросил Козловский, который в продолжение всего разговора ласково и внимательно наблюдал за молодым человеком. — Не лучше ли подождать его здесь? Вы напрасно волнуетесь. Михаил Михайлович знает, что вы хотите ему сказать, как знаем это и мы. Теперь он одобряет ваше намерение.

— Теперь?..

— Сначала он был против. Но его убедили, что это нужно...

— Вы не знаете, что меня мучает, — перебил Широков.

— Возможно, — мягко сказал Козловский. — Много может мучить человека перед таким шагом. Но вопрос о вашей пригодности к роли представителя Земли на Каллисто... — Широков в изумлении посмотрел на секретаря обкома. Козловский улыбнулся, — ... давно обсужден и решен положительно, — закончил он.

Штерн положил руку на руку Широкова.

— Отбросьте от себя все сомнения, — сказал он, — Наша планета может только гордиться, что ее представителем будет такой человек, как вы. Велика и почетна задача, стоящая перед вами. Я дорого дал бы за то, чтобы быть на вашем месте, но годы... Идите вперед не оглядываясь!

— Ну так как же? — спросил Козловский. — Поедете искать Куприянова?

— Я подожду его, — сказал Широков.

— Михаил Михайлович хорошо знает вас, — сказал Штерн. — Он первый догадался обо всем. Правда, он противился вашему намерению, но потом, как вам сказал Николай Николаевич, понял, что это разумно и нужно. Вопрос был рассмотрен со всех сторон. Вам об этом не говорили потому, что мы не хотели влиять на ваше решение. Мы и так были уверены в нем. Если бы вы передумали... Да что глупости говорить! Разве можно отказаться от такого великого дела! Вопрос заключался только в том, как отразится на вашем здоровье пребывание на Каллисто. По этому вопросу Куприянов советовался с Синьгом, и они пришли к заключению, что все будет в порядке...

— С Синьгом?

— А с кем же еще? Каллистяне очень полюбили вас и рады, что именно вы хотите

посетить их родину.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— А почему вы сами молчали? Единственное, что нас смущало, — это то, что вы полетите один.

— Смущало?..

— Да, но теперь больше не смущает, — сказал Штерн. — У вас нашелся товарищ.

Широков стремительно выпрямился.

— Кто? — порывисто спросил он.

Мгновенно мелькнуло воспоминание... Козловский изучал язык Каллисто... Неужели он?!

— Георгий Николаевич Синяев, — ответил Штерн. — Его влечет то, что вас должно пугать, — двадцать два года полета на космическом корабле.

— Синяев...

— Вы как будто разочарованы? — спросил Козловский.

— Нет, но я думал... Мне показалось...

— Что это буду я? Скажу откровенно, имел такое намерение, но мне дали понять, что этого не следует делать. Я ведь не ученый и не могу принести большой пользы.

— Георгий Николаевич проделает на звездолете огромную работу, — сказал Штерн. — На корабле хорошие астрономические инструменты, и у него с избытком хватит дела на все двадцать два года. А вы получите товарища, с которым легче будет перенести долгую разлуку с Землей. Что ни говорите, а это нелегко. Вдвоем будет легче.

— Синяев не знает языка каллистян.

— Знает, правда, еще плохо, — сказал Козловский. — Вы помните, в лагере я говорил вам, что, кроме меня, еще один человек берет уроки у Лежнева.

— Давно он задумал это?

— Вероятно, тогда же, когда и вы. Но сказал об этом перед отъездом из лагеря.

— Это очень неожиданно, — сказал Широков. — И для меня очень радостно. У Георгия Николаевича есть семья?

— Да. Он, как и вы, не женат, но его родители живы. У него есть сестра и два брата. Ему указали на это обстоятельство, но он остался при своем решении. Я был у него, и он при мне говорил с ними. — Козловский нервно потер руки. (Широков хорошо знал этот жест, выражавший волнение.) Конечно, родителям тяжело. Они могут никогда больше не увидеть сына. Двадцать пять лет — не шутка. Его отец, старый коммунист, участник гражданской войны, понимает, что сын идет на великий подвиг. Он одобряет его. Сестра... братья, конечно, но мать... Что тут можно сделать? Но он тверд.

— Ему, должно быть, гораздо тяжелее, чем мне, — задумчиво сказал Широков.

Он сам был одинок. Его родители погибли во время Великой Отечественной войны в заблокированном Ленинграде. Братьев и сестер не было.

Он был теперь совсем спокоен. Его желание встретило полное понимание и сочувствие. Куприянов, разговора с которым он боялся, по словам Козловского, не будет его отговаривать. Неожиданное известие, что он не окажется один на звездолете и на Каллисто, было не только приятно. Когда ему сказали, что у него есть товарищ, он понял причины своих колебаний. Это был страх перед полной оторванностью от людей, полным одиночеством среди каллистян, все же чуждых и не совсем понятных существ. Лететь на Каллисто вдвоем с молодым астрономом — это совсем не то, что одному.

— Его решение очень радостно для меня, — повторил Широков.

— Так же, как ваше для него, — сказал Штерн.

— Он обо мне знает?

— Пока еще нет, но, когда узнает, то будет, конечно, очень рад. Мы ведь и вам ничего не говорили о нем, пока вы сами не сказали о своем решении.

— В сущности говоря, — засмеялся Широков, — я вам ничего не говорил. Я только сказал, что хочу поговорить с Михаилом Михайловичем.

Несмотря на заверение Козловского, Широков с волнением ожидал приезда Куприянова. Он знал, каким тяжелым ударом является для профессора его решение, знал, каким чисто отцовским чувством любил его учитель. Но и ради него Широков не мог отказаться от полета на Каллисто.

Он ушел в отведенную ему комнату. До разговора с Куприяновым он не хотел ни с кем больше говорить и никого не хотел видеть.

Профессор приехал, как и обещал, в два часа. Должно быть, Штерн или Козловский сразу рассказали ему об утреннем разговоре, потому что не успел Широков, совладев со своим волнением, подойти к двери, как она открылась, и профессор сам вошел к нему.

Широков ожидал увидеть расстроенное лицо, услышать упреки в скрытности, но ошибся. Лицо Куприянова было таким же, как всегда.

Разговор получился гораздо проще, чем ожидал Широков. Только потом, вспоминая подробности этого разговора и выражение лица Куприянова, Широков понял, что внешнее спокойствие было маской, за которой профессор хотел скрыть свое истинное состояние.

Он не сказал ни одного слова упрека, подробно расспросил о планах Широкова и одобрил их. Поговорил даже о том, кого можно поставить на его место в институте.

— Сегодня вечером, — сказал он под конец, — я соберу совещание с участием каллистян. Там мы уточним все подробности.

Он встал, минуту словно колебался, потом резко повернулся и направился к двери. Уже взявшись за ручку, долгим взглядом посмотрел в глаза Широкову, который медленно шел за ним, и сказал:

— Только мы с вами, Петя, никогда больше не увидимся.

И вышел.

До самого совещания, которое было назначено в кабинете Штерна на шесть часов вечера, Широков не выходил из своей комнаты. Он преодолел в себе последние сомнения. С этого времени, и до самого старта звездолета он шел вперед к поставленной цели, не оглядываясь. За эти часы он решился окончательно, и ничто больше не могло поколебать его решения.

Когда он увидел, что приехал президент Академии, он направился к Штерну. В коридоре он встретился с Синяевым. Молодой астроном уже знал, что у него будет спутник.

Широкову показалось, что его лицо, с чисто русскими чертами, немного вздернутым носом и шапкой густых каштановых волос, стало другим. Оно как будто постарело, осунулось, и только глаза оставались, как прежде, оживленными. Чувствовалось, что нелегко далось этому человеку его решение.

Широков и Синяев никогда не были дружны и даже мало знали друг друга. Они только месяц назад впервые познакомились, но, встретившись теперь у двери кабинета Штерна, дружески обнялись. На долгие годы они станут больше, чем друзьями.

— До конца! — сказал Синяев.

— До конца! — ответил Широков, Они вместе вошли в кабинет. Перешагнув порог, точно по уговору, одновременно оглянулись назад...

Позади оставалась прежняя жизнь. Впереди ждала другая — неизвестная и немного пугающая, но они смело шли ей навстречу.

Оба знали — пути назад уже нет. Но они и не хотели возвращаться назад!

Глава четвертая

КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ

Отказ каллистян от помощи западных фирм, их решение вручить свою дальнейшую судьбу Советскому Союзу было воспринято общественным мнением всех стран мира как закономерное и естественное явление. Только немногие газеты и журналы попытались

использовать этот отказ для возобновления клеветнической кампании, вновь обвиняя СССР в желании монополизировать космический корабль и даже выражая «опасение», что каллистяне действовали «под нажимом русских» и их решение не было добровольным.

В эти дни заголовки газет пестрели противоречащими друг другу высказываниями.

«КАЛЛИСТЯНЕ — ПЛЕННИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!»

— писали враждебно настроенные журналисты.

«КАЛЛИСТЯНЕ — ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА!»

— отвечали другие, и таких было большинство.

«ОТКАЗ КАЛЛИСТЯН ОТ ПОМОЩИ ЗАПАДНЫХ ФИРМ — ПРОИСКИ СССР!»

«ОТКАЗ КАЛЛИСТЯН ОТ ПОМОЩИ ЗАПАДА ВПОЛНЕ ЗАКОНОМЕРЕН!

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ СПАСЛИ КАЛЛИСТЯН, И ОНИ ЖЕ СПАСУТ ИХ КОРАБЛЬ».

Одна влиятельная английская газета высказала, правда в осторожной форме, сомнение в том, что Широков правильно перевел Диегону письма западных фирм. На это надо было ответить, и это сделал профессор Маттисен. Подобно Козловскому, он, из научной любознательности, старательно изучал язык Каллисто и мог уже довольно хорошо читать на нем. Говорить он не стремился, так как не мог справиться с трудностями произношения. Прочсть научные книги каллистян — это было все, что он хотел.

По своим убеждениям шведский биолог не был коммунистом, но он очень уважал науку Советского Союза и не принадлежал к числу его врагов. Возмущенный нелепым вымыслом, он поднял голос в защиту правды. По его просьбе, Широков сделал точный перевод наиболее серьезных писем, в том числе письма американского миллиардера. Сличив перевод с подлинником, профессор Маттисен прочел эти письма Диегону в присутствии многочисленных корреспондентов иностранных газет, проживающих в Москве.

— Я уже сказал свое мнение об этих письмах, — ответил командир звездолета. — Свою судьбу мы вручили стране, близкой нам по духу, и не изменим этого решения. Кроме того, как бы ни были мощны частные предприятия, они не могут сделать то, что не под силу целой стране.

Маттисен перевел эти слова. Присутствовавший при чтении Бьяининь повторил их на ломаном русском языке, который понимали все корреспонденты.

Подробный отчет об этом «опыте» полетел во все концы света. Никаких сомнений в том, что содержание писем известно каллистянам и что их решение является добровольным, больше не оставалось. Внимание читателей всех стран переключилось на другой вопрос: удастся ли технике СССР помочь каллистянам, будет ли решена эта необычайно трудная задача?

Десятки крупнейших иностранных инженеров обратились к советскому правительству с просьбой разрешить им принять участие в работе. Их предложение было с благодарностью принято. Советские люди последовательно проводили раз принятую линию: космический корабль — гость не СССР, а всей Земли. На Земле он попал в беду. Дело всего человечества выручить каллистян из этой беды.

Лучшие инженерные силы планеты собрались на Уральском металлургическом комбинате, которому была предоставлена честь оказать помощь каллистянам. Ежедневно мир узнавал новости «с поля сражения».

«Бой» был тяжелым. Путь к победе преграждали десятки препятствий. Армия ученых, инженеров и рабочих штурмовала их одно за другим. Техническая и конструкторская мысль упорно работала над изысканием нового оружия в этом бою.

«Враг» долго не сдавался. «Армия» терпела поражения. Но, отступив перед непреодолимой стеной, снова бросалась на нее с другой стороны. Перед дружным натиском этой интернациональной армии одно за другим падали «укрепления» врага.

Этим врагом был металл Каллисто. Его еще не было, но он уже получил название — «кессинд», от каллистянского слова — «кьясьиньд». Никто не сомневался, что рано или поздно «кессинд» будет в руках людей.

Бой начался с далеких подступов к цели.

Первое сражение было дано... за кирпич!

«Кессинд» обладал огромной тугоплавкостью. Чтобы получить его в жидком виде, требовалось создать температуру свыше одиннадцати тысяч градусов. Подобных доменных печей не существовало. Больше того. Не существовало кирпича, способного выдержать такой жар. Конструкция самой печи, основанная на совершенно новом принципе, подсказанном каллистянами, была сравнительно быстро разработана. Но из чего строить эту печь? Этот вопрос долгое время казался неразрешимым.

Тут уже каллистяне ничем не могли помочь. У них на родине существовал природный материал для постройки высокотемпературных доменных печей, напоминающий внешним видом земной кварц. Но на Земле такого «кварца» не было, а чем его можно заменить, — не знали. Десятки лабораторий бились над этой задачей. Сотни опытов кончались неудачей. Вставала реальная угроза поражения в самом начале.

Весь мир затаил дыхание. Ни одна фирма не осмеливалась больше предлагать свои услуги. Даже газеты, злорадно предсказывавшие неудачу Советского Союза, замолчали. Напряжение борьбы через печать и радио разлилось по всей Земле...

Решение пришло неожиданно и совсем не с той стороны, откуда его ждали.

10 октября утром академик Неверов, как всегда, просматривал почту. Президент привык получать письма со всех концов мира. В последнее время поток писем был необычайно велик. Всем хотелось принять хоть какое-нибудь участие в работе.

С привычной быстротой президент читал одно письмо за другим, раскладывая их по разным папкам, в зависимости от содержания. Одним из последних ему попалось письмо из Грузии. Оно было написано простым рабочим

— стеклодувом небольшой фабрики стеклянных изделий.

По мере чтения брови академика сдвигались все ближе. Потом он отложил письмо и задумался.

— Да, — сказал он, наконец, самому себе. — Это стоит попробовать.

Он позвонил.

— Свяжите меня по телефону с президентом Грузинской Академии наук, — сказал он вошедшему секретарю.

Через три дня на Урале в кабинет директора комбината вошел пожилой рабочий. Это был стеклодув Серго Эбралидзе, откомандированный Министерством Грузинской ССР в распоряжение правительственной комиссии по оказанию помощи звездолету Каллисто.

Кроме самого директора, в кабинете находились Мьеньонь, Ньяньиньгь, с неотлучно находящимся при них Лежневым, Смирнов, Манаенко и другие инженеры. Письмо, полученное президентом Академии, лежало на столе.

Эбралидзе прежде всего подошел к каллистянам, протягивая руку.

— Мечтал вас увидеть, — сказал он. — Сбылась мечта. Здравствуйте, товарищи!

Лежнев перевел его слова.

Каллистянские инженеры, улыбаясь, крепко пожали загорелую руку. За это время они привыкли к земному способу здороваться.

— Приступим к делу, — сказал директор.

Прошел месяц, и в одном из корпусов комбината уже стояла небольшая, необычайного вида «доменная печь». Сквозь ее прозрачные стенки были видны приготовленные к расплавлению части будущего сплава — «кессинда».

Печь была... стеклянной!

В этом и состояла идея, предложенная академику Неверову грузинским рабочим. В своем письме он писал:

«Кирпич для постройки доменных печей применялся всегда. Но почему нельзя отказаться от этого привычного способа? Металла нужно немного. Его можно получить не в доменной печи, а в стеклянных колбах. Жароупорное стекло давно известно. Им пользуются в лабораториях».

Возражение, что стекла, способного выдержать нужную для «кессинда» температуру,

не существует, в письме было предусмотрено.

«Я потомственный стеклодув, — писал Эбралидзе. — Мои дед и отец всю жизнь выдували стекло. Я тоже занимаюсь этим с юных лет. Уже много лет я работаю над рецептом сверхжароупорного стекла. Имею успехи. Хотел в скором времени подарить это стекло Советскому Союзу. Теперь случилось так, что надо торопиться. Стекло нужно каллистянам. Я берусь сварить стекло, которое выдержит температуру в пятнадцать тысяч градусов. Изготовить из него колбы легко».

Эбралидзе сдержал слово. Его стекло выдержало все испытания. В специальной лаборатории стеклянную пластинку, изготовленную им, подвергали такому нагреву, которого не могло выдержать никакое другое стекло. Пластинка оставалась целой. Она даже не темнела.

Первый бой можно было считать выигранным.

От получения металла в колбах отказались. Сконструировать печь было нетрудно. Это была та же конструкция, которую предназначили для постройки печи из будущего кирпича. Ее пришлось только немного переделать применительно к новому материалу. В стеклянные стенки для крепости вплавили вольфрамовый каркас. По расчетам, стекло должно было предохранить вольфрам от расплавления.

Вторая задача заключалась в получении равномерного нагрева печи до температуры в одиннадцать с половиной тысяч градусов. Она была решена с помощью сверхвысокого напряжения, для получения которого пришлось изготовить специальный трансформатор.

Печь установили на гранитном постаменте. Выпуск «кессинда» должен был произойти автоматически, так как находиться в этот момент возле печи было опасно. Для этого сконструировали и изготовили специальную аппаратуру.

К середине ноября все было готово к варке металла. Но дальше начались другие трудности.

«Кессинд» был нужен не сам по себе. Из него предстояло сделать сварочный аппарат по чертежам, изготовленным за восемьдесят триллионов километров от Земли. Для обработки металла нужны были станки. Таких станков не было. Никакой резец, даже сделанный из «победита», не смог бы справиться с твердостью «кессинда».

Профессор Смирнов нашел выход. По его предложению было решено собрать аппарат из кессиндовых частей, соединяя их болтами, также изготовленными из «кессинда». Части и болты отлить в формах, сделанных из стекла Эбралидзе. Металл выпустить из печи прямо в формы, которые, после того как остынут, могут быть просто разбиты.

Несмотря на кажущуюся простоту этого способа, его осуществление потребовало огромных усилий. Не все части можно было соединить болтами. Во многих местах были нужны нарезки. Получить их одной только отливкой, без последующей обработки на станке, казалось невозможным. Нарезка была и на самих болтах, и на гайках к ним. Но искусство советских механиков, токарей и граверов справилось и с этой задачей. Стелянные формы для всех частей будущего сварочного аппарата были успешно изготовлены. Чтобы расплавленный «кессинд» хорошо заполнил формы, он должен был поступать в них под значительным давлением. Это потребовало устройства сложных механизмов для подачи в печь в нужный момент сжатого воздуха. Когда и это было сделано, еще одно препятствие осталось позади.

Но это было опять-таки не все!

Аппарат работал по принципу земных автогенных аппаратов. Пламя давал газ «ньюоль». Его состав был до сих пор неизвестен на Земле. Этот газ надо было создать — синтезировать. Но так же, как элементы, из которых состоял «кессинд», элементы «ньюоля» имелись на Земле и были хорошо известны химикам.

Было ли это счастливой случайностью? Нет, это было закономерно. Вся вселенная состоит из ограниченного числа элементов, сведенных великим Менделеевым в его знаменитую таблицу. Все эти элементы в разное время, но были уже найдены на Земле. Других, не имеющих места в таблице Менделеева, в природе не существует.

В эти дни у многих возникал вопрос, — почему же «кессинд» и «ньюоль» не были известны людям до прилета каллистян? На это можно было ответить, что хотя элементов не так много, их сочетаний неисчислимо количество. Возможно, и даже вероятно, что «кессинд» и «ньюоль» были бы, в конце концов, найдены земными учеными и без помощи каллистян. (В этом случае они получили бы только другое название.) Прилет звездоплывателей ускорил появление в технике новых, очень полезных веществ, область применения которых была чрезвычайно обширна.

«На Каллисто нет и не может быть создано ничего такого, к чему бы рано или поздно не пришла бы и наша земная научно-техническая мысль, — писал в эти дни академик Неверов в одной из своих статей. — Наука и техника обеих планет идет одним и тем же путем, но калли-стяне обогнали нас. Это произошло потому, что на их планете ничто не задерживает мощного расцвета научной мысли. Много фактов, которые мы узнали за это время, говорят о том, что всего триста лет назад наука Каллисто находилась на одном уровне с наукой Земли. Но, когда каллистяне покончили со всеми тормозами науки, создаваемыми капиталистическим обществом — угнетением, бесправием, отсутствием образования у широких масс населения, — они пошли вперед столь быстрыми темпами, что далеко обогнали Землю во всех областях знания. Это естественно, и так это и должно быть. До тех пор, пока человечество не станет одной дружной, трудящейся семьей, наука Земли не сможет догнать науку Каллисто. Одиночке, а капитализм всегда создает одиночек, не по силам то, что легко для коллектива. Один в поле не воин. Наука Советского Союза и братских нам стран идет тем же путем, что и наука Каллисто. Но каллистянам не угрожают войны — это создает им огромное преимущество перед нами».

Но наука и техника Земли были все же достаточно мощны, чтобы, получив в свои руки формулу «ньюоля», создать этот газ, как они нашли способ создать «кессинд».

Пока строилась «доменная печь», Мьеньонь, Ньяньиньгь, Лежнев и профессор Аверин выехали на химический завод, которому было поручено синтезировать новый газ, названный «неолом».

Ньяньиньгь дал формулу «неола», а профессор Аверин «перевел» ее на земной химический язык.

Получение «неола» оказалось сравнительно легким делом. После нескольких предварительных опытов он был получен, изготовлен в требуемом количестве и заключен в стальные резервуары.

Их пришлось сделать особой прочности, так как «неол» сразу в момент окончания синтеза расширился с огромной силой.

Возникшее затруднение разрешили просто. Синтез газа доводили не до конца, после чего накачивали почти готовый «неол» в резервуар, внутри которого происходила последняя реакция.

«Неол» горел не сам по себе. В обычном состоянии он не воспламенялся. Но, соединяясь с чистым озоном, давал ослепительное пламя огромной температуры.

Изготовить несколько баллонов чистого озона не составило никакого труда.

Через две недели каллистянские инженеры и их спутники вернулись на комбинат.

Первая варка «кессинда» была назначена на первое декабря. На это торжество должны были приехать многочисленные гости. Каллистяне, разумеется, все хотели присутствовать. Пока шла борьба за «кессинд», они никуда не выезжали из Москвы. Интерес к жизни Земли заглушала тревога.

СНОВА НА КОРАБЛЕ

Пятнадцатого января, ровно через пять месяцев после выхода каллистян из шара, на месте бывшего лагеря снова собрались все его прежние обитатели. Не было только Черепанова и его полка. Охрану звездолета несли теперь другие воинские части, расположенные в Золотухино.

Глубокий снег покрывал те места, где раньше стояли палатки. Окруженный высокой оградой, сам белый как снег, космический корабль казался еще более фантастическим и неправдоподобным, чем летом. Снежная шапка покрывала его вершину.

Рота солдат быстро очистила площадку для вертолета и убрала снег с «крыши» корабля. Участники экспедиции и каллистяне поселились на аэродроме.

Предстояло открыть дверь в помещение атомного «котла» и выяснить, в какой степени он был поврежден диверсией. Это был вопрос дальнейшей судьбы звездоплавателей, и неудивительно, что все, кто принимал участие в событиях, связанных с пребыванием корабля на Земле, хотели присутствовать при этом.

Среди них был человек, впервые попавший на это историческое место, хотя его имя было тесно связано с несчастьем, постигшим каллистянский звездолет.

Это был корреспондент Ю Син-чжоу.

Придя в сознание после двадцатисемидневного беспомыслия, журналист стал быстро поправляться и через два месяца уже был в Москве, где его радостно встретили не только члены экспедиции, но и каллистяне, знавшие все, что с ним произошло, и ожидавшие его приезда.

С опозданием на три месяца корреспондент агентства Синьхуа приступил к своим обязанностям.

Доктор Казимбеков не отпустил своего пациента одного и приехал в Москву с ним вместе. Так неожиданно осуществилась его мечта, и доктор не только увидел каллистян, но и его имя вошло в историю прилета космического корабля.

Выяснилась любопытная подробность, показывавшая, как обдуманно действовал фальшивый Ю Син-чжоу. Агентство Синьхуа аккуратно получало из лагеря радиogramмы своего корреспондента и не могло поэтому даже заподозрить что-нибудь неладное.

Серго Эбралидзе тоже был здесь. Нельзя было отказать ему в желании посетить корабль. Если бы не его стекло, то, возможно, пришлось бы прибегнуть к помощи токов высокой частоты, а это привело бы к нежелательному размягчению металла. Каллистяне были очень благодарны грузинскому стеклодуву. Скромный и даже застенчивый, Эбралидзе никогда не думал, что его изобретение произведет такой шум и сделает его имя известным всему миру. «Стекло Эбралидзе» должно было стать известным и на Каллисто, поскольку подобного ему там еще не существовало. Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, украсившая его скромный костюм, была для него неожиданно высокой наградой.

В назначенный день вертолет доставил всех на вершину шара. Многие в первый раз спустились внутрь космического корабля. Его помещения, своеобразные круглые коридоры и в особенности центральный пост с чудесными экранами вызвали живейший восторг, и корреспонденты без усталости щелкали своими аппаратами.

В торжественной обстановке, в присутствии всех каллистян, земных ученых и журналистов, Мьеньонь, одетый в асбестовый костюм, с маской на лице направил на стену узкое ослепительно голубое пламя сварочного аппарата.

Это было великое торжество техники Советского Союза

— Помните, как мы с вами стояли тогда у этой двери? — спросил Козловский Смирнова.

— Трудно забыть ту ночь, — ответил профессор.

Низкий гул аппарата смешивался с шипением пламени. Тонкая щель медленно ползла по металлу. Мьеньонь вырезывал небольшое круглое отверстие, достаточное, чтобы протянуть в него руку и включить кнопку механизма двери.

Голубые искры непрерывным каскадом вылетали из-под острия. Иссиня-черными фантастическими силуэтами металась по стенам и потолку тени людей. Даже сквозь надетые

на всех темно-синие очки невозможно было долго смотреть на нестерпимо яркий огонь.

Через пять минут Мьеньоня сменил Ньяньиньгь.

Больно глазам смотреть на пламя вольтовой дуги. Его температура доходит до четырех тысяч градусов¹. Даже днем голубоватый свет сварочных аппаратов освещает значительное пространство. Ночью мерцающие вспышки электросварки видны за несколько километров. А здесь, в небольшом помещении, среди отражающих свет металлических стен, горело пламя, раскаленное до одиннадцати тысяч градусов.

(1 Заставляя вольтову дугу гореть в закрытом сосуде под высоким давлением (до 22атм), можно повысить температуру примерно до 6 000 градусов.)

Но никто не хотел уходить, и только по настойчивому требованию Синьга, которого поддержал Куприянов, все, кроме двух каллистянских инженеров, перешли в помещение центрального поста, где и ожидали конца работы.

— Почему винтовая лестница, ведущая к «котлу», сделана постоянной? — спросил Смирнова один из корреспондентов. — Ведь при полете, когда на корабле отсутствует вес, пользоваться ею очень неудобно.

— Потому что ею пользуются только во время работы двигателей, — ответил профессор. — В это время на корабле обычные условия тяжести. Когда корабль летит по инерции, эта лестница не нужна. Двигатели не работают — и внизу нечего делать.

На центральном посту царило сдержанное волнение. Разговоры возникали и обрывались на середине. Мысли всех были внизу, где гудел аппарат и острое пламя резало стену. Ни единого звука не доносилось оттуда.

Работа продолжалась тридцать две минуты, но для тех, кто был наверху, она тянулась бесконечно. Широков говорил потом, что он был убежден, что прошло не меньше трех часов.

Через два часа, ровно в полдень наступил самый ответственный, самый волнующий момент всей операции. Перед дверью снова собрались все находившиеся на звездолете. Было уже известно, что расчет Мьеньоня был правилен. Отверстие было вырезано там, где и требовалось. Разомкнутая диверсантом цепь механизма двери была опять замкнута.

Диегонь нажал кнопку. Как всегда, беззвучно открылась так долго запертая дверь, скрывавшая за собой судьбу космического корабля.

Три месяца огромных усилий, напряженной мысли и настойчивого труда было вложено в эту победу.

Победу ли? Или только первый успех в ряду долгих устий, которые придется приложить, если «котел» — сердце корабля — поврежден серьезно?

Дверь открыта.

Может быть, именно на то, что технике Советского Союза будет не по силам одолеть крепость металла Каллисто, рассчитывал диверсант, закрывая обе двери в помещение «котла»?

— Если так, то это был его второй просчет, — сказал Штерн

— И даже третий, — ответил профессор Смирнов. — В отравлении каллистян он тоже просчитался.

Дверь открыта, но никто не двинулся с места. Только Диегонь, Мьеньонь и Смирнов вошли внутрь. Остальные остались ждать в коридоре.

Медленно шли минуты. Никто не проронил ни слова. Каллистяне стояли тесной кучкой, и на их черных лицах нельзя было прочесть мыслей.

Трудно придумать более страшный вопрос, чем тот, который решался для них сейчас. Возвращение на любимую родину или вечное пребывание на чужой для них Земле.

Синяев обнял за плечи Вьеньяня и с трудом удерживал нервную дрожь.

Томительную тишину прервал голос Широкова.

— Все равно! — сказал он по-каллистянски. — Если механизм испорчен, мы построим новый. Звездолет будет на Каллисто!

Стоявший рядом Синьг медленно провел рукой по его лбу, не спуская глаз с двери.

Когда, наконец, в ней появился Диегонь, все взгляды устремились на него. Будь он человеком Земли, выражение его лица сразу бы дало понятный всем ответ.

— Передайте товарищу Козловскому нашу бесконечную благодарность, — сказал он.

— Я только выполнил свой долг, — ответил секретарь обкома, раньше чем Широков успел перевести слова командира звездолета.

И хотя обе фразы были произнесены по-каллистянски, шумный вздох облегчения вырвался у всех.

Агрегат атомного «котла» оказался неповрежденным. Диверсант успел только снять часть верхнего кожуха машины.

Не только каллистяне, но и профессор Смирнов сразу увидел, что хотел сделать «Ю Син-чжоу», куда он пытался добраться. Враг рассчитал верно. Если бы тогда, в ночь диверсии, Козловский помедлил еще минут двадцать, агрегат

— сердце корабля — был бы непоправимо испорчен.

— Теперь совершенно очевидно, что негодяй был инженером, — сказал Смирнов, выйдя за Диегоном в коридор. — Еще немного — и конец!

— И что бы было в этом случае? — спросил Куприянов.

— Тогда пришлось бы строить весь агрегат заново, — ответил профессор.

Куприянов не решился спросить, осуществимо ли это.

Обожженный до неузнаваемости труп диверсанта лежал у самой машины. Кто был этот человек? Что побудило его пожертвовать своей жизнью? Все усилия выяснить его настоящее имя остались безрезультатными.

Простой деревянный гроб был заранее приготовлен.

— Заройте его подальше от корабля, — сказал Козловский

— Может быть, на кладбище?.. — нерешительно сказал Куприянов.

— Может быть, поставить еще и памятник? — жестким тоном ответил секретарь обкома. — Собаке — собачья смерть! Придется произвести дезинфекцию помещения, — по-каллистянски сказал он, обращаясь к Синьгу.

За пять месяцев Козловский сделал большие успехи в языке Каллисто.

Спокойно и радостно прошел день на корабле. Гнетущая тревога и волнение, четыре месяца не дававшие покоя каллистянам и людям, наконец, покинули их. Сразу были поставлены на место снятые части машины. Последствия диверсии были полностью ликвидированы.

Корабль был готов в любую минуту отправиться в обратный путь к далекому Рельосу.

Это каллистянское название начало уже проникать и в земную астрономию. Все чаще и чаще в статьях, книгах и выступлениях астрономов, очень популярных теперь, древнее название «Сириус» заменялось словом — «Рельос». Блестящая звезда имела большее право на это название, данное ей теми, кто, как люди от Солнца, получили от нее жизнь.

— Ваше Солнце называется у нас «Мьеньи», — сказал Вьеньянь Штерну. — Когда мы вернемся на Каллисто, наши астрономы будут называть вашу звезду ее настоящим именем.

И, почти закрыв узкую щель своих необычайно длинных глаз, задумчиво повторил:

— Сьольньце!

ПО ЗЕМЛЕ

Судьба корабля перестала волновать каллистян. На следующий день все, кроме трех человек, улетели обратно в Москву.

Мьеньонь решил остаться, чтобы опробовать работу всех двигателей, а некоторые из них перебрать и удалить образовавшийся нагар. Он предложил профессору Смирнову составить ему компанию, и тот, конечно, с радостью согласился на это. Двигатели звездолета чрезвычайно интересовали его, а то, что Мьеньонь собирался пускать их в ход, только усиливало этот интерес. Упустить такой счастливый случай Александр Александрович никак не мог

— Но как вы будете разговаривать друг с другом? — спросил его Широков.

— Анатолий Владимирович согласился остаться с нами, — ответил Смирнов. Лежнев действительно вызвался остаться на корабле. Причину нетрудно было понять. Он знал, что каллистяне отправятся в путешествия и что их должны будут сопровождать переводчики. Перспектива длительных переездов и связанной с ними беспокойной жизни не привлекала толстяка, привыкшего к кабинетной работе. Он с радостью ухватился за предоставившуюся ему возможность находиться на одном месте. На звездолете был привычный ему комфорт и полная возможность в свободное время продолжать работу по изучению источников тибетского языка, которой он занимался до прилета каллистян. Он был очень доволен таким поворотом событий.

— Соединять приятное с полезным, — что может быть лучше? — говорил он

— Жену не забудьте выписать, — пошутил Степаненко.

Профессор Смирнов предложил, чтобы за все время их пребывания на корабле он и Лежнев питались только каллистянскими продуктами.

— Это будет проверкой, насколько их пища пригодна для земного человека, — сказал он. — Петр Аркадьевич и Георгий Николаевич будут спокойнее после этой репетиции.

Лежнев согласился с его предложением.

— Если мы заболеем, — сказал он, — это не страшно. Хуже будет, если заболеют в пути Широков и Синяев.

Предложение Смирнова было принято. По мнению крупнейших специалистов по вопросам питания, продукты каллистян не могли причинить вреда людям. К ним нужно было только привыкнуть. По все же предварительная проверка, предложенная Смирновым, была не лишней.

Имелась, конечно, полная возможность снабдить улетающих на Каллисто земных ученых запасом пищи на все двадцать пять лет, но они сами решительно отказались от этого.

— На Каллисто, — говорит Широков, — это свяжет нас. Мы пробудем там три года. За это время мы должны осмотреть всю планету. Таскать с собой запасы пищи более чем неудобно. Лучше всего, если мы будем жить одной жизнью с населением.

— Посмотрите на каллистян, — добавлял Синяев. — Они не путешествуют по всей Земле, а сколько хлопот доставляет им вопрос питания!

Синьг поддерживал желание молодых ученых.

— Если бы мы, — говорил он, — намеривались провести на Земле большой срок, то обязательно перешли бы на ваши продукты.

Перед отъездом Козловский поговорил с Мьеньоном.

— Не допускайте на корабль ни одного человека, — сказал он, — если с ним не будет профессора Куприянова или меня. Если кто-нибудь явится, передайте его дежурному офицеру. Не забывайте случая с «Ю Син-чжоу».

— О нет! — ответил Мьеньонь — Не забудем.

Было решено, что звездоплаватели пробудут на Земле до мая. За это время они могли ознакомиться с жизнью Советского Союза и других стран.

Москва им была уже хорошо знакома. Два с половиной месяца они прожили в ней и осмотрели все, что могло вызвать их интерес. Театры, музеи, картинные галереи, научные институты и учебные заведения — все было ими осмотрено.

Но, пожалуй, больше всего гостей заинтересовал московский зоологический парк. Они посещали его несколько дней подряд с огромным и вполне понятным интересом, рассматривая никогда не виданных животных.

Перед первым посещением Куприянов предложил сообщить дирекции парка о визите каллистян, чтобы в это время туда не допускали других посетителей.

— В парке всегда много детей, — сказал он. — Они не оставят вас в покое.

Широков перевел.

— Наши дети очень любопытны, — добавил он.

— Дети всегда любопытны, — ответил Синьг. — Это их естественное свойство. Не

лишайте удовольствия ваших детей. Пусть все будет, как всегда. Мы будем смотреть на животных, а дети — на нас.

Каллистяне по-прежнему ходили в своих серых комбинезонах, но надевали под них земное шерстяное белье. На ногах у них были белые «бурки», на головах — теплые меховые шапки. В этом комбинированном, каллистянско-земном костюме они были похожи на летчиков. Отправляясь в зоопарк, они надели под свои красные воротники пионерские галстуки, подаренные им во время посещения Московского Дворца пионеров.

Весть о приезде каллистян молниеносно распространилась по всему парку. Со всех сторон к ним устремились сотни ребят. В несколько минут гости оказались в плотной толпе и были вынуждены остановиться. Синьг обратился к детям с маленькой речью.

— Мы приехали сюда, — закончил он, — чтобы познакомиться с животными Земли. У нас, на Каллисто, таких нет. Покажите нам ваших зверей.

Едва Широков успел перевести эти слова, как все каллистяне оказались оторванными друг от друга и разведенными в разные стороны. Каждого окружало не менее сорока детей и большое количество взрослых, оказавшихся в данном случае не менее любопытными.

Куприянов, Широков, Лебедев и Ляо Сен, приехавшие с гостями, остались одни.

— Что же теперь делать? — сказал Широков. — Мы с товарищем Ляо Сеном не можем разорваться.

— Обойдутся и без вас, — смеясь ответил Лебедев.

День был ясный и солнечный. Большинство животных находилось в летних вольерах. Всюду виднелись кучки ребят, и среди них — высокие фигуры каллистян. Насколько можно было судить на расстоянии, между ними было полное взаимопонимание. Маленькие москвичи, по-видимому, прекрасно обходились без переводчиков и с жаром, перебивая друг друга, рассказывали гостям, что представляет собой то или иное животное. Каллистяне внимательно слушали своих гидов и, казалось, понимали. Их черные лица выражали полное удовлетворение.

За месяцы пребывания на Земле каллистяне научились кое-как понимать русский язык, но, за исключением Бьяининя, не могли говорить на нем.

Широков подошел к Вьеньяню, которого в это время не столько словами, сколько жестами, уговаривали прокатиться на тележке, запряженной осликом, и спросил, не нужны ли его услуги.

— О нет! — улыбаясь ответил астроном. — Мы хорошо понимаем друг друга.

К восторгу ребят, он несколько раз прокатился, держа на руках по пяти, шести детей. Те, кому не пришлось кататься с ним, остро завидовали счастливцам.

Примеру Вьеньяня последовали другие каллистяне. К месту, где происходило катанье, невозможно было протолкаться. Казалось, что здесь собрались все посетители зоопарка. Куприянов осведомился у кассирши, уплачено ли за катанье.

— Что вы! — удивилась та. — Это же каллистяне! Они наши гости.

Профессор засмеялся и уплатил, сколько требовалось.

Это был далеко не первый случай, когда звездоплаватели вели себя, с земной точки зрения, крайне «бесцеремонно». Несколько дней назад, во время осмотра ГУМа, один из них взял с прилавка понравившуюся ему вещь, спокойно положил ее в карман и направился дальше. Хотя денежная система на Земле была им уже знакома, они часто забывали о ней и вели себя «по-каллистянски», то есть не думая о том, что за все надо платить. Было интересно наблюдать, как продавец отнесся к этому «похищению» вполне спокойно и даже не подумал протестовать.

В зоопарке пробыли до позднего вечера. То же самое повторилось и в следующие дни.

Как уже говорилось, каллистяне не выезжали из Москвы до тех пор, пока не успокоились за судьбу своего корабля. Теперь они решили познакомиться с другими городами и попутешествовать по Земле. Так как время было весьма ограничено, гости разбились на две партии. Одну должны были сопровождать Козловский, Лебедев и Широков, другую — Куприянов, Степаненко и Ляо Сен.

Охрана звездоплавателей осуществлялась непрерывно, но они сами не замечали этого. Всюду за ними незримо следовали внимательные глаза.

Синяев, Штерн, Манаенко и профессор Аверин остались в Москве. Молодой астроном хотел провести время до старта со своей семьей, а его старшим товарищам было трудно сопровождать гостей в длительной поездке.

Двадцатого января с Ленинградского и Курского вокзалов каллистяне покинули столицу. Тысячи москвичей провожали их. На паровозах были лучшие машинисты, завоевавшие в соревновании право везти гостей.

Поезда отошли под звуки каллистянского гимна, впервые раздавшегося на Земле в день пятнадцатого августа. За время пребывания в лагере он был записан на пленку.

Штерн провожал группу, направляющуюся в Ленинград.

— Возвращайтесь скорее! — сказал он на прощанье. В последнюю минуту он обнял Диегона и сказал по-каллистянски: — Передайте привет Каллисто от меня лично.

— Мы же еще увидимся, — удивился каллистянин.

Неизвестно, понял ли старый астроном эти слова, или нет, но он ничего не ответил, а только молча провел пальцами по лбу Диегона.

Профессор Маттисен и профессор Линьелль простились с каллистянами за несколько дней до их отъезда. Оба уехали на родину, где их ждали неотложные дела. Прощание было очень сердечным.

— Мы обязательно вернемся проводить вас, — говорили они.

Кроме участников бывшей экспедиции, обе группы каллистян сопровождали кинооператоры и корреспонденты газет.

По плану каллистяне должны были вернуться в Москву 29 апреля, чтобы принять участие в праздновании Первого мая. Десятого они намечали старт в обратный путь. Но неожиданное событие нарушило этот план, и обе группы возвратились значительно раньше.

«СЕГОДНЯ, В ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА...»

Десятки городов, промышленных предприятий и крупных колхозов видели у себя гостей Земли. Они побывали во всех концах Европейской части СССР, внимательно всматриваясь в жизнь, труд и повседневный быт советских людей. Заводы, фабрики, дворцы культуры, театры, кино и детские учреждения — все вызывало в них неподдельный интерес. С помощью Широкова и Ляо Сена они часто вступали в длительные разговоры с рабочими на заводах, служащими в учреждениях, артистами в театрах и просто с первыми попавшимися прохожими на улицах. Их вопросы касались всех сторон жизни: работы, семейных отношений, планов на будущее. Всюду, куда бы они ни приезжали, им устраивали торжественную встречу. Вагоны, которые перецеплялись от одного поезда к другому, были полны подарков, поднесенных каллистянам. Хотя в каждом вагоне ехало не более двадцати человек, в них скоро стало трудно повернуться.

— Все это мы увезем с собой на Каллисто, — говорили каллистяне.

— Не только это, — смеялись их спутники. — Мы нагрузим ваш звездолет до отказа.

Каллистяне откровенно высказывали свое впечатление от всего виденного. Многие им не нравилось.

— Ваши большие города слишком пыльны, и в них мало зелени. Зачем вы строите заводы в черте города? Не лучше ли удалить их на значительное расстояние? — говорили они. — Мы понимаем, что это вызвано тем, что рабочие должны жить рядом с заводом, на котором они работают, но вам надо больше автоматизировать производство и дать людям возможность быстро и удобно перемещаться на большие расстояния.

— Детские учреждения у вас хорошо поставлены, — говорили они в другой раз, — но их надо строить за городом и лучше всего на морском берегу.

Их высказывания были справедливы, но непонимание ими условий жизни на Земле, вызванных недостаточным еще развитием техники, сказывалось на каждом шагу. Нельзя

сказать, что каллистяне были не способны понять этих условий. У них самих не так уж давно существовали даже худшие условия жизни, но укоренившиеся в них представления и навыки часто заставляли их смотреть на все глазами Каллисто. Техника их родины казалась им очень простой и легко применимой всюду.

— У вас существуют автомобили, дающие большую скорость, — сказал как-то Вьеньянь. — Почему вы не снабдите ими всех рабочих? Тогда они смогут работать на заводах, расположенных далеко за городом.

— Почему у вас нет в личном пользовании самолетов?

— Почему дети учатся десять лет? Для получения общего образования вполне достаточно трех — четырех.

— Почему по окончании школы дети не получают никакой специальности и должны снова учиться?

Трудно и сложно было отвечать на все эти вопросы. «Все это мы намерены создать в будущем», — был, в сущности, единственный, но недостаточный ответ. Разница между Землей, только вступившей на путь социализма, и Каллисто, давно живущей в условиях коммунизма, становилась все более и более очевидной.

— Вам надо скорей двигаться вперед, — говорили каллистяне. — Увидите, как расцветет Земля и как хорошо будет жить на ней.

— Мы сами это знаем, — отвечали им. — Но...

Чтобы разъяснить это «но», приходилось читать целые лекции.

— Прилетев на Землю, мы перенеслись в прошлое, — сказал Бьяининь.

Обидно было слышать такие слова, но они были справедливы.

В конце февраля обе группы каллистян съехались вместе. Это произошло в Крыму, в Артеке.

— Вот тут все напоминает наши детские городки. Так и нужно строить места для пребывания детей, — сказал Синьг.

В Артеке к путешественникам присоединились Мьеньонь, Смирнов и Лежнев, закончившие работы на корабле.

Александр Александрович рассказывал:

— Мощь их двигателей колоссальна. Один раз Мьеньонь пустил в ход четыре двигателя одновременно. В пяти километрах на железной дороге снежный ураган заставил остановиться скорый поезд. И самое замечательное — это то, что двигатели работают совершенно беззвучно.

— Волшебная техника! — вторил Лежнев.

В первых числах марта гости Земли вылетели в Париж.

Они посетили многие города Европы и Америки. Всюду их восторженно встречало население. Количество подарков росло неимоверно.

— Вы умеете встречать гостей, — говорил Диегонь. — Каллисто в долгу не останется.

Очевидная радость и искренность встречи, устроенной им во всех посещенных странах, личные беседы с государственными деятелями, работниками науки, промышленности и искусства, постепенно убедили каллистян, что за покушение в лагере ни одна из стран капиталистического мира не может нести ответственности. Диверсия, очевидно, была задумана и осуществлена отдельными лицами, потерявшими человеческое подобие. Мировое общественное мнение единодушно осуждало совершенное преступление.

— Мы рады этому, — говорили каллистяне.

Из Южной Америки трансатлантический воздушный лайнер перенес их в Египет. Каллистяне давно хотели увидеть эту страну, напоминавшую им далекую родину, и провели в ней больше недели, отдыхая в привычном жарком климате. Дальнейший путь лежал на родину Ляо Сена.

Второго апреля утром Куприянов вошел на террасу, где завтракали участники поездки, и протянул Широкову распечатанную телеграмму.

— Прочтите! — сказал он сдавленным голосом.

Широков быстро пробежал глазами краткий текст и побледнел.

— Прочтите всем, — сказал Куприянов.

Широков встал и в наступившей тишине прочел сначала по-каллистьянски, потом по-русски полученное известие.

В телеграмме академика Неверова значилось, что сегодня в шесть часов утра, на восемьдесят седьмом году жизни, скончался Семен Борисович Штерн.

Все бывшие на террасе встали.

Каллистьяне одновременно опустили на колени, медленно протянули руки вперед, ладонями вниз и, склонив головы, застыли в этой скорбной позе, чем-то напоминавшей выражение горя у восточных народов.

Несколько минут на террасе царило печальное молчание. Каллистьяне не шевелились. Они по-своему чтить память ученого, одним из первых встретившего их на Земле.

— Память о нем сохранится на Каллисто, — сказал Диегонь.

— Память о нем сохранится на Земле, — как эхо, отозвался Козловский.

О дальнейшем путешествии не было больше и речи. Каллистьяне хотели немедленно вернуться в Москву.

— Нам хочется еще раз увидеть нашего друга, — сказал Диегонь от имени всех своих товарищей.

Неожиданное печальное событие изменило намеченный маршрут. Вместо того, чтобы на пароходе ехать в Китай, все снова сели в самолет, который помчал их на север.

— Семен Борисович чувствовал свою скорую смерть, — сказал Степаненко.

— Вспомните, как он прощался с Диегоном на вокзале в Москве.

— Не чувствовал, а знал, — ответил Куприянов. — И я знал об этом. Незадолго до нашего отъезда у Штерна случился сильнейший приступ старой болезни. Он хорошо знал, что конец близок, но просил меня ничего не говорить об этом, чтобы не портить каллистьянам поездку.

За весь путь каллистьяне ничего не ели. Выяснилось, что это древний обычай Каллисто.

— От момента смерти до того часа, как тело будет предано огню, — сказал Синьг, — друзья и родственники покойного ничего не должны есть. Мы считаем себя его друзьями.

— У вас трупы сжигают? — спросил Широков.

— Да, так было всегда. На Каллисто нет другого способа.

В Москву прилетели утром пятого апреля. Никто не встречал каллистьян, кроме академика Неверова, Аверина и Синяева. В городе не знали о неожиданном возвращении гостей.

На следующий день состоялись похороны. На кладбище пришли тысячи людей. Каллистьяне несли гроб на плечах от ворот до могилы. В момент опускания гроба они снова опустили на колени и, вытянув руки ладонями вниз и склонив головы, простояли так, пока могила не была засыпана. После того, как были произнесены прощальные речи земных ученых, выступил Вьеньянь и сказал несколько слов по-каллистьянски.

— Вечная память в сердцах людей Каллисто ученому Земли, — перевел Ляо-Сен. — Первому астроному Земли, встретившему обитателей другой планеты, у нас будет поставлен памятник. Он не дожил до нашего отлета и не смог проводить нас, как хотел, но мы унесем с собой, к Рельосу, его образ.

Куприянов предложил было через несколько дней возобновить прерванную поездку, но каллистьяне отказались.

— Времени осталось не так много, — сказал Диегонь. — Единственное, что мы хотим теперь, — это скорее вылететь на Каллисто.

Но два дня спустя каллистьяне согласились улететь как было намечено раньше, то есть десятого мая.

— Они психически очень восприимчивы, — говорил Широкову Куприянов. — И, любя жизнь, тяжело переносят смерть. Ведь Семен Борисович был для них совсем чужим человеком.

— Они его полюбили, — отвечал Широков.

Козловский, присутствовавший при этом разговоре, пожал плечами.

— Дело не в любви и не в психической восприимчивости, — сказал он. — Дело в общественном укладе жизни. Исчезновение борьбы за существование, конкуренции между людьми и прочих «прелестей» приводит к тому, что принцип «Человек человеку — волк» естественно сменяется другим — «Человек человеку

— друг». А друзьям свойственно любить друг друга. Они любят каждого человека в отдельности и все человечество в целом.

Конец апреля прошел в почти непрерывных научных конференциях, на которых каллистянские ученые делали обширные доклады о науке и технике их родины. Казалось, что они хотят работой заглушить горе, причиненное им смертью Штерна. Никто даже не ожидал, что смерть эта так глубоко поразит их.

Уже не как чужие, а с теплым братским чувством смотрели каллистяне с высоты мавзолея на первомайский парад и демонстрацию трудящихся Москвы, которые, в свою очередь, радостно приветствовали представителей другого мира. Крепкие нити дружбы навеки связали человечество двух планет.

Весь мир знал уже о героическом подвиге, который готовились совершить два сына Земли. Проходящие по Красной площади демонстранты приветствовали их наравне с гостями.

Они стояли среди своих новых друзей и прощались с родным народом, родиной и Землей. Пройдет немного дней — и звездолет Каллисто унесет их в неведомую людям бездну межзвездного пространства, на далекую планету.

Они ни в чем не сомневались и ни о чем не жалели. И Широков и Синяев были уверены, что через двадцать пять лет вернутся на Землю, обогащенные новым опытом и новыми знаниями.

Спокойно и просто шли они навстречу тому, что ожидало их впереди.

Во имя торжества науки!

СТАРТ

Снова раскинулся вокруг берез полотняный лагерь. Успевшая просохнуть земля нежилась и зеленела под безоблачным небом. Словно проснувшийся от зимней спячки, умытый весенними дождями, космический корабль, готовый к полету, отбрасывал от полированных кессиндовых стенок ослепительные лучи высоко поднявшегося солнца. Освобожденный от деревянной ограды, звездолет играл солнечными бликами, словно в нетерпении, когда, наконец, позволят ему оторваться от Земли и стремительно умчаться на далекую родину. Будто за долгую зиму накопил он неисчислимые силы и готов выпустить их на свободу по приказу своих хозяев.

На земле и в воздухе, вокруг корабля, кипела работа. Серебристые вертолеты непрерывно, один за другим взлетали к его вершине, разгружались и снова опускались на землю. Подобно океанскому пароходу у причала, космический корабль принимал в свой огромный корпус все новые и новые грузы. Подъемные машины второй день работали без перерыва, опуская вниз все эти бесчисленные, добротнo отделанные ящики, металлические коробки и герметически запаянные стальные баллоны. По указаниям Мьеньоня, Ньяньинга и Диегоня, дары Земли размещались по многочисленным подсобным помещениям звездолета и тщательно укреплялись, чтобы неповрежденными проделать одиннадцатилетний путь.

Хрупкие приборы, стеклянные, фарфоровые и хрустальные изделия, модели машин,

чучела животных и птиц, нежные семена тропических растений, гербарии, коллекции насекомых, минералогические коллекции, предметы искусства, изделия всех стран и всех континентов; даже коллекция почтовых марок — все было упаковано с величайшей осторожностью, чтобы там, на Каллисто, быть размещенными на стендах и витринах «Музея Земли». Весь этот груз весил десятки тонн, но для могучих двигателей корабля это не играло никакой роли. Звездолет мог принять еще в десять раз больше.

Список оборудования будущего музея состоял из многих тысяч названий. Специальная комиссия с начала года работала над ним и над подбором экспонатов. Почти все страны Земли прислали свои подарки каллистянам.

Многочисленные уникальные предметы были дарами частных лиц, присланных со всех концов света. Профессор Лебедев подарил каллистянам свой личный великолепный гербарий, долгие годы составлявший предмет его гордости и неустанных забот. Почти все музеи выделили для каллистян часть своих сокровищ. Когда все это будет размещено на стендах, Каллисто получит прекрасно оборудованный музей, отражающий жизнь всей Земли в настоящем и прошлом. Широкову и Синяеву предстояла в пути огромная работа по составлению описаний каждого предмета на каллистянском языке.

— Ничего! Времени хватит! — говорили они.

— Земля щедра к нам, — сказал Диегонь — Но мы в долгу не останемся. Увидите, что привезут с собой Широков и Синяев.

— Мы в этом не сомневаемся, — ответил Неверов. — К прилету корабля мы построим специальное здание для «Музея Каллисто».

Больших трудов стоило и много изобретательности было проявлено, чтобы упаковать семена тропических растений так, чтобы они невредимыми добрались до Каллисто. Пробковый дуб, мирта, ливанский кедр, финиковая пальма и многие другие должны были вырасти на другой планете и окружить здание Музея Земли. На всякий случай для этих растений погрузили на звездолет тщательно отобранные удобрения. Каллистянские ботаники сумеют взрастить чуждые им растения, руководствуясь подробными инструкциями, которые Широкову было поручено перевести на каллистянский язык.

Петру Аркадьевичу вообще не угрожала опасность скучать во время одиннадцатилетнего полета. Около четырехсот книг, заключавших в себе лучшие произведения художественной, научной и технической литературы, ждало его перевода. Даже при помощи Синяева, который сам имел колоссальную программу астрономических наблюдений, было нелегко справиться с такой массой переводов.

Чуть не тонна бумаги была погружена на корабль для этой работы. Изготовили даже пишущие машинки с каллистянским шрифтом.

— Еще не было нечали! — шутил Широков. — Изволь теперь учиться профессии машинистки. Как я буду работать на машинке в условиях невесомости?

Но, к удивлению не только его, но и всех остальных, оказалось, что любая каюта на корабле, за исключением центрального поста и помещений двигателей, могла быть приведена в состояние «искусственной тяжести». Будучи шарообразной формы, они, по желанию, получали быстрое вращение, благодаря которому внутри их создавалось обычное напряжение силы тяготения, или, точнее было сказать, центробежного эффекта.

— Мы предполагали, — объяснил Диегонь, — что длительное невесомое состояние тягостно для человека, но оказалось, что оно нисколько не мешает. За время полета к Земле мы ни разу не пользовались искусственной тяжестью. Жить и работать в невесомом состоянии очень легко. Я уверен, что вы тоже не захотите «весить» в пути.

Широков с сомнением покачал головой. И он и Синяев плохо представляли себе ожидавшее их необычайное, никогда и никем из земных людей не испытанное чувство отсутствия привычного веса. Говоря по правде, они немного боялись его. Но в сравнении с тем, что ожидало их в пути и на чужой планете, это было такой мелочью, что о ней не стоило и говорить. Они готовы были перенести что угодно, только бы попасть на Каллисто.

Кроме книг, на корабль были погружены кинокартины вместе с проекционными

аппаратами.

Разумеется, не были забыты и съемочные кинокамеры с огромным запасом пленки и различные фотоаппараты с негативными материалами. Широков и Синяев в срочном порядке были обучены пользованию ими.

На Каллисто существовали и фотография и кино, но было решено, что оба «межпланетных туриста» будут пользоваться земными аппаратами, во-первых, более привычными, а во-вторых, тут играло роль чувство земного патриотизма.

Любовь к родине — естественное чувство каждого человека. Находясь в чужой стране, люди испытывают тоску по родине. Человек гордится своей страной и ревниво относится ко всему, что в чужой стране кажется ему более совершенным. Но никому никогда не приходилось испытывать чувство патриотизма по отношению ко всей Земле, которое выпало на долю Широкова и Синяева. На Каллисто это чувство должно было еще в большей степени овладеть ими. Неудивительно поэтому, что они часто отказывались от каллистанских вещей, даже более высокого качества, предпочитая им свои, земные вещи. Они взяли с собой огромное количество одежды, белья и обуви, которое должно было хватить им на все двадцать пять лет. Предоставленные им на звездолете каюты были наполнены самыми разнообразными предметами — от бритвенных приборов до личной библиотеки и шахматных досок. Все это должно было служить незримой связью между ними и покинутой Землей.

К слову сказать, шахматная игра, это прекрасное изобретение человеческого ума, была, конечно, неизвестна каллистанам Широков — большой любитель шахмат — в дни поездок по Земле научил играть Диегоня и Вьеньяня, которые очень заинтересовались этой игрой. Было несомненно, что шахматы получат на Каллисто большое распространение.

Каллистаны предоставили своим гостям отдельные каюты. Двери выходили на лестницу, ведущую в нижний круглый коридор, вокруг которого помещались каюты экипажа. Верхний коридор служил для прохода в лаборатории и астрономические наблюдательные пункты. Часть корабля вокруг атомного «котла» не имела жилых помещений.

К вечеру девятого мая погрузка была полностью закончена. Корабль и его экипаж были готовы к старту, который должен был состояться на следующий день ровно в двенадцать часов.

Эту последнюю ночь на Земле даже каллистаны провели в лагере. Не только Широков и Синяев, но и гости из другого мира не могли без грусти думать о разлуке с Землей, к которой успели привыкнуть за десять месяцев. Что касается обоих ученых, готовящихся покинуть родную планету, то они даже не волновались. Состояние, в котором они находились, лучше всего характеризовалось словом «болезнь». Они были тяжело больны, и их вид соответствовал этому понятию.

В эту ночь в лагере никто не заснул ни на одну минуту.

Синяев находился в палатке со своей семьей, приехавшей проводить его. Жалел ли он о принятом решении, раскаивался ли в том, что покидает родных и, может быть, больше не увидит их? Этого никто не знал. Но когда утром он вышел из палатки, его лицо было спокойнее, чем вечером.

Широков всю ночь провел с Куприяновым и Лебедевым. Оба профессора, стараясь отвлечь его от беспокойных мыслей, еще и еще раз говорили о том, что и как он должен изучить на Каллисто, хотя обо всем этом было уже переговорено.

Куприянов с трудом сохранял спокойствие. Он очень любил Широкова, и ему тяжело было смотреть на него и сознавать, что он видит своего ученика в последний раз. Дожить до возвращения звездолета он не рассчитывал. Но он ни разу не повторил той фразы, которая нечаянно вырвалась у него при первом разговоре с Широковым об его намерении лететь на Каллисто, — «Мы с вами никогда больше не увидимся, Петя...» Он видел и знал, что Широков не забыл этой фразы и память о ней будет мучить его долгие годы.

Другие участники экспедиции не расставались с каллистанами. Они тоже не спали, за

исключением Диегона, который, по настоятельному требованию Синьга, отдохнул несколько часов. Ему необходимо было иметь свежую голову, когда он утром сядет за пульт и поведет космический корабль в далекий путь.

Как только солнце поднялось над горизонтом, в лагере снова закипела работа. Свертывались палатки, грузились на автомашины, поле постепенно пустело. Потом стали уезжать люди.

Проводить каллистян собралось более тридцати тысяч человек. Аэродром и далеко за ним все поле было заполнено самолетами, автобусами и автомобилями. Делегации со всех концов СССР и несколько тысяч иностранцев ждали за насыпью железной дороги момента старта. Было запрещено приближаться к звездолету ближе чем на пять километров. Этот огромный круг был оцеплен солдатами полка Черепанова. Именно этому полку была предоставлена честь проводить гостей. Сам подполковник находился в лагере. На расстоянии пятисот метров корабль окружали стальные «доты», в узкие амбразуры которых смотрели объективы автоматических киноаппаратов.

К десяти часам утра в лагере остались только каллистяне и десять человек ученых во главе с академиком Неверовым, а еще через полчаса последние автомобили покинули поле.

Минуты прощания были тяжелы и для тех, кто покидал Землю, и для тех, кто оставался на ней.

Приехав на аэродром, Неверов, Куприянов и их спутники поднялись на сигнальную вышку. Отсюда хорошо был виден космический корабль, одиноко стоявший среди пустого поля. В сильный бинокль можно было заметить крохотные фигурки, и Куприянов пытался найти между ними Широкова, но это было невозможно.

— Прощай, Петя! — беззвучно шептали его губы.

Самолеты, летавшие над кораблем все утро, очистили небо, словно уступая дорогу в бездонную глубину.

И вдруг над звездолетом появились четырнадцать точек. Они быстро приближались к огромной толпе, встретившей их оглушительным громом приветствий.

Двенадцать каллистян, Широков и Синяев низко пролетели над всем полем, покачивая крыльями в знак последнего привета.

Куприянов еще раз близко увидел хорошо знакомое лицо, и ему показалось, что синие глаза пристально взглянули на него, и Широков кивнул головой ему одному.

Часы на здании аэровокзала показывали без двух минут двенадцать.

Людям, заполнившим поле, не был виден космический корабль. Его скрывала высокая насыпь. Он появится, когда поднимется над землей, чтобы начать долгий путь по дорогам вселенной.

Все знали, что старт будет беззвучным. Ни взрывов, ни грохота не будет слышно. Глушители, установленные на каждом двигателе, не пропускали звуков.

Двенадцать часов...

Далеко, почти на горизонте, поднялась над землей темно-бурая туча. Где-то, в самой ее середине, на секунду блеснула яркая точка. Порыв ветра пронесся над полем.

Там, на месте, где был лагерь, бушевал сокрушающий вихрь, во много раз превышающий силу самого страшного урагана. Многотонной тяжестью обрушивался потрясенный воздух на землю, вздымая ее вверх клубящимися массами. Сломанные у самого корня одинокие березы катились по земле, ломая ветви. Многие из тщательно укрепленных стальных кинокамер, вырванные из земли, были далеко отброшены силой ветра. Исполинский шар медленно и плавно отделился от земли и повис в воздухе. Только киноаппараты, заряженные пленкой, чувствительной к инфракрасным лучам «видели» сквозь бурую тучу, как он, словно в нерешительности, остановился на секунду. Еще сильнее, еще яростнее заметалась под ним черная стена земли. Разъяренный воздух раскидывал ее во

все стороны, вырывая на месте, где стоял корабль, глубокую яму...

Тихо было на поле.

Огромная толпа затаив дыхание не спускала глаз с темной тучи, которая все больше и больше расширялась.

Но вот, словно вынырнув из пучины моря, над ней показался и засверкал на солнце космический корабль. Заметно для глаз, все быстрее и быстрее, поднимался он в сияющую бездну, пока не превратился в еле видную серебристую точку.

Исчез...

И долго в торжественном молчании стояли люди, всматриваясь в голубую бесконечность, за которой скрылся звездолет Каллисто, унесший двух человек Земли, отважившихся покинуть ее.

Вернутся ли они? Или, скрывшись в неведомой людям дали, они никогда не ступят на родную Землю, взрастившую их, наделившую их пытливым умом, пылким и мужественным сердцем?

Часть третья ЗЕМЛЯ-КАЛЛИСТО

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*

М. Ломоносов

ГЛАВА 1

В ПУСТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

За долгие тысячелетия разум человека привык к факту существования Солнца. Представить себе мир, не имеющий Солнца, очень долгое время казалось невозможным. Ночь не давала такого представления, так как человек знал, что Солнце все-таки существует, хотя временно и невидимо.

Потом человек узнал, что есть в мире места, где Солнце не светит, но он представлял их себе чисто отвлеченно. На Земле таких мест не было, а удалиться от нее человек не умел. Мир без Солнца был миром теоретическим, доступным только разуму, а не чувствам человека Земли.

И вот Солнце исчезло! Оно стало во всем подобно другим звездам, окружившим звездолет Каллисто со всех сторон. Его даже трудно было найти на небе, усеянном бесчисленным количеством таких же блестящих точек, как и оно.

Так слабо светило лучезарное Солнце Земли, что на него можно было смотреть через оптические приборы корабля совершенно так же, как и на любую другую звезду.

Это было так странно, так противоречило вековому опыту человека, что Георгий Николаевич Синяев, привыкший как астроном к мысли, что Солнце обыкновенная звезда, с трудом мог убедить себя в том, что слабая звездочка, которую он видит в окуляре, действительно то самое Солнце, возле которого, где-то совсем близко, находится его родная планета, неразличимая на таком расстоянии.

Вид неба поразительно изменился. Ни одного из знакомых с детства созвездий не было видно. Все звезды изменили свое положение, «перепутались», и он с изумлением убеждался,

что не может найти ни одной из них. Вернее, не мог найти в первое время. Теперь, когда прошло семь месяцев полета, с помощью Вьеньяня Синяев научился находить так хорошо ему знакомые прежде звезды в их новом расположении относительно друг друга.

Но, как это ни странно, Солнце «терялось» для него чаще других звезд. Труднее всего найти на небе было именно его.

Это непонятное обстоятельство долгое время оставалось загадкой для Синяева, но, когда в одной из бесед Вьеньянь рассказал ему, что после отлета с Каллисто испытывал то же самое затруднение относительно Рельоса, молодой астроном понял причину. При отыскании любой звезды он мог немного ориентироваться по расположению Млечного Пути, который с борта корабля имел точно такой же вид, как и с Земли, а видеть Солнце относительно этого Млечного Пути ему никогда прежде не приходилось. Оно всегда казалось обособленным от других звезд, не имеющим с ними никакой связи. Смотреть на Солнце как на звезду надо было привыкнуть.

Но если находить Солнце и звезды было трудно, то изучать их с помощью многочисленных и совершенных приборов астрономической обсерватории звездолета было наслаждением. Абсолютная пустота за бортом создавала идеальные условия, о которых астрономы Земли могли только мечтать.

Синяев работал с увлечением, до минимума сократив часы отдыха.

Он делал это не только из научной любознательности. Работа помогала бороться с мыслями о Земле, об оставленных на ней близких людях. Он понимал, как мало шансов застать по возвращении отца и мать живыми, и хотя ни минуты не раскаивался в своем решении лететь на Каллисто, думать о родных было тяжело и трудно.

То же самое происходило и с Широковым. Он был одинок, у него не осталось на Земле любимой семьи, но разлуку с родной планетой он переживал, пожалуй, еще тяжелее. Единственное, чем он мог заняться, были переводы на каллистянский язык взятых с собой книг, а здесь все — каждая строчка, каждое слово — напоминало покинутую Землю, все говорило только о ней.

Петр Аркадьевич, подобно своему другу, работал «с утра до ночи».

Каллистяне с неизменным радушием и заботливостью относились к своим гостям, всеми силами стараясь помочь им справиться с тоской, понимая, как тяжел именно первый год разлуки с родиной. Они сами пережили точно такое же состояние, когда корабль удалялся от Каллисто, двадцать два земных года тому назад.

Звездолет находился в пути уже восьмой месяц по земному счету. Почти два триллиона километров отделяло его от Солнца и Земли. Медленно и постепенно увеличивая скорость, он летел сейчас с непостижимой для ума быстротой, каждую секунду оставляя позади свыше ста девяноста тысяч километров.

Беззвучно и непрерывно работали могучие двигатели корабля, прибавляя к его скорости девятьсот шестьдесят четыре километра каждые сутки. (То есть каждые двадцать четыре часа. Суток, в обычном понимании этого слова, на корабле, конечно, не было.) Ускорение, а следовательно, и сила тяжести, равнялось десяти метрам в секунду, и экипаж чувствовал себя так же, как на Земле или Каллисто. Еще четыре месяца двигатели будут работать, а затем звездолет как небесное тело будет двигаться по инерции. Только на расстоянии трех триллионов четырехсот тридцати двух миллиардов километров от Рельоса двигатели снова заработают, чтобы так же постепенно замедлить скорость.

Широков и Синяев уже настолько хорошо овладели каллистянским языком, что могли говорить со своими хозяевами на любую тему. Наконец-то они смогли задать вопрос, так сильно интересовавший ученых и инженеров Земли: что давало силу двигателям корабля, что служило для них «горючим»?

Ответ не был неожиданным.

Ученые Земли пока еще в принципе, но уже представляли себе конструкцию мезонной ракеты и те возможности, которые она открывает для астронавтики. Было только неясно, как получать струи античастиц, где хранить антивещество, чтобы не происходило аннигиляции.

Каллистяне все это знали. Но их мезонная техника настолько опередила представления о ней людей, что не было ничего удивительного в том, что Смирнов и Манаенко, занимаясь на Земле изучением двигателей звездолета, так и не поняли, что перед ними не атомный, а мезонный двигатель. К тому же каллистяне из вполне понятных опасений не допускали земных ученых туда, где хранилось антивещество. Звездолет каллистян был мезонным и атомным одновременно. Для полета на малой скорости вблизи Земли и в ее атмосфере каллистяне пользовались атомной энергией, а в межзвездном пространстве переключали двигатели на мезонную. Но отражающего рефлектора на корабле не было. От чего отражалось мощное излучение, создаваемое аннигиляцией, для Широкова и Синяева так и осталось неясным. Это была техника, еще не доступная пониманию землянина.

За семь месяцев они привыкли к кораблю и чувствовали себя на нем как дома. Люди Земли жили одной жизнью (вернее, старались жить) со своими хозяевами.

Это было нетрудно. Каллистяне обладали поразительной чуткостью и, казалось, понимали самые тонкие оттенки мыслей и настроений своих земных друзей. Ни разу не было случая, чтобы кто-нибудь из каллистян навязывал свое общество, когда по той или иной причине люди хотели остаться одни. Каллистяне безошибочно угадывали такие мгновения, точно обладали способностью читать мысли.

Первое время, да, пожалуй, и все десять месяцев пребывания звездолета на Земле, люди с трудом отличали одного каллистянина от другого. Они все казались «на одно лицо». Теперь Широков и Синяев отличали их так же легко, как своих земных друзей и знакомых. Им было странно вспомнить, что они могли раньше не замечать столь очевидной разницы. Так же, как люди, каллистяне были не похожи друг на друга. И не только чертами лица. Невозмутимый и даже флегматичный Мьеньонь резко отличался от впечатлительного Синьга, вдумчивый, редко улыбающийся Диегонь — от жизнерадостного, любящего шутку и острое слово Ленъиньга. Между Бьяининем и Вьеньянем не было, казалось, ничего общего — настолько различны были их характеры и даже манера разговаривать. Общим для них всех было только одно — то, что побудило их принять участие в космическом рейсе, — любовь к знанию.

Широков и его друг временами забывали, что они сами не каллистяне, настолько тесно сблизилась представители двух планет. И те и другие думали и говорили об одном и том же — о времени, когда звездолет домчит их до Каллисто. И те и другие по разным причинам, но одинаково нетерпеливо ожидали этого дня.

Широков почти все время проводил в своей каюте, занимаясь переводами. Ему усердно помогал Бьяининь, не прекративший изучать русский язык и сделавший в нем значительные успехи. Правда, говорил он, сильно искажая произношение слов, с несвойственной русскому языку мягкостью звука, но мог читать и понимать почти все. В перерывах астрономических наблюдений к ним присоединялся Синяев. Втроем они вели нескончаемые беседы, очень редко касавшиеся Земли и всегда переходящие на Каллисто. Широкову и Синяеву было тяжело говорить о Земле, и они старались не затрагивать этой темы. Бьяининь также никогда не начинал разговора о планете, оставшейся позади, и если все-таки разговор переходил на Землю, то это всегда случалось по вине Широкова.

Так и сегодня Широков, закончив очередной лист перевода и отложив его в сторону, поднял голову и обратился к Синяеву, усердно переводившему описание какого-то экспоната для каллистянского Музея Земли.

— Я работаю над переводом романа Льва Толстого, — сказал он. — С каким изумительным искусством он умеет в нескольких словах дать яркую картину нашей природы! Но переводить эти описания невероятно трудно. Возьмите, например, такой отрывок. Как перевести его на каллистянский язык так, чтобы читатели на Каллисто почувствовали пейзаж, как чувствуем его мы? «В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Береза, вся обсеянная зелеными клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала зеленая, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березняку мелкие ели своей грубой вечной зеленью неприятно

напоминали о зиме». Как тут быть, если они не знают, что такое береза, ель и зима?

— Да! — только и нашел, что ответить Синяев. — Как же вы выходите из этого затруднения?

— На Земле, — сказал Широков, — мы упустили из виду, что очень многие слова непередаваемы на каллистянский язык. Выход один. Я сделаю сейчас черновой перевод, с тем чтобы отредактировать его на Каллисто, когда буду лучше знать каллистянский язык, а Бьяининь овладеет русским. Тогда мы сможем составить русско-каллистянский словарь.

— Впоследствии, — заметил Синяев, — можно будет сконструировать электронную машину-переводчик. Все равно полного совпадения текстов не удастся добиться. Вы знаете, — прибавил он, меняя тему, — что Диегонь заболел?

— Знаю, но он скоро будет здоров.

— Что с ним?

Широков пожал плечами.

— Каллистяне все болезни сводят к расстройствам центральной нервной системы. И это, конечно, правильно. Но их диагнозы становятся несколько однообразными.

— Какие средства лечения применяет Синьг?

— Отдых, — ответил Широков. — Искусственный сон. У нас на Земле также применяют это средство, но не так часто, как каллистяне. У них оно универсально.

— Значит, Диегонь спит?

— Да, уже два дня.

— Я хотел вам сказать, что сам чувствую себя не совсем хорошо.

— Трудно двигаться? — быстро спросил Широков.

— Да, слабость какая-то. А как вы угадали?

— У меня самого такое чувство, что я ослабел. Как будто все стало тяжелее, чем раньше.

— И собственное тело кажется тяжелым? Может быть, они увеличили ускорение.

— Не думаю. Надо поговорить с Синьгом.

Синяев взял со стола книгу и взвесил ее на руке.

— Она стала явно тяжелее, — сказал он.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Широков по-каллистянски.

В каюту вошел Ньяньиньг.

— Я не помешаю? — спросил он с обычной вежливостью.

— Нисколько, — ответил Широков. — Садитесь и примите участие в нашей беседе.

Каллистянин придвинул кресло и сел.

— Мы только что говорили, — сказал Синяев, — что все предметы на корабле стали как будто тяжелее.

— Это так и есть, — ответил инженер.

— Увеличилось ускорение?

— Нет, оно прежнее. Но мы летим уже со скоростью свыше ста девяноста тысяч километров в секунду, и, следовательно... (Читателю надо всегда помнить, что меры веса, расстояний и времени и т. п. на Каллисто совсем иные, чем у нас. Автор «переводит» все фразы каллистян, относящиеся к измерениям, во избежание путаницы.)

— Ах да! — воскликнул Синяев. — Я совсем упустил из виду скорость.

Широков вопросительно посмотрел на него.

— На звездолете сказываются законы относительности, в частности увеличение массы при скоростях, соизмеримых со скоростью света.

— Совершенно верно, — подтвердил Ньяньиньг. — Как сам корабль, так и все, что на нем находится, стало сейчас приблизительно в один и тридцать пять сотых раза тяжелее, чем было при старте. Когда мы достигнем скорости в вести семьдесят тысяч километров, масса увеличится ровно в два с половиной раза, а при конечной скорости корабля, которая, как вам известно, составляет двести семьдесят восемь тысяч, она увеличится в два и семьдесят семь

сотых раза. (Увеличение массы от скорости тела является следствием из общей теории относительности и подтверждено опытом. Зависимость массы от скорости выражается формулой:

$M = M_0 / \sqrt{1 - v^2/c^2}$, которая дает заметный результат только при скоростях, соизмеримых со скоростью света. Когда скорость тела (V) равна скорости света (c), масса (M) становится бесконечной.)

— Такой вес, — сказал Широков, — может вредно сказаться на здоровье экипажа.

— Нашей наукой установлено, — ответил Ньяньинг, — что постепенное увеличение веса до двух с половиной раз безвредно для человека. Диегонь доводит скорость до двухсот семидесяти восьми тысяч и, как я сказал, вес — до двух и семидесяти семи. Это уже не безвредно, но мы принимаем меры.

— Какие? — спросил Широков.

— Когда корабль достигнет скорости в двести семьдесят тысяч километров в секунду, его экипаж будет продолжать путь лежа, до момента наступления невесомости.

— Когда это произойдет?

— Через семь тысяч пятьсот ваших часов после старта с Земли.

Синяев быстро произвел подсчет на листке бумаги.

— По нашему счету, — сказал он, — это будет пятнадцатого марта.

— Почти ровно через три месяца, — сказал Широков. — Сколько же времени придется лежать?

— Двести семьдесят два часа. Но вам не будет скучно. Все это время вы будете спать.

— Я понимаю, — сказал Синяев, — звездолет летит в пустом пространстве и не нуждается в управлении. Но все же это рискованно.

— Я не точно выразился. Мьеньонь и я будем спать по очереди, на всякий случай.

— Вероятно, именно из-за увеличения массы вы остановились на скорости в двести семьдесят восемь? — спросил Широков.

— Отчасти поэтому, но были и другие причины, связанные с двигателями. Очень заманчиво лететь с ускорением половину пути, а вторую половину с замедлением, но пока это недоступно нашей технике.

— Но в этом случае корабль должен превысить скорость света, — недоуменно сказал Широков, который очень смутно знал выводы теории относительности.

— Существует мнение, что скорость света не является пределом, — ответил Ньяньинг, — и ее можно превысить. Но на практике это не проверено. Пока считается, что при непрерывном ускорении корабль будет все время приближаться к скорости света, но никогда ее не достигнет.

— Парадоксы относительности, — заметил Синяев. — Мы сейчас проверяем на практике ее выводы.

Тревожная мысль мелькнула у Широкова. Он вспомнил, что для человека, движущегося со скоростью, близкой к скорости света, время должно идти медленнее, чем для находящегося на Земле. Пока они будут лететь на Каллисто и обратно, время Земли далеко обгонит время корабля.

— Ну и как, — спросил он, — сходится теория с практикой?

— Пока во всем.

— Значит, вернувшись на Землю, мы не застанем никого из тех, кого оставили? Перенесемся в будущее? Очень неприятно.

— Не понимаю вас, — сказал Ньяньинг. — Вы же знали, что расстаетесь с Землей на двадцать пять лет. Что же вас сейчас встревожило?

— Я упустил из виду, что на Земле пройдет больше, чем двадцать пять.

— Это почему? — удивился Синяев.

— Когда мы вернемся на Землю, по земным часам?

— Через двадцать пять лет. Вы же это знаете.

— По-видимому, — сказал Синяев, — Петр Аркадьевич запутался в парадоксе

времени. Это неудивительно, он не математик. Время полета вычислено для земного времени, но не для времени на корабле, как вы думаете. Мы будем лететь на Каллисто одиннадцать лет по часам Земли, но гораздо меньше по часам корабля. Для нас полет будет продолжаться немного больше трех лет. Вы вернетесь постаревшим лет на десять, а все ваши родные и знакомые постареют на двадцать пять. Это своеобразная премия за скуку полета.

— Действительно, — сказал Широков, — я не математик и плохо уясняю себе подобные парадоксы. Но я очень рад, что мои опасения ложны.

Синяев и Ньяньинг засмеялись.

В последующие дни они внимательно следили за тем, как медленно, но непрерывно увеличивалась на корабле тяжесть всех предметов. Белый шар летел все быстрее и быстрее, приближаясь к моменту, когда двигатели остановятся и он полетит по инерции.

Тогда исчезнет всякая тяжесть и наступит странная, фантастическая жизнь без веса. Она будет продолжаться девять лет по часам Земли, но только три — по часам корабля. И все это время звездолет будет мчаться с одной и той же скоростью к далекой Каллисто, через мрак и холод Вселенной, из мира безмолвия к миру света, движения и жизни.

БЕЗ ВЕСА

Незаметно приблизился день пятнадцатое марта, когда экипаж звездолета должен был погрузиться в сон, чтобы без вреда для себя перенести сравнительно короткий период чрезмерного увеличения тяжести. Широков уже с трудом мог поднять свою пишущую машинку. Кресла в его каюте стали так тяжелы, что приходилось напрягать все силы, чтобы сдвинуть их с места. Ходить, а в особенности подниматься по лестницам, было утомительно. У Петра Аркадьевича было такое ощущение, будто он постарел по крайней мере лет на сорок.

По совету Синьга, он работал теперь полулежа на мягком диване, стараясь двигаться как можно меньше.

— Даже думать стало как будто тяжелее, — заметил Синяев.

Они говорили медленно и невнятно, с трудом двигая губами и языком. Синяев был бледен.

— Я себя плохо чувствую, — ответил он на вопрос Широкова.

Они замолчали, устав от этого короткого разговора, и долго неподвижно лежали: Широков — на том, что отдаленно напоминало диван, Синяев — в кресле. Слышалось только напряженное дыхание. Каждый вздох требовал усилий, словно что-то тяжелое лежало на груди и мешало дышать.

— Я долго не выдержу, — сказал Синяев.

— Сегодня, — ответил Широков.

Он вынул часы. Это был прекрасный хронометр, подаренный ему профессором Лебедевым накануне старта. «Возьмите их, — сказал Семен Павлович. — Эти часы будут верно служить вам все двадцать пять лет».

— Они стоят, — сказал Широков. — Пружина не в силах двигать механизм, все части которого стали в два с половиной раза тяжелее.

Без стука в каюту вошел Синьг. Каллистьянский врач двигался с очевидным усилием. За ним вошел Мьеньонь. Будучи моложе своего товарища, инженер шел легче и без видимого усилия нес небольшой плоский предмет, похожий на футляр гетовальни.

— Мы пришли пожелать вам спокойной ночи, — улыбаясь, сказал он.

— Кроме вас и нас двух, — прибавил Синьг, — весь экипаж звездолета уже спит. Теперь ваша очередь.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул Синяев. — Начните с меня.

— Вы ляжете у себя?

— Да, конечно, — ответил астроном.

Он вышел с обоими каллистянами.

— Разденьтесь и лягте, — сказал Синьг, на мгновение задержавшись у двери.

— Хорошо, — ответил Широков.

Оставшись один, он подошел к стене и нажал кнопку. Беззвучно отделившись от стены, как бы выйдя из нее, появилась широкая мягкая постель.

Ожидать пришлось недолго. Минут через семь оба каллистянина вернулись.

— Ну как? — спросил Широков.

— Гьеорьгий уже спит, — ответил Синьг.

Мьеньонь открыл футляр. В нем находилось несколько прозрачных кубиков, наполненных бесцветной жидкостью, и банка прямоугольной формы.

Широков знал, что это такое.

— Сначала питание, — попросил он, — потом сон.

— Как хотите, — ответил Синьг.

Он положил четыре кубика у сгиба локтей обеих рук Широкова. Через минуту кубики были пусты. Питательный раствор безболезненно впитался сквозь стенки кубиков и кожу внутрь тела.

— Меня разбудят или я проснусь сам? — спросил Широков.

— Проснетесь сами, — ответил Синьг. — Доза рассчитана на двести двадцать пять часов сна.

— Так точно?!

Широков повернулся набок. Синьг заботливо подложил ему под спину подушку.

— Вам удобно?

— Очень хорошо. Давайте!

Синьг поднес к его рту гибкую трубку, соединенную с банкой. На конце трубки находился, раструб, плотно закрывший губы.

— Вдохните все сразу, — сказал Синьг. — Одним глубоким вдохом.

Широков с силой вдохнул. На секунду ему показалось, что фигуры каллистян закачались и как-то странно расплылись. Потом все исчезло, и он погрузился в глубокий сон без сновидений.

Он не почувствовал, как Синьг ласково провел рукой по его лбу и волосам.

— Не забудьте, — сказал он Мьеньоню, — время от времени заходить к ним и передайте об этом Ньяньиньгу. Если заметите малейшую перемену, немедленно разбудите меня.

— Ну конечно! — ответил инженер. — Мы хорошо знаем, что эти два человека для нас бесценны.

Синьг задумчиво смотрел на спящего Широкова.

— Странно, — сказал он. — Когда мы находились на их планете, я как-то привык к цвету их кожи, а сейчас она кажется мне снова необычайной. Посмотрите, как причудливо и как нежно коричневатый цвет лица переходит в розовый цвет шеи и плеч. А кисти рук совсем белые. Действительно, фантазия природы неисчерпаема. А их глаза! Какая странная форма. У Гьеорьгия они серо-зеленые, а у Пьети — чисто-голубые. Если бы мы вернулись одни, нам могли не поверить, что могут существовать такие удивительные люди.

* * *

Белый шар мчался сквозь черную пустоту.

Беззвучно работали двигатели, отбрасывая назад невидимый глазом свет. Постепенно увеличивающаяся сила реакции все с большей и большей мощностью толкала вперед огромный корабль, становившийся все тяжелее и тяжелее.

Экипаж спал.

Мьеньонь, лежа в своей каюте, внимательно следил за показаниями приборов,

расположенных перед ним на стене. В той же каюте спал Ньяньинг. Через определенное время он проснется и сменит Мьеньоня. Только они двое будут бодрствовать все эти полторы недели, охраняя корабль от непредвиденных случайностей.

Звездолет мчался вперед.

Каждую минуту оставались позади сотни тысяч километров.

Впереди были Рельос, Каллисто, Родина!

Мысль о них согревала Мьеньоня теплым чувством любви.

Глубокая тишина царила на корабле.

Широков не сразу пришел в себя. Пробуждение было медленным и постепенным: бессознательность сменилась сновидениями. Он видел себя дома. Рядом был Куприянов и бинтовал ему ногу. Бинт ложился плотно, так что нога немела. «Послабее», — попросил Широков. «Нельзя, — ответил профессор. — Вам надо лететь на Каллисто». — «Каллисто? — спросил Широков. — Я где-то слышал это слово». — «Вы будете лететь двадцать пять лет, — сказал Куприянов. — Повязка может ослабнуть». И он еще крепче зажал ногу. «Теперь я положу вас в воду», — сказал он, поднял Широкова и понес. Потом он исчез, а Широков оказался на воде и плыл лежа на спине. «Наверное, это и есть дорога на Каллисто», — подумал он. И проснулся.

Еще не открывая глаз, он сразу вспомнил все. Он знал, что лежит в своей каюте, на каллистянском звездолете, и что полторы недели, очевидно, уже прошли. Но ощущение плотного бинта на ноге почему-то не проходило, и казалось, что он действительно лежит на воде.

Еще не сознавая ясно причины, он открыл глаза и увидел прямо перед собой большой лист бумаги, на котором по-русски крупными буквами было написано:

«ОСТОРОЖНО! ПОМНИТЕ ОБ ОТСУТСТВИИ ВЕСА!»

Туманная дымка сна, заволакивавшая его мозг, быстро рассеивалась. Он понял смысл и значение этой предупреждающей надписи. Она была сделана, вероятно, Бьяининем.

Диегонь подробно объяснил, как надо вести себя в условиях невесомости, и Широков хорошо помнил его слова. Он осторожно пошевелил руками. Как ни медленно было это движение, ему показалось, что вся постель заколыхалась под ним.

Стараясь не шевелиться, он стал обдумывать, как подняться, одеться и выйти из каюты. Левая нога продолжала быть «забинтованной». Очевидно, просыпаясь, он неловко подогнул ее и нога затекла. Очень осторожно Широков выпрямил ногу. Он сразу ощутил прилив крови и понял, что она затекла недавно.

Он чувствовал себя здоровым и сильным.

Медленно повернув голову, Широков посмотрел вокруг.

Первое, что бросилось ему в глаза, было отсутствие привычного пола. Каюта стала совершенно круглой, как внутренняя полость мяча. Его постель, прикрепленная к стене, высоко висела над той частью, которая все еще воспринималась им как нижняя.

«Как же я встану, если встать не на что?» — подумал он.

Рядом с постелью висело в воздухе кресло, на котором лежало белье и одежда.

Широков долго смотрел на него. Он понимал, что ему некуда падать, но никак не мог заставить себя поверить в реальность этого зрелища.

Кроме этого кресла, вся обстановка каюты исчезла. Очевидно, каллистяне проснулись раньше и привели каюту в состояние, соответствующее новым условиям.

Широкову хотелось встать и одеться, но он продолжал лежать, боясь пошевелиться.

«Но ведь я не лежу, — говорил он сам себе. — Тяжести нет. Я вишу вдоль постели, не опираясь на нее, вишу в воздухе. Точно так же я могу висеть в любом другом месте».

Но он не мог заставить себя сделать нужное движение и покинуть свое ложе.

Чувство стыда при мысли, что кто-нибудь может войти и увидеть его страх, заставило

Широкова преодолеть малодушие.

Он осторожно приподнял одеяло и на мгновение выпустил его из рук. Одеяло не упало обратно, а осталось висеть над ним. Невольным движением Широков схватил его и тут же почувствовал, что сам поднялся над постелью. Проведя рукой за спиной, он убедился, что действительно висит, ни на что не опираясь.

Взявшись руками за края постели, он притянул свое тело обратно.

Минут пять он лежал, стараясь справиться с волнением, и только когда его сердце перестало отбивать пулеметную дробь, медленно выпрямился и сел.

Руки плохо его слушались. Они ничего не весили, а мозг еще не привык управлять невесомыми членами. Координация между мышечными усилиями и вызываемыми ими движениями была нарушена, и должно было пройти известное время, пока организм приспособится к новым, никогда раньше не испытанным условиям.

Стараясь точно рассчитывать свои движения, Широков протянул руку к креслу, чтобы взять лежавшее на нем белье. Но, по-видимому, он слишком сильно нажал на сиденье, потому что кресло вдруг покачнулось и плавно опустилось вниз (он все еще считал то, что находилось под его постелью, низом, а противоположную сторону — верхом, хотя эти понятия не имеют смысла в мире без тяжести).

— Ну вот! — вслух сказал Широков. — Что же теперь делать? Как поднять его обратно?

Он чувствовал себя совершенно беспомощным и «сидел» на краю постели, держась за нее, чтобы не упасть.

«Но я же не могу упасть, — убеждал он самого себя. — Тяжести нет!»

Он уже не боялся, что кто-нибудь может войти, а хотел этого. Пусть увидят, что он боится, но помогут ему. И он почувствовал глубокое облегчение, когда дверь открылась.

На пороге «стоял» Синьг.

На мгновение Широков испугался, что каллистиянин не заметит отсутствия пола и упадет, переступив порог.

— Проснулись? — спросил Синьг. — Как вы себя чувствуете?

Он отделился от двери и оказался висящим в воздухе. Это зрелище было еще поразительнее, чем вид висящего кресла. Синьг плыл к Широкову, как пушинка, гонимая слабым ветром.

— Чувствую себя хорошо, — ответил Широков. — Но никак не могу приспособиться.

— Мы это испытали, — сказал Синьг, — когда впервые потеряли вес.

Он «стоял» около постели так спокойно и просто, что Широкову показалось совсем не страшным покинуть свое убежище.

— Мы оставили вам кресло, — сказал Синьг, — думая, что оно поможет вам, но я вижу, что вы неправильно им воспользовались.

Широков засмеялся:

— Это верно, что неправильно. Я хотел достать одежду, но она убежала от меня!

Синьг коснулся рукой края постели, и этого слабого движения оказалось достаточно, чтобы его тело плавно опустилось. Он взялся за спинку кресла и, оттолкнувшись ногой, поднялся обратно с ним вместе. В обычных условиях было бы невозможно держать тяжелое кресло на весу одной рукой.

— Одевайтесь! — шутливо сказал Синьг. — А я буду держать его, чтобы оно опять не убежало.

ЗА БОРТОМ КОРАБЛЯ

Шло время.

Много событий произошло и на Земле, и на Каллисто. Одиннадцать лет — срок не малый.

А звездолет все так же быстро и равномерно мчался через пустоту Вселенной от одной планеты к другой. Призрачным сном казалась Широкову и Синяеву жизнь на Земле. Словно отодвинулась она куда-то далеко-далеко, в туманную даль прошлого.

Позади осталась та невидимая точка, где звездолет находился на равном расстоянии от Рельоса и Солнца. Космонавты торжественно отметили момент перехода через эту точку. И снова потекло время, наполненное работой, различной у каждого члена экипажа, но направленной к одной и той же цели.

За бортом была вечная ночь, не было и не могло быть смены света и темноты, но как-то сам собой раз навсегда установился распорядок «дня». Чередование сна, работы и отдыха шло в строгой последовательности, и это тоже как-то помогало тому, что время шло быстро.

День за днем складывались в недели, недели — в месяцы, и Широков иногда с удивлением замечал по своему дневнику, что прошло гораздо больше времени, чем он думал. Все ближе и ближе была так недавно казавшаяся бесконечно далекой, но с прежней силой влекущая к себе планета Каллисто.

Рельос — Сириус — все так же казался, даже через оптические приборы, крохотной точкой, но звездолет был к нему уже гораздо ближе, чем к Солнцу. Величественная звезда приближалась. Оставшееся расстояние уже не казалось Синяеву непреодолимой бездной. Эта бездна легла позади — между кораблем и Солнцем.

Подходил к концу десятый год полета. Скоро вновь заработают двигатели, начнется торможение и ставшая столь привычной невесомая жизнь окончится.

Тот постоянный счет лет, который так заметен в условиях жизни на Земле, потерял всякое значение на корабле; время, подобно направлению, спуталось, и Широкову с трудом удавалось вести свой дневник по земному календарю. Было странно сознавать, что они прожили около трех лет, а на Земле прошло почти ровно десять, что дни и месяцы на корабле не равны дням и месяцам Земли. «Выигрыш времени» создавал труднопреодолимую путаницу в сознании.

Но, несмотря на этот «выигрыш», прошедшее от старта время казалось долгим.

— Обратная дорога покажется нам еще более длинной, — сказал Широков.

— Обратный путь всегда кажется более коротким, — ответил Синяев. — А для нас с тобой он еще более сократится сознанием, что мы возвращаемся на Родину.

Они давно перешли на «ты» и относились друг к другу с братской любовью. Здесь, на корабле (и еще больше — в будущем, на Каллисто, в условиях чуждой им жизни), они и были братьями, в более полном значении этого слова, чем оно понимается обычно.

— Именно потому, — возразил Широков, — дорога и покажется длиннее.

— Там увидим! Длиннее или короче, но еще несколько лет придется провести на звездолете. Разве что мы не захотим вернуться.

— Не захотим вернуться? — удивленно спросил Широков. — Разве ты допускаешь, что это может случиться?

— Нет конечно, — улыбнулся Синяев. — Это я так, к примеру.

Находившийся тут же Бьяининь поднял голову от книги, которую внимательно читал, готовя ее к переводу. Он уже совершенно свободно владел русским языком, и, когда говорил на нем, только мягкость звука напоминала, что он каллистянин.

— Обратная дорога, — сказал он, — кажется короче только до середины. А затем она становится все длиннее и длиннее. Можете мне поверить, я сам это испытываю.

— Значит, мы оба правы, — засмеялся Синяев.

— Кроме того... — начал Широков, но не закончил фразы. Что-то случилось.

Они услышали едва уловимый звук удара.

Но не он поразил их и заставил сердца забиться чаще.

Они привыкли, что полет корабля совершенно незаметен внутри него. Гигантский шар летел так плавно и равномерно, что всегда казалось, что он стоит на месте. И вот все трое

ощутили легкий толчок. Звездолет чуть заметно вздрогнул.

Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу и напряженно прислушивались. Но все было тихо. Корабль, как и прежде, казался совершенно неподвижным.

Было ясно, что он летел с прежней скоростью и по прежнему направлению. Если бы это было не так, если бы звездолет хоть немного уклонился от прямого пути или замедлил скорость, люди были бы уже мертвы. При скорости в двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду никакое, даже ничтожно малое, изменение режима полета не могло пройти безнаказанно для экипажа. Инерционные перегрузки получились бы чудовищно огромными.

Что же случилось?

Первым бросился к двери Бьяининь. Широков и Синяев поспешили за ним в круглый коридор. Обычно пустынный, он сейчас быстро наполнялся каллистянами, спешившими в центральный пост. Очевидно, все услышали удар и все ощутили слабый, но жуткий в своей непонятности толчок космического корабля.

Широков заметил Мьеньоня и задержался, чтобы поравняться с ним.

— Что случилось? — спросил он инженера, на лице которого не отражалось ни малейшего беспокойства.

— Вероятно, столкновение с частицей метеорита, — ответил Мьеньонь.

— Откуда же взялся здесь метеорит?

— Не метеорит, а крохотная частица метеорита. Межзвездное пространство не пусто.

Они последними поднялись сквозь люк в помещение центрального поста.

Шарообразная комната казалась сверкающей из-за отражения света в восьмиугольных панелях телевизионных экранов. Пульт управления висел в центре этого шара. Перед ним не было кресла, которое при отсутствии веса было совершенно излишним.

Мьеньонь покинул Широкова и направился к пульта, возле которого висели в воздухе Диегонь, Вьеньянь и Ньяньиньг. Широков остался с Синяевым и другими каллистянами у входа.

Ничего угрожающего, по-видимому, не произошло. Лица собравшихся у пульта были спокойны. Они рассматривали многочисленные приборы без той торопливости, которая свидетельствовала бы об опасности, угрожающей звездолету.

Широков слышал, как Диегонь сказал:

— Пробоины нет нигде. Проверим экраны.

Погас свет, и один за другим молочно-белые восьмиугольники как бы уничтожили стенки корабля, открыв звездный мир, окружающий звездолет со всех сторон.

Пульт и люди, собравшиеся в центральном посту, оказались висящими в пустоте, среди черного мрака бесконечного пространства.

Широков вспомнил, какое волнение и даже страх испытал он, когда впервые увидел это волшебное зрелище. Теперь он привык к нему и только обрадовался, убедившись, что объективы телевизионных аппаратов — глаза корабля — не пострадали.

Раздался голос Мьеньоня:

— Кажется, все благополучно.

— Надо проверить астрономические пункты, — сказал Вьеньянь.

Снова вспыхнул свет в центральном посту.

— Проверьте свои аппараты, — сказал Диегонь. — А потом придется выйти из корабля и осмотреть весь звездолет снаружи.

— Я сейчас это сделаю, — ответил командиру корабля Вьеньянь.

Он направился к люку.

— Я пойду с вами, — сказал Синяев.

Оба астронома спустились в люк. Остальные остались в центральном посту — ожидать результатов осмотра.

Широков «подплыл» к Мьеньоню.

— Вы говорили, что на нас налетела частица метеорита, — сказал он. — Разве она могла повредить корпус корабля?

— В обычных условиях, — ответил инженер, — даже крупный обломок, будь он так же крепок, как кессинд, не может пробить стенку звездолета. Но не забывайте, что мы летим со скоростью двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду. Это меняет дело. Тут уж самая крохотная песчинка опасна.

— Исключительно редкий случай, — сказал Диегонь. — В межзвездном пространстве, вдали от планетных систем, встреча с метеоритом считается практически невозможной, но... как видите...

— Если эта частица пробила корпус... — начал Широков.

— Она его не пробила, — перебил Мьеньонь. — А если бы пробила, то застряла бы между стенками наружной обшивки.

Вьеньянь с Синяевым вернулись. Астрономические приборы также оказались целы.

— Я выйду, — сказал Диегонь.

— Я с вами, — Мьеньонь посмотрел на Широкова и Синяева. — Может быть, вы хотите?

— Мы были бы очень рады.

В центральный пост принесли четыре костюма. Широков ожидал увидеть что-нибудь вроде водолазных скафандров, но оказалось, что пустолазные костюмы каллистян ничем их не напоминали.

Его попросили раздеться. Прямо на тело натянули что-то, похожее на вязаное трико. Точно вторая кожа, оно плотно сжало его тело и голову. Лицо оказалось закрытым, и Широков ничего не видел. Потом он почувствовал, как на него надели широкий пояс и туго его затянули.

Он услышал голос Ньяньиньга:

— Сейчас вы будете видеть.

Чья-то рука дотронулась до пояса, и вдруг материя на лице стала прозрачна. Широков увидел рядом с собой Синяева, Диегоня и Мьеньоня, одетых так же, как он.

То, что походило на вязаную материю, на лицах было невидимо. Казалось, что лицо не закрыто ею. Но Широков чувствовал нажим «ткани».

— Теперь шлем, — сказал Ньяньиньг.

Это была прозрачная маска, которую надели на лицо и закрепили на затылке. От маски шли гибкие трубки к маленькому металлическому ящику на спине. Сверху на маске находились какие-то странные шарики темно-зеленого цвета, похожие на детский мячик, величиной с небольшой апельсин.

— Это источники света, — сказал Мьеньонь, перехватив взгляд Широкова. — Энергия заключена в них самих. Чтобы зажечь, надо нажать вот эту кнопку на поясе. Запомните, где она. В темноте вы ее не увидите. Когда мы выйдем из корабля, нажмите кнопку.

Голос каллистянина был слышен отчетливо. Но ничего, что хотя бы отдаленно походило на радиоустановку, Широков не видел.

— Как мы будем разговаривать в пустоте? — спросил Синяев. — Там нет звуков.

Широков только что собрался задать такой же вопрос.

— В шлемах есть звукоглушительное устройство, — ответил Мьеньонь. — Оно очень мало и потому не видно. Мы будем говорить в пустоте совершенно так же, как здесь. И даже лучше — на расстоянии до двухсот метров. Воздух поступает и выходит автоматически, и вам не надо заботиться о нем. Вы будете чувствовать себя так же, как на корабле. Давление внутри костюма будет нормальным.

— Не совсем понятно, — сказал Синяев. — Снаружи воздуха не будет. А как же внутреннее давление?

— Ткань давит на кожу и заменяет наружное давление. Она абсолютно непроницаема.

— А как двигаться в пустоте? — спросил Широков.

— С помощью вот этого, — сказал Мьеньонь.

Он подал Широкову и Синяеву небольшие трубки.

— Обыкновенная ракета, — объяснил он. — Нажимая вот на этот рычажок, вы приводите ее в действие. Из отверстия впереди вырвется струя газа, и ваше тело получит реактивный толчок в противоположную сторону. С помощью этой ракеты можно двигаться в пустоте в любом направлении. Она заряжена на три часа непрерывной работы.

Он внимательно посмотрел на Широкова, потом на Синяева.

— Бояться нечего. Мы будем рядом и всегда сможем помочь вам на первых шагах.

Синяев в ответ только пожал плечами.

— Я нисколько не боюсь, — обиженно ответил Широков. — Нисколько!

В действительности он немного боялся, но ни за что на свете не признался бы в этом.

Маска была так прозрачна, что казалось — на голове ничего нет. Дышать было легко.

— Вы готовы? — спросил Диегонь.

— Готовы, — ответили Широков, Синяев и Мьеньонь.

Они последовали за командиром корабля к двери подъемной машины.

Диегонь нажал знакомую кнопку.

Прошло несколько секунд, но сигнальная лампочка, расположенная над дверью, не загоралась. Это означало, что площадка не опустилась.

— Так вот куда попал метеорит, — сказал Мьеньонь.

Диегонь еще раз нажал кнопку, но результат был тот же. Очевидно, механизм подъемной машины был поврежден.

«А если и эта не будет работать?» — подумал Широков.

Но вторая машина работала, как всегда. Загорелась лампочка, и герметическая дверь открылась. Шахта была отрезана от внешнего мира тоже герметической заслонкой, и ни одна крупинка воздуха не могла уйти из корабля.

«А холод? — вспомнил Широков. — Ведь снаружи чудовищный мороз».

И, словно отвечая на его мысль, Мьеньонь сказал:

— Включим нагрев.

Он протянул руку и повернул маленькую рукоятку на поясе костюма Широкова.

Широков тотчас же почувствовал тепло. Материя, плотно облегающая все тело, равномерно нагревалась. Через несколько секунд ему стало жарко.

— Надо уменьшить немного, — сказал он.

— Сейчас откроем шахту, — ответил Мьеньонь.

Дверь внутри корабля закрылась. Широков не видел, как скользнула и исчезла заслонка над головой, но он догадался об этом по холоду, хлынувшему в кабину.

— Усильте нагрев, — сказал Мьеньонь, невидимый в темноте.

Широков нащупал рукоятку и немного повернул ее. Стало опять тепло.

Площадка лифта быстро поднялась, и они очутились на поверхности шара.

В памяти Широкова и Синяева он сохранился как белый. В первое мгновение они не поняли, почему шар стал совсем черным, потом сообразили, что звездолет ничем не освещен.

Кругом была мгла. Бесчисленные точки звезд блестели повсюду. Все пространство казалось сверкающим от их света, но люди не видели друг друга.

Ярко вспыхнули шарики на шлемах каллистан. Их свет был ослепительно белым. словно вырвавшись из мрака, появилась часть металлического корпуса звездолета. Широков и Синяев включили свои лампы.

Темнота, казалось, еще плотнее сгустилась вокруг них. Расходящиеся лучи света, ясно видимые, как лучи прожекторов, от движений людей шевелились, как живые. Когда кто-нибудь поднимал голову, луч его лампы срывался с шара и мгновенно пропадал, словно поглощенный окружающей мглой. Только сама лампа виднелась ярким пятном.

Фантастические фигуры, казавшиеся из-за плотно облегающего тело «трико» обнаженными, со «стеклянными» головами, то появлялись, освещенные лампой соседа, то исчезали, растворяясь во мраке, становясь невидимыми.

Ноги Широкова касались поверхности звездолета; он чувствовал под собой его твердый и надежный металл, но знал, что достаточно сделать неуловимое движение, и эта опора исчезнет, он оторвется от корабля и повиснет в пустоте. Ему хотелось сделать это движение, но он не мог на него решиться.

Звездолет продолжал мчаться вперед. Невольно казалось, что, оторвавшись от него, человек мгновенно отстанет и окажется в несколько секунд на расстоянии многих сотен тысяч километров. Разум говорил Широкову, что этого не может случиться, что он сам мчится вперед с той же скоростью, как и корабль, но безотчетный страх был сильнее разума и воли.

Он увидел, как Диегонь протянул руку, в которой была «ракета». Струя газа была невидна, но командир корабля поднялся над шаром и медленно поплыл мимо Широкова.

Мьеньонь и Синяев сделали то же.

— Следуйте за нами, — сказал Диегонь.

Только сейчас Широков заметил, что выпустил из рук свою трубку. Она висела в пустоте рядом с ним и, как он ясно видел, медленно приближалась к поверхности корабля.

Он понял, что трубка падает на корабль совершенно так же, как падают вниз все предметы, выпущенные из рук на Земле. Она подчинялась силе тяготения между собой и шаром. Эта сила была очень мала, но все же существовала.

— Выходит, — сказал Широков, не замечая, что говорит вслух, — я также опущусь вниз, если поднимусь над шаром.

— Трудно подняться или опуститься там, где нет ни верха, ни низа, — услышал он голос Диегоня.

Синяев и оба каллистянина были на расстоянии нескольких метров от Широкова, но ему вдруг показалось, что они очень далеко. Он схватил трубку и поспешно нажал на рычажок.

Сильный толчок рванул его руку назад. В следующее мгновение он оказался уже в пустоте и мраке Вселенной. Шар и трое спутников — все исчезло. Он был один в пространстве, усеянном звездами, и не видел ни корабля, ни света ламп. В какой стороне находится звездолет, он не знал.

Страшная мысль, что он отстал, сжала сердце Широкова нестерпимым ужасом. Он хотел закричать, позвать на помощь, но не мог издать ни звука. Законы физики, хорошо ему известные, моментально вылетели из головы.

«Я погиб! — думал он. — Звездолет улетел вперед и находится в миллионах километров от меня. Вернуться назад он не может».

Даже много времени спустя Широков не мог без содрогания вспомнить эти мгновения.

Он был один в безграничном просторе, и всюду, куда бы он ни посмотрел, холодным блеском сверкали звезды. Абстрактное слово «бесконечность» внезапно наполнилось для него реальным содержанием. Эта бесконечность всюду была вокруг него. Он видел ее.

И вдруг спокойный голос Диегоня раздался в шлеме:

— Куда вы исчезли, Петя?

Произнесенное на мягком языке каллистян как «Пьетья», собственное имя музыкой прозвучало в ушах Широкова. Он не один! Товарищи где-то здесь, рядом!

Он хотел ответить, но не мог. Плотный комок подступил к горлу.

— Где же вы? — в голосе Диегоня слышалась тревога.

Усилием воли Широков справился с душившим его волнением.

— Я сам этого не знаю, — ответил он. — Корабль пропал, и я не могу найти его. Вероятно, вы очень далеко от меня.

— Вы слишком сильно нажали на рычаг, и вас отнесло в сторону. Но раз вы меня слышите, расстояние не может превышать двухсот метров. Звездолет должен быть виден. Ищите его как темное пятно на фоне звезд. Только спокойно!

— Теперь вижу, — с облегчением ответил Широков.

Действительно, он как-то сразу увидел черный круг, закрывавший звезды с левой стороны. По величине этого круга он понял, что отлетел метров на сто.

— Вижу, — повторил он.

— Направьте трубку в противоположную от корабля сторону, — сказал Мьеньонь, — и вас толкнет обратно. Но помните, что чем сильнее вы будете нажимать на рычажок, тем быстрее будете двигаться.

Не спуская глаз с черного круга, Широков протянул руку и плавно нажал на рычаг трубки. Он не почувствовал движения, но увидел, что тень звездолета стала быстро увеличиваться. Через несколько секунд его лампа осветила поверхность шара.

Вскоре Широков присоединился к своим спутникам.

— Я очень испугался, — откровенно признался он.

— Неудивительно, — сказал Мьеньонь. — Кто угодно мог испугаться.

После своего невольного полета в пространство Широков стал гораздо увереннее обращаться с ракетой. Вместе с каллистянами он приблизился к месту, где находилась шахта поврежденной подъемной машины.

Оказалось, что метеорит попал как раз в щель люка и заклинил его. Металл был смят и вдавлен внутрь. Самого камня нигде не было видно.

— Метеорит разбился при ударе и превратился в пыль, а может быть, даже в газ, рассеявшийся в пространстве, — сказал Диегонь. — Но подъемная машина вышла из строя.

— Да! — Мьеньонь покачал головой. — Ремонт возможен только на Каллисто. Но посмотрите, какая чудовищная сила удара! — прибавил он.

— А что будет, если второй метеорит выведет из строя другую подъемную машину? — высказал Широков внезапно пришедшую в голову мысль.

— На Каллисто исправят повреждение, и мы выйдем из корабля.

— А если это произойдет сейчас, сию минуту?

В свете своей лампы Широков увидел, что Мьеньонь улыбнулся.

— Тогда, — ответил он, — звездолет доставит на Каллисто наши трупы. Но этого не может случиться. Встреча космического корабля с метеоритом вдали от звезд — исключительно редкий случай.

У ФИНИША

Последний год полета показался экипажу космического корабля длиннее, чем все предыдущие. Чем ближе была желанная цель, тем медленнее шло время.

Все чаще и чаще у каллистян и их земных товарищей в разговорах друг с другом, в работе и просто во внешнем поведении проявлялось ясно видимое нетерпение. Все чаще Диегону приходилось отвечать на вопрос: «Скоро ли?»

Все знали, что звездолет будет на Каллисто в определенный, заранее рассчитанный день и что не во власти командира ускорить наступление этого дня, но все-таки спрашивали.

Одиннадцать лет, или двадцать два года по-земному, каллистяне не видели своей родины (то, что для них самих прошло меньше лет, не меняло дела), не знали, что произошло на ней за это время, как жили их родные и друзья и живы ли они сейчас. Охватившее их нетерпение теперь, когда родная планета стала так близка, было естественно и понятно.

Что касается Широкова и Синяева, то их нетерпение имело другую причину. Они оба покинули Землю, желая увидеть и узнать другую планету, и всеми силами души стремились к ней. Три года, которые они должны были провести на Каллисто, были их целью, ради достижения которой они терпеливо переносили годы пути.

И нельзя было забывать, что если для каллистян заканчивающийся межзвездный рейс был последним в их жизни (трудно было предполагать, что кто-нибудь из них решится еще раз лететь на Землю), то для двух людей он был только первым. Им предстояло в будущем

еще одиннадцать земных лет провести на звездолете.

У Широкова и Синяева в последний год резко возросла тоска по Земле. До сих пор они бессознательно обманывали себя мыслями о Каллисто. Теперь, когда полет заканчивался, перед ними все яснее вставала картина обратного пути к Земле. Нетерпеливо ожидая финиша, они, возможно не сознавая этого, стремились уже не к тому, чтобы приблизить день прилета на Каллисто, а другой день — когда звездолет унесет их на Родину.

Им так же этот последний год казался нескончаемым, но, когда он подошел к концу, они с удивлением убедились, что он прошел очень быстро.

Давно уже были включены двигатели. Теперь они работали на торможение, уменьшая скорость корабля на десять метров в секунду.

Переход от невесомого состояния к повышенной тяжести был более ощутимым и более болезненным, чем в первый раз, когда этот процесс происходил в обратную сторону — от тяжести к отсутствию веса. Уже не полторы недели, а почти два месяца экипаж корабля вынужден был провести в постели. Искусственный сон на этот раз не прошел бесследно: люди чувствовали себя после него плохо и только спустя несколько дней, благодаря энергичным мерам Синьга, пришли в нормальное состояние. Это объяснялось тем, что организм, и в частности сердце, привык работать в условиях невесомости и внезапная тяжесть в сочетании со ставшей ощутимой повышенной массой была очень тяжелой нагрузкой.

К моменту, когда люди встали с постели, звездолет уже замедлил скорость до двухсот двадцати тысяч километров в секунду, и его масса, а также масса всего, что на нем находилось, была только в полтора раза больше нормальной.

Теперь корабль летел как бы в другую сторону. При отлете с Земли весь первый год относительное направление его полета было вверх. Солнце все время находилось внизу.

Затем направление вообще не существовало для экипажа. А теперь сила тяжести была направлена в сторону Рельоса, и звездолет, как казалось, летел прямо вниз. Чтобы видеть Солнце, Синяеву приходилось направлять свой телескоп в зенит.

Люди опять привыкли ходить по полу, подниматься и спускаться по лестницам, пользоваться столами и креслами, ложась в постель, чувствовать, как она прогибается от тяжести тела.

Но переход к обычным условиям не сразу проник в сознание. Многие члены экипажа долго не могли привыкнуть соразмерять свои движения с той автоматичностью, которая свойственна людям на Земле и на Каллисто. Синяеву пришлось даже несколько дней пролежать, так как, спускаясь, он забыл о лестнице и сильно расшибся, упав со значительной высоты.

— Не огорчайтесь! — шутил Синьг, оказывая ему первую помощь. — Когда мы летели к Земле, трое из нас пострадали так же, как вы.

— В два раза меньший процент, — морщась от боли, но невольно улыбаясь, ответил Синяев. — Нас двое, а вас двенадцать.

Настал, наконец, день, когда Диегонь, собрав в центральном посту весь экипаж, торжественно объявил, что звездолет вступил в пределы планетной системы Рельоса.

— Через четыреста восемьдесят часов мы будем на Каллисто, — сказал он.

Можно себе представить, какой радостью отозвались эти слова в сердцах каллистян. Их черные лица осветились словно внутренним светом. Даже всегда невозмутимый Мьеньонь заметно повеселел.

Широков и Синяев от всей души поздравили своих дорогих друзей.

Дни стали идти гораздо быстрее.

Разговоры не умолкали, но если раньше они велись о Каллисто вообще, то теперь стали носить личный характер. Каллистяне говорили о своих близких, о планах своей дальнейшей жизни и на время потеряли со своими гостями общий язык.

Широков и Синяев, понимая их состояние, не обижались.

Экипаж звездолета мог уже видеть Каллисто. Она казалась в телескоп крохотной

звездочкой, но каждый из каллистян способен был часами смотреть на нее.

Планета заметно приближалась. С каждым днем она становилась ярче (разумеется, только в телескоп). Вскоре можно было различить, что она видна в виде узкого серпа. Рядом с ней появились светлые точки обоих спутников, обеих «лун» Каллисто.

На четвертый день после памятного всем сообщения Диегона командир корабля снова попросил собраться в центральном посту.

Погас свет, раскрылись экраны, и знакомая, привычная картина звездного мира окружила корабль. Только снизу она была теперь закрыта плоскостью пола.

Все было как всегда за эти годы, но что-то было не так, что-то изменилось, и собравшиеся в центральном посту не сразу поняли, в чем именно заключалась перемена.

Центральный пост был освещен извне!

Не было той черной темноты, которая всегда наступала, когда тушили свет. Люди видели друг друга.

— Рельос! — дрогнувшим голосом сказал Вьеньянь, но, как ни тихо произнес он это слово, его услышали все.

Сквозь нижний, у самого пола находившийся экран проникал слабый еще, но ясно видимый свет Сириуса — Рельоса. Он казался еще огромной звездой, но его лучи достигали отдаленных границ системы, где сейчас находился корабль.

Это был свет солнца Каллисто, и оба человека Земли почувствовали такую же радость, как и каллистяне, для которых этот свет был родным с детства.

Долго не загорался свет в центральном посту. Звездоплаватели, так давно не видевшие своего солнца, наслаждались его лучами, еще такими слабыми, но так много говорившими их чувствам.

В последующие дни центральный пост стал местом сбора всего экипажа. Каллистяне неохотно уходили оттуда и при первой же возможности возвращались обратно. Они с радостью наблюдали, как все ярче и ярче становился свет Рельоса, как все ближе и ближе подлетал к нему корабль.

Когда Рельос приблизился настолько, что стало невозможно смотреть на него простым глазом, Широков и Синяев познакомились еще с одной технической подробностью устройства экранов. Один из них, возле которого все время толпились каллистяне, потемнел, точно затянувшись дымчатой пленкой. И с каждым днем эта пленка становилась все более темной, ослабляя блеск солнца. Но хотя видимость и ухудшилась, каллистяне продолжали свои наблюдения.

Широков всем сердцем разделял их переживания, радовался вместе с ними, но против воли смутное чувство обиды не покидало его. Поговорив с Синяевым, он обнаружил и у него то же чувство. Его источником было то, что каллистяне приближались к Рельосу, а Солнце находилось где-то в бесконечной дали, и пройдет много лет, пока они увидят его опять. Радость каллистян как бы подчеркивала это.

На корабле считали уже не дни, а часы. Каждый звездоплаватель в любой момент мог сказать, сколько часов пути осталось до финиша.

Если бы вдруг выяснилось, что звездолет опоздает хотя бы на один день, — это было бы для его экипажа тяжелым ударом, настолько напряженными были часы ожидания. Но он не мог опоздать. Космический корабль летел по вечным и неизменным законам механики, и его движение в пространстве было так же точно и безошибочно, как движение самой планеты, к которой он стремился.

Но звездолет все же не был небесным телом. Не законы природы, а воля человека управляла им. Законы природы не меняются, а воля человека может измениться. Ни Диегонь, ни кто-либо из его товарищей не допускали и мысли, что они могут добровольно изменить путь корабля и отсрочить так горячо ожидаемый момент прилета на Каллисто. Не допускали и не думали о такой возможности. Но когда до конца пути осталось меньше восьмидесяти часов, звездолет круто изменил направление полета в сторону от Каллисто. И ни один человек на его борту не пожалел об этом. Нетерпение, стремление скорее увидеть близких и

родных людей — все исчезло, сменившись другим, более сильным, более властным чувством. И с еще большим нетерпением экипаж корабля считал часы, отделявшие их от новой цели, о которой так недавно никто и не помышлял.

Случай в жизни играет значительную роль. Иногда он расстраивает планы людей, иногда им помогает. Но то, что произошло на звездолете, можно было с одинаковым основанием отнести к обеим категориям случая.

— Пойдемте в центральный пост, — сказал Вьеньянь, обращаясь к Синяеву, который вместе с ним приводил в порядок бесчисленные материалы астрономических наблюдений, сделанных за время пути.

— А что там интересного? — спросил Синяев, не любивший прерывать начатую работу.

— Ленинг попытается принять сообщение с Каллисто.

— Сообщение с Каллисто?!

— Да. Он пытался вчера, но безуспешно. Может быть, сегодня удастся.

— Я не понимаю, — сказал Синяев. — Разве звездолет может иметь связь с Каллисто на таком расстоянии?

— Звездолет не может, его станция недостаточно мощна, но с Каллисто могут послать нам сообщение, и мы можем его принять. Перед нашим стартом к Мьеньи (Автор напоминает читателю, что Мьеньи — каллистянское название нашего Солнца) было условлено, что за пять суток до финиша сообщения будут отправляться ежедневно в одно и то же время.

— Но вы сами сказали, что вчера его не было.

— Да, и это очень удивило Ленинга и Диегоня. Станция на Каллисто достаточно мощна. Правда, в то время, когда мы улетали на Землю, техника космической связи была еще несовершенна. Может быть, причина кроется здесь. Вчерашнее расстояние могло все-таки оказаться слишком большим.

— За эти годы ваши инженеры могли усилить и даже наверное усилили мощь станции.

— Нет. Эта связь не имеет ничего общего с вашим... радио. (Вьеньянь еле выговорил русское слово.) Станция на Каллисто должна соответствовать станции на корабле. Иначе ничего не получится. Они все равно вынуждены пользоваться той самой установкой, которая была тогда.

— Вьеньянь! — улыбнулся Синяев. — Вы меня удивляете. Никогда бы не подумал, что каллистяне могут быть столь консервативны. Вы просто недооцениваете возможностей науки и техники. Причина молчания Каллисто гораздо проще. Звездолет опаздывает.

— Да, мы опоздали на девяносто один день. Но неужели вы можете предположить, что они перестали посылать сообщения? Конечно нет! Они их посылали и будут посылать, пока корабль не вернется или пока не пройдут все мыслимые сроки.

— Вот тут вы, конечно, правы, — сказал Синяев. — Теперь я недооцениваю ваших соотечественников. Идемте! Это очень интересно.

У центрального пульта они застали всех членов экипажа. Широков также был здесь.

Ленинг, самый молодой из каллистян, сидел перед пультом и пристально смотрел на маленький круглый экран. О том, что в этом месте находится нечто вроде «радиостанции», ни Широков, ни его друг даже не подозревали. Им даже казалось, что они никогда раньше не видели этого экрана.

Стекло (или что-то похожее на стекло) было темным, почти черным. Оно отдаленно напоминало экран невключенного телевизора. Может быть, это и был телевизор и сейчас начнется телевизионная передача с Каллисто?..

— Нет, — ответил Мьеньонь, когда Широков спросил его об этом. — На такое расстояние мы еще не умеем передавать изображения. По крайней мере, до нашего отлета не умели, — прибавил он.

Ленинг предостерегающе поднял руку. Длинные гибкие пальцы каллистянина заметно дрожали.

Все придвинулись к нему ближе.

И вдруг экран посветлел, став почти белым.

— Передача! — сказал Леньиньг неестественно громко.

На экране появилась черная линия. Она то суживалась, то расширялась, потом исчезла и снова появилась.

Леньиньг медленно и осторожно поворачивал стекло. Линия перестала двигаться и застыла, черная и отчетливая.

— Готово! — сказал Леньиньг так, словно далекий оператор, ведущий передачу, мог его услышать.

Экран стал чистым. Потом на нем появились и задвигались причудливые изломанные линии. Они как бы выбегали из-за левого края экрана и исчезали за правым.

Леньиньг медленно читал вслух:

— «Диегоню... Диегоню... Ждем... Посадка на... том же... месте... где... был... дан... старт... Семьи... экипажа... здоровы... приветствуют... с нами... вместе».

Пробежали последние линии, и экран снова стал чистым. Потом «радиограмма» пошла вторично, но Леньиньг, так же как в первый раз, громко читал ее, а все так же внимательно, затаив дыхание слушали. Это был первый за много лет голос Каллисто, и они готовы были слушать его без конца.

Когда текст был передан и принят в третий раз, экран «погас», он снова стал почти черным.

Тишина сменилась возбужденными возгласами. Каллистяне говорили все разом, перебивая друг друга, стремясь выразить свою радость. Никогда раньше они не были так похожи на людей Земли, как в эти минуты, после получения известия, что их близкие живы и ждут их. Черные лица каллистян сияли от счастья.

Один Леньиньг не принимал участия в общем ликовании. Он продолжал сидеть на прежнем месте, словно ему было жалко расстаться с аппаратом. Очевидно, совершенно машинально, он медленно вращал «стекло».

И внезапно экран снова вспыхнул. Что это произошло неожиданно для Леньиньга, было видно по его сразу изменившемуся лицу. Он глухо вскрикнул и стремительно наклонился к экрану.

Мгновенно наступила полная тишина.

Неужели Каллисто передаст еще одну, безусловленную «телеграмму»?

Черная линия не появилась. Сразу побежали по экрану не спокойно, как раньше, а быстро и как-то нервно, ломаные линии текста:

— «Взрыва... — читал Леньиньг, — сильно ранило двух членов экспедиции. Срочная помощь необходима. В моем распоряжении нет никаких средств. Промедление грозит смертью. Жду ответа».

Линии непонятной передачи исчезли, но экран продолжал быть светлым.

— Что это значит? — спросил Бьяининь.

— Сообщение принято нами с середины.

— Это ясно; но откуда оно передано и кому адресовано?

— Сообщение адресовано на Каллисто, — сказал Вьеньянь. — Больше некуда.

— Так ли? А может быть, с одного звездолета на другой или с какой-нибудь из планет на летящий корабль.

— В сообщении говорится об экспедиции. Я думаю, что несчастье случилось либо на Сетито, либо на Кетьо, — сказал Мьеньонь.

— Но как это узнать? — спросил Синяев.

Он знал, что означали названия, произнесенные Мьеньонем. Это были планеты системы Рельоса, на которые каллистяне уже неоднократно производили полеты на космических кораблях.

— Надо подождать ответа, — сказал Диегонь. — Где находятся сейчас обе эти планеты? — спросил он Вьеньяня.

— Сетито, — ответил астроном, — близко от нас. Примерно на таком же расстоянии, как и Каллисто, но только с другой стороны. А Кетьо очень далеко, не менее двух миллиардов километров.

— Какое приблизительно расстояние между Сетито и Каллисто? — спросил Диегонь.

— Могу ответить не приблизительно, а совершенно точно. Четыреста миллионов километров.

— Значит, если техника передачи не изменилась за время нашего отсутствия, ответа надо ожидать минут через двадцать, — сказал Диегонь.

— Да, примерно. — Лицо Вьеньяня выражало растерянность. — Почему мы смогли принять передачу? Неужели на Каллисто космическая связь все на том же уровне?

— Немыслимо, — сказал Ленъиньг. — Но факт остается фактом. Наша установка восприняла передачу.

Четырнадцать человек были сильно взволнованы.

Что могло случиться на Сетито или на Кетьо? Отчего и где произошел взрыв?

— Мне кажется несомненным, — сказал Синьг, — что взрыв произошел на корабле. В сообщении говорится, что двое ранены и в распоряжении участников экспедиции нет средств для оказания помощи. Если корабль цел, этого не может быть.

— Если слова о помощи относятся к раненым, то вы правы, — заметил Ньяньиньг. — Но они могли относиться к самому кораблю.

— К сожалению, нет, — покачал головой Синьг. — Там говорилось: «Промедление грозит смертью».

Никто ничего не ответил на эти слова.

— И ведь приняли-то совершенно случайно, — сказал Ленъиньг.

В центральном посту наступило тяжелое молчание.

Ответный текст появился на экране через двенадцать минут.

Что это означало? Или Вьеньянь ошибся и от корабля до Каллисто было гораздо ближе, или... но трудно было поверить, что передача, на чем бы она ни основывалась, могла идти быстрее света!

Как бы то ни было, но ответ пришел раньше, чем его ожидали, и в тот момент никто не обратил внимания на это странное обстоятельство.

«Срочно готовим корабль, — гласило сообщение. — Вылетим через тридцать шесть часов. Будем на Сетито через сто восемьдесят часов после вылета. Сделайте все возможное для спасения пострадавших».

Итак, несчастье случилось именно на Сетито, а не на Кетьо.

— Надо подождать и узнать, что они скажут, — хриплым от волнения голосом сказал Синьг.

— Мы узнаем это через десять минут, — сказал Вьеньянь. — Сетито к нам немного ближе, чем Каллисто. — Он посмотрел на Диегона недоумевающим взглядом. — А все-таки! Как же получилось, что мы приняли ответ Каллисто так скоро?

— Это мы узнаем тогда, — ответил за Диегона Мьеньонь, — когда наш полет закончится. Это новая техника, и бесполезно гадать о ней.

Синяева глубоко поразило случившееся. Он не допускал, чтобы Диегонь и Вьеньянь могли ошибиться в расстояниях. Но тогда становилось очевидным, что каллистянская техника нашла способ связи, идущей быстрее света. Правда, на Земле были ученые, которые считали скорость света не пределом, но Синяев никогда не разделял их взглядов. И вот в одно мгновение его представления оказались разбитыми вдребезги несомненным фактом. Сообщение прошло свой путь в два раза скорее, чем могла бы пройти радиоволна.

Истинных ученых не могут не волновать подобные «сюрпризы», а Синяев был настоящим ученым, и он с трепетом ждал следующего сообщения, не спуская глаз со стрелки часов, — придет ли оно с той же невероятной быстротой или нет? В эти минуты он забыл обо всем и, вероятно, нетерпеливее всех, кто находился у пульта, ждал ответа с Сетито.

Он появился на экране через десять с половиной минут!

Сомнений не было!

Ответ был короткий и страшный.

— «Сто восемьдесят часов — все равно что триста, — прочел Ленинг. — Вы опоздаете. Ресбиль».

Экран погас.

Несколько секунд в центральном посту никто не проронил ни слова.

Диегонь, погруженный в какие-то размышления, поднял голову и посмотрел на Мьеньоня. Во взгляде командира корабля был молчаливый вопрос. Он ничего не сказал, но старший инженер звездолета понял его.

— Вполне возможно, — ответил он. — Нагрузка допустима.

Диегонь медленно обвел взглядом лица экипажа. Все смотрели на него, и было ясно, что от каждого он получил безмолвный ответ на свой невысказанный вопрос. Потом он повернулся к людям Земли.

И шестым чувством Широков и Синяев поняли, о чем спрашивает взгляд Диегоня.

— Конечно! — сказал Синяев.

Широков только кивнул головой в знак согласия.

— Очень хорошо! — сказал Диегонь.

Центральный пост быстро опустел. Каллистяне поспешно покинули его, расходясь по своим местам.

— Идемте! — сказал Синг Широкову и Синяеву. — Надо лечь в постель.

— Опять спать?

— Нет, но лечь необходимо. Скорость все же велика. Поворот вызовет дополнительную нагрузку на организм.

— Быстрее! — сказал Диегонь. — Не теряйте времени. Я буду ждать не больше пяти минут.

ГЛАВА 2

В ЛЕСУ

Дневное светило опустилось за горизонт, и сразу, без сумерек, плотная мгла окутала землю. Сверху низко нависала тяжелая пелена туч, закрывая звезды и делая ночь еще более непроглядной. Порывистый ветер шумел в кронах исполинских деревьев густого леса, окружавшего небольшую поляну.

Воздух был влажным, с сильным запахом леса, цветов и гниющих растений. В глубине леса что-то тяжелое двигалось и с треском ломало деревья. Иногда раздавался низкий и густой рев, а за ним пронзительный вой. Немедленно отвечали другие такие же голоса, и поляна казалась окруженной со всех сторон огромными пастями, издававшими отвратительный воющий звук.

А когда смолкал вой, слышался ритмичный шелестящий шорох крыльев. На фоне мрачных туч мелькали черные контуры крылатых существ. Их было три. Стремительными зигзагами они носились над поляной, то опускаясь, то взмывая вверх. Одно из них вдруг стремительно ринулось к земле, словно намереваясь со всего разгона врезаться в нее. Зеленым огнем горели два глаза. Размах перепончатых крыльев достигал четырех метров.

С земли поднялся человек. Навстречу зеленым глазам беззвучно прорезала темноту тонкая огненная нить. С глухим шумом огромная птица упала на землю. Две другие метнулись в сторону и исчезли.

Человек снова опустился на траву. Раздался мягкий голос, произнесший на каллистянском языке:

— Четвертая!

Ему ответил другой мягкий и приятный голос:

— Если бы только они! А вдруг явятся те?..

— Они сюда не придут. Эта поляна находится в стороне от тех троп, по которым они ходят по ночам к реке.

— Если почуют нас, могут прийти.

— Будем надеяться, что этого не случится. (Как самый язык, так и построение фраз у каллистан резко отличается от любого земного языка. Автор вынужден «переводить» все, что говорят каллистаны, пользуясь обычными для нас оборотами речи.) Разговор прекратился. Три человека сидели молча на земле, напряженно прислушиваясь к звукам леса. Еще двое лежали между ними.

Снова послышался приближающийся шорох. Над поляной замелькали две пары огромных крыльев.

— Вот упрямые! Они не успокоятся, пока мы не уйдем последнюю.

— А потом явятся другие.

— Внимание! Атакуют обе.

Двое людей встали. Две крылатые тени с горящими точками зеленых глаз устремились на них. Две молнии поразили их на лету.

— Пока все!

— Будем ждать следующих.

Треск упавшего дерева раздался совсем близко, чуть ли не рядом на опушке леса, находящейся в ста метрах. Люди услышали тяжелый топот громадных ног.

— Это уже не на тропе, — шепотом сказал один.

— Слушайте внимательнее! — также шепотом ответил другой. — В такой темноте он может подойти совсем близко.

Оглушительный рев наполнил всю поляну. Последовавший за ним вой был так пронзителен, что люди схватились руками за головы, закрывая уши, защищаясь от невыносимого, сверлящего мозг звука.

Земля вздрагивала под ногами громадного зверя, трещали ветви, звонко щелкали лопающиеся лианы.

— Кажется, не почуял.

Тяжелые шаги удалялись в сторону от поляны.

— Веселая ночь, — сказал человек, убивший первую птицу.

Он наклонился над теми, кто лежал на земле.

— Они без сознания, — сказал он. — Этот вой разбудил бы спящего. — В его голосе прозвучала тревога.

Двое других наклонились, всматриваясь в лица лежащих.

— Зажгите свет!

— Очень опасно.

— Надо! Зажгите!

В руках одного из каллистан белым светом вспыхнул маленький шарик. Все трое ближе подвинулись друг к другу, стараясь по возможности закрыть собой свет.

— Вы правы, — сказал человек, приказавший зажечь фонарь, — они потеряли сознание. Это очень плохо.

Он вынул из сумки склянку и по очереди поднес ко рту лежавших на земле без признаков жизни.

Черные лица с закрытыми глазами остались неподвижными.

— Но они живы?

— Пока еще живы, — ответил тот, кто, по-видимому, был врачом, подчеркивая слово «пока». — Применим более сильное средство. Бессознательное состояние для них — смерть.

Он расстегнул красные воротники серых комбинезонов и положил на обнаженную шею лежавших два маленьких кубика. Находившаяся в них жидкость почти мгновенно исчезла. Через полминуты легкое движение век показало, что к ним вернулось сознание.

— Погасите свет!

Снова сомкнулся темный полог ночи. Люди с тревогой прислушивались, но было тихо.

— Если бы мы были на станции, — с тоской сказал молодой голос, принадлежащий, казалось, мальчику лет пятнадцати.

— Мы будем там завтра. Это последняя ночь в лесу. А послезавтра прилетит звездолет с Каллисто.

— Прилетит слишком поздно.

— Тише!

— Они не слышат. Теперь они крепко спят.

— Может быть, они доживут до прилета корабля?

— Нет! Самое позднее завтра днем все будет кончено.

— Неужели не могли вылететь сразу после нашего сообщения?

— Если не вылетели, — значит, не могли.

— Это так ужасно! Узнаем ли мы когда-нибудь, что послужило причиной взрыва?

— Достоверно не узнаем никогда, но инженеры найдут объяснение.

— Но от этого не легче. Неужели у вас, Ресьинь, нет никаких средств спасти их?

— Все погибло с нашим кораблем, — ответил врач. — На станции нашлась только эта сумка. В ней средства оказания первой помощи, но распространение изотопного ожога остановить нечем. Раны на ногах не опасны.

— Как долго нет сообщений от Линьга!..

— Ему нечего нам сообщить, и потому он молчит.

— Хорошо, что уцелели две пары крыльев. Что бы мы делали без них?

— Результат был бы тот же самый. Правда, пришлось бы поголодать, пока не добрались до станции, но для раненых нет разницы, послано сообщение вчера или было бы послано завтра.

— Разница есть, — сказал Ресьинь. — Они живы, а без этой сумки были бы уже мертвы.

— Не все ли равно, если спасти их нельзя. Откуда-то издалека снова донесся рев и вой обитателей леса.

— Я не могу слышать этого ужасного воя, — сказал тот же самый молодой голос.

— Это нервы, а для путешественника по планетам нервы излишни. Я не знал, Дьеньи, что они у вас есть.

— Представьте себе, что есть. Все же я девушка.

— До сих пор я этого не замечал.

— Чего вы не замечали, Вьиньинь? Того, что Дьеньи девушка, или того, что у нее есть нервы?

Трое собеседников рассмеялись.

— Когда люди способны смеяться, — сказал Ресьинь, — положение не так уж плохо.

— Это верно, — грустно сказала Дьеньи. — Но мы смеемся сквозь слезы.

— Бедный Вьеньонь, — сказал Ресьинь. — Он так мечтал встретить звездолет Диегоня.

— Вы думаете, что он еще вернется? — с сомнением в голосе спросил Вьиньинь.

— Конечно вернется.

— Вряд ли. Экспедиция к Мьеньи должна была вернуться девятью днями тому назад, но она не вернулась.

— Мне кажется, что они нашли населенную планету, — сказала Дьеньи, — и тогда, конечно, задержались, чтобы ознакомиться с нею.

— Такая задержка предвидена в их плане. Девяносто два дня тому назад истек последний срок их возвращения.

— Что значат девяносто два дня? Я верю, что они вернутся. Так хочется увидеть моего знаменитого деда.

— Да, я совсем забыл! Ведь вы внучка Диегона.

— Я никогда не видела деда. Я родилась вскоре после того, как улетел звездолет. Через два года.

— Как вы еще молоды, Дьеньи!

Разговор снова прервался. Двое мужчин и девушка молча прислушивались, тревожно всматриваясь в темноту.

— Скорей бы рассвет!

Долгое время звери, бродящие по лесу, не подавали голоса. Тишину нарушал только шум деревьев, раскачивающихся под свирепыми порывами ветра. Громадные птицы, так недавно упорно нападавшие на путников, не появлялись больше.

На мгновение мелькнул и погас свет.

— До рассвета еще три часа, — сказал Вьиньинь.

Ночь становилась холоднее. Для каллистян, привыкших к теплу, она была слишком холодной.

Дьеньи задремала, прикинув к плечу Ресьиня. Он старался не шевелиться, чутко прислушиваясь к дыханию раненых. На сердце врача было тоскливо. Он знал, что пройдет еще несколько часов и это прерывистое дыхание прекратится навсегда. Помочь он не мог, но, хорошо зная, что смерть неизбежна, был готов в любую минуту сделать все, чтобы хоть ненадолго, но продлить жизнь.

Все события страшного дня неотступно стояли в его памяти.

Еще не прошло и тридцати часов после катастрофы, а она казалась уже далекой, так много пришлось пережить после нее.

* * *

Вместе с Линьгом — командиром звездолета — и Дьеньи Ресьинь ушел в то утро далеко от места стоянки корабля в лес, намереваясь пересечь его и выйти к горам, откуда брала начало небольшая речка, текущая возле их лагеря. Они хотели походить по горам и не взяли с собой крыльев.

Они шли по берегу, внимательно следя, не появится ли где-нибудь одно из тех гигантских животных, которые водились на Сетито. Линьг мечтал убить такое чудовище, сжечь его тушу, а скелет захватить с собой на Каллисто. До сих пор все попытки охоты на кетьра кончались неудачей.

Они отошли километров на восемь, когда случилось это.

День был безоблачный. Ярко сиял Рельос. И вот, затмевая блеск солнца, вся местность осветилась странным зелено-синим светом. Его источник был позади них.

Потом донесся гремящий гул взрыва.

Обернувшись, они увидели над лесом, в той стороне, где был корабль, громадное разноцветное облако, которое быстро поднималось, похожее на исполинский зонтик.

Несколько секунд они стояли, еще ничего не понимая, но смутно чувствуя, что случилось страшное.

— Звездолет! — отчаянным голосом крикнул Линьг и бросился бежать назад, словно мог пробежать восемь километров, отделявшие их от лагеря.

Ресьинь и Дьеньи побежали за ним.

... Полтора часа они то шли, то бежали, мучимые страхом неизвестности. Действительность оказалась хуже самых мрачных предположений.

В двух километрах от лагеря они встретили Вьиньиня. Штурман звездолета быстро шел

навстречу, неся в руках крылья.

— Я знал, куда вы пошли, — задыхаясь, сказал он. — Я пошел навстречу, чтобы предупредить — дальше идти нельзя.

— Что случилось? — спросил Линьг, и по его лицу было видно, что он знал, какой последует ответ.

— Звездолета больше не существует, — ответил Вьиньинь.

Линьг сжал голову руками. Но через минуту он овладел собой и обычным голосом спросил:

— Где вы были в это время?

— В двадцати пяти километрах к югу от корабля. Я летел к нему на значительной высоте и все видел. Не могу понять, как я не ослеп от вспышки. Корабль взорвался. От него ничего не осталось, так же как и от лагеря.

— Ничего не осталось, — повторил Линьг.

Ресьинь и Дьеньи не могли произнести ни одного слова от ужаса.

— А Льетьи, Вьеньонь, Синьянь? — спросил Линьг. — Они погибли?

— Синьянь вылетел на крыльях одновременно со мной, только в другую сторону, — ответил штурман. — А Вьеньонь ушел к большой реке. На корабле остался один Льетьи. Он говорил мне, что собирается проверить подачу в центральный двигатель.

— Отчего же произошел взрыв? — Линьг задумался. — Надо найти Синьяня и Вьеньоня, — сказал он.

— Я поищу их. — Вьиньинь надел крылья. — Не подходите к месту, где стоял корабль, излучения еще сильны.

— Мы будем ожидать вас на этом месте.

Штурман вернулся через час. Все это время трое каллистян молчали. Охватившее их горе было так сильно, что они не могли говорить. Гибель товарища и неизвестность об участи двух других вытеснили из их сознания факт гибели звездолета и того тяжелого положения, в котором они сами очутились.

Вьиньинь сообщил, что нашел обоих членов экипажа в разных местах, но на одном и том же расстоянии от уничтоженного взрывом лагеря.

— Оба получили ожоги, — сказал он, — так как в момент взрыва находились не дальше полукилометра от корабля. У Синьяня сломаны ноги. Он упал, сброшенный на землю взрывной волной; хорошо еще, что летел низко. У Вьеньоня тоже ранена нога. Оба ничего не видят.

— Где они? — поспешно спросил Ресьинь.

— Синьянь в километре отсюда, на опушке леса. Вьеньонь километрах в пяти, тоже на опушке.

— Давайте сюда ваши крылья, — сказал Ресьинь. — Я полечу к ним, а вы идите за мной.

Он быстро нашел пострадавших товарищей и оказал им первую помощь. В его кармане лежал футляр с необходимыми средствами, с которыми он никогда не расставался.

Оба каллистянина ослепли. Но не это встревожило Ресьиня. На Каллисто давно исчезло самое понятие о слепом человеке, медицина возвращала зрение в любом случае. Опасность заключалась в другом. Обследовав ожоги, врач убедился, что они грозят скорой смертью. Но с теми средствами, которые находились в его распоряжении, ничего нельзя было сделать. Он занялся ногами пострадавших.

Оба звездоплателя лежали на значительном расстоянии друг от друга, и врачу пришлось несколько раз перелетать от одного к другому.

Когда подошли Линьг, Вьиньинь и Дьеньи, они перенесли Синьяня к месту, где лежал Вьеньонь, и стали обсуждать, что делать дальше.

Остаться здесь не было никакого смысла. Лагеря, состоявшего из пяти палаток, где помещались научные приборы, больше не существовало. В полутора километрах они видели черную обгорелую яму. Никаких следов огромного космического корабля... Казалось, что

звездолет полностью испарился. Никто из них не сомневался, что корабль был уничтожен в результате соприкосновения изотопных материалов с антиизотопными вне двигателя. Ничто другое не могло бесследно уничтожить звездолет и лагерь. Но как могло произойти это соприкосновение? На этот вопрос мог ответить только инженер Льетти, но он погиб.

Было решено идти к станции, построенной на Сетито одной из предыдущих экспедиций. По прямой линии до нее было километров двадцать, но путь этот шел через лес, в котором водились огромные хищные животные.

Дорога была опасной, но другого выхода не было. Приходилось рисковать. Только со станции можно было сообщить на Каллисто о катастрофе и вызвать помощь. Там находилась установка межпланетной связи — бьеньета.

Вьеньонь мог идти сам, если его поддерживали под руку, но Синьяня пришлось нести.

— Быстрее! — торопил Линьг. — Как можно скорее надо уйти отсюда. Местность может быть заражена в результате взрыва.

Бросив последний взгляд на место гибели товарища, пятеро каллистян, неся на руках Синьяня, углубились в лес.

Им предстояло продираться через непроходимую чащу не менее двух суток. У них ничего не было для расчистки пути, даже ножей, одни только голые руки.

Вьеньонь вскоре почувствовал себя так плохо, что не смог идти. Сделали вторые носилки из веток и понесли обоих раненых. Уже через два часа пришлось остановиться на отдых. Прошли всего полтора километра.

— Положение из рук вон плохо, — резюмировал результаты короткого совещания Линьг. — Таким темпом мы не дойдем и в двое суток. Ночью идти нельзя, а день на Сетито короток. Надо лететь на станцию. Может быть, там найдется что-нибудь для расчистки пути. И продукты надо взять.

— А главное, сообщить на Каллисто, — добавил Вьиньинь.

Решили, что двое останутся на месте с ранеными, а двое других слетают на станцию, что не должно было занять много времени.

Полетел Линьг и Ресьинь (крылья Синьяня, по счастью, не пострадали при падении).

Когда они поднялись над лесом и товарищи не могли больше их слышать, Ресьинь сообщил командиру звездолета об истинном положении раненых. До сих пор он скрывал страшную правду главным образом из-за Дьеньи. Изотопный ожог распространялся в организме, и только быстрая помощь могла предотвратить смерть.

Линьг выслушал его внешне спокойно.

— Сколько времени они могут прожить? — спросил он.

— Если на станции найдется хоть что-нибудь из тех средств, которые нужны в этом случае, — ответил Ресьинь, — то все равно не более сорока восьми часов.

— Так быстро от Каллисто до Сетито не долететь, — с горечью сказал Линьг.

Станция межпланетной связи представляла собой небольшой домик, над которым возвышались огромные металлические кольца, вложенные друг в друга. Линьг знал, что на станции Каллисто всегда находится дежурный.

Он послал бьеньету и через сорок минут получил ответ.

Он был таким, как и ожидал Линьг. Помощь могла прийти только через сто семьдесят часов.

Это означало, что Синьяня и Вьеньонь обречены на неминуемую смерть.

На станции не нашлось никаких орудий, годных для расчистки пути по лесу. Захватив с собой сумку с медикаментами, продукты и маленькую переносную бьеньету и договорившись с Каллисто о времени следующей связи, Линьг и Ресьинь полетели обратно и вскоре присоединились к товарищам.

За оставшиеся часы дня прошли еще пять километров. С наступлением темноты расположились на отдых. Все были измучены, но о сне не могло быть и речи. Все время нужно было находиться в готовности отразить нападение зверей и гигантских птиц.

Как только взошел Рельос, тронулись дальше.

Идти было невероятно трудно, да еще с носилками. Попаленные деревья, кустарник и перепутанные лианы на каждом шагу преграждали дорогу. Приходилось обходить их, а иногда возвращаться назад и искать другой путь. К ночи прошли еще семь километров. Примерно столько же осталось до станции.

Если бы не Ресьинь и его средства, они выбились бы из сил, особенно Дьеньи. Три раза в день врач звездолета давал всем какие-то темные таблетки и заставлял глотать их. Таблетки были совершенно безвкусными, но хорошо поддерживали силы и разгоняли сон.

Вторую ночь в лесу, на случайно встретившейся обширной поляне, с ними не было Линьга. Он улетел на станцию, чтобы следить за сигналами летящего с Каллисто звездолета.

Они все еще надеялись, что помощь каким-то образом придет вовремя.

Раненым становилось все хуже. Ресьиню было ясно, что конец близок.

* * *

Ночь была на исходе. Рассвет на экваторе планеты наступал быстро.

Рев и вой кетьров прекратился к утру. Птицы больше не появлялись. Шесть штук было убито ночью.

Находясь на Сетито, каллистяне не расставались с кью-дьяями. («Кью-дьяели» в переводе на русский язык означает приблизительно: — искусственная молния". У каллистян кью-дьяели были ручным оружием, вроде наших пистолетов.) Это давало им надежную защиту от птиц, но будет ли действительно их оружие против гигантских кетьров, еще не было проверено на практике. Пока еще ни один зверь не напал на путников.

В течение ночи Линьг несколько раз говорил с товарищами по бьеньетосвязи. Он сообщил им, что экипаж летящего на помощь корабля довел ускорение до максимально возможного предела, но все же раньше чем к утру следующего дня не мог достигнуть Сетито.

— Они напрасно рискуют, — сказал Ресьинь. — Все равно будет поздно.

Предутренний холод становился сильнее.

Ночью, из осторожности, не разжигали костра, но теперь, когда звери и птицы не появлялись больше и не были слышны, Вьиньинь, оставшийся в отсутствие Линьга старшим, разрешил развести огонь.

Сучьев было сколько угодно, и скоро пламя весело заиграло на поляне.

— Вот уж не думала, что мне придется когда-нибудь отогреться теплом огня, — сказала Дьеньи. — О кострах я только читала в книгах.

— Скоро прилетит Линьг, — сказал Вьиньинь. — И мы пойдем дальше, в последний переход.

— Это еще вопрос, будет ли он последним, отозвался Ресьинь. — Кто может знать, каков лес впереди.

Раздалось мелодичное гудение. Экран портативной бьеньеты замерцал синеватым светом. Появилось уменьшенное, но отчетливо видимое лицо Линьга. Все сразу заметили, что их командир чем-то сильно возбужден.

— Друзья! — сказал Линьг, и его голос звучал взволнованно и радостно. — Я только что говорил с Дигоном!

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Трудно представить эффект, произведенный этим сообщением.

— С каким Дигоном? — воскликнули все трое.

Дьеньи на мгновение показалось, что Линьг говорит об ее отце.

— С командиром межзвездного корабля, с кем же еще! — радостно ответил Линьг. —

Они летят к нам!

— Летят к нам?!

— Подлетают к Сетито. Диегонь сказал, что они перехватили наше сообщение о катастрофе и повернули звездолет к Сетито. Ждите на месте. Я должен давать Диегону пеленг.

— Далеко они? — спросил Ресьинь, но экран погас и ответа не последовало.

— Очевидно, очень близко, — сказал Вьиньинь, — раз дело дошло до пеленга.

— Но это значит... — начала Дьеньи.

— Да! — звенящим голосом ответил Ресьинь. — Да, Дьеньи! Это значит, что Вьеньонь и Синьянь останутся живы. На корабле Диегоня должны быть средства оказания помощи в любом мыслимом случае. Но прилетят ли они вовремя? Успеют ли?

— Успеют, — уверенно сказал Вьиньинь. — Я хорошо помню описание корабля Диегоня. На нем очень маломощная станция. Ведь тогда техника бьеньетосвязи только нащупывала пути межпланетных передач. Экипаж корабля может принимать бьеньеты, но сам не может посылать их далеко. Если Линьг разговаривал с Диегоном, то это значит — звездолет совсем рядом.

Усталости от бессонной ночи как не бывало. Они с нетерпением ожидали следующего сообщения Линьга. Было досадно, что нельзя самим слышать, как он давал пеленг космическому кораблю. Их переносная бьеньета имела жестко ограниченный диапазон.

Вьеньонь и Синьянь продолжали спать и не знали о радости, переполнившей сердца их товарищей, не знали, что их собственное спасение близко.

Рассвет приближался. Облака, плотной пеленой затянувшие небо, посветлели и начали расходиться. На востоке виднелась чистая голубая полоса, предвещавшая ясный день. Порывистый ветер, дувший всю ночь, почти совсем прекратился, и в лесу стояла полная тишина. Долгожданное сообщение, наконец, пришло. Засветился экран, и на нем появилось лицо Линьга.

— Звездолет Диегоня, — сказал он, — находится в атмосфере Сетито. Он летит прямо на станцию, строго по пеленгу. Следите за западной стороной.

Быстро рассветало; вот-вот появится над горизонтом диск Рельоса, но западная сторона неба, видная над верхушками леса, была еще совсем темной.

С глубоким волнением трое каллистян ожидали появления легендарного корабля. Одиннадцать лет (двадцать два года по-земному) все население Каллисто думало и говорило о нем, о двенадцати смелых людях, впервые в истории отважившихся покинуть планетную систему Рельоса и направиться к соседней звезде в поисках жизни. Одиннадцать лет каллистяне ждали их возвращения, и вот они вернулись, вернулись спасителями попавших в беду товарищей.

Это был прекрасный финал подвига!

И вот далеко-далеко на облаках появился свет. Сначала он казался точкой, нужно было ожидать его, чтобы заметить, потом стал быстро приближаться и увеличиваться в яркости. Круглое светлое пятно двигалось прямо на поляну.

— Звездолет летит выше облаков, — сказал Вьиньинь. — Его прожектор освещает их сверху.

Ослепительно блеснуло, и длинный прямой луч упал на землю. Космический корабль опустился под облака.

В это мгновение лучи восходящего Рельоса коснулись неба над лесом. Сразу стало совсем светло, и трое каллистян увидели, как из облаков плавно показался и засверкал белый шар.

Его внешний вид был им хорошо известен по бесчисленным описаниям, рисункам и фотографиям. Ярко освещенный Рельосом, весь на виду, звездолет летел прямо на них, постепенно опускаясь. Прожектор погас.

Они услышали сильный, стремительно приближающийся шум, точно внезапная буря налетела на лес.

Минуту спустя ураганный ветер обрушился на поляну.

Опрокинутые на землю, трое каллистян не успели увидеть, как пронесся над ними гигантский корабль. Когда они поднялись на ноги, потревоженный лес шумел уже где-то далеко на востоке.

Ошеломленные падением, они все же сразу вспомнили о раненых, лежавших на земле, и бросились к ним.

— Теперь вы не умрете, дорогие, — говорил Ресьинь, осторожно снимая лепестки, прилипшие к лицам спавших товарищей.

Дьеньи подняла упавшую бьеньету и осмотрела ее.

— В порядке, — с удовлетворением сказала девушка.

— Ну вот и хорошо, — отозвался Вьиньинь, с беспокойством наблюдавший за ней. — Линьг не замедлит сообщить нам о приземлении корабля.

Он еще говорил, когда раздался мелодичный гудок вызова. Появилось лицо Линьга.

— Звездолет опустился в километре от станции, — сказал он. — Сейчас я полечу к нему. Не покидайте поляны. Скоро будем у вас.

— Скорее бы! — вздохнул Ресьинь, когда экран погас.

Теперь, когда помощь была так близка, ему казалось, что она опоздает. Он с тревогой всматривался в лица раненых.

День уже вступил в свои права. Половина неба очистилась от облаков, и лучи Рельоса разогнали ночной холод.

Хотя Сетито находилась гораздо дальше от Рельоса, чем Каллисто, для каллистян, одетых в меховые комбинезоны, было достаточно тепло. Человек Земли чувствовал бы себя совсем хорошо; температура воздуха была не меньше двадцати градусов выше нуля.

Но трое каллистян, находившиеся на поляне, не подозревали даже о существовании Земли.

Ждать пришлось всего полчаса.

Как раньше они смотрели на запад, ожидая появления звездолета, так теперь все трое не спускали глаз с восточной стороны, откуда должны были появиться Линьг и закончившие на Сетито свой межзвездный полет отважные звездоплыватели.

— Кто из них прилетит к нам? — ни к кому не обращаясь, спросила Дьеньи.

— Вероятно, Диегонь и, разумеется, Синьг, — ответил Ресьинь. — А может быть, и еще кто-нибудь. Скоро, Дьеньи, вы увидите своего деда.

— Я так мечтаю его увидеть, — сказала Дьеньи.

Пять точек появились вдаль, быстро приближаясь к поляне.

Прилетевшие опустились метрах в двадцати от потухшего костра и, сняв крылья, направились к ожидавшим их каллистянам, взволнованным этой необычайной встречей на необитаемой планете.

Дьеньи вдруг схватила и сжала руку Ресьиня.

— Кто это? — прошептала она.

Но Ресьинь и Вьиньинь сами уже увидели и замерли от удивления и неожиданности.

Впереди, рядом с Линьгом, шел врач звездолета Синьг, а рядом с ним...

Одетый в легкий, совсем не подходящий к климату Сетито костюм невиданного покроя, к ним подходил невысокого роста человек с бледно-розовым, почти белым лицом. У него были светлые волнистые волосы. Черты лица, похожие на черты каллистян, казались более мелкими и не такими резкими. Необычайного разреза, широко открытые глаза были синего цвета. Красные губы улыбались. Его руки, видные из рукавов коричневой кожаной рубашки, были, как и лицо, светлыми.

Немного позади шли Мьеньонь и Бьяининь. Диегоня не было среди прилетевших.

Ресьинь и его товарищи готовились восторженно встретить прославленных звездоплывателей, с нетерпением ждали момента, когда, наконец, увидят их. И вот долгожданные члены легендарного экипажа здесь, перед ними, а они внезапно потеряли способность говорить и двигаться. Появление загадочного незнакомца так поразило их, что

они смотрели только на него, забыв обо всем на свете.

Голос Синьга вывел их из состояния оцепенения.

— Поздоровайтесь же с нами, — сказал он. — И обнимите нашего гостя. Его зовут Петр Широков. Он с далекой прекрасной планеты, которую нам посчастливилось найти. Его товарищ остался на корабле и ждет вас.

«Их двое, этих странных людей, — подумала Дьеньи. — Они жители другого мира!»

Все трое сразу поняли смысл услышанного, все огромное значение слов Синьга.

Каллистяне давно отказались от мысли, что только на их планете существует разумная жизнь. На планете Кетьо они видели таких же, как они сами, людей, правда, стоявших еще на низкой ступени, наделенных развивающимся разумом. Было несомненно, что в просторах Вселенной существует бесконечное количество планет, несущих на себе жизнь. Но им казалось, и наука подтверждала это, что Мьеньи слишком холодная звезда, чтобы на ее планетах могла развиваться жизнь, подобная каллистянской. Подавляющее большинство ученых Каллисто считало, что экспедиция Диегоня вернется ни с чем. Только он сам и одиннадцать его товарищей верили, что у Мьеньи они найдут разумную жизнь, и с этим убеждением отправились в свой далекий путь.

И вот они оказались правы!

Под лучами Рельоса, на поляне девственного леса Сетито, перед тремя каллистянами стоял человек, ничем не напомиавший диких обитателей Кетьо.

Он был другим существом, не похожим на каллистян ростом, цветом кожи, глаз, губ, но это был высокоразумный обитатель неизвестной им планеты, живущей под светом Мьеньи.

Трое каллистян чувствовали глубокую радость, что им первым выпала счастливая судьба приветствовать посланцев планеты, даже названия которой они еще не знали.

Все трое одновременно сделали шаг навстречу синеглазому пришельцу.

Он улыбнулся и сказал на чистом каллистянском языке, чуть твердо выговаривая слова:

— Здравствуйте, друзья! Приветствую вас от имени человечества Земли, пославшего нас к вам. Диегонь и его товарищи прилетели на Землю и познакомились с нашей жизнью. Теперь мы направляемся на Каллисто, чтобы познакомиться с вашей. Я знаю, что нас ждет дружеский прием. Еще раз здравствуйте, друзья!

— Пожмите ему руку, — сказал Синьг. — На их родине такой обычай.

— Зачем? — сказал Широков. — На Каллисто другой обычай, и я буду придерживаться его.

Он обнял Ресьяня, стоявшего ближе всех, и провел пальцами по его лбу. Взволнованный врач ответил тем же.

Широков повернулся к Дьеньи. Уже подняв руки для объятия, он вдруг опустил их, пристально всматриваясь в черты лица стоявшего перед ним стройного молодого каллистянина, одетого в такой же серый комбинезон с красным мехом на воротнике, как и другие. Он не мог сказать почему, но лицо Дьеньи показалось ему знакомым.

— Вы женщина? — спросил он.

— Да, — удивленно ответила Дьеньи.

— Тогда, — сказал Широков, — я особо приветствую вас, первую женщину Каллисто, которую я увидел.

Дьеньи обняла его. Нежное прикосновение ее пальцев глубоко взволновало Широкова. Неожиданно для себя он взял ее руку и поцеловал.

— На Земле есть такой обычай, — пояснил он, видя удивление не только новых, но и старых своих друзей.

Он был смущен своим поступком. Чем-то далеким и почти забытым повеяло на него. Он вспомнил свою мать, единственную женщину, руку которой он целовал в детстве. Лицо Дьеньи, чуждое ему — человеку Земли, вдруг показалось родным и милым.

— Ваше лицо, — сказал он, чтобы скрыть свое смущение, — кого-то мне напоминает.

— Меня зовут Дьеньи, — сказала девушка. — Я внучка человека, которого вы хорошо

знаете.

— Кого же?

— Рьига Диегона.

Этот ответ поразил не только Широкова, но и Синьга, Бьяининя и Мьеньоня.

— Внучка Диегона? — одновременно переспросили все четверо.

Широков понял, почему ее лицо показалось ему знакомым. Он даже удивился, что сам не догадался, кто перед ним. Поразительное сходство теперь бросалось в глаза.

— Диегонь никогда не говорил нам о вас, — сказал Мьеньонь.

— Он сам не знает о моем существовании, — улыбнулась Дьеньи.

— Чья вы дочь?

— Вьега Диегона.

— Замечательный сюрприз нашему командиру, — сказал Бьяининь.

Пока Широков знакомился с тремя каллистянами, Синьг не терял даром времени. Он достал небольшой аппарат и установил его на земле возле Синьяня.

— Надо обнажить место ожога, — сказал он.

Ресьинь и Линьг принялись помогать ему. Меховой комбинезон был расстегнут, а одежда под ним разрезана. Раздеть раненого они не решились, так как для каллистянина воздух был слишком холодным. Один Широков не чувствовал холода.

На черной груди Синьяня резко выделялись серые пятна.

— Ожог проник очень глубоко, — сказал Синьг. — Если бы мы опоздали... А другие ожоги есть? — перебил он сам себя, обращаясь к Ресьиню.

— Есть на ногах, но наиболее опасны эти.

Синьг включил аппарат. Серые пятна внезапно превратились в зеленые.

Широков, позабыв о новых знакомых, внимательно следил за процессом. Он уже достаточно знал о медицине Каллисто и разбирался в лечебных аппаратах, но видеть их в действии ему не приходилось, кроме того далекого случая, когда Синьг, в его присутствии, удалял из тела Вьеньяня пули Ю Син-Чжоу. Как давно это было! Каким чудесным казался тогда прибор Синьга земным медикам, и каким простым оказался он, когда Синьг объяснил его устройство и принцип работы.

Стоя в отдалении, вместе с другими каллистянами, чтобы не мешать врачам, Дьеньи не спускала глаз с лица Широкова.

«Так вот как они выглядят, — думала девушка. — Похожи и не похожи на нас. Белые каллистяне. Как хорошо, что мои опасения не оправдались».

Дьеньи была молода, впечатлительна и склонна к мечтательности. С раннего детства от своего отца она слышала бесконечные рассказы о звездолете, улетевшем к далекой звезде, и о его командиру. Все дети Каллисто знали имена отважных звездоплывателей, и Дьеньи радовалась и гордилась тем, что один из них ее дед. Она любила мечтать о времени, когда звездолет вернется.

Дьеньи часто представляла себе неизвестную планету, которую найдет ее дед, и обитателей этой планеты. В ее детском воображении они рисовались во всем подобными каллистянам.

Шло время; ребенок превратился в девушку, но мечты о людях иного мира по-прежнему волновали Дьеньи. Думать о них стало ее привычкой.

Она сама стала астронавтом, увидела обитателей Кетью, но они никак не могли служить воплощением ее мечты.

Наивные детские представления сменились знаниями взрослого человека. Дьеньи уже не думала, что жители другой планетной системы обязательно должны быть копиями каллистян. Она знала, что формы жизни бесконечно разнообразны. Но увидеть своими глазами «человека Мьеньи» оставалось ее затаенной мечтой.

Пусть даже это существо окажется совсем не похожим на каллистян, но обладающее разумом, а следовательно родственное.

И вот совсем не так, как она ожидала, мечта стала явью. «Человек Мьеньи» перед ней,

и формы его тела совсем не причудливы, а самые обычные. И его белое лицо даже своеобразно красиво.

«Какие странные у него глаза! Синие, как небо Сетито. И как широко открыты... А губы красные. Как странно! Наверное, это потому, что кожа на них тонка и просвечивает кровь».

Она вспомнила, как эти губы коснулись ее руки. Они были нежны и мягки.

«Какой удивительный обычай — касаться губами руки женщины! Моя рука, наверное, показалась ему грубой».

Она посмотрела на руку Широкова. Рука была почти белая и чуть ли не прозрачная.

Дьеньи вдруг захотелось коснуться этой руки своими губами. Горячая волна крови прилила к ее лицу, и щеки девушки посерели.

Она ничего не знала о поцелуе. Даже такого слова не было на каллистянском языке.

Широков чувствовал на себе взгляд Дьеньи. Ему хотелось, чтобы она отвернулась, перестала его рассматривать. В ее глазах он, вероятно, выглядит уродом. Ведь она привыкла к черному цвету и резким, определенным чертам лица.

За эти годы Широков и Синяев настолько пригляделись к каллистянам, что перестали замечать разницу между собой и ими. Но они помнили, какими необычайными казались каллистяне в первые дни их пребывания на Земле.

Ей, этой девушке с Каллисто (то, что Диегонь не знал о ее существовании, доказывало, что Дьеньи очень молода), должен казаться странным цвет его кожи. Белое лицо, красные губы, синие глаза, — Широков впервые подумал, что такое разнообразие красок может производить неприятное впечатление.

«Ну что ж! — решил он. — Пусть смотрит. Надо привыкать к этому. На Каллисто все будут нас рассматривать».

Он нахмурился и, не обращая больше внимания на Дьеньи, сосредоточенно наблюдал за операцией.

Синьг медленно вращал маленький диск на корпусе аппарата, усиливая, как знал Широков, невидимый поток нейтронных частиц. Зеленый цвет места ожога постепенно темнел, переходя в фиолетовый. Это продолжалось около часа.

— Теперь второй, — сказал Синьг.

Та же процедура была проделана над Вьеньонем.

Пораженные места покрыли толстым слоем остро пахнувшей мази и забинтовали. Оба раненых все еще не проснулись.

— Теперь все в порядке, — сказал Синьг, вставая. — Окончательную обработку произведем на звездолете.

Не задерживаясь, тронулись в путь. Раненых несли по очереди.

Мьеньонь и Дьеньи шли впереди, расчищая дорогу, уничтожая препятствия «лучами» ультразвука.

Звери и птицы не показывались. Только один раз донесся издалека рев и вой кетьра.

Наконец вышли из лесу, и перед ними открылась равнина, уходящая за горизонт. Впереди была видна станция, стоявшая на невысоком холме, а справа от нее — белый шар космического корабля.

Над ним летало несколько членов экипажа, ожидавших появления из леса своих товарищей. Как только они показались, четверо направились в их сторону, быстро приблизились и опустились возле них на землю. Это были Диегонь, Вьеньянь, Ленъиньг и Синяев.

Прежде чем приветствовать своих соотечественников, Диегонь обратился к Синьгу с вопросом о раненых.

— Они вне опасности, — ответил врач корабля.

Дьеньи сразу узнала Диегоня. Она смотрела только на него, не видя даже Синяева, на котором сосредоточилось внимание ее спутников.

В их доме на Каллисто всюду были скульптуры Диегоня, и Дьеньи хорошо знала

суровые и резкие черты его лица. И вот он перед ней, постаревший, еще более суровый, чем на портретах, но с тем же родным лицом.

Она стояла немного в стороне от других, и Диегонь, поздоровавшись с Ресьином и Вьиньинем, подошел к ней последней.

— Я рад видеть столь юную представительницу нашей науки, — ласково сказал он, обнимая ее.

Дьеньи прижалась лицом к его груди. Ее руки остались опущенными, и Диегонь почувствовал, как сильно дрожит все ее тело от непонятого ему глубокого волнения.

Он заметил внезапно наступившее молчание и оглянулся на своих спутников.

Никто не смотрел в их сторону. Каллистяне и оба человека с Земли, словно намеренно, отвернулись.

Еще не догадываясь о причине такого поведения товарищей, Диегонь осторожно, но решительно поднял рукой ее голову и внимательно всмотрелся в черты ее лица.

— Как вас зовут, девушка? — спросил он, уже не сомневаясь в том, какой последует ответ. Эти черты были ему слишком хорошо знакомы.

— Дьеньи Диегонь, — ответила она и еще сильнее прижалась к нему.

НА МЕЖПЛАНЕТНОЙ СТАНЦИИ

Здание стояло на холме, склоны которого были искусственно срезаны, очевидно для того, чтобы сделать невозможным доступ на него огромным животным Сетито. Наверх вела узкая лестница, высеченная в каменистом грунте.

Станция была построена без всяких украшений, в форме голубого куба. На каждой стене было два окна, высоких, но очень узких, напоминавших скорее щели, чем окна, без рам и стекол.

Линьг объяснил, что это сделано для защиты оборудования от птиц, которые могли проникнуть внутрь, если бы окна были широкими. «Станция, — сказал он, — построена давно и потому имеет окна. Такая же станция на Кетьо, построенная позже, без каких-либо отверстий». «Значит, она освещается искусственно?» — спросил Синяев. — «Нет, ее стены прозрачны».

Огромные кольца, диаметром не меньше пятидесяти метров, тускло блестевшие под лучами Рельоса, непонятно как держались над плоской крышей.

Широков и Синяев с интересом рассматривали эти кольца и самый дом. Это была первая увиденная ими в жизни межпланетная «радиостанция», и они не могли смотреть на нее без волнения, думая о сверхмощных «генераторах», которые посылали свои «волны» на столь исполинское расстояние, делали возможным разговор между планетами.

И кроме того, это было не радио, а что-то совсем иное, основанное на других принципах.

Станция бьеньеты была вершиной современной каллистянской техники. До старта звездолета Диегоня, двадцать два года тому назад (одиннадцать лет по каллистянскому счету), на соседних с Каллисто планетах таких станций еще не было. Диегонь, Мьеньонь и их товарищи, так же как люди Земли, видели ее в первый раз.

— Вероятно, — спросил Широков, — разговор возможен только тогда, когда между Каллисто и Сетито кратчайшее расстояние?

— Нет, это не имеет значения, — ответил Линьг. — Разговор возможен всегда, за исключением тех случаев, когда Сетито и Каллисто находятся на одной линии с Рельосом, по разные стороны от него. Тогда бьеньеты дойти не могут. Но мы учитываем это обстоятельство, и экспедиции организуются, только когда связь бесперебойна.

— Почему не могут? — спросил Синяев.

— Потому, что поле Рельоса очень мощно.

— Поле гравитации?

— Да, разумеется.

Синяеву этот ответ дал многое. Он уже смутно подозревал, на чем основываются передачи сообщений с планеты на планету. Наука Земли вплотную подошла к раскрытию тайны тяготения и уже достоверно знала, что энергия гравитации распространяется почти мгновенно, неизмеримо быстрее энергии света.

— С какой скоростью идет передача? — спросил он, желая окончательно убедиться, что догадка верна.

На лице Линьга появилось странное выражение. Он словно смутился. Казалось, ему чего-то стало стыдно.

— Мы знаем, — извиняющимся тоном ответил он, — что передача должна проходить мгновенно. Но она почему-то задерживается. Скорее всего, в этом виноваты аппараты связи. Передача доходит только вдвое быстрее луча света. А у вас? — спросил он, понижая голос.

«Так вот почему он смутился, — подумал Синяев. — Ему стало неловко за „отсталость“ техники Каллисто. Он думает, что мы достигли большего».

Он чуть не рассмеялся. Технике его родины еще далеко до бьеньеты каллистян.

На вопрос Линьга Синяев ничего не ответил и задал встречный вопрос:

— Что вам дают экспедиции на соседние планеты?

— Каждая планета развивается своим путем, и изучение этих путей — благодарная задача. Легче понять пути развития нашей планеты. В этом вопросе еще много неясного.

Линьг, Ресьинь, Вьиньинь и Дьеньи после первого, вполне понятного и естественного удивления ничем не выказывали любопытства, которое должны были вызывать в них люди Земли. Отношения сразу стали простыми. Широков подумал, что деликатность свойственна не только экипажу звездолета, но является общей чертой характера каллистян, чертой, воспитанной в них коммунистическим строем их жизни. Назойливое любопытство, очевидно, было им чуждо.

«А Дьеньи, — вспомнил он. — Она так настойчиво рассматривала меня в лесу. Значит, женщины Каллисто более любопытны, чем мужчины».

Но он тут же отверг этот вывод. Поведение Дьеньи имело какую-то особую причину.

Широков уже привык, что каллистяне всегда с полной откровенностью высказывали свои мысли. Он был уверен, что Дьеньи ответит ему с такой же откровенностью, и он решил спросить ее при первом удобном случае.

Они подошли к самому холму и остановились у подножия лестницы.

По обе стороны входа стояли две статуи — вернее, барельефы, высеченные на поверхности круглых столбов, от которых начиналась лестница. Столбы были около трех метров высотой.

Широков и Синяев знали, что самым распространенным на Каллисто видом искусства была скульптура.

— Давно они тут стоят? — спросил Диегонь.

— Поставлены пять лет тому назад.

— Вы были на Сетито раньше? — спросил Широков.

— Был два раза, — ответил Диегонь. — Но этих статуй, так же как и этих колец, — он кивнул на крышу, — тогда еще не было.

— Что помещалось тогда в этом доме?

— Ничего. Просто дом отдыха экипажей. Синяев внимательно рассматривал барельефы. Каменные черты одного из каллистян показались ему знакомыми. Он взгляделся пристальнее.

— Кажется, это вы? — обратился он к Мьеньюню.

— Вы не ошиблись, — ответил инженер. — Это действительно я. Дело в том, что я был в числе четырех членов экипажа звездолета, первым посетившего эту планету. Чья это работа? — спросил он, повернувшись к Линьгу.

Тот назвал имя. Оно было, конечно, совершенно неизвестно Широкову и Синяеву, но, очевидно, хорошо известно каллистянам.

— Вот как! — сказал Мьеньонь. — Не знал, что удостоился такой чести.

— Это еще вопрос, — сказала Дьеньи, — кто удостоился чести: вы или автор памятника.

Мьеньонь улыбнулся.

— Вы слишком высоко ставите нас, — сказал он.

— Разве можно поставить вас выше, чем вы стоите? — возразила Дьеньи.

— Давайте поднимать раненых. — Мьеньонь уклонился от дальнейшего разговора на эту тему.

«Интересно, — подумал Широков, — сохранилось ли у каллистян чувство тщеславия? Общественный строй их жизни как будто не оставляет для него никакой почвы».

Диегонь ласково посмотрел на внучку.

— Энтузиастка! — сказал он. — Вам самой надо слетать на Зьемлю. (На Каллисто не существует местоимении. Все каллистяне независимо от родства обращались друг к другу без «вы» или «ты». Автор пользуется местоимением «вы» для удобства изложения.)

Дьеньи ничего не ответила.

Широкову все больше и больше нравилась эта девушка.

Чем-то неуловимым она напоминала ему ту, которая была его невестой и умерла, не успев стать женой.

Синьяня и Вьеньоня осторожно подняли по лестнице. Они продолжали спать, их лица были неподвижны и безучастны.

Вслед за несшими носилки поднялись остальные.

Лестница оканчивалась у самой двери. Правда, в первый момент ни Широков, ни Синяев никакой двери не увидели. Стена казалась такой же, как во всех других местах. Но Линьг нажал на едва заметную кнопку, и часть стены сдвинулась с места, отошла немного назад и поднялась. Образовался проход шириной не больше полуметра. Носилки из веток не могли пройти через эту дверь. Каллистяне на руках внесли раненых внутрь. За ними прошел Синьг.

— Почему дверь так узка? — спросил Широков.

— Для защиты от летающих животных, — ответил Вьиньинь. — На Сетито их много. Птица может налететь на дверь и случайно нажать на кнопку. Ведь мы прилетаем сюда нечасто.

— Внимание! — раздался голос Дьеньи. — Гисельи!

Все поспешно обернулись.

Со стороны леса к холму приближались огромные крылатые существа. Их было не менее пятнадцати.

— Старые знакомые! — сказал Мьеньонь.

Гисельи быстро подлетали. Их перепончатые крылья издавали шелестящий звук. Даже среди дня светились на тупых мордах зеленые глаза. Уродливые тела, с длинными, несколько раз согнутыми ногами, на концах которых были видны острые когти, достигали в длину трех метров. Не то звери, не то птицы — гисельи летели не прямо, а порывистыми зигзагами, судорожно метаясь из стороны в сторону.

— Сегодня ночью мы убили шесть штук, — сказала Дьеньи.

Она первая достала оружие. Широков, наблюдавший за нею, не заметил ни малейшего признака страха или волнения. Эта девушка, едва вышедшая из детского возраста, вела себя так же спокойно, как мужчины, только что вернувшиеся из звездного рейса.

Ее спокойствие было неприятно Широкову.

«Если бы она проявила женскую слабость, — подумал он, — то стала бы больше похожа на девушек Земли».

Вслед за каллистянами, очевидно решившими не прятаться от гисельи внутри станции, Широков и Синяев достали пистолеты.

Перед тем как выйти из корабля на землю Сетито, Диегонь предложил им кью-дъели, но они отказались, предпочитая привычное земное оружие, которое, в числе прочих вещей, оказалось в их багаже. Кто и зачем положил его в чемоданы, они не знали. Но теперь пистолеты пригодились.

Гисельи приближались. Вот-вот раздадутся выстрелы и протянутся навстречу хищникам огненные нити кью-дъелей.

Но птицы внезапно круто повернули в сторону и направились к белому шару звездолета. Может быть, они испугались такого количества людей?

— Нет, — ответил Мьеньонь на вопрос Синяева, — гисельи ничего не боятся. Кто их знает, почему они передумали.

На вершине корабля виднелась крохотная фигурка кого-то из экипажа.

— Видит ли он их? — тревожно сказал Диегонь.

— Наверное, видит.

Гисельи все ближе подлетали к шару, где все так же стоял одинокий человек.

— Почему он не спускается вниз? — топнув ногой, сказал Диегонь. — Их слишком много. Ему не справиться со всеми.

Синяев достал из чехла сильный бинокль и поднес его к глазам.

— Это, кажется, Ньяньиньг, — сказал он. — Он что-то рассматривает на той стороне и стоит спиной к птицам.

Но если Ньяньиньг не видел опасности, то должен был слышать шум крыльев. Никаких признаков, что он знает о птицах и готов отразить нападение, не было заметно.

— Идите вниз! — крикнула Дьеньи, точно инженер мог слышать ее на таком расстоянии.

— Ваше бесшумное оружие здесь бесполезно, — сказал Широков. — Попробуем наше.

Он поднял пистолет и три раза выстрелил в воздух.

— Обернулся, — сказал Синяев.

Было видно, как Ньяньиньг метнулся к люку подъемной машины. Едва он скрылся, гисельи пролетели над самой вершиной шара. Синяев видел в бинокль, как одна из птиц ударилась о кессиндовую поверхность.

— Еще секунда промедления, — сказал он, опуская бинокль, — и она схватила бы его.

— Спасибо, Петя, — сказал Диегонь.

— Каллистяне во всем избегают шума, — засмеялся Широков. — Но иногда шум может оказаться полезным.

— Кетьр! — воскликнула Дьеньи.

— Так вот он на что засмотрелся! — сказал Линьг.

Зверь только что показался из-за корабля. По-видимому, он обходил его кругом, рассматривая незнакомый предмет. Благодаря тому, что кетьр находился возле корабля, размеры которого были хорошо известны людям, они смогли составить ясное представление о размерах животного.

— Чудовище! — сказал Синяев.

Ничего другого и нельзя было сказать. Зверь, не менее шести метров в высоту и двенадцати в длину, вполне заслуживал названия чудовища. Даже рядом со звездолетом он казался огромным. Темно-серая туша на невероятно толстых коротких ногах, казалось, не шла, а ползла по равнине. Раздвоенный хвост волочился по земле. Непропорционально тонкая шея оканчивалась маленькой головой, которую нельзя было рассмотреть на таком расстоянии даже в бинокль. Обнаженное, без шерсти, тело кетьра тускло блестело.

— Я во что бы то ни стало хочу увидеть его вблизи и сфотографировать, — сказал Широков. — Когда еще выпадет случай встретить живого бронтозавра? (Бронтозавры —

гигантские животные из группы динозавров, жившие на Земле в мезозойскую эру.)

В возбуждении он даже не заметил, что говорит по-русски. Бьянинь перевел его слова.

— Откуда вы хотите его снять? — спросил Линьг.

— С корабля, — ответил Широков.

Он поспешно стал надевать крылья. Фотоаппарат висел у него на плече, и за время короткого пребывания на Сетито было сделано уже много снимков.

— Я не пушу тебя одного, — сказал Синяев.

— Только не вздумайте опускаться на землю, — предостерег их Дьенгь. — Кетьр очень опасен и, несмотря на внешнюю неуклюжесть, может бегать очень быстро.

— Мы будем об этом помнить, — ответил Синяев.

— Может быть, лучше не надо? — сказала Дьенгь, и Широков вдруг вспомнил, что точно такие же слова сказал ему Куприянов в тот памятный день, когда он впервые собирался лететь на крыльях вместе с каллистянами, после их выхода из шара на поле под Курском.

Где сейчас Михаил Михайлович? Жив ли он? Вспоминает ли о нем?..

— Осторожнее, — тихо прибавила Дьенгь, и в узких прорезях ее темных глаз Широкову почудился мелькнувший огонек.

— Кетьр же не летает, — ответил он. — Какая же может быть опасность? А гиселий давно уже не видно.

Они сразу включили полную скорость, опасаясь, что зверь отойдет от звездолета и тогда окажется на снимке слишком мелким. Расстояние в один километр, отделявшее корабль от холма, преодолели за одну минуту.

С близкого расстояния кетьр казался еще более неуклюжим, чем издали. Они хорошо рассмотрели его морщинистую, как у земного слона, голую кожу и странно маленькую плоскую голову.

— Настоящий бронтозавр! — крикнул Широков.

Синяев кивнул головой.

Кетьр, очевидно, услышал. Он поднял голову, и они увидели его злые глаза, так же, как у гиселий, горевшие зеленым огнем.

Опустившись на вершину шара, Широков поспешно снял крылья и взялся за аппарат. Кетьр был виден отсюда как на ладони.

Снимок за снимком Широков использовал всю пленку. Жалеть не приходилось, — такой случай мог никогда не повториться.

— Ну вот и все! — облегченно вздохнул он, щелкнув последний раз затвором и сняв, через телеобъектив, морду зверя. — Жаль, что нет киноаппарата.

Но, оглянувшись, он никого не увидел позади себя. Синяев исчез. Его крылья лежали у люка подъемной машины.

«Пошел за камерой», — обрадовался Широков.

Кетьру, очевидно, надоел корабль. Он медленно повернулся и пошел к лесу, не оборачиваясь.

— Он не считает нас опасными для себя, — сказал Синяев, снова появляясь наверху в сопровождении Ньяньингя. — Отойди немного!

У него в руках была кинокамера.

Пять минут, пока кетьр не отошел слишком далеко, Синяев непрерывно снимал его.

— Теперь на Земле увидят, как он ходит, — удовлетворенно сказал он. — Жалко, что гисельи не попали на пленку.

— Спасибо! — сказал Ньяньингь, обнимая Широкова. — Это вы спасли меня.

— Как это вы чуть не прозевали?

— Меня поразило появление кетьра, — пояснил инженер. — Я его никогда раньше не видел.

Они втроем вернулись на холм.

Широков и Синяев еще не были внутри станции. Они с интересом рассматривали внутреннее убранство первого каллистянского дома, увиденного ими не на рисунке. Но обстановка была очень простой и ничего нового для себя, кроме, разумеется, аппаратов бьеньеты, они не увидели.

В доме было три комнаты. Одна из них была жилой, и в ней находились сейчас Вьеньонь и Синьянь. Во второй помещались агрегаты, дающие бьеньетоэнергию, а в третьей — приемные и передающие устройства.

Диегонь попросил Линьга вызвать Каллисто.

Пока устанавливалась связь, а это отнимало около двадцати пяти минут, Ньяньиньг слетал на корабль, и вскоре весь экипаж собрался на станции. Все хотели присутствовать при разговоре.

Пришел ответ. Далекая каллистянская станция запрашивала о здоровье раненых. Там еще не знали о прилете на Сетито корабля Диегоня и думали, что вызывает Линьг.

Диегонь посмотрел на Мьеньоня. Эти два каллистянина удивительно хорошо понимали друг друга. Так и на этот раз Мьеньонь ответил на безмолвный вопрос Диегоня только глазами.

— Да, — сказал Диегонь. — Так будет лучше. Передавайте! — обратился он к Линьгу.

Широков и Синяев подошли ближе. С приемом бьеньет они были уже знакомы, но как осуществлялась передача, они еще не знали.

Перед креслом, в котором сидел Линьг, помещался большой, наклонно расположенный диск, сделанный как будто из черного стекла. Как только Линьг повернул маленькую рукоятку, цвет диска сразу стал синим.

Линьг взял в руку длинную трубочку с шариком на одном конце и металлическим острием на другом. Шарик был прозрачен, и от него отходил тонкий гибкий провод.

Этим острием Линьг стал вычерчивать на диске ломаные линии бьеньеты. Несколько секунд они оставались видны на синей поверхности, потом исчезали. Внутри шарика что-то потрескивало, и временами появлялись вспышки.

Каждую фразу передавали по три раза.

— "Космический корабль, — диктовал Диегонь, — вернулся от Мьеньи. Бьеньета Линьга была нами перехвачена.

Звездолет повернул к Сетито. Оба раненых спасены. Ждем прилета спасательной экспедиции и с нею вместе вылетим на Каллисто. Все члены нашего экипажа здоровы. Диегонь".

Широков ясно представлял себе, какое впечатление произведет эта бьеньетограмма на родине звездоплывателей. Он видел, что Диегонь сильно волновался, его голос заметно дрожал.

Каллистяне не проронили ни слова и не двинулись с места все двадцать пять минут, отделявшие передачу от ответа с Каллисто. И вот, быстро и явно нервно, побежали линии по экрану.

«Спешу передать всем радостную весть, — говорил неизвестный оператор на станции Каллисто. — Приветствуем вас. Благодарим за спасение пострадавших».

Текст бьеньеты прошел по экрану только один раз. Очевидно, передававший ее каллистянин настолько взволновался, что забыл повторить и даже не назвал своего имени.

Почти тотчас же экран засветился снова. Побежали линии.

— «Экипаж звездолета, — читал Линьг, — приветствует героев Вселенной. Гесьянь». Это имя командира корабля, летящего к нам на помощь, — пояснил он.

На спасательном корабле следили за бьеньетами с Сетито и «слышали» разговор Диегоня с Каллисто.

— «Поняли. Ждем вас», — ответил Линьг.

Только погас экран, как Каллисто снова начала передачу.

«Дорогие друзья! — гласила бьеньета. — Рад, что нахожусь на станции и могу первым

приветствовать ваше возвращение. Прошу кратко передать: оправдались ли ваши предположения? Нашли ли вы у Мьеньи жизнь? Женьсиньг».

Диегонь снова посмотрел на Мьеньоня и улыбнулся.

— Этого следовало ожидать, — сказал он. — Придется сказать сейчас.

Широков понял, о чем безмолвно договорились Диегонь с Мьеньоном полчаса тому назад. Они хотели не сообщать пока о людях Земли.

— Передавайте! — решительно сказал Диегонь. — «Дорогой друг! Предположения полностью подтвердились. Мы нашли у Мьеньи населенную планету. Ее обитатели во всем подобны нам. Двое из них прилетели с нами, вы их скоро увидите. Обнимаю вас. Диегонь».

Через двадцать пять минут пришел ответ:

«Обнимите от нас дорогих гостей. Еще с большим нетерпением будем ожидать ваш корабль. Женьсиньг».

Почти точно такая же бьеньетограмма немедленно поступила и с борта спасательного звездолета. Из нее выяснилось, что Гесьянь рассчитывал быть на Сетито к завтрашнему утру.

После этого экран окончательно погас.

Приближалась ночь. Все, кроме Синьга и Ресьиня, отправились на корабль. Дьеньи осталась дежурить у постели раненых.

— Я тоже могу остаться, — предложил Широков.

— Спасибо, — ответил Синьг, — но этого не нужно. Нас троих вполне достаточно. Вы устали — отдохните!

ГЕСЬЯНЬ

— Мы полетели на Каллисто, чтобы увидеть будущее нашей Земли, — сказал Синяев. — А по дороге увидели ее прошлое.

— Да, это верно, — согласился Широков. — Сетито можно назвать прошлым Земли.

— И Рельос тут совсем как Солнце, — продолжал Синяев. — И небо голубое. А лес напоминает каменноугольный период, как его изображают в школьных учебниках. Такой была наша планета много миллионов лет назад. Как и здесь, по ней бродили гигантские бронтозавры и летали птеродактили. И не было людей.

— На Каллисто не будет зеленой травы, — сказал Широков. Они сидели на «крыше» звездолета и грелись под лучами высоко стоявшего Рельоса. Оба любовались природой Сетито, зеленым лесом, травой, небом. Все здесь напоминало природу далекой родной Земли.

Для каллистян Сетито была холодной планетой, а людям было жарко. Широков даже снял рубашку.

— Хорошо! — сказал он. — На Каллисто мы будем мучиться от жары.

— Если станет невтерпеж, — засмеялся Синяев, — отправимся на отдых в полярные области.

Как всегда, беззвучно поднялась подъемная машина. Появился Диегонь в сопровождении Мьеньоня и Линьга. Командир погибшего звездолета с изумлением посмотрел на Широкова.

— Что вы делаете? — сказал он. — Разве можно раздеваться на таком холоде?

Диегонь улыбнулся.

— Они привыкли, — сказал он. — На их планете такая температура воздуха считается теплой.

— Сегодня не тепло, а жарко, — сказал Широков.

Линьг с сомнением покачал головой. Он не скрываясь рассматривал розовую грудь и руки Широкова. Еще не привыкнув к людям Земли, он видел в них много необычайного, что давно стало привычным для Диегоня и Мьеньоня.

— Погрейтесь! — ласково сказал Диегонь. — На Сетито Рельос ничем не отличается от

вашего Солнца. На Каллисто вы нигде не найдете таких условий.

— Мы только что говорили, — сказал Синяев, — что если устанем от жары, то отправимся в полярные области Каллисто.

По лицу Диегоня прошла тень озабоченности.

— Все равно, — сказал он. — На нашей родине нигде нет условий, подобных земным.

— Как же так? В полярных областях должен быть холод! Относительный, конечно.

— Это верно, но все же вы не будете чувствовать себя так, как чувствуете здесь.

— Объясните, — попросил Широков.

— Это сделает Синьг. Сейчас он поднимется наверх и поговорит с вами.

Тон Диегоня был каким-то необычным. Оба друга заметили это.

— Случилось что-нибудь? — спросил Широков.

— Случилось то, что и должно было случиться. Наша вина, что мы не подумали об этом раньше.

— Ничего не понимаю, — сказал встревоженный Широков.

И он и Синяев смотрели на Диегоня, ожидая более ясного объяснения, но командир звездолета ничего больше не сказал. Он и его спутники надели крылья и улетели к кораблю Гесьяня, стоявшему в стороне леса, на расстоянии полутора километров.

Он прилетел рано утром. Едва взошел Рельос, над лесом показался необычайного вида аппарат. Широков и Синяев привыкли думать, что космические корабли должны иметь сигарообразную форму или быть круглыми, как звездолет Диегоня. Во всяком случае, обтекаемая форма казалась им обязательной. Ведь при взлете и посадке кораблю приходилось прорезывать плотные слои атмосферы.

Звездолет Гесьяня, «корабль внутренних рейсов», как говорили каллистяне, имел форму отнюдь не обтекаемую — скорее наоборот. Это был удлинённый прямоугольный летающий брус, метров двадцати в длину и приблизительно трех в поперечнике. Он был бледно-зеленого цвета и не имел крыльев.

Странное впечатление производил этот «ящик», медленно плывший над равниной; нельзя было понять, какие силы поддерживали его в воздухе.

Синяев посмотрел на Мьеньоня и увидел такое же выражение удивления, как и на лице Широкова. Было ясно, что инженер звездолета впервые в жизни видит такую конструкцию.

Зеленый корабль пролетел над самой вершиной шара, где стояли оба человека Земли и все каллистяне.

— Как он держится в воздухе? — спросил Синяев.

— Антигравитационное поле, — коротко и малопонятно ответил Линьг.

Снова гравитация! Каллистяне, прилетавшие на Землю, ничего не говорили о такой технике. Очевидно, она появилась на Каллисто за время их отсутствия.

Двадцать два года — огромный срок для высокоразвитой науки!

«Чем дальше, тем интереснее», — подумал Синяев.

Зеленый «ящик» летел все медленнее и медленнее. Вот он совсем остановился над выбранным местом и неподвижно повис в воздухе.

Не слышно ни звука. Ничто не указывает, что на корабле есть какой-нибудь двигатель. Волшебным кажется весь его «невозмутимый» вид. Точно не существуют для него законы всемирного тяготения.

Медленно и осторожно корабль опустился на землю по вертикальной линии.

— Да! — сказал Мьеньонь, обращаясь к Ньяньиньгу. — Чтобы снова стать инженерами, нам придется немало поучиться.

Экипаж прилетевшего корабля состоял из четырех каллистян. Трое из них сразу после посадки прилетели на звездолет.

Они пользовались «обыкновенными» крыльями, и это показалось Синяеву удивительным. Вероятно, он не удивился, если бы они летели совсем без крыльев.

Широков и его друг уже знали от Ресьиня, что командир корабля — Гесьянь — по специальности врач. Несмотря на свою молодость, он был широко известен на Каллисто своими научными работами и пользовался большим авторитетом.

Опустившись на вершину шара, Гесьянь поспешно снял крылья и одного за другим обнял людей Земли.

Он был одет в черный комбинезон с черным мехом на воротнике и манжетах.

В первую минуту появление этой странной, сплошь черной, фигуры произвело на Широкова и Синяева ошеломляющее впечатление. словно персонаж из детской сказки, какой-то волшебный «черт», появился рядом с ними. Потом они разглядели молодое приветливое лицо, производившее приятное впечатление.

Двое других были одеты в обычные для каллистянских звездоплывателей серые костюмы с красным мехом.

— Мы были очень рады, — сказал Гесьянь, — когда узнали, что вернулся корабль Диегоня и на нем прилетели два человека от Мьеньи. Приветствую вас, дорогие гости! — Он повернулся к Диегону и, обнимая его, сказал: — Вы, наверное, знаете их язык. Переведите им мои слова.

— Они вас поняли, — ответил Диегонь.

— Поняли, — сказал Широков. — И очень благодарны за теплое приветствие.

— За время пути наши гости хорошо овладели каллистянским языком, — пояснил Мьеньонь.

— А вы?

— Один только Бьяининь. Их язык очень труден для нас.

Два других члена экипажа, в свою очередь, обняли людей Земли. Один из них — Мьесинь — был тоже врачом и так же молод, как его командир. Другой, значительно старше, оказался женщиной.

— Меня зовут Сетьи, — сказала она. — Я вьеньти Синьяня.

Слово «вьеньти» на каллистянском языке обозначало «подруга» и было равнозначно русскому слову «жена», но одновременно оно служило для обозначения дружбы между женщинами. Если же друзьями были мужчина и женщина, то они назывались «вьести», так же как и друзья "мужчины. (Слово «вьести» не поддается точному переводу. Приблизительный смысл — «собеседники».)

— Дайте как следует рассмотреть вас, — сказал Гесьянь.

Он положил руки на плечи Широкова и улыбаясь смотрел в его лицо.

— Сколько вам лет, Гесьянь? — спросил Широков.

— Четырнадцать.

— Двадцать восемь, по-нашему. Вы ненамного моложе меня.

— Тем лучше, — сказал Гесьянь. — Больше оснований нам быть друзьями.

Синьг и Ресьинь подошли к нему.

— Да, да! — заторопился Гесьянь. — Пойдемте к раненым. Я хочу их видеть. — Он снова повернулся к людям Земли и снова окинул их внимательным взглядом. — Вы очень легко одеты, — сказал он совсем другим, профессиональным тоном.

— Для нас здесь достаточно тепло, — ответил Широков.

— Вот как! — Гесьянь нахмурился. — Какая средняя температура на вашей планете?

Синяев ответил.

— На каком расстоянии ваша планета от Мьеньи?

Получив ответ и на этот вопрос, Гесьянь повернулся к Синьгу.

— Вы, кажется, собирались лететь прямо на Каллисто? — спросил он.

— Да.

— Хорошо! Там увидим. Идемте, Синьг.

Четыре врача надели крылья и улетели на станцию.

Это было первым намеком на то, что с прилетом людей Земли на Каллисто не все обстоит так просто, как они думали. Но в тот момент Широков и Синяев еще не заподозрили

ничего неладного.

Примерно через час Синьг и Мьесинь вернулись на звездолет.

— Как раненые? — спросил Диегонь.

— С ними все в порядке, — ответил Синьг. — Вот только зрение можно вернуть на Каллисто, не раньше.

— Гесьянь там?

— Да. Он разговаривает с Каллисто. — Синьг посмотрел на Широкова, стоявшего рядом, и Петр Аркадьевич заметил странное выражение на лице своего друга. Казалось, что Синьг чем-то взволнован и огорчен.

— Гесьянь разговаривает о нас? — прямо спросил Широков, глядя в глаза Синьга.

— Да, о вас. Мне надо поговорить с вами, — сказал Синьг, обращаясь к Диегону.

И они ушли.

Это было вторым намеком, возбуждившим уже тревогу.

И вот сейчас, спустя несколько часов после прилета корабля Гесьяня, слова Диегона в третий раз намекнули на что-то, по-видимому, неприятное.

Что же могло случиться?

Они с нетерпением ждали прихода Синьга.

Врач звездолета появился наверху явно расстроенный.

Он сел рядом с Широковым и долго молчал.

— Вот, Петя, — сказал он наконец. — Меня считают хорошим врачом, а это совсем не так.

— Что-нибудь с ранеными?

— Нет, не то. Дело не в раненых, а в вас.

— Мы ни разу не болели.

Широков уже начал догадываться, в чем дело, но хотел вызвать Синьга на полную откровенность.

«Хорошо, там увидим», — звучали в его ушах слова Гесьяня.

Не об этом ли говорил он с Каллисто? Очевидно, об этом.

— Говорите прямо: в чем дело? — спросил Синяев.

— Я был на Земле, — словно самому себе сказал Синьг. — Я знаю ее климат, знаю организм людей. И все же я не подумал о разнице средних температур Земли и Каллисто.

— И что же? — спросил Широков, поняв все.

— Гесьянь считает, что вам нельзя лететь на Каллисто. Пока нельзя, — поправился Синьг. — Надо привыкнуть к лучам Рельоса.

— Здесь?

— Нет, здесь ничего не выйдет. Сетито слишком далеко от Рельоса. Гесьянь советовался с врачами и астрономами Каллисто. И они решили отправить вас на Кетью, для акклиматизации. Кетью ближе к Рельосу, чем Сетито, но дальше, чем Каллисто. Это будет промежуточной остановкой.

— И долго нас собираются там держать?

— Дней пятьдесят.

Широков переглянулся с Синяевым. Пятьдесят дней! Это было не так уж страшно. Они ожидали худшего.

— Из-за этого не стоит расстраиваться, — сказал Широков.

— Как ты не понимаешь? — по-русски сказал Синяев. — Не это их расстраивает. Дело не в том, что мы попадем на Каллисто с опозданием.

— А в чем же?

— В них самих.

Широков посмотрел на грустное лицо Синьга и понял.

— Летите на Каллисто, — сказал он, — без нас. Мы отправимся на Кетью с Гесьянем.

— Диегонь не хочет этого. Да и другие не хотят. Мы говорили об этом. Мы сами доставим вас на Кетью и останемся там вместе с вами. Вы наши друзья, а друзей не бросают.

Широков и Синяев хорошо знали, что экипаж звездолета любит их, но такого самоотверженного проявления этой любви они не ожидали. Ведь эти люди двадцать два года не видели своей родины. Каллисто была так близка!

— Не делайте этого, — сказал Синяев.

— Это решено, — ответил Синьг. — Но, конечно, нам грустно.

Широков обнял каллистянина и поцеловал его в серые губы.

— Спасибо! — сказал он взволнованно. — Мы не забудем жертвы, которую вы нам приносите.

СНОВА В ПУТЬ

Гесьянь пригласил Широкова и Синяева посетить его звездолет и познакомиться с четвертым членом экипажа. Сегодня вечером корабль должен был покинуть Сетито, чтобы как можно скорее перевезти раненых на Каллисто. До старта оставалось немного времени.

Нечего и говорить, что оба друга с удовольствием воспользовались этим приглашением.

Звездолет Диегоня был им понятен. Его конструкция и двигатели, хотя и недоступные пока земной технике, не представляли собой ничего загадочного. Наука Земли стояла на самом пороге открытий, которые были сделаны каллистянами к моменту старта их корабля к Солнечной системе, то есть двадцать два года тому назад. Но корабль Гесьяня был детищем иной техники. Ведь даже Мьеньонь, несомненно выдающийся инженер Каллисто, не понимал принципов его устройства. Техника, основанная на силах гравитации, — это было нечто совсем новое, загадочное и потому особенно интересное. Когда Широков и Синяев покидали Землю, наука их родины еще не знала достоверно, что представляет собой физическая сущность тяготения, она только подходила к решению этой загадки природы.

Космический корабль «внутренних рейсов» не имел ничего общего с кораблем Диегоня, и не только по внешнему виду, но и по внутреннему устройству.

Вход в него помещался на одном из концов «бруса». Это была обычная сдвижная дверь, правда абсолютно герметичная, а за ней сразу начинался коридор, идущий вдоль всего корабля. Не было ничего похожего на выходную камеру. На Сетито и Кетьо состав атмосферы был такой же, как на Каллисто, и в камере не было надобности.

Коридор шел слева, у самой стенки. Направо помещались каюты. Их было всего четыре, каждая длиной около пяти метров и двух с половиной в ширину и высоту.

После межзвездного корабля с его многочисленными просторными помещениями звездолет Гесьяня показался Широкову и Синяеву совсем маленьким.

Им сразу бросилось в глаза, что на корабле как будто не было помещений для двигателей, а также пульта управления.

— Они есть, — пояснил Гесьянь. — Аппараты, создающие движущую силу (он не сказал «двигатели»), помещены под полом и изолированы от других помещений. Это необходимо для избежания опасности аннигиляции. А аппараты, предназначенные для изменения направления полета, или, если хотите, пульт управления, помещаются в передней части корабля. Мы туда сейчас пройдем. Но вообще, строго говоря, на звездолете нет ни передней, ни задней части.

— Как это понять? — спросил Синяев.

— Очень просто. Корабль летит всегда вверх. Пол всегда остается полом. При движении в горизонтальной плоскости, а это происходит только близко от поверхности планет, он может лететь в любом положении. Специально передней части не существует.

— А в моменты невесомости?

— Их не бывает. Наши корабли внутренних рейсов половину пути летят с ускорением, а вторую половину — с замедлением. Сила тяжести всегда нормальна и направлена вниз, к полу.

Они прошли до конца коридора, и Гесьянь с помощью кнопки открыл дверь.

— Вот здесь, — сказал он, — находится водитель корабля, когда надо производить маневр взлета или посадки.

Если бы Широков и Синяев не видели раньше командного пункта корабля Диегона при «открытых» экранах, они могли бы подумать, что вышли наружу. Но они привыкли к кажущемуся отсутствию экранов и поняли, что стены, пол и потолок здесь есть, но только совершенно невидимы. Вокруг расстился пейзаж Сетито, а под ногами, в полуметре расстояния, они видели зеленую траву равнины. Ступив на пол, они оказались «висящими» в воздухе.

У маленького круглого «пульта», покрытого множеством крохотных кнопок, стояла небольшого роста молодая женщина, лет двенадцати по каллистянскому счету времени.

— Моя жена, — представил ее Гесьянь. — Бьесьи. Мы с ней впервые встретились именно на Сетито и потому особенно любим эту планету.

— И нам очень приятно, что мы можем приветствовать вас именно здесь, — сказала Бьесьи.

Она посмотрела на мужа, и он, поняв ее взгляд, поспешил сказать, что пришельцы из другого мира понимают их язык.

— Они оба владеют им совершенно свободно.

— Как хорошо, — продолжала каллистянка, — что вы успели прийти на помощь. Без вас Синянь и Вьеньонь погибли бы. Мы торопились, как могли, но знали, что опаздываем, и были в отчаянии. Особенно Сетьи.

Она говорила так, словно Широков и Синяев были членами экипажа межзвездного корабля. Никакого любопытства, которое они должны были вызывать, не было заметно в ее обращении с ними.

— Диегонь и его товарищи, — ответил Синяев, — ни минуты не колебались. Как только была перехвачена бьеньета Линьга, звездолет повернул к Сетито.

— Чудесный конец чудесного рейса, — сказала Бьесьи. — А как мы торопились! — прибавила она. — Было тяжело, очень тяжело.

— Она довела ускорение до такой величины, — сказал Гесьянь, — что мы лежали почти без сознания.

Оба друга с удивлением взглянули на Гесьяня. До сих пор они слышали, что именно Гесьянь был командиром звездолета. И вдруг он говорит совсем иное.

— Я вас не понял, — сказал Синяев, уже усвоивший манеру каллистян говорить и спрашивать обо всем прямо. — Кто же из вас командир корабля?

— Я руководитель спасательной экспедиции, — ответил Гесьянь. — А кораблем управляет Бьесьи. Она инженер-астронавт, а я только врач.

— В таком случае, — сказал Синяев, — разрешите задать вам несколько вопросов.

— Я с радостью отвечу вам, если только смогу, — сказала Бьесьи.

Из последующего разговора Широков почти ничего не понял.

Синяев и Бьесьи говорили о проблемах гравитации, о которых он знал только понаслышке. Но хотя ему казалось, что его друг понимает все, в действительности Синяев также понял очень мало. В этой области наука Каллисто ушла вперед слишком далеко.

Ответ Бьесьи на вопрос о принципах движения корабля сводился к тому, что загадка сил гравитации была полностью раскрыта каллистянами десять лет тому назад (двадцать по-земному). И не только раскрыта, но и приспособлена к нуждам техники. Появились аппараты, основанные на энергии гравитационных и антигравитационных полей. Нейтрализация тяготения сначала была впервые достигнута с помощью мощного электростатического поля, имеющего заряд, противоположный по знаку гравитационному полю. Но этот метод был громоздок и требовал огромных расходов энергии. Каллистянские ученые сосредоточили свое внимание на поисках антигравитации, так сказать, в чистом виде и решили эту задачу.

Так появились звездолеты, не имеющие никаких двигателей и летящие с помощью сил

взаимодействия полей гравитации: одного — создаваемого искусственно в них самих, а другого — внешнего, причем оба поля имели противоположные знаки.

Из объяснений Бьесьи Синяев уяснил себе, что каллистяне могли произвольно менять знак поля своего корабля, что и давало им возможность маневрировать в широких пределах. Но как это делалось — он не понял, да и не мог понять, так как не был знаком с основами «гравитационной науки», о которой говорила Бьесьи.

— Насколько я понял, — сказал он, — вы используете притяжение и отталкивание небесных тел. Но мы видели, что ваш корабль летал над Сетито в горизонтальной плоскости...

— О! — улыбнулась Бьесьи. — Об этом не стоит и говорить. Вес корабля нейтрализован, и его может приводить в движение двигатель ничтожной мощности. Такой у нас есть.

— Откуда берется энергия для полета корабля? Я говорю о межпланетном полете.

— Я же вам сказала, — удивилась Бьесьи. — Энергия гравитационных полей есть везде. Корабль может лететь бесконечно долго. Энергия для создания его собственного поля черпается из окружающего пространства. Остается только переменить ее знак нужным образом.

— Об этом я и спрашиваю. Как достигается превращение прямого поля в обратное?

— Это делают аппараты, расположенные в нижней части корабля.

И Бьесьи принялась объяснять устройство и принцип работы аппаратов. Но здесь Синяев уже окончательно ничего не понял. Он слушал нежный голос каллистянки, говорившей как будто на совершенно ему незнакомом языке, и думал, сознаться в своем невежестве или дать ей договорить. Ему почему-то было стыдно признаваться, и он позволил довести объяснение до конца.

— Теперь вам ясно? — спросила Бьесьи.

Синяев не выдержал при этом прямом вопросе.

— Ничего не понял, — неожиданно для себя ответил он, к немалому удивлению Широкова.

Бьесьи явно огорчилась.

— Я не сумела вам объяснить, — сказала она. — Извините меня. На Каллисто вы найдете людей, которые сделают это гораздо лучше.

— Будем надеяться, — сказал Синяев.

Он боялся, что такой ответ может еще больше огорчить Бьесьи, но ничего другого не мог сказать. Ему казалось невозможным принижать в ее глазах науку Земли при первом же знакомстве.

Но каллистянка, казалось, нисколько не обиделась. Разговор продолжался как ни в чем не бывало.

Они долго беседовали. Широков и Синяев чувствовали себя как-то особенно хорошо с молодыми супругами, которые также, очевидно, симпатизировали людям Земли.

— Как жаль, что нам придется расстаться с вами, — сказала Бьесьи, когда они собрались на свой звездолет.

— Увидимся на Каллисто, — ответил Широков.

Он случайно посмотрел при этом на Гесьяня и заметил, как на высоком лбу каллистянина появилась глубокая морщина.

Бьесьи также взглянула на мужа.

— Если вам так хочется... — начала она.

— Нет, этого нельзя, — перебил Гесьянь.

— А что такое? — спросил Широков.

— Нельзя, — повторил Гесьянь.

— Ему очень хочется лететь с вами на Кетьо, — пояснила Бьесьи.

— Почему же нельзя? Раненые будут находиться под наблюдением двух врачей. Или вы им не доверяете?

— Я взял на себя руководство спасательной экспедицией и должен довести ее до конца. Я знаю, что Месьинь сделает все не хуже меня.

— Так в чем же дело?

— Я отвечаю за раненых.

— Перед кем? — спросил Широков.

— Перед своей совестью.

Это был закономерный ответ.

Каллистяне формально могли вести себя как хотели, ничто их не ограничивало. Но всегда и во всем они руководствовались велениями совести и общечеловеческой морали.

Широков и Синяев не стали уговаривать Гесьяня, — они знали, что это бесполезно.

Выйдя из корабля, они увидели Ленинга, который только что опустился на землю.

— Диегонь послал меня за вами, — сказал он. — Не хотите ли сопровождать его к месту катастрофы?

— Конечно! С большим удовольствием!

Полетели на крыльях. Кроме Диегоня, Широкова и Синяева, в экскурсии участвовали Линг, Мьеньонь и Гесьянь.

Прежде чем подняться в воздух, Диегонь обратился к Широкову и Синяеву.

— Если мы встретимся с гисельями, — сказал он, — немедленно опускайтесь на землю и ложитесь. Отражать нападение будем мы. А если это произойдет над лесом, уходите вперед на полной скорости. Ни при каких обстоятельствах не вмешивайтесь, что бы ни произошло. Думайте только о собственной безопасности. — Заметив, что Широков собирается возразить, Диегонь прибавил очень серьезно: — Каллистян сотни миллионов, а вас двое. Не забывайте этого.

— Хорошо, — сказал Широков. — Обещаем.

— Обещаем, — повторил Синяев.

Они не могли не признать справедливости слов Диегоня. Не стоило несколько лет провести на звездолете, чтобы в самом конце пути поставить на карту результат их миссии. Достигнув планетной системы Рельоса, Широков и Синяев уже не имели права распоряжаться собой. Заменить их было некем. Они принадлежали не себе, а науке Земли и Каллисто.

Двадцатикилометровый перелет над лесом прошел благополучно. Только в самом конце, уже над полем, где произошла катастрофа, увидели несколько гиселий.

Помня свое обещание, Широков и Синяев немедленно опустили и спрятались на опушке.

Но хищники не заметили людей. Они повернули в сторону и вскоре исчезли.

Каллистяне тщательно осмотрели место, где стоял звездолет. От него и от лагеря не осталось ровно ничего — огромная воронка сожженной земли. Ни единого обломка, ни одного самого маленького куска металла. Космический корабль исчез бесследно.

— Тут ничего не выяснишь, — сказал Мьеньонь. — Несомненно, произошла аннигиляция. Но почему и как, остается только предполагать.

Широков незаметно наблюдал за Лингом. По его понятиям, командир погибшего корабля должен был нести ответственность за гибель звездолета и смерть одного из членов экипажа. В какую же форму может вылиться эта ответственность, если, как он знал, на Каллисто нет никаких следственных органов, судебных учреждений, не говоря уже о тюрьмах или исправительно-трудовых лагерях, никакого аппарата для наказания виновных?

Лицо Линга было грустно, но такая же грусть чувствовалась и у всех остальных. Она относилась к погибшему каллистянину, а не к сознанию своей вины. Неужели на Каллисто любой поступок остается безнаказанным? Это была бы уже не свобода личности, а анархия.

Воспользовавшись тем, что Гесьянь отошел немного в сторону, Широков обратился к нему со своими вопросами.

— Я понимаю, — ответил Гесьянь, выслушав Широкова, — чем вызвано ваше недоумение. Несколько веков тому назад у нас было то, что вы называете «судом». Люди

судили поступки других людей. Теперь мы смотрим на эти вопросы несколько иначе. Лучшим судьей человека является он сам. Суд совести самый страшный и беспощадный, гораздо более суровый, чем суд других людей. Мы не знаем, виноват Линьг или нет. Он знает это лучше нас. И если виноват, мне жаль его.

Он замолчал, задумчиво глядя вдаль.

— Я расскажу вам случай, который произошел на Каллисто лет шестьдесят тому назад. Это поможет вам понять нашу точку зрения. Я читал об этом случае. Тогда только что появились в обиходе олити — летающие лодки, — пояснил он. — Правил движения в воздухе еще не успели выработать. И случилось так, что две олити столкнулись. Один каллистянин остался жив, второй умер. Никто не знал, по чьей вине случилось несчастье. Оставшегося в живых никто не обвинял ни в чем. Погибший был ему незнаком. Они были совсем чужие люди. И вот этот человек покончил с собой. Очевидно, виноват был он и не перенес этого. Никакой суд людей не вынес бы ему такого приговора.

— Вы одобряете его поступок?

— Трудно ответить на такой вопрос. Самоубийство на Каллисто редчайшее явление. Мы не считаем человека автоматом, но не признаем за ним права на добровольный уход из жизни. Это в некотором роде трусость. Но и трудно представить, как может жить человек, зная, что убил другого. Вопрос очень сложный.

— Вероятно, случались и другие столкновения?

— Нет, с тех пор не было ни одного. Существуют правила движения в воздухе; как же оно может произойти?

Широкова поразили эти слова, сказанные так, как будто выполнение правил движения само собой подразумевалось.

Но ведь и на Земле есть правила. Но, несмотря на них, происходят сотни катастроф и на земле, и в воздухе. Почему же у каллистян достаточно было ввести правила — и ни одного несчастья больше не произошло?

При всем желании Гесьянь не мог привести более красноречивого примера. Высокая сознательность и бережное отношение друг к другу, хорошо известные Широкову черты каллистян, проявлялись здесь с особой рельефностью.

Он совсем другими глазами посмотрел на Линьга, стараясь по его лицу определить, виновен он в смерти инженера Льетьи или нет. Посмотрел с тревогой, так как не сомневался больше, что если командир погибшего корабля виновен, то его постигнет суровый приговор, который он сам вынесет и сам приведет в исполнение.

Лицо Линьга показалось ему спокойным. Нет, вероятно, он ни в чем не виноват. Широков почувствовал облегчение, хотя и не мог с полной достоверностью утверждать, что понимает выражение лиц каллистян.

На обратном пути он продолжал думать о том же.

На вершине шара группу встретил Няньиньг.

— Вас вызывает Каллисто, — сказал он, обращаясь к Гесьяню.

Молодой врач немедленно улетел на станцию.

Вьеньонь и Синьянь были уже перенесены на корабль Гесьяня. Через два часа он покинет Сетито.

— Мы улетим одновременно с ними, — сказал Диегонь. — Кетьо находится сейчас примерно в том же направлении, что и Каллисто, только по другую сторону Рельоса. Часть пути у нас общая.

— Значит, мы пролетим мимо Каллисто? — спросил Синяев.

— Нет, — Диегонь нахмурился. — Мы могли бы это сделать, но не сделаем. Это свыше наших сил.

Синяев пожалел о своем вопросе. Мог бы сам сообразить.

— Напрасно вы это делаете, — сказал он.

Диегонь ничего не ответил.

Через час Гесьянь вернулся. У него было очень радостное выражение лица.

— Я лечу с вами, — сказал он. — Так решили на Каллисто. Раненых будет сопровождать Мьесинь.

Широков подумал, что такое решение может обидеть Синьга. Ему как будто не доверяют. И, словно в ответ на его мысли. Синьг сказал:

— Я сам просил об этом. Очень рад, что мое желание встретило поддержку.

"Нет, — подумал Широков, — каллистяне не люди. Они чище нас. Недаром на их языке нет слова «самолюбие».

— Значит, — сказал Диегонь, — экипаж нашего корабля будет состоять теперь из шестнадцати человек.

— А кто еще? — спросил Синяев.

— С нами летит Дьеньи, — ответил Диегонь, — ей не хочется расставаться со мной.

Он был доволен решением внучки. Это было понятно. До сих пор он не мог как следует поговорить с ней, расспросить ее о своем сыне и других близких людях. По дороге на Кетьо будет много времени.

— А почему с нами не летит Бьесьи? — спросил Широков.

— Она торопится на Каллисто, — ответил Гесьянь. — Соскучилась по дочке.

Прошел еще час, и Рельос низко склонился к западному горизонту. Приближалась ночь.

— Пора в путь, — сказал Диегонь.

Он посмотрел на лица своих земных друзей и ласково спросил:

— Вам грустно расставаться с Сетито? Она так похожа на Землю. Это сходство мы сразу заметили, когда впервые увидели природу Земли.

— Да, немного грустно, — за себя и своего товарища ответил Синяев.

— Вы можете еще раз прилететь сюда. Вместо того чтобы отдыхать в полярных областях Каллисто, гораздо лучше будет здесь. Наши звездолеты всегда к вашим услугам.

— Это очень хорошо. Спасибо!

— Сетито интересная планета. Вы видели только гиселей и одного кетьра, а животный мир очень разнообразен и совсем не похож на животный мир Каллисто.

— А на Кетьо?

— Она во всем подобна Каллисто. Растительность, животные, птицы, люди — все такое же.

— Если не считать культуры и техники.

— Конечно, но это вопрос времени.

— Любопытно, — сказал Синяев, обращаясь к Широкову на русском языке, — как относятся каллистяне к дикарям Кетьо. Какую работу они ведут с ними? Ведь по существу Кетьо — колония Каллисто.

— Ну, о колониализме здесь и речи быть не может. Но ты прав, это очень интересно. Я даже рад, что мы не сразу попадем на Каллисто.

Представления о вежливости у каллистян были иные, чем на Земле. Широков и Синяев часто прибегали к русскому языку, а иногда и к французскому, если рядом находился Бьяининь, а они не хотели, чтобы их поняли. С точки зрения каллистян это было естественно. Они расценивали поступки людей просто и никогда не обижались.

Звездолет Бьесьи поднялся первым. На нем улетали на Каллисто восемь человек: трое из его старого экипажа и пятеро с погибшего корабля.

Синьяня и Вьеньоня все еще держали в состоянии глубокого сна. Они ничего не знали о людях Земли.

Экипаж белого шара собрался в центральном посту и через экраны наблюдал за стартом.

Бледно-зеленый «ящик» незаметно отделился от земли и поднялся строго вертикально на высоту около километра. На мгновение звездолет замер неподвижно, четко вырисовываясь на фоне уже потемневшего неба, потом со стремительной быстротой промелькнул и исчез. Никакого следа от его полета не осталось в воздухе.

Диегонь выжидал.

Через пять минут засветился экран, и Бьесьи сообщила, что ее корабль находится за пределами атмосферы.

— Вьельи! — сказал Диегонь.

Это слово, которое Широков когда-то услышал от Лениньга в ставший уже таким далеким день выхода каллистян из шара и которое он понял тогда как «смелее», означало «вперед».

Каллистяне поспешно разошлись по своим местам, где должны были находиться при старте. Широков, Синяев, Гесьянь и Дьеньи остались возле Диегоня.

Оба друга с грустью смотрели на зеленый пейзаж, окружавший корабль. Что-то похожее на чувство, которое они испытали при старте с Земли, охватило их. Много времени пройдет, пока они увидят еще раз столь знакомую и родную картину. Впереди были красные, желтые и оранжевые цветы Кетьо и Каллисто.

Повторилось то же, что происходило при старте с Земли. Тучи пыли, смешанной с вырванной травой, закрыли экраны непроницаемой стеной. В этом облаке звездолет плавно поднялся. Двигатели работали беззвучно, и это создавало иллюзию легкости их работы. Чудовищная сила, оторвавшая от земли исполинский корабль, не чувствовалась.

Через несколько минут туча, поднятая при старте, осталась внизу.

Звездолет поднимался все быстрее и быстрее. Небо постепенно темнело. Исчезла нежная голубизна, туманная дымка скрыла поверхность Сетито с ее лесами, равнинами, реками и «ископаемыми» хозяевами — гигантскими кетьрами, уродливыми гисельями, которых видели люди, и многими другими представителями животного мира, которых они не успели увидеть.

Еще немного — и знакомая картина звездного мира окружила корабль.

Диегонь немного увеличил ускорение, чтобы догнать Бьесьи. Через два часа увидели на экране блестящую в лучах Рельоса быстро летящую точку; и вскоре оба корабля летели рядом, на расстоянии нескольких километров друг от друга.

— Сколько времени будет продолжаться ускорение? — спросил Синяев.

— Мы будем лететь девяносто два часа с ускорением и столько же с замедлением, — ответил Диегонь. — Невесомого состояния больше не будет. Если вы соскучились по нему, — пошутил он, — то подождите обратного рейса на Землю.

— Вы не опасаетесь, что в пустом пространстве оба корабля должны притягиваться друг к другу?

— Опасался, — ответил Диегонь. — Но Бьесьи сказала, что эта опасность нам не угрожает.

— Ах да! — сказал Синяев. — Я забыл, что их корабль окружен антигравитационным полем.

Все быстрее мчались вперед огромный шар и его маленький спутник. Через тридцать два часа они разойдутся в пространстве, направляясь каждый к своей цели.

Далеко позади виднелся зеленоватый диск Сетито, становившийся все меньше и меньше.

Впереди была Кетьо — последняя остановка перед долгожданным финишем.

Часть четвёртая КАЛЛИСТЯНЕ

*Ночь, тайн создания не тая,
Бессчетных звезд лучи струя,
Гласит, что с нами рядом — смежность
Других миров, что там — края,
Где тоже есть любовь и нежность*

ГЛАВА 1

КАЛЛИСТО

Горячим, ослепляющим блеском лучей Рельоса был пронизан воздух над оранжево-красной травой огромного поля. Безоблачное небо сияло нежной желтизной. Белые стены построек дышали зноем. Человеку Земли трудно было бы на них смотреть — так ярко отражали они белый свет Рельоса. Но узкие, пропускавшие мало света глаза каллистян привыкли к этому сиянию.

Позади зданий необъятным синим простором раскинулся океан. При полном отсутствии ветра он казался огромным зеркалом, так неподвижна и гладка была его беспредельная поверхность.

Близко от берега, почти у самых причалов набережной, выстроенной из красного камня, стояло судно. Его длинный и узкий корпус, окрашенный в серебристый цвет, был покрыт сверху прозрачным колпаком, сквозь который можно было видеть палубу, лишенную надстроек. Несколько каллистян, одетых в легкие, почти прозрачные одежды, находились на судне и пристально всматривались в небо.

Туда же были устремлены взоры других, стоявших у входа в большое здание, назначение которого выдавали огромные кольца, точно вложенные друг в друга, — это была бьеньетостанция. Вход представлял собой широкую арку. Ее фронтон, сделанный из материала, похожего на мрамор, был украшен по бокам двумя скульптурными группами, по шести фигур в каждой, в которых без труда можно было узнать экипаж звездолета, улетевшего к далекой Мьеньи. Суровое лицо Диегоня выделялось на скульптуре слева от входа, лицо Мьеньоня, которому художник сумел придать характерное для старшего инженера корабля спокойное выражение, — справа.

Скульптуры были высечены из черного камня, и строгие скупые линии рисунка создавали впечатление, что вся группа вот-вот оторвется от земли и устремится вверх.

Над головами статуй, высоко в воздухе, на длинных прозрачных стрелах висели два белых шара. Даже при блеске дня они слабо светились изнутри. Будто именно к ним, как к символам небесных тел, стремились фигуры Диегоня и его спутников.

Здание было очень высоким, но имело только один этаж. Огромные окна не имели ни рам, ни стекол. Фронтон арки со скульптурами и низкая узорная решетка по краю плоской крыши служили единственными архитектурными украшениями. Кольца бьеньеты в блеске Рельоса сверкали, как хрусталь, и казались почти что нереальными.

Возле арки стояло шестеро каллистян. Они были немолоды, с лицами, покрытыми морщинами и седыми волосами. Только у одного волосы не были еще седыми. Пятеро были одеты очень легко, в брюки, похожие на лыжные, и прозрачные рубашки разного цвета. Один, высокого роста старик, был одет гораздо теплее. Его костюм был сделан из плотной ткани, с мехом на воротнике. Он стоял, опираясь на толстую трость.

Все шестеро смотрели в небо, полное блеска.

Расплавленным и раскаленным добела золотом раскинулась бездонная глубина. Как из доменной печи изливался на Каллисто горячий свет Рельоса, висевшего в небе снежно-белым шаром. Земля и небо, трава и стены дома — все дышало зноем, но каллистяне не замечали этого.

Высокий старик повернул голову и обратился к каллистянину, стоявшему рядом.

— Если расчет Диегоня правилен, — сказал он, — звездолет должен уже показаться.

— Как же он может быть неправильным?

Старик улыбнулся.

— Вы не допускаете, что ваш отец мог ошибиться?

— А разве вы, Женьсинг, допускаете это? — вместо ответа спросил Вьег Диегонь. — Мой отец всегда был точен. Раз он сообщил, что они прилетят в определенное время, то так и будет.

Он вдруг подался вперед и протянул руку.

— Вот они!

Что мог он увидеть в расплавленном, сверкающем мириадами искрящихся точек небе?..

Но, очевидно, не один он что-то увидел.

— Летят, летят! — раздались взволнованные голоса.

Далеко-далеко, на самом горизонте, подобно яркой звезде, блеснул подлетающий межзвездный корабль.

На крыше здания произошло движение. Несколько каллистян торопливо возились у небольшого аппарата.

— Вы готовы? — крикнул им Женьсинг.

— Готовы! — ответили оттуда.

Гигантский шар медленно приближался. В белом свете Рельоса исчез голубоватый оттенок, так хорошо заметный на Земле, и звездолет казался ослепительно белым.

— Одиннадцать лет тому назад, — сказал Женьсинг, — двенадцать героев улетели с Каллисто. Мало кто верил в успех. И вот они вернулись, и вернулись с победой. Мы переживаем сейчас одно из самых замечательных событий в истории нашей планеты.

Звездолет опускался.

И вот белый шар коснулся земли и замер неподвижно.

— Они опустились на том же месте, где стоял корабль одиннадцать лет назад, — сказал Вьег Диегонь.

* * *

Три земных месяца, а не пятьдесят дней провели звездоплыватели на Кетьо.

Находясь на этой планете, отдаленной от Рельоса на восемьдесят миллионов километров дальше, чем Каллисто, Широков в полной мере оценил предусмотрительность каллистянских ученых. И он и Синяев первые недели чувствовали себя очень плохо. Хотя и значительно менее горячие, чем на Каллисто, лучи Рельоса — Сириуса были все же слишком жаркими для людей, привыкших к климату северных областей земного шара. В полдень температура воздуха доходила до шестидесяти градусов Цельсия, несмотря на то, что звездолет опустился не на экваторе, а в средних широтах планеты.

Синг и Гесьянь, постоянно консультируясь с учеными Каллисто (на Кетьо было несколько бьеньетостанций), заставили людей Земли пройти детально разработанную программу постепенной тренировки, которая должна была приучить их к каллистянскому солнцу. Пятидесяти дней оказалось мало, и экипаж корабля безропотно остался на Кетьо еще на месяц.

Широков и Синяев беспрекословно выполняли все указания врачей, терпеливо дожидаясь конца этой скучной процедуры. Мучило сознание, что из-за них страдают друзья.

— Нельзя рисковать, — отвечал Синг на просьбы ускорить подготовку. — Иначе, прилетев на Каллисто, вы будете вынуждены сразу же покинуть ее.

Гесьянь на такие просьбы не отвечал ничего и только хмурился. Что-то ему не

нравилось, чувствовалось, что какая-то мысль его тревожит.

Однажды Широков прямо спросил молодого каллистянина, с которым его связывала уже тесная дружба, о том, что его беспокоит.

— Не меня одного, — ответил Гесьянь. — Синьг также тревожится, но лучше меня умеет скрывать это. Нам не нравится состояние вашего организма. Что-то не так. Очевидно, между Рельосом и Мьеньи разница не только в количестве тепла. Но, к сожалению, мы слишком мало знаем о вашем солнце.

— Поговорите с Георгием, — сказал Широков. — Он хорошо знает Мьеньи.

— Сейчас это бесполезно. Такой разговор обязательно будет, но только на Каллисто. Нужны астрономы, хорошо знающие особенности Рельоса и могущие определить, в чем разница между ним и Мьеньи.

— У нас есть Вьеньянь.

— Наука не стоит на месте. Вьеньянь отстал за одиннадцать лет точно так же, как Синьг в медицине. Они это и сами знают. Хотели же доставить вас на Каллисто без подготовки. Все равно нельзя допустить, чтобы ваш полет оказался безрезультатным. В любом случае вы должны попасть на Каллисто.

— Мы готовы рискнуть.

— Мы тоже. Это нужно для науки. Но надо сделать все, чтобы этот риск уменьшить.

Очень скучными показались людям и каллистянам эти три месяца.

Чувствовалась относительная близость цели — планета Каллисто.

Она блестела по вечерам низко над горизонтом, притягивая к себе, тревожа и волнуя.

Очень медленно шло время!

Все три месяца почти безотлучно провели на звездолете. Огромные кетъры и хищные гисельи Сетито были менее опасны, чем дикие обитатели Кетьо.

— У них развито мьенькоедство, — сказал как-то Диегонь. — Много времени надо, чтобы отучить их от этого обычая. (Напоминаю читателю, что «мьеньк» по-каллистянски означает) «человек».)

— Были жертвы среди каллистян? — спросил Широков.

— Да, были, — неохотно ответил Диегонь.

— И что же предприняли каллистяне?

— Стали осторожнее.

В дальнейшем выяснилось, что каллистяне никогда, ни разу не применили оружия. В жителях Кетьо они видели таких же людей, как они сами. Настойчиво и терпеливо добивались они дружбы с туземцами, снабжая их предметами первой необходимости в неограниченном количестве. Рано или поздно это должно было принести плоды. Пока еще результаты были почти неощутимы, но нельзя было забывать, что каллистяне появились на Кетьо сравнительно недавно. Они понимали, что поспешность в таком сложном деле ни к чему хорошему не приведет, и их план цивилизации обитателей Кетьо был рассчитан на много лет. Но что значило это время в сравнении с тем, которое понадобилось бы на тот же путь без вмешательства каллистян!

— Когда мы преодолеем последние остатки недоверия и добьемся их дружбы, дело пойдет гораздо быстрее, — сказал Гесьянь.

Широков и Синяев видели кетьян несколько раз. Толпами, человек по сто и по двести, они подходили к шару, очевидно ожидая привычных подарков. Они нисколько не боялись звездолета, так как знали, что его экипаж не причинит им вреда.

Чтобы не обмануть ожиданий туземцев, Диегонь распорядился вынести несколько тонн самых разнообразных вещей, главным образом продуктов, которые были уже не нужны экспедиции.

Широков и Синяев видели, с какой жадностью набросились на эти вещи обитатели Кетьо, видели возникшее между ними побоище.

Кетьяне были очень похожи на каллистян ростом и даже чертами лица. Только в сильный бинокль можно было рассмотреть низкие приплюснутые лбы и злобный взгляд

длинных, но не таких узких, как у каллистян, глаз.

Синяев обратил внимание, что у туземцев совершенно нет металлического оружия.

— Мы им не даем, — пояснил Гесьянь. — Это приведет только к более частым убийствам. У них есть камни и дубины. Даже этого, к сожалению, слишком много.

— А звери?

— Крупных хищников на Кетью нет, мы их всех уничтожили. А с мелкими они хорошо справляются тем, что имеют. Камнями они ловко владеют.

Широкову пришлось на практике убедиться в справедливости этих слов.

Экипаж корабля наблюдал за кетьянами с площадки на вершине звездолета. Первое же появление Широкова и Синяева вызвало среди них переполох. Кетьяне заволновались, что-то крича и показывая друг другу на странных белых людей, совсем не похожих на привычных для них каллистян.

И вот однажды, когда Широков и Синяев одни были на вершине шара, рассматривая очередную партию, подошедшую к кораблю, кетьяне неожиданно напали на них.

Что послужило причиной этого неожиданного нападения? Об этом не могли догадаться ни люди, ни каллистяне.

До сих пор обитатели Кетью вели себя мирно. Может быть, белые люди показались им почему-то врагами и только постоянное присутствие рядом с ними каллистян сдерживало дикарей. Увидя, что странные существа одни, кетьяне проявили свою враждебность к ним.

Град камней обрушился на вершину шара. Надо было обладать поистине исполинской силой, чтобы забросить камень величиной с кулак на такую высоту.

Один камень попал в лоб Широкову и содрал порядочный кусок кожи. Лицо Петра Аркадьевича сразу залилось кровью.

— Вниз! — закричал Синяев.

Он схватил Широкова в охапку и бросился к подъемной машине. Несколько камней попало в него самого, но не причинило никакого вреда.

Синьг и Гесьянь немедленно уложили Широкова в постель. Хотя рана была пустяковая, экипаж корабля был в отчаянии.

Широков смеялся, но вынужден был лежать два дня. У его изголовья дежурили каллистяне, сменяя друг друга, точно он был тяжело болен.

Именно во время этой болезни, существовавшей только в воображении Гесьяня и Синьга, произошел с Широковым памятный ему случай.

Он проснулся среди ночи и, открыв глаза, увидел Дьеньи. Она сидела возле него, сменив кого-то другого. Склонив голову, девушка читала книгу при свете тщательно закрытого со стороны постели маленького светящегося шарика. Такие лампы, с заключенной в них самих энергией свечения, Широков хорошо знал, привыкнув к ним за время пути.

Очевидно, Дьеньи услышала его движение и повернула голову. Широков успел закрыть глаза, притворившись спящим.

Она подошла к нему, и он почувствовал ее взгляд на своем лице.

А потом... она наклонилась, и ее теплые губы коснулись его руки, лежавшей на одеяле.

Каллистяне не были знакомы с поцелуем. Такого обычая у них никогда не существовало. Дьеньи не поцеловала руку Широкова, она только коснулась ее своими губами.

Его бросило в жар. Он боялся пошевелинуться, чтобы как-нибудь не выдать ей, что не спит. К счастью, Дьеньи тотчас же отошла.

Зачем она это сделала? Широков не переставал задавать себе этот вопрос и не находил ответа. Он никому, даже Синяеву, не говорил об этом случае.

Поведение Дьеньи по отношению к нему оставалось прежним. Она, казалось, не делала никакой разницы между ним и Синяевым. Широкову иногда мучительно хотелось спросить ее о причине странного поступка, но какое-то сложное чувство, быть может боязнь разочарования, удерживало его.

«Если бы она узнала, что я не спал тогда, — думал Широков, — изменилось бы ее

отношение ко мне или нет?»

И он не мог признаться даже самому себе, какой ответ на этот вопрос был бы ему приятнее.

На память о Кетьо Широков получил маленький шрам на лбу, который, по словам Синьга, должен был скоро совсем исчезнуть.

Настал, наконец, день отлета с Кетьо. Оба друга без всякой грусти расстались с планетой. Она несколько не походила на Землю, а видеть оранжево-красную растительность они предпочитали на Каллисто.

— В Сетито, — сказал Синяев, — мы увидели далекое прошлое нашей родины. Кетьо тоже прошлое, но более близкое. Теперь предстоит увидеть будущее. Каким-то будет оно?

— Не может быть никакого сомнения, что прекрасным, — ответил Широков.

Рано утром, когда вокруг только начал расходиться ночной туман, разгоняемый лучами только что взошедшего Рельоса, белый шар медленно поднялся над равниной Кетьо.

Начался последний и самый короткий перегон. До Каллисто было всего пять земных суток пути.

* * *

И вот за прозрачными экранами раскинулась панорама долгожданной планеты.

Во все стороны, до самого горизонта, был океан. Оранжево-красный остров ярким пятном выделялся на его темно-синей поверхности. Крохотными белыми точками виднелись несколько зданий и тонкие ниточки колец бьеньетостанции.

Весь экипаж находился в помещении центрального пульта. Диегонь сидел у щита управления, остальные толпились у «окон».

Взволнованные и мучимые нетерпением, каллистяне не спускали глаз с родной картины. Долгие годы они ждали этого момента, и вот он, наконец, настал. Остались позади бесконечные просторы Вселенной — черная безвоздушная бездна. Звездолет летел в атмосфере Каллисто. Еще немного — они ступят на землю, вдохнут родной воздух, обнимут близких. Им казалось, что корабль почти не движется, и нетерпеливые взгляды поминутно обращались к Диегону, словно прося его увеличить скорость.

Широков и Синяев обнявшись стояли рядом. Они молчали, без слов понимая друг друга. Цель, достижению которой они отдали столько лет жизни, была перед ними.

Каллисто! К ней стремились они, оставив на Земле все, что было им дорого. Ради нее, ради того, чтобы увидеть будущее своей Земли, согласились они на томительные годы пребывания на звездолете. Ради новых знаний, ради пользы для всего человечества совершили они долгий и тяжелый путь.

И вот Каллисто перед ними!

Впереди три года большого и напряженного труда.

Широков и Синяев отдохнули с избытком. Они были полны энергии и желания трудиться. И только в самой глубине их сознания таилась смутная тревога, вызванная опасениями Гесьяня. Они гнали ее от себя, но тревога упорно возвращалась, отравляя радость достижения цели, вызывая теперь уже бесполезные мысли.

С прямотой, свойственной каллистянам, Гесьянь не пытался успокоить их, он открыто говорил, что считает их прилет на Каллисто преждевременным.

— Вам надо было несколько месяцев провести на Сетито и не менее года на Кетьо. А еще лучше — провести соответствующую подготовку у себя, на Земле, — говорил он, — а тогда уже лететь на Каллисто. То, что сделано нами, недостаточно. Я не могу поручиться, что вам не придется в ближайшее время вернуться на Сетито.

Широков как врач хорошо понимал основательность опасений Гесьяня. Он уже убедился, что Рельос не Солнце. Его лучи обладали иными свойствами, несли в себе гораздо больше энергии. Они явно действовали на организм не так, как лучи Солнца.

— Что ж! — говорил Синяев. — Если Гесьянь окажется прав, вернемся на Сетито, а затем снова отправимся на Каллисто. Задача, поставленная перед нами, должна быть выполнена во что бы то ни стало.

Первое, правда малосущественное и давно предвиденное, отличие Рельоса от Солнца уже на Кетьо дало себя знать. Оба человека Земли были вынуждены надеть темные очки, с дымчатыми стеклами. Широко открытые глаза людей были не в состоянии переносить ослепляюще яркий белый свет Рельоса. Все три года пребывания на Каллисто им придется видеть мир через эти стекла. Но очки были подобраны так, что все разнообразие цветов и оттенков не пропадало, а только смягчалось, становилось подобным цветам и оттенкам на Земле. Они видели окружающие предметы такими же, какими видели их каллистяне незащищенными глазами.

Звездолет медленно опускался все ниже и ниже.

С жадным любопытством друзья всматривались в оранжевый остров. Они не видели ни на нем, ни вокруг него никаких признаков, что обитатели планеты готовятся встретить вернувшийся звездолет. А они хорошо знали, что каллистяне все эти годы с нетерпением ждали Диегона и его спутников, а теперь, когда они узнали, что на корабле находятся двое людей другого мира, это нетерпение увеличилось во много раз.

Остров, море и воздух были пустынно.

— Разве вас не будут встречать? — спросил Широков у Синьга, стоявшего рядом с ним.

— Будут, но не здесь, — ответил Гесьянь, услышавший вопрос. — На острове нас встретят только работники космической станции.

Диегонь протянул руку и повернул рукоятку на пульте. Изображение на экране, возле которого стояли Широков и Синяев, дрогнуло, и вдруг весь остров со стремительной быстротой «помчался навстречу». Через несколько мгновений показались здания, приблизились вплотную, исчезли за краями экрана, и вот перед ними, в двух шагах, мраморная арка. Они увидели по бокам две скульптуры и группу каллистян, которые, казалось, смотрели прямо на них.

— Вот мой отец, — раздался позади Широкова голос Дьеньи, и ее тонкая рука протянулась к экрану, указывая на человека, стоявшего рядом с высоким стариком, опиравшимся на толстую трость.

Широков вздрогнул. В последнее время, когда Дьеньи была близко, он испытывал волнение и какую-то непонятную тревогу.

Диегонь попросил Мьеньюню сменить его и подошел к экрану.

Все расступились, и командир корабля около минуты всматривался в лицо своего сына, которого он не видел так долго.

Что происходило в его душе? Какие чувства испытывал он в эту минуту? Суровое лицо с резкими, выразительными чертами было таким же, как всегда. Он повернулся и отошел к пульту.

— А это, вероятно, Женьсиньг? — спросил Широков, снова подходя к экрану.

— Да, это сам Женьсиньг, — ответила Дьеньи, подчеркивая слово «сам».

Широков и Синяев уже много слышали о Женьсиньге, о котором все каллистяне говорили с глубоким уважением. Они внимательно рассматривали знаменитого ученого, крупного инженера и первого каллистянина, достигшего соседних планет.

— Он не кажется старым, — заметил Синяев.

— А вместе с тем ему семьдесят один год, — сказал Синьг.

«Сто сорок два, по-нашему», — подумал Широков.

Изображение дрогнуло и с молниеносной быстротой вернулось на прежнее место. Арка и группа встречающих исчезли из глаз.

— Вас будет встречать все население планеты, — сказал Гесьянь.

Широков вопросительно посмотрел на него. Совсем недавно, он помнил, Гесьянь говорил другое.

— Очень просто, — пояснил молодой врач. — На станции мощная бьеньета. На всех экранах, а у нас нет ни одного дома без экрана, смогут видеть ваш финиш.

— Если ваши домашние экраны так же совершенны, как эти... — сказал Синяев.

— Нисколько не хуже, — сказал Мьеньонь.

— Никакого сравнения, — улыбаясь, поправил Гесьянь. — Вы все забываете, что отсутствовали одиннадцать лет. На Каллисто многое успело измениться.

— Верно, верно. Мы не годимся для роли проводников. Нам самим придется со многим знакомиться.

Казавшийся издали небольшим, оранжевый остров быстро увеличивался. Звездолет опустился на высоту ста метров. Кольца бьеньетостанции, исчезнувшие за горизонтом, когда корабль приблизился к земле, снова показались.

Еще несколько минут — и белый шар повис над обширной площадкой ракетодома.

Космический рейс закончился.

— В восемьсот третий день 2387 года, — торжественно произнес Мьеньонь, — звездолет взял старт с этого самого места, которое находится сейчас под нами. В четыреста тридцать третий день 2392 года мы ступили на поверхность Земли и провели на ней двести девяносто дней по нашему счету. В двадцать третий день 2393 года корабль покинул Землю и начал обратный путь. И вот сегодня, в четыреста семьдесят шестой день 2398 года, мы вернулись на Каллисто. Звездолет находился в пути, по времени, протекшем на Каллисто, одиннадцать лет и триста девяносто три дня, пролетев за это время круглым числом...

«Сто шестьдесят четыре триллиона один миллиард двести тридцать миллионов километров», — мысленно перевел Синяев.

— От всего сердца поздравляем вас с окончанием вашего героического полета, — сказал Широков.

— А вас, — ответил Мьеньонь, — поздравляем с окончанием первой половины и прилетом на Каллисто.

Корабль медленно и плавно опускался. Его двигатели работали с исполинской силой, удерживая тысячетонную тяжесть от падения. Чудовищный ураган обрушился на землю, но воздух вокруг корабля был чист и прозрачен. Площадка, на которую опускался звездолет, была так чиста, что ни малейших следов поднятой пыли не было видно.

Никто не почувствовал толчка. Белый шар коснулся родной земли совершенно незаметно.

Диегонь выключил двигатели, сослужившие свою последнюю службу, и встал. Все повернулись к нему. Несколько минут в центральном посту царила какая-то особенная, торжественная тишина.

Все молчали.

Широков и Синяев обнялись и поцеловались. Цель достигнута! Звездолет неподвижно стоял на поверхности Каллисто!

ПЕРВЫЙ ЧАС В ЧУЖОМ МИРЕ

От здания бьеньетостанции к кораблю, стоявшему в центре площадки, быстро приближался простой с виду, но совершенно непонятный для не посвященного в тайну его конструкции человека экипаж с шестью каллистянами.

Это была как будто лодка, сделанная из гофрированного материала нежно-голубого цвета. Ее дно было плоско, а борта низки. Сверху «лодка» была закрыта прозрачным и почти невидимым сплошным колпаком, без каких-либо отверстий, через которые можно было бы войти в нее и выйти.

Станный экипаж двигался у самой земли, не касаясь ее. Он летел по воздуху на высоте

нескольких сантиметров. Но крыльев у него не было.

Аппаратом никто не управлял. Не было ни штурвала, ни ручек, ни педалей, ни кнопок — ничего. Не было и двигателя, по крайней мере его нигде нельзя было заметить.

Впереди сидели Вьег Диегонь и Женьсиньг. Остальные четверо расположились сзади.

Экипаж летел быстро. Иногда он плавно поднимался, встретив неровность почвы, но, перелетев препятствие, опускался опять, почти вплотную к земле.

Пассажиры молчали, не спуская глаз с приближавшейся громады космического корабля. На его вершине виднелось десять человек. Шестеро были уже внизу.

«Лодка» остановилась, но осталась висеть в воздухе. Прозрачный колпак поднялся на четырех тонких серебристых стержнях. Пассажиры вышли.

Аппарат слегка покачнулся и снова встал прямо, оставаясь неподвижно висеть на невидимых нитях, на которых он, как невольно казалось, был подвешен неизвестно к чему.

Один из членов экипажа звездолета спустился на землю у самой лодки. Он снял крылья и повернулся. Шестеро каллистян сразу увидели, что перед ними один из обитателей Земли, о которых вся Каллисто только и говорила за последнее время.

С жадным вниманием Женьсиньг и его спутники рассматривали гостя. Человек Земли был одет в необычайный костюм, но, кроме этого костюма и цвета кожи, ничем не отличался от обыкновенного каллистянина. Это был самый настоящий «мьеньк». Его глаза были закрыты темными очками.

— Я почему-то всегда думал, что обитатели других миров не могут быть похожи на нас, — тихо сказал Вьег Диегонь.

— Вы же знали, что эти на нас похожи, — ответил Женьсиньг.

Пришелец от Мьеньи улыбнулся красными губами.

— Когда-то мы думали так же, — сказал он по-каллистянски. — Но прилет вашего корабля на Землю показал, что такое мнение ошибочно. Меня зовут Георгий Синяев. А это, — прибавил он, указывая на кого-то позади них, — мой друг Петр Широков.

Шестеро каллистян поспешно обернулись. Занятые рассматриванием Синяева, они не заметили, как позади собрались все члены экипажа звездолета. Рядом с Диегоном стоял второй житель Земли, который в первый момент показался им точной копией первого.

— Здравствуйте, друзья! — сказал Широков. — Просим оказать нам гостеприимство на вашей планете.

Женьсиньг первым пришел в себя.

— Приветствуем ваш прилет, — сказал он, поочередно обнимая гостей. — Мы счастливы видеть вас.

Примеру Женьсиньга последовали остальные. Вьег Диегонь был единственным, кто обнял сначала не жителей земли, а своего отца. Но с дочерью он все же поздоровался после них.

Широков и Синяев подумали, что если бы не они, то встреча Диегона и его спутников была бы совсем иной. Получилось так, что все внимание каллистян сосредоточивалось именно на гостях, а звездоплыватели, вернувшиеся из беспримерного рейса, оставались на втором плане. Им казалось это несправедливым.

Но они безусловно ошибались. Эффект возвращения звездолета был огромен, а их присутствие только подчеркивало успех рейса.

Диегонь и его товарищи нисколько не казались обиженными.

— Вам надо сейчас же выступить перед каллистянами, — сказал Женьсиньг. — Вся планета взволнована вашим прилетом. Я точно знаю, что на ночной половине Каллисто никто не спит.

— Мы готовы, — сказал Диегонь от имени всех.

— На крыше станции установлена бьеньтеси.

— Что установлено? — спросил, видимо удивленный, Диегонь.

— Я забыл, — ответил Женьсиньг, — что бьеньтеси появились недавно. Это разновидность бьеньтеси.

— Но что означает «теси»?

— Это долго объяснять. Может быть, отложим?

— Пусть будет так, — согласился Диегонь. — Мы знаем, что на Каллисто нас ждет много нового.

Слово «бьень» означало в переводе на русский язык «передача», а «ета»

— «волна». Таким образом, «бьеньета» означало передачу на волне. Бьеньтеси можно было понять как передачу на теси, но что означало это слово, было неизвестно не только Широкову и Синяеву, но и каллистянам, вернувшимся с Земли. Очевидно, оно было совсем новым словом.

Синяев вспомнил, что такое слово он слышал от Бьесьи, когда она объясняла устройство своего звездолета. Но тогда он не спросил о его значении.

— Едем! — сказал Диегонь. — Мы надеемся, — обратился он к людям, — что вы не откажетесь сказать несколько слов каллистянам.

— Конечно нет, — ответил Широков.

— Ты помнишь, — спросил Синяев по-русски, — как Бьяининь выступал перед микрофоном пятнадцатого августа?

— На Земле, — сказал Широков, и в его голосе прозвучала грусть.

— Я тогда думал, — также по-русски сказал стоявший рядом Бьяининь, — что ваше «радио» — это то же, что наша бьеньета, и считал, что меня видят все жители Земли; и очень удивлялся, что «бьеньета» так мала.

Шутка Бьяининя рассеяла овладевшее было друзьями тоскливое настроение. Земля была далеко; раньше чем через три года они не полетят к ней. Грустить о разлуке не время.

— Садитесь! — сказал Женьсиньг.

Широков повернулся и вздрогнул от неожиданности. Не меньше его были удивлены и все остальные.

Находившаяся перед ними «лодка» висела в воздухе. Было совершенно ясно, что ее поддерживает не реактивная сила. Крупное насекомое, похожее на паука, пробежало под дном аппарата на длинных суставчатых ножках. Очевидно, воздух под лодкой был спокоен.

Широков по привычке посмотрел на Мьеньоня, ожидая объяснений. Но инженер смотрел на странный аппарат с неменьшим удивлением, чем другие.

— Объясните, пожалуйста, — сказал Ньяньиньг, — что это такое? В чем тут дело?

Весь экипаж звездолета повернулся к Женьсиньгу.

Но вместо него, совершенно неожиданно для Широкова, ответил Синяев.

— Антигравитация, — сказал он. — Тот же принцип, что и на звездолетах внутренних рейсов.

— Совершенно правильно, — подтвердил Женьсиньг. — Вероятно, у вас на Земле хорошо известно об антигравитации? — спросил он.

— Теоретически, — улыбнулся Синяев. — Практического применения еще нет.

— Это последнее достижение нашей техники. Олити, — Женьсиньг указал на «лодку», — имеются всюду. Вы с ними еще не раз встретитесь.

— Отложим знакомство, — сказал Диегонь. — Но слово «олити» не ново.

— Название осталось прежним. Изменился только принцип. Да и то не у всех олити. Очень многие из них еще старой конструкции.

Широков и Синяев первыми вошли в «лодку». За ними последовали Женьсиньг, Диегонь и Бьяининь.

Когда кто-нибудь ставил ногу на борт, олити покачивалась, точно под нею находилась вода невидимого озера.

Мьеньонь внимательно следил за посадкой.

— Вес олити увеличился, — сказал он. — Почему это не влияет на ее положение?

— Сила антигравитационного поля изменяется автоматически, — ответил

Женьсиньг. — Мы скоро вернемся.

Прозрачный колпак опустился.

Широков и Синяев сильно волновались. С этого момента начиналась их жизнь на Каллисто. Впереди на каждом шагу их ожидало неожиданное и непонятное, неизвестная обстановка, чуждые условия быта. Этот «автомобиль», не подчиняющийся законам тяготения, был первым звеном длинной цепи, которую им предстояло наблюдать в продолжение трех земных лет.

С чувством, похожим на то, которое он испытал, когда за ними закрылась дверь подъемной машины в день старта с Земли, Широков опустился в кресло, сделанное как будто из стекла. Оно мягко поддалось, облекая тело упруго, как жидкость. Он перестал ощущать свой вес. Так бывает, когда погружаешься в воду.

Никто не сел за управление, — его не было.

Как только опустился прозрачный колпак, олити плавно повернулась и двинулась вперед.

Кто же все-таки управляет ею? Неужели она сама выбирала дорогу, с помощью каких-то необычайно совершенных «телеглаз», «электронного мозга» и созданных каллистянами механических «нервов»?

— Я знаю столько же, сколько и вы, — с непривычной сухостью ответил Диегонь на вопрос Синяева.

— Начиная с завтрашнего дня, — сказал Женьсиньг, — вы получите ответ на любой ваш вопрос. А сейчас не отвлекайтесь. Для всей Каллисто сегодня торжественный и радостный день встречи. Потом, в Атилли.

— Что такое Атилли? — все же спросил Широков.

— Хорошо, что хоть на это я могу вам ответить, — улыбнулся Диегонь. — Атилли — это название города. Очевидно, решили поселить вас в нем.

— Именно так, — сказал Женьсиньг. — Мы долго думали, где вам будет лучше, и остановились на Атилли. Это самый далекий от экватора город из всех больших городов Каллисто.

— Это правильно, — сказал Синяев, — но только на первое время.

— Вы можете жить где хотите, — поспешно уверил его Женьсиньг.

— А где живете вы? — спросил Широков у Диегоня, впервые подумав, что придется, может быть, расстаться со спутниками по полету, к которым они так привыкли.

— Никто из нас, — ответил Диегонь, — никогда не жил в Атилли. Но мы проводим вас туда и останемся там, чтобы быть вместе.

Обрадованный Широков провел пальцами по лбу Диегоня. Люди уже привыкли выражать благодарность по-каллистянски. Это было то же, что крепкое рукопожатие на Земле.

Олити остановилась у самой арки, которую Широков и Синяев видели недавно на экране в центральном посту звездолета.

Выйдя из машины, они сразу обратили внимание на скульптуры у входа и легко узнали всех своих спутников.

— Их придется переделать, — сказал Женьсиньг. — От Мьеньи вернулись не двенадцать человек, а четырнадцать.

— Слово «Мьеньи» также придется переделать, — заметил Бьяининь. — Звезда, которую мы называем «Мьеньи», имеет другое название — Солнце.

— Сьольньце, — медленно, с трудом повторил Женьсиньг. — Это трудное слово. Но говорить «Мьеньи» мы больше не имеем права. А как вы называли наш Рельос?

— Сириус, — ответил Синяев. — Я понимаю, что вам трудно сказать слово «Солнце». Называйте нашу звезду «Гелиос». (Гелиос — Солнце (греч.).)

— А почему у вас несколько названий одного и того же предмета?

— Потому что на Земле не один народ и не один язык. «Солнце» — это на языке того народа, к которому принадлежим мы оба.

— То, что вы говорите, очень интересно, — сказал Женьсиньг, внимательно и с видимым любопытством слушавший Синяева. — Но не совсем понятно.

— Ограничьтесь пока этим, — пошутил Синяев, повторяя недавно сказанные самим Женьсиньгом слова. — А сейчас не отвлекайтесь.

Старый каллистянин улыбнулся.

— Гелиос, — сказал он. — Да, это гораздо легче. Но в честь вас, первых людей, посетивших Каллисто, мы будем говорить «Солнце», хотя это слово труднее.

— На Земле, — сказал Синяев, — слово «Рельос» вошло во всеобщее употребление.

Вслед за Женьсиньгом все прошли внутрь здания.

Там были просторные, очень высокие, но почти пустые комнаты, с блестящими разноцветными полами и огромными окнами.

Было ясно, что это здание не только бьеньетостанция. Вероятно, это был «космический вокзал» — центральное здание острова, который весь представлял собой ракетодром.

Впоследствии они узнали, что здание называлось «Дом неба». Отсутствие мебели, высота стен, статуи, казавшиеся совсем маленькими в огромных помещениях, подчеркивали замысел архитектора.

Поражала необычайная чистота воздуха внутри здания. Может быть, это было следствием близости океана или же действовала специальная вентиляция.

Широков и Синяев ни о чем больше не спрашивали, помня просьбу Женьсиньга.

В одной из комнат на полу темнел синий круг диаметром около трех метров, поверхность которого отсвечивала металлическим блеском. В центре потолка находилось отверстие.

Когда по приглашению Женьсиньга все встали на этот круг, он быстро поднялся, плотно войдя в отверстие на потолке.

Они очутились на крыше здания.

— Своеобразный лифт! — заметил Синяев. Плоская крыша была выстлана желтыми треугольными плитками и окружена невысокой балюстрадой.

Отсюда хорошо был виден белый шар звездолета и можно было различить возле него крохотные фигурки каллистян.

«Там Дьеньи!» — Широков вдруг понял, что успел соскучиться по ней.

Высоко над головой, в самое небо уходили хрустально блестящие кольца межпланетной бьеньетостанции. Даже вблизи они казались воздушными, трудно различимыми в блеске Рельоса, хотя были сделаны из металла.

Рядом с подъемной машиной стоял небольшой аппарат, напоминавший своим видом школьный телескоп.

Это и была загадочная бьеньетеси.

Возле нее в ожидании стояло трое молодых каллистян.

Широков и Синяев уже начали привыкать к тому, что их появление перед каллистянами вызывает большой эффект, и не обратили никакого внимания на изумленные взгляды, которыми их встретили. Прежде всего их интересовал аппарат. Они знали, что вся планета наблюдала финиш звездолета. Женьсиньг говорил, что каллистяне видели на экранах их обоих. Это значило, что «телевизионная» камера была снабжена телескопическим устройством, позволявшим приблизить снимаемый объект, даже если он находился, как в данном случае, на расстоянии двух километров.

Видя интерес, с которым гости рассматривали бьеньетеси, один из каллистян подошел и стал давать пояснения. Кто-то, очевидно, успел сказать ему, что пришельцы из другого мира понимают каллистянский язык. Из его слов Широков и Синяев вывели заключение, что камера работала на совершенно ином принципе, чем телевизионные камеры на Земле. Она давала цветное и объемное изображение, и передача осуществлялась непосредственно от нее, без прохождения через усилительное устройство мощной промежуточной станции. Каким образом столь небольшая установка могла обладать такой мощностью, чтобы ее передачи воспринимались всеми приемниками Каллисто, осталось неясным.

Слово «теси» непрерывно встречалось в объяснениях, но его значение все еще не стало понятным.

— Вам нравится? — спросил каллистянин.

— Да, — ответил Синяев. — Ваша бьеньтеси работает на другом принципе, чем наши. Я хотел бы узнать об ее устройстве более подробно.

— Потом, потом! — вмешался Женьсиньг. — Каллистяне ждут. — Он подошел к аппарату и встал прямо против отверстия трубы. Широков представил себе, как на экранах появится лицо Женьсиньга. Сколько миллионов каллистян будут слушать его?

— Больше одиннадцати лет тому назад... — начал Женьсиньг.

Он говорил прямо в объектив. Было ясно, что эта небольшая установка была равна по мощности величайшим радиостанциям Земли, давала возможность передать на всю планету цвет, объем и звук одновременно.

Женьсиньг рассказал об организации полета к Мьеньи, о старте звездолета и обо всех разнообразных мнениях относительно результатов рейса, которые высказывались на Каллисто ее учеными.

— О том, как протекал рейс и что увидели у Мьеньи наши отважные звездоплыватели, вам расскажет командир корабля Рьиг Диегонь.

— Митинг, в котором участвует все население планеты, — шепнул Синяев на ухо Широкову.

Диегонь мало говорил о полете, а все свое выступление посвятил Земле. Он подробно рассказал о встрече с людьми и о них самих. Коротко описал природу и города Земли. Затем перешел к причинам опоздания звездолета.

Широков слушал его с тревогой. Он опасался, что рассказ о происшествии в лагере под Курском может создать у каллистян, незнакомых, с условиями земной жизни, ложное представление о людях.

Но Диегонь ни словом не упомянул о диверсии.

— Дверь в помещение центрального агрегата была повреждена и не открывалась, — только и сказал он. — Техника Земли оказала нам неоценимую помощь.

Широков и Синяев облегченно вздохнули. Каллистяне все равно узнают об истинной причине аварии, но потом это будет не страшно, лишь бы не сейчас.

— Все, что мы видели на этой далекой от нас планете, — закончил Диегонь, — убедило нас, что люди и каллистяне будут жить в дружбе. За нашим полетом последуют другие. Я хочу верить, что к союзу Земли и Каллисто примкнут обитатели других миров, спутников звезд, находящихся не слишком далеко от Мьеньи — Солнца — и от Рельоса. Первый шаг к этому сделан. Мы, двенадцать каллистян, посетили Землю. Теперь двое ученых Земли прилетели к нам. Мы счастливы, что вернулись на родину, но еще более потому, что вернулись не одни. Дадим слово нашим гостям. Не удивляйтесь, что они будут говорить на нашем языке. За годы полета они хорошо овладели им. Перед вами представитель медицинской науки Земли — Петр Широков.

— Не говорите слишком мало, — сказал Женьсиньг. — Дайте каллистянам время как следует рассмотреть вас.

Широков одно мгновение колебался, потом решительно снял очки и подошел к аппарату. Яркий свет был очень неприятен, пришлось сильно прищуриться, но это казалось ему лучше, чем показаться перед многими миллионами зрителей в очках, искажавших его лицо. Сознывая, с каким жадным вниманием каллистяне будут его рассматривать, он мучительно волновался и несколько секунд был не в состоянии начать говорить.

Прямо перед ним находилось темное отверстие трубы передатчика. В глубине этого отверстия что-то неясно блестело. Широкову вдруг показалось, что перед ним окно, за которым раскинулся весь простор огромной планеты, и бесчисленное количество черных лиц с длинными узкими глазами, устремленными на него.

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Здравствуйтесь, товарищи каллистяне!

Сказал и только тогда понял, что говорит по-русски.

Все бывшие возле аппарата смотрели на него внимательно и серьезно. Никто, казалось, не удивился, что он говорит на земном языке. Вероятно, все подумали, что он сделал это намеренно.

Три слова, сказанные на родном языке, как-то сразу успокоили Широкова, и он начал говорить уже по-каллистянски, как ему казалось, совсем спокойно. Но впоследствии он никак не мог вспомнить, что именно он говорил каллистянам в тот день. Слова сходили с его губ без участия его воли, сами собой. Но когда, некоторое время спустя, он спросил Синяева о своей речи, оказалось, что он говорил хорошо и с чувством.

После Широкова выступил Синяев. Он не казался, а действительно был совершенно спокоен. Коротко приветствовав каллистян, Георгий Николаевич посвятил свою речь развитию мысли, высказанной Диегоном, что к союзу людей и каллистян примкнут в будущем жители других, пока еще не известных планет.

Женьсинг закрыл своеобразный «митинг», и все снова отправились на чудесной олите к кораблю.

Каллистяне торопились покинуть остров.

— На звездолете огромное количество предметов, подаренных нам на Земле, — сказал Диегонь Женьсингу. — Я прошу без меня не разгружать корабль.

— Никто ничего не тронет, пока вы будете в отсутствии, — ответил Женьсинг.

МОРСКОЙ ПЕРЕЕЗД

— На чем мы отправимся на континент? — спросил Синяев.

— На корабле, — ответил Женьсинг.

— А почему не по воздуху? Ведь это будет быстрее.

— Потеря времени незначительна. Корабль идет быстро. Таково желание Диегона и его товарищей. Но если вы возражаете...

— Нисколько! Просто я не очень хорошо переношу качку.

— Ее не будет.

— А если поднимется буря?

— Это исключено. На время вашего переезда ветер не будет пропущен в эту часть планеты.

— Вы управляете ветром? — пораженный этими словами, спросил Синяев.

Ответ был неожиданным:

— Погода планируется.

Широков и Синяев молча переглянулись.

— Если ветер в этой части океана и был намечен, — невозмутимо продолжал Женьсинг, — то ради вас станции изменили программу. Охлажденные над океаном массы воздуха направят куда-нибудь в другую сторону.

— Но как... — начал Синяев и замолчал. Не стоило просить объяснений. Было немислимо узнать и понять все сразу.

Сборы были недолги. Звездоплыватели намеревались вернуться на остров и не брали с собой никаких вещей. Но у гостей Каллисто багаж оказался весьма объемистым. Они должны были остаться на континенте и взяли с собой все, что привезли с Земли.

Не без грусти расставались Широков и Синяев со звездолетом, на котором провели больше трех лет.

— Мы вернемся на Землю на этом же корабле? — спросил Широков.

— Разумеется, нет, — ответил Мьеньонь. — Для вас построят новый, по последнему слову техники. Вы же видели на Сетито, что современные звездолеты более совершенны.

Олити в три рейса доставила на пристань всех.

В сущности, это была не пристань, а просто набережная. Она представляла собой

огромную площадку, выстроенную из красных каменных плит, похожих отчасти на гранит, отчасти на мрамор, отполированных, как зеркало. Каждая плита была не менее двадцати квадратных метров величиной.

Когда появились каллистяне и их гости, корабль, стоявший в пятидесяти метрах от берега, приветствовал их протяжным, странно звенящим звуком. Несмотря на большую мощность этого «гудка», он не был неприятен для слуха и отличался какой-то своеобразной мягкостью.

— Я думал, что на Каллисто нет гудков, — сказал Широков, — ведь они создают шум.

— До последнего времени, — ответил ему Гесьянь, — гудки на море были необходимы. Каллисто — жаркая планета, и на ней часты густые туманы. Теперь, конечно, они не нужны. Но сохранилась морская традиция.

Корабль приблизился.

Оба друга видели такие корабли на рисунках и фотографиях, которые показывали им каллистяне еще на Земле, но тем не менее с большим интересом рассматривали странное судно.

Оно было невелико и очень узко. Ширина палубы не превышала четырех метров. Не было ни мачт, ни труб. Корпус судна, выстроенный из серебристого металла, почти не выступал из воды. Вся верхняя надводная часть была накрыта сплошным прозрачным кожухом чуть голубоватого оттенка. Благодаря низким бортам казалось, что по воде плывет огромная стеклянная лодка, перевернутая килем вверх.

Парапет набережной был значительно выше борта корабля, и люди, стоявшие на ней, смотрели на судно сверху. Первое, что обращало на себя внимание, было отсутствие каких бы то ни было палубных надстроек. Сама палуба представляла собой гладкую поверхность темного цвета, без единого шва, точно она была покрыта линолеумом. В трех местах виднелись небольшие зеленые круги.

Экипаж судна состоял из восьми каллистян.

Моряки были одеты очень своеобразно, в костюмы, отличные от тех, которые люди Земли видели до сих пор. На них были короткие, до колен, брюки и легкие сетки без рукавов. И то и другое было голубого цвета. По обычаю каллистян головы были ничем не покрыты.

— Словно дети, — сказал Синяев, прибегнув, чтобы не быть никем понятым, к французскому языку.

Действительно, странный костюм моряков напоминал одежду детей в летнее время. Издали казалось, что на палубе стоят черные мальчики в трусиках и майках.

— Я не вижу в этой прозрачной крышке ни одного отверстия, через которое мы сможем проникнуть на корабль, — сказал Широков. — Или она поднимается, как на олити?

— Посмотрите внимательнее, — ответил Гесьянь. — Вход прямо перед вами.

— Я его вижу, — сказал Синяев.

Пристально всмотревшись в поверхность «стекла», Широков, наконец, заметил тонкую синюю линию. Мало заметная на голубом фоне, она шла от борта вверх, плавно изгибалась и снова опускалась к борту. Точно тонкой кистью была нарисована арка.

В тот момент, когда он увидел ее, «дверь» сдвинулась назад и скользнула в сторону. Образовалось отверстие. Возле него собрались все восемь членов экипажа.

Широков и Синяев ожидали, что с корабля будет подан на берег трап или какая-нибудь сходня, но произошло совсем иное, чего они никак не могли ожидать.

Каменная плита, казавшаяся столь прочной и неотъемлемой частью набережной, сдвинулась с места и опустилась вместе с ними. Кто и как привел в действие механизм этой оригинальной подъемной машины, они не заметили.

Вход на судно оказался прямо напротив, на одном уровне, и оставалось сделать только

один шаг, чтобы очутиться на палубе.

Один из моряков выступил вперед.

— Люди Земли, — сказал он, — желанные гости на корабле. Мы рады видеть вас у себя. Прошу вас войти.

Широкову и Синяеву пришлось первыми перейти на борт судна. Петр Аркадьевич снова подумал при этом, что их присутствие невыгодно Диегону и другим звездоплавателям — на них почти не обращали внимания, оно целиком поглощалось им и Синяевым.

К их удивлению, экипаж корабля встретил гостей очень сдержанно. Никто не пытался обнять их, как раньше. Моряки приветствовали их только жестами. Это было результатом нескольких слов, сказанных Женьсингом так, что они не слышали. Еще раньше Диегонь высказал опасение, что чересчур восторженная встреча может в конце концов утомить людей Земли.

Вслед за ними на борт корабля перешли все члены экипажа звездолета. Женьсинг и другие каллистяне остались на берегу.

— Мы скоро увидимся, — сказал Женьсинг.

— Разве вы не поедете с нами? — спросил Широков, невольно посмотрев на Дьеньи.

— Нет. Корабль пришел за вами и экипажем звездолета. Население Атиллы ждет вас.

— Я был бы очень рад, — сказал Гесьянь, — если бы вы поселились в моем доме. Я постоянно живу в Атиллы.

— Мы гости Каллисто, — ответил Широков. — Я благодарю вас за приглашение, но мы будем жить там, где нам укажут. Мое и моего товарища желание — не расставаться с нашими друзьями и спутниками по полету.

Диегонь протянул руку и ласково провел пальцами по лбу и волосам Широкова.

— Все будут рады видеть вас у себя, — сказал он.

«Стеклянная дверь» беззвучно стала на место. Каменная плита с провожающими поднялась и снова неразличимо слилась со всей набережной. Корабль незаметно отделился от стенки и медленно отходил от нее.

Женьсинг и все остальные шли по набережной вслед за кораблем, но вскоре отстали. Корабль шел все быстрее и быстрее. Длинный узкий корпус судна легко разрезал темную воду океана, оставляя за собой расширяющиеся полосы вспененных волн. Чуть заметно покачиваясь, он с нарастающей скоростью удалялся от берега.

Прошло несколько минут, и судно пошло так быстро, что гладкая поверхность воды у его бортов превратилась в мелькающие полосы. И без того малозаметная качка совершенно прекратилась. Как стрела летел по воде корабль; высокие волны вздымались перед его острым носом, с молниеносной быстротой оставаясь далеко позади.

— Если бы не этот колпак, — сказал Синяев, — стоять на палубе было бы невозможно.

— Очевидно, он для того и сделан, — ответил Широков.

Но прошло совсем немного времени, и они узнали, что сплошной футляр, закрывавший палубу судна, имел не одно назначение.

Оранжевый остров быстро уменьшался. Все тоньше становились кольца бьеньетостанции.

Далеко за ними виднелся крохотный шарик звездолета.

Вскоре остров совсем скрылся. Со всех сторон раскинулась равнина океана. Корабль мчался, как исполинская торпеда, к вечно недостижимой линии горизонта. Трудно было даже представить, какой силы был бы встречный ветер при такой скорости, будь палуба открыта.

С безоблачного неба лился яркий свет Рельоса.

— Ты заметил, что здесь совсем не жарко? — спросил Широков, стоя с Синяевым и остальными на носу судна.

— Заметил, но не знаю, чем это объяснить.

— Футляр, которым закрыта палуба, ослабляет тепловые лучи, — объяснил один из моряков.

— Значит, — сказал Широков, — каллистянам самим неприятно чрезмерное тепло?

— Нисколько! — ответил тот же моряк. — Мы не находим, что на Каллисто чрезмерно жарко. Это сделано для вас. Раньше на этом корабле футляр был из другого материала. Его сменили. Мы, — пояснил он, — готовились встретить вас и знали, что на вашей планете холоднее, чем у нас.

— И только ради этого изготовили такой огромный футляр?

Моряк пожал плечами.

— А почему же нет? — сказал он. — Иначе вам пришлось бы оставить палубу и находиться внизу. Мы думали, что это вам не понравится.

— Действительно, — сказал по-русски Синяев и рассмеялся, — чего проще! Удивляюсь, что они не построили специально для нас новый корабль.

Их не удивила осведомленность каллистянина. Они знали, что, пока были на Кетьо, Каллисто получила много бьенъеттограмм, посвященных им.

— Далеко до города? — спросил Широков.

— Две тысячи километров. (Автор еще раз напоминает читателю, что все фразы каллистян, относящиеся к измерениям, он переводит на земные меры, чтобы не запутать изложение.)

— Сколько же времени займет переезд?

— Четыре часа.

— Ого! — сказал Синяев. — Быстро идет ваш корабль.

— Шестьсот километров в час.

— Это быстрее, чем на глассере. — Синяев сказал слово «глассер» по-русски.

— Я вас не понял.

— Мой товарищ говорит, — ответил Широков, — что ваш корабль движется быстрее самых быстроходных судов на Земле. Вы командир корабля?

— Я управляю кораблем в этом рейсе, — ответил каллистянин.

Казалось, его удивил вопрос Широкова. Прежде чем ответить, он на минуту задумался.

Диегонь вмешался в разговор.

— У нас, — сказал он, — нет командиров или некомандоров. Каждый член экипажа может выполнять обязанности командира и все другие обязанности на корабле с одинаковым успехом. Распределение обязанностей — дело добровольное.

— Я ожидал этого, — сказал Широков. — Я был уверен, что у вас именно так, — пояснил он свои слова.

— Однако на звездолете, — заметил Синяев, — дело обстояло несколько иначе.

— В космическом рейсе — конечно. Там нужны специальные знания и опыт. Вести звездолет может не каждый.

Моряк предложил гостям осмотреть корабль. Широков и Синяев с удовольствием согласились. С ними пошли два члена экипажа — Диегонь и Мьеньонь. На корабле не было ни одного трапа, которые на Земле кажутся столь неотъемлемыми и характерными признаками морских судов. Для спуска внутрь служили лифты.

В трех местах — на носу, посередине и на корме — находились круглые, огражденные едва поднимающимися над палубой кольцевыми выступами, окрашенными в зеленый цвет, площадки подъемных машин. Шесть человек свободно поместились на одной из них. Командир корабля ногой нажал на край выступа, где находилась совершенно незаметная педаль, и площадка плавно опустилась.

— Все их лифты сделаны по одному принципу, — сказал Синяев. — Точно такие же на звездолете и на пристани.

— Наши лифты с кабинками мне больше нравятся, — ответил Широков.

Они ожидали увидеть каюты, но их не оказалось. Не было и привычного коридора. Внутренность судна была разделена переборками на три отделения, каждое из которых имело свой лифт.

Этот корабль не был пассажирским судном. Широков и Синяев тут же узнали, что на

Каллисто уже давно не существует морского транспорта. Все перевозки совершались по воздуху.

— Для чего предназначен этот корабль? — спросил Синяев.

— Для научных работ в океане, — ответил моряк.

Носовое отделение, в которое они спустились, было командным пунктом, откуда осуществлялось управление кораблем. Подъемная машина находилась в задней части этого помещения. Площадка опустилась до самого пола и как бы слилась с ним. Впереди, закрывая внутренний вид помещения, стояла какая-то машина.

Когда они обогнули ее, глазам Широкова и Синяева предстала удивительная картина.

Им показалось, что они каким-то образом вновь очутились на палубе. Впереди и по сторонам расстилалась равнина океана. Сверху было небо и ослепительно белый диск Рельоса.

Стены и потолок были абсолютно невидимы.

Но они знали, что это помещение находится ниже ватерлинии, и легко было догадаться, что это — все та же система телевизионных экранов, но только более совершенная, чем на звездолете. Не было решетки из рамок отдельных экранов, он был сплошной, охватывая все помещение, кроме пола и задней стены. Нечто подобное они видели на звездолете внутренних рейсов.

Но если гости Каллисто подумали, что только для них удивительна эта картина, то слова Мьеньоня доказали им, что это совсем не так.

— Поразительно! — воскликнул инженер. — Я вижу, что техника далеко ушла вперед за время нашего отсутствия.

— Перед стартом к Мьеньи, — сказал Диегонь, обращаясь к Широкову, — на кораблях были экраны, ничем не отличающиеся от тех, которыми оборудован звездолет. Такой сплошной экран для нас новость.

— Этот корабль построен два года тому назад, — пояснил моряк.

— Экраны старого типа где-нибудь сохранились? — спросил Широков.

— Насколько я знаю, нет. Зачем они, если есть новые, более совершенные?

На командном пункте не было ни одного человека. Ожидаемый, по привычке, рулевой отсутствовал.

— Кто сейчас ведет корабль по курсу? — спросил Синяев.

Моряк указал на «машину», стоявшую сзади. Это был гладкий темно-синий куб, на котором не было никаких приборов, кнопок или рукояток.

— Курс проложен по карте. Корабль сам дойдет до назначенного места.

Он подошел к стоявшему посередине помещения второму кубу, гораздо меньших размеров.

Гости увидели, что внутри находится большой лист, на котором синей и красной краской изображена географическая карта. Она была очень похожа на земные карты, с такими же меридианами и параллелями.

— Это участок океана между островом Неба и Атили, — сказал моряк. — А вот эта черная линия — проложенный курс. Без вмешательства командира корабль не уклонится от него.

— А подводные течения?

— Автомат учитывает их.

— Но если кораблем управляет автомат, то для чего этот сплошной экран?

— Кораблем можно управлять вручную. Вот смотрите!

Он нажал маленькую кнопку.

До сих пор Широкову и Синяеву казалось, что куб сделан из прозрачного материала, но вот он вдруг «потух», и они поняли, что он не прозрачный. Теперь он был темного цвета и походил на пластмассовый. Карты не стало видно.

Передняя стенка куба откинулась, и появилась панель с множеством кнопок.

— Это ручной пульт управления, — сказал моряк. Чувствовалось, что корабль

замедляет ход. Это было видно и по экрану.

— Когда карта выключена, автомат не может работать. Двигатели остановились.

Моряк положил пальцы на кнопки.

— Совершим круг.

Кисти рук у каллистан обладали необычайной гибкостью. Их длинные тонкие пальцы могли совершать одновременные и совершенно различные движения, недоступные руке человека Земли. У них не было «левой» и «правой» руки, обе работали одинаково.

Движения пальцев командира корабля, перебежавших с кнопки на кнопку, напомнили Широкову игру на рояле.

Двигатели заработали снова. Слегка накренившись на левый борт, корабль описал по океану широкий круг.

— Следите за мной, — сказал моряк. — Я отвожу корабль в сторону от курса. Поворачиваю его носом в обратную сторону. А теперь снова включаю автомат. Смотрите, что будет дальше.

Говоря, он приводил свои слова в исполнение. Куб опять стал прозрачным. Появилась карта. Рядом с черной линией курса виднелась маленькая точка, которая медленно двигалась.

— Что это? — спросил Широков.

— Вероятно, место корабля, — сказал Синяев.

— Совершенно верно. Эта точка — наш корабль. Сейчас автомат выведет его на правильный путь.

Следя за движениями крохотной точки, Широков и Синяев увидели, как она повернулась, совершив полукруг, и слилась с черной линией.

— Спасибо! — сказал Широков. — Это очень интересно.

— Если не возражаете, пойдём дальше, — предложил моряк.

Среднее помещение было предназначено для жизни и работы экипажа. Здесь было много приборов и аппаратов непонятного назначения и неизвестной конструкции. Гости ни о чем не спрашивали; было ясно, что это оборудование для научных работ.

— Может быть, вы голодны? — спросил моряк. — Здесь есть все, что нужно.

Широков и Синяев отказались. Они действительно не чувствовали голода.

Осмотрев жилой отсек, они перешли в третье отделение. Здесь помещались двигатели корабля.

«РЕЛЬС ВИТИНИ»

— Знаешь, что мне нравится больше всего? — спросил Синяев, когда, после осмотра машинного отделения, они снова поднялись на палубу. — Тишина. Все их машины работают бесшумно.

— Давно известно, что шум вреден, — ответил Широков. — Но, к сожалению, наша техника еще не может уничтожить его. В будущем это обязательно сделают. Машины на Земле будут работать беззвучно, как здесь. Но как ты мог? — прибавил он. — Когда ты выстрелил, у меня сердце замерло.

Синяев рассмеялся.

— Я несколько не боялся, — сказал он. — Я верю каллистанам. Конечно, этого не следовало делать. Но когда Диегонь предложил испытать стену, я выстрелил почти что машинально.

— Зачем ты носишь пистолет?

— Забыл о нем. Он лежит в кармане с Сетито.

Выстрел, о котором они говорили, произошел несколько минут тому назад в отделении двигателей.

«Машинный зал» представлял собой небольшое помещение с металлическими стенами, полом и потолком. Вплотную друг к другу стояли четыре длинных и как будто стальных

цилиндра. От них отходили гибкие трубки, исчезая под полом.

Командир корабля объяснил, что каждый цилиндр — двигатель. Трубки связывают их с агрегатами управления. Каждый заряжен на несколько лет непрерывной работы.

— Обслуживающий персонал не нужен, — сказал моряк. — Они не требуют никакого ухода за собой.

Объяснения каллистян всегда отличались ясностью, но на этот раз ни Широков, ни Синяев не поняли, на каком принципе работали двигатели. Это были не турбины и не реактивные моторы. Цилиндры приводило в движение что-то, находящееся за кормой. Им показали чертежи, но вопрос не стал яснее. На конце каждого цилиндра находились по три, словно вложенных друг в друга, удлиненных конуса.

Какое-то сложное чувство удержало Широкова и Синяева от дальнейших расспросов. Оба притворились, что хорошо поняли. Синяев неожиданно заявил (по-русски), что техника каллистян начинает раздражать его.

— Мы просто устали, — ответил ему Широков. — Слишком много впечатлений сразу.

Задняя стенка машинного отделения была не металлической. Прозрачная и очень тонкая пластинка размером два на три метра отделяла помещение от океана, представляя собой корму судна. За ней бурно клубилась белая пена. Временами в глубине этого «кипятка» мелькали сверкающие круги.

— Через эту стенку, — пояснил командир судна, — можно осматривать наружные концы двигателей, когда они не работают. Это делается во время каждой стоянки корабля.

— А она не может разбиться?

— Если бы такая опасность существовала хотя бы теоретически, — последовал ответ, — мы никогда не позволили бы вам войти сюда.

— Из чего сделана стенка?

— Из особого сорта стекла.

— Мне кажется очень рискованным применять стекло в таком месте.

— Оно более чем крепко. Практически его невозможно разбить без применения специальных методов.

— Попробуйте! — засмеялся Диегонь. — Даже пуля из вашего оружия бессильна против этого стекла.

Едва он успел это сказать, Синяев вынул пистолет и выстрелил в стенку, находившуюся от них в двух шагах. Среди металлических переборок машинного зала выстрел прозвучал оглушительно.

— Ты с ума сошел! — по-русски крикнул Широков. — А если бы она разбилась?

— Как видишь, все в порядке. На гладком стекле не было видно никакого следа от удара пули.

— Кого-нибудь мог задеть рикошет.

— Об этом я не подумал, — сказал Синяев. — Глупо! Мои нервы не в порядке.

— Георгий очень энергичен, — улыбнулся Диегонь. — Я почти оглох.

— Извините меня.

— Я виноват сам.

Теперь, стоя на палубе и вспоминая этот эпизод, Широков задумчиво провел рукой по стеклу футляра, закрывавшего палубу.

— Технология изготовления стекла, — сказал он, — достигла у них большой высоты.

— И все же они не знали стекла Эбралидзе.

— Тем лучше. Приятно сознавать, что и мы могли чему-то научить их.

Они стояли на носу судна вдвоем. Каллистяне, как и раньше на звездолете, не навязывали своего общества. Они всегда охотно разговаривали с людьми, но инициативу неизменно предоставляли гостям. Широков и Синяев давно привыкли к естественно непринужденной деликатности своих друзей. Поэтому, когда подошел Мьеньонь, очевидно желая вмешаться в разговор, они поняли, что им хотят сказать что-то важное.

— Мы приближаемся к месту, которое вот уже двести пятьдесят лет является

священным для всех каллистян, — сказал инженер. — Мы выбрали переезд по морю именно для того, чтобы прежде всего побывать здесь. Если вы не возражаете, мы будем рады показать вам памятник прошлого.

— Как мы можем возражать? — сказал Широков. — Наоборот, мы будем очень довольны.

— Этот памятник, вероятно, находится на острове? — спросил Синяев.

— Нет, на дне океана. Тут не очень глубоко. Каллистяне часто посещают это место. Для наших детей в начале их обучения поездка сюда является обязательной.

— Мы готовы.

— Корабль достигнет нужного пункта через несколько минут.

— Мы спустимся на дно в водолазных костюмах, — спросил Широков, — или на корабле есть подводная лодка?

— Ни то, ни другое, — ответил Мьеньонь. — В этом месте глубина семьсот метров. Мы спустимся на корабле.

Синяев кивнул головой. Казалось, он ждал именно такого ответа. Надводный корабль одновременно был и подводным. Вполне естественно!

Корабль стал замедлять ход.

— Здесь! — сказал Мьеньонь.

Волны, поднятые стремительным ходом судна, улеглись. Со всех сторон расстилалась почти неподвижная гладь. Совершенно безоблачное в начале пути, небо затянулось легкими перистыми облаками. Широков заметил несколько птиц, летевших очень высоко.

— На каком расстоянии отсюда находится земля? — спросил он.

— В ста двадцати километрах. Мы сейчас в проливе, разделяющем два континента.

— Я его знаю, — сказал Синяев. — Видел на ваших картах.

— Разрешите спускаться, — обратился к нему командир корабля.

— Я не могу разрешать, — слегка пожимая плечами, ответил Синяев. — Мы гости. Хозяева здесь вы.

— Покидать палубу не нужно? — спросил Широков.

— Конечно нет. Вода сюда не может проникнуть.

Корабль стал медленно погружаться.

Широков с волнением следил, как уровень океана все выше поднимался по его борту. Он верил в технику каллистян, но не мог заставить себя быть таким же невозмутимо спокойным, как его товарищ. Футляр казался таким хрупким и тонким. На глубине семисот метров должно быть огромное давление.

— На какую глубину может опуститься корабль? — спросил он.

— На два километра. Материал футляра и его форма рассчитаны на давление в двести килограммов на квадратный сантиметр.

Широков ничего не сказал на это. Он всецело был поглощен предстоящим зрелищем. Ему еще никогда не случалось спускаться под воду, а тут он вдобавок увидит подводный мир чужой планеты.

Поверхность океана сомкнулась над ними. Блеск дня сменился синим сумраком. Широков и Синяев сняли защитные очки.

Совсем близко они видели скользящие тени, очевидно морских животных, но рассмотреть их не удавалось.

Корабль опускался все глубже, и темнота постепенно сгущалась. Тонкий футляр словно растворился в воде и стал невидим. Казалось, что между людьми и бездной океана нет никакой преграды.

— Почему не зажигают прожекторов? — спросил Синяев. — Или их нет на корабле?

— Прожекторы на корабле, конечно, есть, — ответил Диегонь, стоявший с ними и остальными каллистянами, кроме командира, на носу судна. — Но существует традиция приближаться к памятнику без света. Ничто не должно нарушать покой этого места.

— Интересно, — сказал Синяев. — Мне кажется, у вас довольно много традиций. Это

уже вторая.

— А какая же первая? — спросил Широков.

— А как же. Гудок на корабле. Помнишь, Гесьянь говорил на острове.

— Каллистяне чтут память своих предков, — сказал Диегонь. — Традиции связывают нас с ними.

— Очень любопытно, — сказал Синяев по-французски (Бьяининь стоял рядом.) — Это открывает новую сторону их характера.

Корабль опускался очень медленно.

«Как жаль, что нельзя рассмотреть обитателей вод», — подумал Широков.

Было ясно, что скорость погружения целиком зависела от каллистян. Вероятно, это была еще одна традиция. В медленном приближении к загадочному памятнику было что-то торжественное.

Прошло минут десять, и последние следы света исчезли. Кругом непроглядная тьма.

— Смотрите! — сказал Диегонь, и Широков почувствовал, что каллистянин протянул в темноте руку.

Впереди, глубоко внизу, показалось плохо различимое светящееся облако. Нельзя было определить источник этого света, но казалось, что свет электрический. Как будто в глубине океана горели мощные лампы, освещая что-то, пока невидимое.

Раздался голос Бьяининя. Он говорил по-русски:

— Многие века на Каллисто существовало угнетение, насилие и бесправие. Трудящееся население, так же как на Земле, боролось с хозяевами за свои права, за лучшую жизнь. Было много восстаний, которые подавлялись жестоко. Пятьсот лет тому назад, по земному счету времени, вспыхнуло самое большое, решающее и последнее. Это была гражданская война, кровопролитная, но недолгая. Класс хозяев исчез с лица планеты. Началась эпоха свободного развития общества. В ходе войны в руки хозяев попали двести десять крупных революционеров. Они были погружены на корабль и вывезены в море. В то время у нас были торговые суда. Этот корабль имел имя «Дьесь». На русском языке это соответствует слову «Надежда». В 2137 году, в сто двадцать третий день, в точке океана, где мы сейчас находимся, «Дьесь» со всеми находившимися на нем людьми был потоплен.

— Мы увидим памятник «Дьесю»? — спросил Широков.

— Нет, здесь стоит он сам. Каллистяне сохранили историческое судно. Но теперь оно называется не «Дьесь». На его борту стоит другое имя.

— Какое?

— «Рельос Витини».

— «Солнце свободы», — перевел Синяев. — Это очень красиво.

— Казнь двухсот десяти лучших сынов народа привела к тому, что на сторону восставших перешли все, кроме самих хозяев. И война окончилась. Двести десять были последними жертвами.

Корабль все так же медленно приближался к сияющему облаку, становившемуся все более ярким. Когда он приблизился вплотную и неподвижно повис над дном, на высоте тридцати — сорока метров, люди увидели поразительную картину.

Под семисотметровым слоем воды на равном расстоянии друг от друга стояли правильным кругом двадцать две высокие мачты. На каждой из них висело по два шара, испускавших сильный свет. Можно было видеть мельчайшую подробность дна. Оно казалось тщательно прибранным: ни камней, ни растений

— ровное плоское поле.

На самой середине освещенного круга, уйдя в дно до ватерлинии, стоял длинный вишневого цвета корабль. Никаких повреждений на нем не было видно, он имел такой вид, точно недавно сошел со стапелей завода. На короткой передней мачте «развевалось» зеленое знамя. Не на корме, как у земных кораблей, а на самой середине корпуса зелеными буквами горело гордое имя корабля: «Рельос Витини».

Он стоял совершенно прямо, под своим непонятным образом застывшим знаменем, на

дне океана и казался настолько «живым», что отсутствие людей на палубе было как-то неестественно. Невольно представлялось, что под кораблем не дно, а поверхность воды, что он сейчас тронется с места и на нем появятся люди.

Но никто не появлялся. Неподвижно стоял славный памятник трагедии, происшедшей пятьсот лет тому назад, сохраненный людьми на дне океана — мавзолеем героев каллистянского народа.

Синяев первым нарушил молчание.

— Как вам удалось сохранить все это столь долгое время? — спросил он, ни к кому не обращаясь.

— «Рельос Витини», — ответил кто-то из каллистян, — затонул на этом самом месте в том положении, в каком вы его видите. Мы его не передвигали, а только покрыли составом, предохраняющим от действия воды и времени. Он будет стоять так тысячи лет. Вас, вероятно, удивляет вид знамени? Это действительно настоящее знамя, и у него есть история. Материал пропитан веществом, которое в соединении с водой превратило его в камень. Мачты и лампы установлены позднее, лет пятьдесят тому назад.

— Каким способом питаются энергией лампы?

— Источник энергии находится в них самих. Они могут гореть неограниченное число лет.

Широков подумал о той циклопической работе, которую должны были проделать каллистяне для установки мачт, шаров, да и с самим кораблем. Ему казалось, что проще было поднять «Рельос Витини» на поверхность, но он понимал величие этого памятника на дне океана и невольно преклонялся перед людьми, которых не остановила трудность задуманного.

В этом странном с земной точки зрения памятнике было что-то трогательное и грандиозное в одно и то же время.

И опять, как много лет тому назад, в день смерти Штерна, каллистяне опустились на колени и протянули руки ладонями вниз. Этот прощальный жест относился сейчас к тем, кто пятьсот лет назад умер на этом корабле.

И, не сговариваясь, Широков и Синяев сами опустились на колени рядом со своими друзьями. Находясь на Каллисто, они по-каллистянски отдали дань уважения героям, память о которых так свято чтится планетой.

Совершив круг над «Рельос Витини», корабль стал так же медленно подниматься. Все, кто стоял на его палубе, не спускали глаз с подводного памятника, пока он не скрылся в облаке света, становившегося все более тусклым.

Корабль увеличил скорость подъема и через несколько минут вынырнул на поверхность океана, из синего сумрака в белый блеск дня. Лучи Рельоса быстро испарили воду на его прозрачной «крыше», и с прежней скоростью он помчался вперед.

— Что бы я ни увидел на Каллисто, — сказал Широков, — эта картина навсегда останется в моей памяти.

— И в моей также, — отозвался Синяев.

ГЛАВА 2

АТИЛЛИ

После яркого света и расплавленного зноем воздуха улицы прохлады и мягкий полусвет комнаты успокаивающе действовали на возбужденные нервы.

Широкие окна-арки, лишённые рам и стекол, были прикрыты чем-то темно-желтым, создававшим внутри дома освещение, похожее на солнечное. Глаза, утомленные блеском Рельоса, отдыхали в этом приятном свете. Комната была очень своеобразна.

Высота стен достигала шести-семи метров. Они были бледно-зеленого цвета и казались пористыми. У самого потолка на полметра выступал широкий карниз. Потолок был точно из темного стекла, и в нем отчетливо отражалась обстановка.

Ничем не покрытый пол, гладкий и блестящий, как идеально натертый паркет, в противоположность потолку не отражал ничего. Он был блестящ и одновременно казался матовым. Ровная вишневого цвета поверхность, на которой не видно было ни одного шва.

Углы комнаты были не прямоугольны, как на Земле, а закруглены.

Посередине, ничем не огражденный, бил небольшой фонтан. Его вода была золотисто-зеленой. От фонтана веяло прохладой, как от настоящей воды, но его струи падали совершенно беззвучно.

Мебель была удобна и своеобразно красива, не земной, а своей, непривычной людям Земли, каллистянской красотой. Каждая вещь выглядела произведением искусства по тщательности отделки и подбору красок. Причудливо изогнутые ножки кресел, панели, дверцы — все было из странного материала, ни на что земное не похожего, прозрачно-глубокого, блестящего и матового в одно и то же время.

Цвета мебели гармонировали с цветом стен. Преобладали зеленые тона.

Ни один предмет из этой обстановки не стоял вплотную к стенам, что также было непривычным. Свободное пространство позади мебели, равное полутора метрам, занимали длинные низкие ящики из зеленого «стекла» с растениями.

Больше, чем обстановка комнаты, эта флора Каллисто напоминала людям, что они находятся не на Земле. Ни одного листка, ни одного, хотя бы отдаленно похожего на земные, цветка они не видели.

Цветы переливались голубыми и странно золотистыми оттенками. Листья, свернутые в трубку, были зелеными, что особенно удивляло на Каллисто, где растительный мир имел, как правило, красные и оранжевые тона.

— Это специально выращенные комнатные растения, — сказал Синг. — И они поставлены здесь для вас.

В доме стояла глубокая тишина. Ни звука не доносилось и снаружи, хотя дом стоял в центре огромного города.

Темно-желтый «занавес» чуть заметно плавно колебался, и это ритмичное движение действовало усыпляюще.

Широков пристально вглядывался в это нечто, закрывавшее окна, в надежде заснуть, наконец, но сон упорно не приходил.

Синяев, лежавший на другом «диване», также не мог уснуть.

Перед мысленным взором друзей стояли картины, прошедшие перед их глазами за эти сравнительно короткие часы первого дня пребывания на Каллисто. Впечатлений было так много, что воспоминаний о них хватило бы на всю жизнь, а это был только первый день в длинном ряду предстоящих им дней.

Они чувствовали себя уставшими до такой степени, что одно только неподвижное лежание на мягкой постели, тишина, царящая в доме, и прохладный полусумрак доставляли им физическое наслаждение.

Заснуть бы скорей!

Широков мечтал о приходе Синга, который дал бы ему и Синяеву снотворное средство, действие которого они дважды испытали на звездолете, но ожидать каллистянского врача было бесполезно. Гости выразили желание отдохнуть, и они уже настолько хорошо знали каллистян, что не могли сомневаться в том, что их желание будет свято исполнено. Пока они сами не позовут, никто не войдет к ним, а где и как найти Синга или другого врача, Широков совершенно себе не представлял. Кроме того, встать и выйти из комнаты казалось ему невозможным, так сильно он устал.

Они не разговаривали, каждый про себя переживал еще раз события дня.

Финиш звездолета, встреча на острове, странный «автомобиль», не подчиняющийся законам тяготения, планетный митинг, морской переезд на подводно-надводном корабле, и в

особенности сказочное видение «Рельос Витини» на дне океана занимали их мысли, разгоняя сон. И наконец, Атилли!

Они плохо рассмотрели город, но то, что успели увидеть, оставило сильное впечатление.

Атилли был город дворцов. Ни одного здания, к которому нельзя было бы применить это название, они не видели: каждый дворец был достоин особого описания. А вместе с тем было известно, что Атилли далеко не самый большой город на Каллисто и не самый населенный. Это была «окраина», самый северный из городов континента, а следовательно, по земным представлениям, провинция. Подавляющее большинство каллистян предпочитало жить ближе к экватору.

Город был вытянут длинной лентой вдоль побережья, и в нем было, вероятно, не меньше домов, чем в Москве, Лондоне или Нью-Йорке, но каждый дом отделялся от соседнего обширным пространством оранжево-красной растительности. Площадь, занимаемая Атилли, была чудовищно огромной.

Корабль, привезший их с острова Неба — правда, на малой скорости, но целых три часа, — шел вдоль берега, застроенного домами, прежде чем добрался до середины Атилли. Почти все дома имели широкие лестницы, украшенные статуями, спускавшимися к самой воде. Сходство каллистянской архитектуры с древнеегипетской, замеченное при первом же знакомстве людей с постройками Каллисто, подчеркивалось этими лестницами и плоскими крышами.

В центре города увидели красную каменную набережную, к которой и пристал корабль.

Встреча, устроенная им жителями Атилли, была поистине грандиозна. Задолго до того как показался город, корабль сопровождали уже сотни судов самых различных размеров и внешнего вида. Широкова и Синяева удивило такое обилие кораблей, так как они знали, что морской транспорт вышел из употребления. Но им объяснили, что это прогулочные суда типа земных яхт.

Небо было заполнено каллистянами, летевшими на крыльях. Их было много тысяч. Еще выше летело очень много олиты.

На набережной стояла бесчисленная толпа. Вероятно, все население города, а может быть и много каллистян из других городов, вышло навстречу. В памяти Широкова и Синяева остались только разноцветные одежды и цветы, которыми был усыпан весь путь от пристани до этого дома.

Людей Земли и двенадцать каллистянских звездоплывателей на руках вынесли с корабля на берег.

Широков и Синяев знали, что Женьсиньг, Гесьянь и другие, оставшиеся на острове, вылетели в Атилли сразу вслед за ними, но никого из этих «старых» знакомых, которые, несомненно, находились в толпе, они не видели. На Земле знакомые, конечно, подошли бы к героям дня.

Их несли на руках, передавая друг другу, не менее двух часов. Это было медленное продвижение в несметной толпе. И хотя оно было радостным и волнующим, для Широкова и Синяева оно превратилось в жестокую пытку, чего не заметили обычно такие чуткие и внимательные каллистяне.

Когда на пороге дома их, наконец, опустили на землю, оба гостя Каллисто были близки к обмороку. Но у них хватило сил скрыть страдание, невольно причиненное им гостеприимными хозяевами. Они не хотели омрачать радость встречи, так как хорошо знали, что каллистяне будут в отчаянии от своей непредусмотрительности.

Причиной этой пытки были привычные для каллистян лучи Рельоса, невыносимый зной, который изливался на землю.

У Широкова и Синяева гудели головы, путались мысли, все тело было покрыто густым липким потом. Они были счастливы, когда в сопровождении Диегоня, Синьга и еще одного незнакомого им каллистянина прошли в прохладные комнаты.

Только здесь Широков, опасаясь теплового удара, сказал Синьгу об их состоянии.

Было ясно, что его слова поразили и огорчили троих каллистян, но они не стали тратить времени на извинения, а сразу приступили к делу.

Гостей отвели в помещение, середину которого занимал большой бассейн, быстро раздели и посадили в воду необычного голубого цвета. Синьг принес два сосуда, очень похожих на бокалы, наполненных бесцветной жидкостью, и попросил выпить ее. Их мысли сразу прояснились.

Потом их тщательно вытерли и одели в легкую каллистянскую одежду, так как их собственная была насквозь мокра от пота, а весь багаж остался на корабле.

Все это производилось быстро и молча.

Только тогда, когда они прошли в комнату с фонтаном и по требованию Синьга легли на «диваны», врач звездолета угрюмо сказал:

— Я никогда не прощу себе этого.

Диегонь только посмотрел на Синьга, и в его взгляде был горький упрек.

— Мы теперь чувствуем себя совсем хорошо, — сказал Широков.

— Вы были обязаны сказать об этом гораздо раньше, — сказал каллистянин, имени которого они еще не знали. — Любому, кто находился рядом. Один из вас врач, и он должен знать, какой опасности подвергал себя и товарища.

— Кому принадлежит этот дом? — спросил Широков, избегая необходимости признаться, что врачом является именно он.

Каллистянин с удивлением посмотрел на Широкова. Вопрос, очевидно, был ему непонятен.

— Дома, — ответил Диегонь, — не могут никому принадлежать. Они принадлежат всем. Так же, как и все остальное. Этот дом подготовили специально для вас, по указаниям Гесьяня и Синьга. Те, кто жил здесь раньше, переселились в другой. В Атилли домов больше, чем нужно его населению.

— Если дом был занят, — сказал Синяев, — то проще было подготовить какой-нибудь другой. Не все ли равно. К чему было тревожить людей?

— Не беспокойтесь об этом. Каллистяне часто переезжают из дома в дом или из одного города в другой. Этот дом подходит для вас хотя бы потому, что здесь есть фонтаны, а они далеко не везде. Не все любят прохладу.

— А как же личные вещи... — начал Широков, но замолчал, не закончив фразы.

Здесь, на Каллисто, земные представления и понятия были неприменимы. Слова «частная собственность» давно исчезли из сознания каллистян. Вопрос, который он хотел задать, был бессмысленным для них.

— Мне кажется, — сказал Широков, — что нам лучше всего заснуть. Сегодня было слишком много впечатлений.

— Безусловно так, — согласился Синьг. — Спите сегодня здесь.

Принесли простыни и подушки. Эти вещи были точной копией земных. Материал был тонок и шелковист. Одежда была, конечно, не нужна в этом свертропическом климате.

Была вторая половина дня, и на улице было совсем светло. Широков спросил, нельзя ли чем-нибудь закрыть огромные окна, которых в этой комнате было два.

Незнакомый каллистянин подошел к окну. Что он сделал, люди не заметили, но оба огромных окна вдруг затянулись словно дымкой тумана, которая быстро густела.

— Какой цвет вы предпочитаете? — спросил каллистянин.

— То есть? — спросил Синяев.

— Каким цветом закрыть окна? Зеленым, синим или желтым?

— Пусть будет желтым.

Закрывшая окна «завеса» окрасилась в желтый цвет.

— Так хорошо?

— Очень хорошо, спасибо!

В который уж раз за этот знаменательный день Широков и Синяев молча переглянулись. То, что произошло, было совершенно непонятно, но ни тот, ни другой не

задали вопроса. Они слишком устали. Впереди еще много времени.

— Вы будете спать до утра, — улыбаясь, сказал Синьг на прощание.

Если бы он знал, что они не смогут заснуть так долго, то, конечно, вернулся бы и помог им справиться с бессонницей. Но его не было в доме. Как и все каллистяне, вернувшиеся из космического рейса, он торопился увидаться с родными, которые съехались в Атилли и давно ожидали здесь.

Широков и Синяев одни находились в обширном дворце, предоставленном в их полное распоряжение на все время, которое они проведут в Атилли.

Им показали, где находится «столовая», и познакомили с аппаратом, с помощью которого они могли получить, не выходя из дома, любое кушанье и любой напиток.

Рядом с той комнатой, где они сейчас лежали, находилась другая, гораздо меньших размеров, но не менее красиво обставленная. В ней стояло несколько «шкафов» с дверцами семиугольной формы, наполненных всевозможными вещами домашнего обихода. Они были уложены и поставлены в безупречном порядке, и тут было, кажется, все, что только могло быть нужно. Их предупредили, что все эти вещи принадлежат сейчас им и они могут пользоваться ими как им угодно.

— Все, что может вам понадобиться и чего вы здесь не найдете, — сказал каллистянин, — будет доставлено в любую минуту. Вам надо только сказать. Мы старались ничего не упустить, но, может быть, учли не все.

— Сколько хлопот мы вам доставили, — сказал Широков.

— Мы отвечаем вам за гостеприимство, оказанное на Земле Диэгоню и его товарищам.

— О, мы их встретили совсем не так.

— Вы же не могли знать, — сказал Диэгонь. — Вас никто не предупреждал о нашем прилете.

Кроме этих трех комнат и бассейна в доме было еще несколько помещений, но знакомство с ними пришлось отложить до следующего дня.

В конце концов оба заснули почти одновременно и проспали крепко, без сновидений, до самого утра.

УТРО

Проснувшись на следующий день, Широков сперва подумал, что совсем не спал. Сквозь желтые «занавеси» проникал тот же свет, что и прежде. Но, посмотрев на свои часы, он понял, что сейчас не вечер, а позднее утро.

Синяев еще спал.

Широков встал и подошел к окну. Его очень интересовала загадочная дымка, закрывшая окна.

Вблизи он увидел, что она полупрозрачна, и почувствовал, что наружный воздух свободно проходит сквозь нее. «Занавес» слегка шевелился, смутно проступали контуры деревьев, и даже можно было разглядеть море. Это походило на тонкую ткань или, наоборот, толстое стекло темно-желтого цвета.

Он протянул руку и почувствовал упругое сопротивление.

Как же «открыть» окно?

Широков помнил, к какому месту подошел вчера незнакомый каллистянин, чтобы «закрыть» окно. Он посмотрел туда и сразу увидел четыре маленькие кнопки, окрашенные в разные цвета — белый, синий, зеленый и желтый. Одна из них (желтая) была как бы вдавлена в стену.

Широков нажал на нее.

Кнопка ушла еще глубже, и тотчас же цвет «занавесей» стал еще темнее.

"Ясно! — подумал он. — Чем сильнее нажимаешь на кнопку, тем более плотными становятся шторы. Надо вернуть кнопку в исходное положение, и окна «откроются».

Он сделал попытку уцепиться пальцами за крохотную головку, но этого не удалось сделать, — кнопка была слишком мала.

«Вероятно, здесь блокировка», — подумал Широков.

Он нажал на белую. И тотчас же желтая вышла из стены.

«Завесы» быстро посветлели и исчезли. В комнату ворвались лучи Рельоса.

— Просто и удобно, — вслух сказал Широков.

Механизм действительно был очень прост. Но то, чем он управлял, было совершенно непонятно. Что закрывало окна? Газ?

Широков нажал на белую кнопку, не спуская глаз с окна.

Он увидел, как огромное отверстие затянулось полупрозрачной дымчатой пленкой. Она появилась сразу во всем проеме окна, словно тонкий слой воздуха вдруг потерял чистоту и прозрачность.

Сердце Широкова забило учащенно. Все, что непонятно, волнует.

Он осторожно стал нажимать на синюю кнопку.

И чем дальше уходила она в стену, тем все более густой синий цвет разливался по загадочной пленке.

Широков в третий раз нажал на белую. Окна «открылись».

Он отошел к своей постели.

Нет! Догадаться, в чем тут дело, было невозможно. Это было ни на что знакомое не похоже. Придется спросить.

Синяев все еще спал. Широкову не терпелось, и он решил разбудить друга.

— С добрым утром!

Георгий Николаевич открыл глаза и в первую минуту, казалось, не понимал, где находится. С выражением изумления на лице он обвел взглядом стены, потолок и всю обстановку комнаты, потом сел на постели и весело улыбнулся.

— С добрым каллистянским утром! Неужели это правда, что мы на Каллисто?

— Если обстановка тебя в этом не убеждает, встань и посмотри в окно. Кстати, его открыл я. Очень интересное явление.

Широков рассказал о проделанных только что экспериментах.

Но Синяев никак не реагировал на его слова.

— Оранжевый остров, — сказал он. — «Рельос Витини», Атилли не были сном?.. Перед тем как проснуться, я видел себя на борту звездолета. Долго мы спали?

— Неполных четырнадцать часов.

Синяев огляделся, словно ища что-то.

— Странно, что они не доставили наши вещи. Мне очень не хочется надевать каллистянский костюм, а наши, вероятно, еще не просохли.

— Каллистяне не хотят нас беспокоить, — сказал Широков. — Пока мы сами не позовем, никто не придет.

— А как мы это сделаем?

Широков пожал плечами.

— Не знаю, там увидим.

— Подожди одеваться, — сказал Синяев. — Идем сначала в бассейн. Тут все-таки слишком жарко.

Широков охотно согласился. Он чувствовал легкое недомогание, голова была тяжелой. Так должен чувствовать себя человек, проспавший ночь в слишком жарко натопленной комнате.

Они легко нашли помещение с бассейном. Он был наполнен чистой и совершенно бесцветной водой. Вчерашняя, они это хорошо помнили, имела голубой оттенок.

Бассейн был настолько велик, что они могли плавать в нем. Вода была явно другого «сорта». Она чуть покалывала тело, напоминая нарзанные ванны.

Выйдя из бассейна, они почувствовали себя вполне освеженными. От недомогания и тяжести в голове не осталось никакого следа.

Им не хотелось надевать каллистянские одежды, но они должны были признать, что эта одежда очень удобна. Она была легка, почти невесома и совершенно не стесняла движений.

— Первое, что надо сделать, — это вызвать Синьга, — сказал Широков.

— Почему именно Синьга? А может быть, Гесьяня или Дьеньи?

Широков вздрогнул и внимательно посмотрел на своего друга. Случайно или намеренно он назвал это имя?

Лицо Синяева было невозмутимо.

«Случайно», — решил Широков.

— Потому, — ответил он, — что температурные условия на Каллисто настолько для нас непривычны, что мы должны все время находиться под надзором врача, пока не привыкнем. Если мы позовем Гесьяня, Синьг может обидеться.

— Каллистяне никогда и ни на что не обижаются.

— Все-таки лучше Синьга.

— Пойдем искать «телефон». Они, вероятно, не забыли оставить указание, как им пользоваться.

Они вышли из купальной комнаты через другую дверь. На пороге Синяев случайно обернулся и успел заметить, как из бассейна с непостижимой быстротой исчезла вода. Потом так же быстро он снова наполнился.

Широков шел впереди и не видел этой картины.

Синяев рассказал.

— Скорее всего, — сказал Широков, — водой в бассейне управляет обыкновенный автомат. В определенное время вода меняется.

— Сомневаюсь. Выходит, что вода могла смениться в то время, когда мы были в бассейне. Нет, тут не автомат. Во всяком случае не слепой автомат. Вернемся. Я хочу проверить одну мысль.

Он быстро разделся и бросился в воду. Потом вышел из бассейна и встал на его краю, внимательно наблюдая за водой. Широков не меньше Синяева был заинтересован опытом.

Проходили минуты, но вода не менялась.

— Видишь! — сказал Широков.

— Этого не может быть. Я уверен, что догадался верно. Прошу тебя, выкупайся тоже.

Широков не заставил себя просить.

Когда, поплавав немного, он вышел из воды и они оба оделись, вода исчезла. Новая была темно-голубой, точно такой же, какую они видели вчера вечером.

— Теперь ясно? — торжествовал Синяев. — Автомат настроен так, что, когда двое людей выкупаются, вода меняется. И, кроме того, он ждет, пока оденутся. А вдруг мы захотим еще раз войти в воду?

— Да, автомат, очевидно «видит». Но где он находится?

Они внимательно осмотрели помещение. Кроме самого бассейна и небольшого семиугольного шкафа, в котором находились простыни и полотенца, в нем ничего не было. Стены и потолок темно-синего цвета казались пластмассовыми, пол и стенки бассейна — из белого материала, отполированного до блеска. Ничего, что походило бы на управляющий аппарат, они не видели. Купальная комната освещалась неизвестно откуда исходящим светом.

— Очевидно, — сказал Широков, — автомат спрятан в стене. Меня больше интересует другое: почему вода разная? Сначала она была бесцветной, как и подобает быть воде, а теперь голубая, почти синяя. Такая же была вчера. Не значит ли это, что каллистяне купаются три раза в день и каждый раз вода обладает различными свойствами?

— Скорей всего именно так.

— Но ведь они не чувствуют жары. Зачем же столь частое купание? Я думаю, что это сделано специально для нас.

— И мы использовали дневную воду. Бассейн наполнен для вечернего купания.

— Хорошо! А если мы захотим выкупаться в четвертый раз?

Синяев с сомнением покачал головой.

— Этого не следует делать. Надо спросить Синьга.

— Да, ты прав. Здесь что-то связано с медициной. Они снова прошли в ту же дверь. Комната за ней была очень мала, не больше восьми квадратных метров. Ее стены были затянуты плотной, вроде бархата, рыхлой материей. Такой же материей был закрыт и потолок. Пол мягко поддавался под ногами. Он был порист и напоминал губку.

Сверху на длинной цепи свисал какой-то шар стального цвета. На стене они увидели небольшой щиток с тремя кнопками.

— Что это такое? — спросил Синяев.

— Вопрос не по адресу. Я знаю столько же, сколько ты сам. Вероятно, аппарат для какого-то облучения. Это доказывается расположением комнаты рядом с бассейном. Меня не удивляет наличие этого аппарата. Каллистяне живут примерно вдвое дольше, чем мы. Без специальных мер оздоровления организма этого трудно добиться. Я читал, что раньше продолжительность их жизни была равна нашей. Вода в бассейне, этот аппарат — явления одного и того же порядка.

За комнатой облучения находился просторный зал.

В нем стояло много шкафов еще более странной формы, чем те, которые они видели раньше. Эти «шкафы» были настолько прозрачны, что становились почти невидимыми. Они были заполнены книгами и какими-то аппаратами. Стояли низкие кресла и восьмиугольные столы.

Не задерживаясь, они прошли дальше. Миновали «столовую», которую видели вчера. Здесь были только стол и несколько кресел (стульев у каллистян не было вообще). В углу большой аппарат для доставки блюд. Несколько черных статуй и ящики с цветами украшали комнату.

— Ты не голоден? — спросил Широков.

— Голоден, но это потом. Осмотрим всю нашу квартиру, — ответил Синяев.

Он подошел к следующей двери. Как и все в доме, она была двустворчатой, без ручек и открывалась в обе стороны.

Перешагнув порог, он остановился и подозвал Широкова.

— Смотри!

Комната была очень велика, больше всех, которые они видели. Одна из ее стен представляла собой сплошное окно, за которым расстилалась равнина океана. Свет Рельоса свободно проникал в нее. Стены были бледно-голубые. Четыре фонтана, окруженные желто-оранжевыми растениями с длинными свернутыми в трубку листьями, занимали четыре закругленных угла. Между ними стояли белые статуи. Пол был пурпурного цвета. Такого же цвета была и мебель.

— Что за причудливое сочетание красок! — сказал Широков.

— Смотри же! — повторил Синяев.

И только тогда Широков заметил, что в комнате что-то двигалось.

В первую секунду ему показалось, что перед ними какое-то животное с тонкими длинными щупальцами.

Это был небольшой шар, передвигавшийся на шести металлических ножках. Он переходил от предмета к предмету и словно ощупывал их гибкими «руками». Вот одна из этих «рук» стала вытягиваться и своим концом, похожим на большую кисть, провела по статуе. Легкий слой пыли, покрывавший скульптуру, исчез.

Шар двигался бесшумно и быстро, приближаясь к двум людям, стоявшим на пороге двери, но, не дойдя до них метров трех, он остановился. «Рука» протянулась к стене и нажала кнопку. Они увидели, как стоявшая здесь статуя сдвинулась с места, открыв нишу. Шар сложил «руки» и вошел в эту нишу. Статуя встала на место, скрыв ее от глаз.

— Обыкновенный андроид, — сказал Широков. — Я так и думал, что увижу что-либо

подобное. Автоматизировать уборку помещений — это напрашивается само собой при достаточно высокой технике. (Андроид, или робот, — машина, механически имитирующая движения человека. Первый андроид был сделан еще в 1738 году Вокансоном (Франция).)

— Вероятно, в каждой комнате есть такой аппарат, — заметил Синяев. — Я попрошу объяснить мне, как он устроен.

Андроид в совершенстве выполнил свою задачу. Ни пылинки не осталось на мебели и статуях, пол так чист, что было даже как-то неудобно ступить на него.

Эта комната оказалась последней. Рядом находилась спальня.

— В доме семь комнат, — сказал Широков. — Это меньше, чем казалось. Планировка рациональна, и мне нравится; три — бассейн, кладовая и библиотека — расположены в задней половине и не имеют окон. Остальные четыре — фасад здания.

— Благодарю, — сказал Синяев. — Теперь я имею представление о доме.

Широков засмеялся.

— За три года мы привыкнем к таким квартирам, — сказал он. — А когда вернемся на Землю, нам покажется тесно и неудобно.

И вдруг оба перестали смеяться. Далекая родина возникла перед ними, и все, что они оставили там, показалось желанным и милым. Пусть нет там всех этих утонченных удобств, пусть не устроена еще жизнь на Земле, она будет когда-нибудь иной, под светом родного Солнца, среди зеленой растительности, близкая, любимая. Что в том, что на Каллисто все так красиво сделано, — это чужое!

Им мучительно захотелось увидеть на одну секунду земной дом и земную обстановку, одним глазком, на мгновение.

— Эх, — сказал ни с того ни с сего Синяев, — хоть бы на лыжах покататься.

Лыжи, снег! Не скоро они смогут увидеть все это! Они подошли к окну. За ним находилась терраса, выложенная голубыми плитками. Широкая лестница спускалась от нее к воде. У нижней ступени покачивалась небольшая лодка, закрытая «стеклянным» колпаком. Выход на террасу был в одном из углов комнаты, за фонтаном.

От дома до берега океана по склону раскинулся обширный сад, с множеством оранжевых, красных и темно-желтых растений. Среди этой густой «зелени» прятались неизбежные статуи — черные, белые и золотисто-серые. Друзья заметили несколько маленьких птиц.

Одна из них села на перила террасы, и они смогли хорошо рассмотреть ее. Птица была величиной с воробья, с синими перышками и голубым брюшком. Тонкий острый клюв был длиннее тельца. Хвост был раздвоен, как у ласточки.

Широков тихо свистнул. Птица повернула головку, посмотрела на них зелеными глазками и вспорхнула с перил. На мгновение она сверкнула в лучах Рельоса, как драгоценный аметист, и исчезла в оранжевой листве.

— Волшебное царство! — сказал Синяев, но сказал как-то вяло, без воодушевления. — Мы не во сне это видим?

Широков улыбнулся. По-видимому, мысли о лыжах все еще не покидали его друга.

— Если это сон, то он снится нам обоим одновременно, а этого никогда не бывает.

Позади них раздался негромкий звук, точно стеклянным молоточком ударили по серебряной пластинке.

Они обернулись, но комната была, как и прежде, пуста.

Звук повторился, и теперь они поняли, откуда он исходил.

На одной из стен находился большой, до двух метров в поперечнике, серебристо-голубой экран, малозаметный на фоне стен того же цвета. Под ним стоял низкий пятиугольный столик на двух кольцеобразных ножках, а на нем продолговатый ящик с двумя кнопками и чем-то вроде решетки, как будто металлической.

Мелодичный звук раздался в третий раз.

— Это звонок «телефона», — сказал Синяев.

Они подошли к экрану. Он был не прозрачен, но почему-то казался бездонно-глубоким.

Своих отражений они в нем не увидели.

Широков заметил на столике записку и взял ее. На русском языке рукой Бьяининя было написано:

"С помощью этого экрана можно говорить с любым человеком, находящимся на Каллисто. Для вызова нажмите кнопку, расположенную с левой стороны, и громко назовите имя и фамилию того, с кем желаете говорить.

Если услышите чужой вызов и захотите ответить, то нажмите правую кнопку".

— Это значит, — сказал Синяев, — что на Каллисто нет двух людей, носящих одинаковые имя и фамилию.

— А разве ты этого не знал? — спросил Широков, внимательно рассматривая кнопки и решетку, которая, по-видимому, прикрывала микрофон или заменяющий его аппарат. — Я давно это знаю. Но вот что интересно. Бьяининя здесь не было вчера. Когда же положена записка?

— Вероятно, пока мы спали.

— Да, кто-то входил. Но не в этом дело. Интересно другое. Никаких запоров здесь нет. Вход всегда открыт. Неужели на Каллисто совсем нет любопытных?

— Ах, вот ты о чем! Да, выходит, что они не страдают этим пороком. На Земле перед домом, где поселились люди с другой планеты, была бы толпа с утра до вечера.

— Вот именно. А ведь любой каллистянин может войти к нам в любую минуту.

— В этом и состоит их превосходство перед нами. Они всегда и во всем думают о других, о том, чтобы не причинить другому малейшей неприятности. Это вошло у них в плоть и в кровь, стало нормой поведения.

— Вот именно, — повторил Широков. Звонок раздался еще раз.

— Кто-то хочет говорить с нами.

— А может быть, вызывают прежних жильцов этого дома?

— Вряд ли. Но все равно надо ответить.

Широков нажал правую кнопку.

Экран мгновенно посветлел, став белым. Потом он вдруг «исчез».

Образовалось «окно», и они увидели внутренность почти такой же комнаты, как та, где находились сами. Только фонтанов в ней не было.

Буквально в «двух шагах» по ту сторону экрана стоял Синьг.

Если бы они не видели, как появилось изображение, то могли бы поклясться, что это действительно Синьг, настолько реальна была его фигура.

— Я вызываю вас в четвертый раз, — сказал каллистянин. — Вы долго и крепко спали. Как вы себя чувствуете?

Если бы он вдруг протянул им руку, они бы не удивились. В этот момент им все казалось возможным на Каллисто.

Они хорошо знали, что такое телевидение, могли представить себе телевизор в роли телефона, — все это было известно на Земле. Они видели и знали экраны на звездолете. Многие были известны им из прочитанных книг. Само по себе зрелище «живого» Синьга их не удивило. Но совершенство техники поразило их.

Не отвечая каллистянину, они пристально всматривались в то место, где только что был экран, и не видели его. Серебристо-голубое «стекло» стало абсолютно невидимо. Синяев даже протянул руку, со смутным опасением, что она не встретит препятствия и пройдет дальше, чем должна была позволить стена, но его пальцы коснулись твердой и гладкой поверхности. Экран, разумеется, находился на месте.

Но, несмотря на полученное доказательство, он не мог отделаться от впечатления, что перед ними сквозное отверстие.

Им показалось, что пауза длилась долго, но Синьг снова заговорил, не высказывая никакого удивления, что ему не отвечают.

— Вы меня не слышите? — Он повернул какую-то ручку на точно таком же ящике, который находился и перед их экраном. — А сейчас?

Вопрос прозвучал ошеломляюще громко.

— Мы вас хорошо слышали и раньше, — сказал Широков. — Не отвечали потому, что растерялись от неожиданности.

Синьг улыбнулся и повернул ручку в обратном направлении.

— Отчего же вы могли растеряться? — спросил он нормальным голосом. — Это обычный экран. Как вы себя чувствуете? Хорошо ли спали?

— Отлично! — ответил Широков. — Мы проспали четырнадцать часов и чудесно отдохнули.

— Нам не терпится скорее познакомиться с Атилли, — добавил Синяев.

— Если хотите, — сказал Синьг, — я могу сейчас прилететь к вам. Или вы предпочитаете кого-нибудь другого?

— Мы будем очень рады видеть вас.

— Тогда ждите. Буду через несколько минут. Опущусь на террасе.

БУДНИ КАЛЛИСТО

Ожидать пришлось действительно недолго. Не прошло и пяти минут, как над их террасой появился воздушный экипаж. Он был в точности похож на «лодку», стоявшую у подножия лестницы, отличаясь от нее только короткими крыльями. Но когда, почти по вертикальной линии, он плавно опустился, крылья исчезли в пазах корпуса, и тогда тождество с их «лодкой» стало несомненным. Очевидно, олити предназначались не только для воздушных, но и для морских прогулок.

Широков и Синяев внимательно следили за посадкой. Олити Синьга не повисла в воздухе, как это было на острове, а легла на террасу.

— Очевидно, это старая конструкция, — сказал Синяев. — Это доказывает и наличие крыльев.

«Стеклянный» футляр поднялся на тонких металлических стержнях, Синьг поспешно вышел и прошел внутрь дома, не давая людям времени выйти навстречу.

— Вам надо как можно реже подвергать себя действию прямых лучей Рельоса, — сказал он, здороваясь с ними за руку, по-земному.

— Не можем же мы все три года сидеть в доме, — возразил Синяев.

— Этого и не надо. Но пока ваш организм не привыкнет, нужно быть очень осторожными.

— Мы хотим осмотреть Атилли.

— Это можно сделать из олити. Вы помните футляр над кораблем? Под его защитой вы можете находиться сколько угодно, ничего не опасаясь.

— А разве на олити такие же? — спросил Широков.

— Нет. Нам они не нужны.

— Ну, так как же?

— Здесь была допущена небольшая ошибка, — сказал Синьг. — Они подумали о футляре на корабле, но упустили из виду олити. Но все уже сделано. Ваша олити будет доставлена с минуты на минуту.

— Наша олити?

— Да, для вас. Футляр для нее уже готов.

— Скажите, Синьг, — сказал Синяев, — отношение к нам является исключением или это обычная норма поведения?

— Я вас не совсем понимаю.

— Если бы такой специальный футляр был нужен не нам, а кому-нибудь из каллистян, его так же бы изготовили?

— Разумеется. Теперь я вас понял. Не тревожьтесь! Мы относимся к вам так же, как и друг к другу. Я могу это доказать. Вот стоит моя олити. Такие аппараты уже вышли из

употребления. Но я не умею управлять новыми, так же как все, кто летал на Землю. Мы отстали от жизни. И по нашей просьбе изготовили двенадцать олити старого типа.

— Но ведь мы прибыли на Каллисто только вчера.

— Что ж из этого? Изготовить такой аппарат недолго.

— Мне очень хочется познакомиться с вашими заводами, — сказал Синяев.

— Никто вам не мешает это сделать.

— Не будем спешить, — сказал Широков. — Всему свое время. На сегодня хватит познакомиться с городом и навестить Диегона. Он здесь?

— Да, мы все поселились в Атилли.

— Скоро доставят нашу олити? — нетерпеливо спросил Синяев.

— Это можно узнать. Но я не советую вам выходить сейчас из дома. Самый полдень.

— Синьг прав, — сказал Широков, заметив недовольство на лице друга. — К чему рисковать зря? Какой-нибудь час пройдет быстро. У меня, например, много вопросов, которые можно задать и в доме. К тому же я голоден.

— Вы еще не завтракали?

— Попросту забыли об этом. Приготовьтесь, Синьг! Я задам вам столько вопросов, что вам будет много работы. Каллистянин улыбнулся.

— Боюсь, — ответил он, — что буду плохим консультантом. За одиннадцать лет жизнь на Каллисто заметно изменилась. Многие мне самому непонятно. Советую позвать кого-нибудь из ваших новых знакомых.

— Кого же? — спросил Синяев. — Беспокоить Женьсиньга неудобно.

— Почему же? Если он свободен, то с радостью прилетит к вам. Но скорей всего он занят. Позовите Гесьяня: этот человек все знает. Или Вьега Диегона.

— Гесьяня, — решил Синяев, — и Бьесьи.

— Это хорошо, — сказал Синьг. — Бьесьи опытный инженер.

— Я сейчас свяжусь с ними. — Широкову хотелось испытать экранную связь самому. — Чье же имя назвать?

— Безразлично.

— Кстати, я не знаю, как зовут Гесьяня.

— Его зовут Сьень.

— У нас на Земле есть имя Сеня, — сказал Синяев.

— Называйте его так, он будет очень доволен.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен.

— Спроси все же у него самого, — посоветовал Широков.

Он подошел к экрану, нажал кнопку и громко произнес:

— Сьень Гесьянь.

Он ожидал, что экран, как и в первый раз, исчезнет из глаз, но он остался «на месте».

— Пока не нажата кнопка у вызываемого, — пояснил Синьг, — экраны не работают.

— А если как раз в этот момент кто-нибудь захочет вызвать нас? — заинтересовался Синяев.

— Его экран на мгновение потемнеет, что означает: занято.

— Сложная техника.

— О, нет! Она очень проста.

Примерно через минуту или полторы экран «исчез». Перед ними появилась комната в доме, где жил Гесьянь. У экрана стояла Бьесьи.

Широков и Синяев с интересом ожидали появления еще одного каллистянского дома, его обстановки, но, увидя Бьесьи, моментально забыли обо всем. Оба смешались и покраснели, не зная, как выйти из этого, невозможного по их понятиям, положения.

На Бьесьи был светло-серый, абсолютно прозрачный костюм. Казалось, что тело каллистянки окружает тончайшая газовая пленка. Человеку трудно отрешиться от

укоренившихся понятий. Убеждения людей, вложенные годами предыдущей жизни, сразу не могут смениться другими, пусть даже более совершенными. Разумеется, Бьесьи и в голову не приходило, что в ее костюме может быть что-нибудь «неладное». Она радостно приветствовала людей Земли.

— Как я рада вас видеть! Гесьянь сейчас придет, он в бассейне.

Широков и Синяев старались смотреть ей в лицо. Их смущения Бьесьи не заметила, она плохо знала людей и не умела разбираться в выражении их лиц.

Но Синьг заметил.

— Наши гости, — сказал он, — просят вас приехать к ним.

— С огромным удовольствием.

— Вы знаете, где они поселились?

— Конечно.

— Ну, так мы вас ждем, — и с этими словами Синьг выключил экран, вероятно к полному недоумению Бьесьи.

— В чем дело? — спросил он, повернувшись к Широкову. — Кровь бросилась вам в лицо. Отчего?

На такой прямой вопрос можно было ответить только так же прямо. Но не сочтет ли Синьг гостей Каллисто дикарями?

«Но ведь он знает жизнь на Земле, — подумал Широков. — К тому же он врач».

Синяев, как всегда, оказался решительнее своего друга. Он просто и откровенно объяснил Синьгу причину их смущения.

— Хорошо! — сказал каллистянин. — Это понятно, и мы должны были сами догадаться. Больше этого не повторится.

— Что вы хотите делать? — встревожившись, спросил Широков.

Очевидно, Синьг понял его мысль.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Каллистяне поймут как надо. Вы нас еще плохо знаете. Прошу вас выйти из комнаты на две минуты.

Широков и Синяев переглянулись. Одна и та же мысль возникла у обоих: не слишком ли многого они требуют от каллистян? Но ничего другого, как только исполнить просьбу Синьга, у них не оставалось.

— Получилось не совсем хорошо, — сказал Синяев, когда они оба прошли в соседнюю комнату. — Но я доволен, что так вышло. Если бы она явилась к нам в таком виде, было бы неприятно находиться в ее обществе.

Широков промолчал.

С кем говорил Синьг и что именно он сказал, осталось неизвестным, но такого костюма, какой был на Бьесьи, они больше никогда и ни на ком не видели.

Молодые супруги прилетели очень скоро. Широков и Синяев были рады увидеть Гесьяня, которого искренне полюбили за это время. Они сумели скрыть невольное смущение при виде Бьесьи, одетой на этот раз не в прозрачный, хотя и очень легкий, костюм. Что касается молодой каллистянки, то она, казалось, и не поняла, в чем заключался ее «промах».

Олити Гесьяня, так же как раньше Синьга, опустилась на террасу, а не осталась висеть в воздухе, хотя сразу было видно, что она совсем другой конструкции. Синяев сейчас же спросил о причине.

— О, это просто из экономии, — ответила Бьесьи. — Я выключила поле. Мы собираемся провести с вами долгое время, если вы не возражаете. Как ни мало тратится энергии, но все же тратится. И потом может быть ветер... я не помню точно.

Эти слова напомнили обоим людям, что на Каллисто погода действует по расписанию. Бьесьи не помнила, назначен на сегодня ветер или его не будет.

— А чем помешает вам ветер? — спросил Синяев.

— Если оставить олити висеть в воздухе без присмотра, ветер может угнать ее, — смеясь ответила Бьесьи. — Такой случай со мной был однажды.

— Был, как же! — подхватил Гесьянь. — И мне пришлось долго искать нашу олити.

Мы с Бьесьи были в лесу. Выходим на опушку — нет! Исчезла. Что такое! Спрашиваю: «Не забыли выключить поле?» — «Кажется, нет». Как вам это нравится? Олити нашлась на расстоянии трех километров. Спасибо, пролетал кто-то. Снизился и спрашивает: «Это не ваша олити летает без управления вон там?» Дело в том, что с включенным полем олити весит ровно столько, чтобы не подниматься под давлением воздуха. Практически она ничего не весит. Ветер погнал ее, как пушинку.

Синьг смеялся. Широков и Синяев слушали серьезно. Этот шуточный рассказ многое говорил им о повседневной, будничной жизни каллистян. Как не похожа была эта жизнь на земную!

— Позавтракайте с нами, — предложил Широков.

— С удовольствием, — одновременно ответил Гесьянь и Бьесьи.

— Нельзя ли как-нибудь сделать, чтобы нам доставили наши вещи? — попросил Синяев. — Я хочу переодеться.

— Это очень легко, — сказал Синьг.

Он подошел к экрану. Вскоре появилась комната, не имевшая ничего общего с теми, которые они видели до сих пор. На ее стенах было много экранов, гораздо меньших размеров, чем их экран. Посредине стоял стол с наклонной верхней доской, а перед ним кресло. Больше ничего в комнате не было. В кресле сидел молодой каллистянин.

— Я еще не давал сигнала вызова, — сказал Синьг — Он нас не видит.

— Кто он такой?

— Дежурный по сектору. Вы видите перед собой оперативный пост. Отсюда осуществляется координация всех работ, ведущихся в данном секторе. Таких секторов в Атилли восемь. Есть еще центральный городской пост, объединяющий работу секторных. Там несколько дежурных. Центральные посты городов согласовывают свою деятельность с постами урьить. Это приблизительно то же, что ваши «области». А посты урьить, в свою очередь, постоянно связаны с постом «Каллисто», который является центральным для всей планеты.

Так у нас достигается необходимый порядок в работе.

— Эта система устарела, — вмешался Гесьянь. — Необходима ее замена на какую-то другую. Пост «Каллисто» когда-то находился в прямом подчинении совету планеты, и такая система имела смысл. Теперь совета фактически не существует. Но, как видите, старая система существует. Консервативность мышления, — прибавил он, пожав плечами.

Широков улыбнулся. Все на свете относительно, и Гесьянь, конечно, прав. Но странно было слышать слово «консерватизм» в применении к каллистянам. Все, что Широков и Синяев знали о них, не позволяло допустить наличие косности и приверженности к старому, отжившему.

— Кто же мешает ввести новую систему? — спросил Синяев.

— Привычка, — ответил Гесьянь. — Многие считают, что и старая система вполне отвечает своему назначению.

— Вы сказали, что совета планеты больше не существует. Кто же должен сказать решающее слово?

— Кто угодно, хотя бы я. Но ведь не скажешь, если знаешь, что не все согласны.

— А как это узнать?

— Каждый десятый день проводится обсуждение. Каждый может предложить свое, новое. Если возражений нет, предложение проводится в жизнь.

— Кем?

— То есть как это «кем»? Теми, которых это касается.

— Неясно, — сказал Синяев. — Предположим, я внесу предложение выстроить башню. Мне кажется, что она украсит город. Предположим, никто возражать не будет. А что дальше? Кто составит технический проект, кто даст материал и рабочую силу? К кому обращаться?

Трое каллистян переглянулись. Казалось, они не знали, что ответить на неожиданный

для них вопрос Синяева. Широков с интересом ждал ответа.

— Теперь я могу повторить за вами, — сказал Гесьянь, — неясно! Предложение внесено, возражений нет. Значит, оно понравилось. Теперь не вы один хотите построить эту башню. Одинаково с вами думают многие. На Каллисто много архитекторов, машин, строительных материалов. В чем же дело? Башня будет строиться.

— Кем? — настойчиво спросил Синяев.

Широков видел, что Гесьянь просто не понимает его друга.

— Георгий спрашивает, — сказал он, — кто внесет работу в текущий план. Кто объявит о начале работ? Определит место постройки и, наконец, кто именно будет составлять проект? Ведь может случиться, что работать над проектом башни начнут сразу несколько человек.

— Это постоянно случается. Редко бывает один проект.

— Кто решит, который лучше всех?

— Сами архитекторы. Они покажут друг другу свои работы и выберут.

— И не будет споров?

— Почему? Всегда бывают. Но то, что лучше, говорит само за себя. Если я сделал лучше, чем вы, то не можете же вы этого не признать.

Синяев посмотрел на Широкова.

— Бесплезный разговор, — сказал он по-русски.

— Когда проект готов, — продолжал Гесьянь, — его внесут в план работ сектора, если работа мелкая, урывать, если она крупнее, или поста «Каллисто», если она имеет общепланетный характер. Остальное идет обычным путем.

— Кто может работать дежурным на посту? — спросил Широков, меняя тему. — Это, вероятно, очень сложный труд?

— Не такой уж сложный. К нему надо просто привыкнуть. Дежурным может быть каждый, у кого имеется склонность к такого рода работе. Например, я не согласился бы работать дежурным, это не в моем характере. Но многие любят и даже увлекаются. Случается, что дежурный отказывается уступить свое место другому, когда кончается его срок. Желаящий занять его место, а таких всегда больше, чем нужно, вынужден иногда обратиться к дежурному центрального поста за помощью. — Гесьянь засмеялся. — Впрочем, такие случаи не только у дежурных, а всюду.

— Какой срок работы?

— Обычный. Четыре часа. Этого мало, чтобы удовлетворить человека, когда он хочет работать. Но здесь уже ничего не поделаешь. В вопросах продолжительности рабочего дня решающее слово принадлежит медицине. А мы, медики, считаем, что четыре часа вполне достаточно. Потребность труда удовлетворена, а организм не испытывает вредной усталости. Очень часто вносятся предложения об увеличении рабочего дня, но мы не сдаемся.

Пока шел этот разговор, дежурный по сектору несколько раз связывался с различными пунктами города. Они видели, как он поднимал голову, очевидно привлеченный звуком сигнала, и нажимал одну из кнопок на наклонном столе. Тотчас же «исчезал» один из экранов и появлялась внутренность дома, каюта корабля или какое-нибудь непонятное помещение, возможно заводской цех. Какие-то каллистяне что-то говорили дежурному, а он вызывал других и говорил с ними. Один раз на одном из экранов они увидели второй такой же пост и другого дежурного.

Широков и Синяев не спускали глаз с этой картины. Рабочая жизнь Каллисто проходила перед их глазами на экранах, которые они видели на своем экране. Так иногда на экране кино виден другой кинозал с демонстрирующейся в нем другой кинокартиной.

— Почему мы видим дежурный пост, а оттуда нас не видно? — спросил Синяев.

— Экран включен односторонне. Когда мы дадим сигнал, дежурный присоединит нас к одному из своих экранов. Это делается для того, чтобы не мешать его работе. Если желающий говорить видит, что дежурный занят, то подождет, пока он освободится.

— И мы можем таким способом заглянуть внутрь любого дома?

— Конечно нет. Такая связь существует только с постами, да еще с дежурными медицинскими пунктами.

Синьг вторично нажал левую кнопку. Они увидели, как дежурный протянул руку к пульту.

В следующую секунду комната поста мгновенно «повернулась» на экране. Они увидели ее уже с другой стороны и поняли, что их присоединили к экрану, расположенному на противоположной стене.

Спокойное выражение лица молодого каллистянина сменилось изумлением и радостью. Он вскочил с кресла и подбежал, казалось, прямо к ним.

— Люди Земли! — воскликнул он. — Наши гости!

— Здравствуйте! — сказал Широков.

— Я знал, что вы поселились в моем секторе, но не надеялся, что вы соединитесь со мной. Я так рад вас видеть!

— У наших гостей есть к вам дело, — сказал Синьг.

— Готов выполнить все!

Дежурный не отрываясь смотрел на Широкова и Синяева. На его молодом лице был такой восторг, что они невольно засмеялись.

— Вы нас еще не видели? — спросил Синяев.

— Видел два раза. У себя дома, когда вы выступали на острове Неба, а затем здесь, в Атилли. Но этого так мало!

— Наши гости просят доставить их вещи, которые остались на корабле, — сказал Синьг.

— Все?

— Нет, их слишком много. Пока только два... — Синяев запнулся, не зная, как сказать слово «чемодан», оно не переводилось на каллистянский язык. — Два коричневых ящика с ручками и металлическими застежками.

Синьг, понимая, о чем идет речь, пояснил более подробно.

— Сейчас будет сделано, — сказал дежурный.

Он вернулся к пульту и произвел нужное включение. «Исчез» один из экранов, и появилось знакомое им помещение рулевой рубки их корабля. Они увидели командира судна, который сразу заметил их и приветствовал жестами рук. Дежурный ясно и толково передал просьбу гостей. Широков и Синяев слышали каждое слово.

— Люди Земли поселились в четвертом секторе, 4472.

— Как жаль, что я не могу сам выполнить их просьбу, — сказал моряк. — Но я сейчас пришлю вещи.

Дежурный выключил экран корабля и снова подошел к ним.

— К сожалению, — сказал он, — я вынужден прекратить наш разговор. Уже несколько раз меня вызывали. Правда, те, кто соединялся со мной, видели, с кем я говорю, но все же...

— Увидимся в другой раз, — сказал Широков. Синьг выключил экран.

— Ваши вещи сейчас будут доставлены, — сказал он.

— Право, я сожалею о своей просьбе, — сказал Синяев. — Не лучше ли было нам самим слетать на корабль?

— Не думайте об этом. Каждый каллистянин с радостью исполнит любое ваше желание. Вы гости не отдельного лица, а всей планеты.

— Кому же будет поручена доставка? — спросил Широков.

— Любому, кто в этот момент ничем не занят.

— А если такого не найдется?

— Людей всегда много.

Не прошло и пятнадцати минут, как на террасе опустилась олити. Из нее вышел каллистянин и вынул два чемодана.

— Надо поблагодарить его, — сказал Синяев.

Они вышли на террасу. Каллистянин приветствовал их радостно, но не так восторженно, как дежурный по сектору.

— Мы вам очень благодарны за вашу услугу, — сказал Широков. — Можно узнать ваше имя?

— Меня зовут Жьесь Дньинь. Я рад случаю увидеть вас вблизи.

— Мы вам не помешали тем, что попросили доставить вещи?

— Вы меня об этом не просили. Но я с удовольствием исполнил ваше желание. Не нужно ли вам еще что-нибудь?

— Нет, спасибо, ничего не нужно.

— В таком случае я полечу дальше. Желаю вам хорошо поработать на Каллисто.

— Знаете, кто это такой? — спросил Гесьянь, когда олити скрылась. — Это крупнейший геолог. Он очень известный ученый.

— Так почему же именно ему поручили тащить наши вещи? — с возмущением спросил Широков. — Или не знали, кто он такой?

— А какая разница? — удивилась Бьесьи. — Если он мог это сделать.

Широков и Синяев ничего не сказали. Обращение к знаменитому ученому с просьбой сыграть роль носильщика казалось им очень странным. Но каллистяне явно не видели тут ничего особенного. Человек мог сделать данную работу, этого было, по их понятиям, вполне достаточно, чтобы обратиться к нему.

— Почему он не остался и не поговорил с нами?

— Потому, что вы не выразили такого желания, — ответил Синьг. — Ваши вопросы странны для нас. Я вас понимаю, потому что привык к вам за годы, которые мы провели вместе. Другие не поймут. На Каллисто иные понятия, чем на Земле.

— Мы это видим, — вздохнул Синяев.

Чемоданы перенесли в комнату, в которой Широков и Синяев провели ночь. Она оказалась тщательно убранной, но постели остались нетронутыми. Широков рассказал о виденном ими механическом уборщике и спросил, каждая ли комната имеет такого андроида.

— Каждая, — ответил Гесьянь. — Кроме домашних, существуют машины, приводящие в порядок улицы и сады. «Аньдърьойд», как вы ее называете, привел в порядок комнату, но не тронул постелей потому, что не умеет этого делать. Здесь, очевидно, не спали. Сегодня в этом доме будут переделки. Укажите, где вы хотите спать в дальнейшем, и там поставят машину, которая будет убирать и постели.

— Кстати, почему мы спали именно здесь?

— Потому, что в этой комнате холоднее, чем в других. В доме сделано специально для вас искусственное охлаждение, но оказалось, что оно недостаточно. Его усилят.

— Сколько хлопот! — сказал Синяев.

— Конечно, вы на особом положении, — сказала Бьесьи, — но и любой каллистянин может попросить сделать изменения в своем доме. Это обычное явление.

— А как узнают, что где-то требуются услуги?

Широков и Синяев непрерывно задавали вопросы. Их возникало все больше и больше, на каждом шагу. При внешнем сходстве жизнь на Каллисто и на Земле резко отличалась одна от другой по внутреннему содержанию. И причиной этого являлась не только более развитая техника. Основное различие заключалось в психологии каллистян, их отношении к труду и друг к другу. При полном отсутствии какого бы то ни было государственного аппарата это различие имело решающее значение, определяло собой весь уклад жизни. Насилия, пусть даже самого малого, никогда и нигде не применялось. Все делалось добровольно, основывалось на личном желании каждого каллистянина принять участие в общей работе. Общественный строй на Каллисто представлял собой коллектив, объединяющий все население планеты, и каждый член этого многомиллионного коллектива отдавал все свои силы и знания на достижение общей цели, ставя ее выше личного. Эта цель

заклучалась в том, чтобы сделать жизнь еще лучше и полнее, чем она была в данный момент, двигать вперед искусство и науку, открывая и заставляя служить себе все новые и новые силы природы. Прекрасный и бесконечный путь!

Людам Земли хотелось узнать как можно больше и как можно скорее решительно все. Синьг, Гесьянь и Бьесьи отвечали с видимым желанием. Это поощряло Широкова и Синяева, и они не стеснялись.

Петр Аркадьевич вспомнил, как сами каллистяне на Земле осаждали его бесконечными вопросами и как трудно ему приходилось тогда из-за плохого знания языка. Что ж! Это и порядке вещей. Во всяком случае, каллистянам легче, чем было ему.

— Для этого, — ответила Бьесьи, — существуют дежурные на постах. Вот видите этот небольшой аппарат? — Она подошла к стене, на которой они увидели ящичек, похожий на динамик радиотрансляции, но сделанный из «хрустала», как и пульт «телефона». — Он принимает сообщения дежурного поста о потребности в рабочей силе. Когда вы хотите работать («хотите», а не «должны», отметил про себя Широков), то включаете его и выбираете то, что вам подходит, после чего сообщаете дежурному, и работа исключается из дальнейших сообщений как выполненная.

Она повернула крохотную ручку, и ящичек заговорил громко и отчетливо:

— На центральном складе «В» четвертого сектора нужны два человека для переделки учетной машины типа «Гъирь». Корабль «Вьерьи» нуждается в пяти членах экипажа, плывет в Кусуди. В домах 289 и 2387 второго сектора надо переключить приемные экраны на имена новых жильцов...

Голос смолк, так как Бьесьи выключила аппарат.

— Это мелкие сообщения, — сказала она. — Они передаются непрерывно, по мере поступления заявок. Вечером сообщается о крупных работах, намеченных на завтрашний день.

— Те работы, о которых мы только что слышали, вероятно, уже заняты? — спросил Синяев.

— Безусловно. Сообщений никогда не приходится повторять. Но тот, кто хочет взять на себя объявленную работу, должен очень торопиться.

— Почему?

— Перехватят другие.

— Разве работ мало?

— В сравнении с числом населения Атилли очень мало. Ведь это мелкие, не плановые работы. Они выполняются между прочим, вне обычного рабочего времени.

Гесьянь рассмеялся.

— Здесь проявляется нежелание каллистян подчиниться требованиям медицины, — сказал он. — Они уверяют, что эти мелкие работы служат развлечением. Приходится делать уступку.

— Но более крупных, плановых работ хватает для всех?

Гесьянь поморщился.

— В общем хватает. Но иногда приходится выдумывать работу.

— Отчего возникло такое положение?

— Автоматизация. Основная масса работ ведется без участия людей.

— Что же будет дальше?

— Я думаю, что положение не изменится. Уже сейчас половина населения Каллисто — это работники науки и искусства. В дальнейшем, при еще большем развитии техники и увеличении автоматизации, число занятых чисто умственным трудом увеличится — и только.

— Выходит, что у вас еще есть разница между умственным и физическим трудом, — сказал Широков. — В чем же заключается физический труд?

— В управлении машинами и автоматами. Они могут работать самостоятельно, но не во всех случаях. Требуется известный уход и настройка. Ну еще мелкие работы, о которых мы только что говорили.

— Ну, это совсем не то, — улыбнулся Широков. — Я имел в виду другой физический труд.

— У меня создается впечатление, что каждый каллистиянин получает универсальное образование, — заметил Синяев.

— Отчасти это верно, но существует специализация. Я, например, как вам известно, врач, но знаю устройство всех машин настолько, что могу работать везде.

— Сколько лет учатся дети?

— Для получения общего образования — два с половиной года. Изучение выбранной специальности длится неопределенное время, но обычно от двух до трех лет.

— А с какого возраста начинается обучение?

— С трех лет. (Напоминаю читателю, что год Каллисто равен двум годам на Земле.)

В переводе на земное время это означало, что каллистияне заканчивали высшее образование к семнадцати годам. Молодость Гесьяня и Дьеньи, бывших уже учеными, стала понятна.

— Нам не терпится своими глазами увидеть все, о чем вы рассказываете, — сказал Синяев.

— Времени у вас хватит, — ответил Синьг. — Сегодня только второй день вашего пребывания на Каллисто. Впереди полтора года — три, по-вашему.

— Однако мы снова забыли о завтраке, — сказал Широков. — Так можно умереть с голоду на вашей планете.

НА ОЛИТИ

На Каллисто не существовало ресторанов или столовых. Все можно было получить, не выходя из дому, по специально для этого проложенным трубам. В комнате, где полагалось завтракать, обедать или ужинать, в «столовой», как называли ее между собой Широков и Синяев, на особой подставке лежал большой плотный альбом. На его страницах помещалось несколько тысяч названий и рисунков различных блюд. После каждого названия стоял номер.

У стены находился автомат с четырьмя рядами цифр на пятиугольной дверце. Каждая цифра поддавалась нажиму, как кнопка. Чтобы получить требуемое блюдо, достаточно было набрать нужные номера и повернуть маленькую ручку. Через минуту раздавался гудок. В аппарате оказывалось все, что было заказано. Блюда были прекрасно приготовлены" на красивой посуде, горячие, теплые или холодные, смотря по желанию. Опорожненные тарелки и стаканы (они были многоугольной формы, но не очень сильно отличались от земных) ставились обратно в автомат, и поворачивалась другая ручка — это было все. В каллистиянских домах не знали, что значит приготовление обеда, мытье посуды и тому подобное.

Завтрак на пять человек был заказан Синьгом. Широков и Синяев еще не научились разбираться в названиях «меню», но за время полета они привыкли к каллистиянской пище и могли есть все.

— Сколько человек работают на... — Синяев снова запнулся, не зная, как сказать слово «кухня».

Широков также не знал этого слова. Очевидно, его просто не было в языке.

— На продовольственном заводе? Вы это хотели спросить? — ответила Бьесьи. — Ни одного человека. Приготовление блюд и их доставка в дома производятся автоматически.

— А доставка сырья на завод? Мясо, овощи, фрукты?

— Овощи и фрукты доставляются раз в десять дней. Их складывают в приемники, и на этом все кончается. Что касается мяса, то вы ошибаетесь, если думаете, что это мясо животных.

— Что же это такое? — спросил Широков. — По вкусу это свежее мясо, почти такое

же, как у нас.

— Когда-то, — сказал Синьг, — каллистяне, подобно людям Земли, ели мясо убитых животных, но теперь мы не питаемся таким способом.

— То, что вы едите, — добавила Бьесьи, — мясо, но только синтезированное. Оно более питательно, чем натуральное, и не содержит никаких вредных веществ.

— Значит, каллистяне не убивают животных? Но тогда их количество может вырасти чрезмерно.

— Нам не нужно мясо, но мы используем мех и кожу. Вообще на Каллисто не так много животных. Многие виды уничтожены как вредные или бесполезные.

— А овощи и фрукты тоже синтезируются?

— Нет, этого не нужно. Можно, конечно, синтезировать все, но овощей и фруктов у нас вполне достаточно.

— Где они выращиваются?

— Всюду. Не все живут в городах. Большинство ученых и работников искусства предпочитают жить среди природы. Каждый дом окружен садом или полем. Работа в них полезна. Нельзя все время сидеть за столом или в лаборатории.

— Можно нам посетить продовольственный завод или такой отдельный дом, вне города? — спросил Синяев.

— Разумеется. Вы можете посетить все, что пожелаете.

Окончив завтрак, все перешли в спальную комнату. К удивлению Широкова и Синяева, постели были кем-то убраны.

— Ничего? — ответил Гесьянь на вопрос Широкова. — Не думайте о таких мелочах. Вы гости.

— Кто же все-таки убрал за нами?

— Ну, скажем, я, — засмеялся Гесьянь. — Не все ли равно? Мне это было приятно. Больше этого не повторится, — поспешно прибавил он. — Все будет делать домашняя машина.

— Спасибо! — сказал Широков. — Но мы могли бы сами.

Они переоделись в свою одежду и почувствовали при этом такое удовольствие, точно долгие годы не видели земных вещей. Даже запах материи, сделанной на Земле, был приятен.

При этом они снова столкнулись с разницей в понятиях людей и каллистян. Чтобы переодеться, им надо было снять бывшие на них костюмы, но Бьесьи, зная, что они хотят делать, не уходила. Пришлось, извинившись, попросить ее выйти.

— Наше воспитание, — сказал Широков Синьгу, — вероятно, кажется вам смешным?

— Нисколько. Понять не трудно. Человек всегда может понять другого человека, как бы различны они ни были. А вы очень мало отличаетесь от нас.

— Вы любезны и вежливы, как всегда, — сказал Синяев.

Когда они снова прошли в комнату, смежную с террасой, то застали там несколько незнакомых каллистян, которые что-то делали у одной из стен. Гесьянь объяснил, что это те, кто взял на себя переделку охлаждения в доме, и также другие мелкие работы.

— Когда вы вернетесь, все будет уже закончено, — скачал он.

После обычных приветствий один из «рабочих» («Кто их знает, — подумал Широков, — кто они такие? Ведь поручили же крупному ученому доставить наши чемоданы») спросил, не надо ли переключить экраны на имя новых жильцов дома.

— Переключите, — сказал Синяев. — Хотя бы на мое имя.

— Лучше сделать иначе, — предложил Синьг. — Ваши имена трудны для произношения. Настройте экран на слово «Земля».

— Вы не возражаете? — спросил каллистянин, который, по-видимому, руководил своими товарищами.

— Наоборот! Это будет только приятно.

— Тогда мы так и сделаем. Зьемлья, — повторил он. — Я правильно произношу?

— Приблизительно правильно, — улыбнулся Синяев.

— Не забудьте сообщить об этом на пост «Каллисто», — сказал Гесьянь.

В эту минуту на террасу опустилась большая, окрашенная в темно-серый цвет олити. Из нее вышел каллистянин и прошел в дом. Вежливо поздоровавшись, он сообщил, что эта олити предназначена для гостей.

— Как раз вовремя, — сказал Синяев. — Спасибо!

— Научить вас управлять ею? — спросил каллистянин.

— Я сама научу, — ответила Бьесьи.

— В таком случае до свидания! Я могу воспользоваться чьей-нибудь олити?

— Возьмите мою, — сказал Гесьянь. — Вон ту. Очевидно, желая скрыть свое любопытство, каллистянин окинул внимательным взглядом Широкова и Синяева и вышел.

— Вы не спросили его, куда он полетел, — сказал Широков.

— А зачем мне это знать?

— Но ведь он взял вашу олити. Где вы возьмете другую?

— Где угодно.

«Ответ в каллистянском стиле, — подумал Широков. — У них это просто. Где угодно, вот и весь разговор».

Оставив «рабочих» хозяйничать в доме, все пятеро вышли на террасу.

Олити, построенная специально для Широкова и Синяева, была шестиместной. По изяществу наружной и внутренней отделки она походила на нарядную игрушку, и, несмотря на величину, ее невольно хотелось положить и бархатный футляр, как произведение искусства.

— Это новейшая конструкция, — сказала Бьесьи. — Управление ею очень просто.

— Поразительно, — сказал Синяев по-русски, — с каким вниманием относятся к нам каллистяне. Ты думаешь, что цвет олити случаен? Ничего подобного. Я как-то сказал, не помню кому, что больше всего люблю темно-серый цвет, и, как видишь, они это запомнили.

— Возможно, что так, — с оттенком недоверия ответил Широков.

Они обратили внимание, что совершенно безоблачное утром небо затянулось облаками. Рельос был невидим.

— Ожидается дождь?

— Нет. — Бьесьи взглянула на небо. — Это не дождевые облака. По расписанию должно быть ясно. Вероятно, небо закрыли облаками специально для вас. Каллистяне, — пояснила она свои слова, — тревожатся, что вам слишком жарко. Особенно после вчерашнего.

— А что вчера?

— Как что? Вам же было плохо после путешествия по улицам Атилли.

— Откуда вы это знаете?

— Вся Каллисто знает.

Эти слова напомнили гостям с Земли об истинном положении вещей. Они как-то забыли, что находятся в центре внимания всего населения планеты. Возможно, это произошло потому, что никто из каллистян не высказывал явного любопытства. Их обоих как будто оставили в покое, предоставив поступать, как они желают. Ни один каллистянин не подходил и не подлетал к их дому, чтобы взглянуть на жителей другого мира.

Широков вспомнил толпы народа, осаждавшие с утра до вечера обсерваторию Штерна, а еще раньше — лагерь под Курском, где ему, как коменданту, часто приходилось обращаться за помощью к Черепанову, чтобы оградить каллистян от людского любопытства.

Жители Атилли вели себя совсем иначе.

Облака над городом, направленные сюда исключительно для гостей, служили яркой иллюстрацией заботы и внимания без навязчивости.

Шесть кресел были сделаны из того же, уже знакомого им, материала, похожего на стекло, поддающегося тяжести тела и как бы обнимающего сидящего в кресле человека, принимая его форму.

Бьесьи села за управление. Правда, в первый момент никакого «управления» они вообще не заметили. Не было ни штурвала, ни кнопок, ни каких-либо рукояток. У Синяева даже мелькнула мысль, что аппарат управляется мысленно, с помощью биотоков. О том, что на Каллисто вполне возможно существование биотехники, он думал еще на острове Неба, когда они летели к «вокзалу» на никем не управляемом аппарате. В 19... году, когда они покидали Землю, уже появились биотехнические протезы, успешно заменяющие человеку потерянную руку или ногу. А техника каллистян, казалось Синяеву, во всем была выше земной.

Но догадка не подтвердилась. Бьесьи поставила ногу, обутую в серебристого цвета сандалию, на маленькую педаль, снабженную металлической пружкой. Очевидно, это и было «управление». Синяев сел рядом, внимательно наблюдая за действиями молодой каллистянки.

Легкое движение носка вниз.

Прозрачный колпак опустился, закрыв лодку.

— Куда направимся? — спросила Бьесьи.

— Нам хочется осмотреть город.

— И навестить Диегона, — прибавил Широков. — Но сперва полетаем над Атилли.

Бьесьи приподняла носок сандали. Олити отделилась от террасы и вертикально поднялась метров на сорок.

Новое, чуть заметное движение ноги, на этот раз вперед. Подъем прекратился, и олити полетела прямо.

Как раньше, на острове, не слышно никакого звука, ни малейшего шума, который указывал бы на работу двигателя. Олити летела как бы сама по себе, вроде сказочного ковра-самолета.

Сидеть было удобно. Прозрачный футляр давал широкий кругозор. Борты машины едва достигали до пояса пассажиров, и они могли видеть кругом и внизу без всякого усилия. Почти полное отсутствие чувства тяжести нельзя было приписать одному только действию облегающего сиденья, было ясно, что вес действительно ослаблен, и это доказывало, что олити держится в воздухе силой антигравитации. Двигатель для поступательного движения безусловно существовал, но его нигде нельзя было заметить.

— Сколько времени надо, чтобы научиться управлять олити? — спросил Синяев.

— Нисколько, — ответила Бьесьи. — Садитесь на мое место и ведите машину.

— Если так, то почему же Синьг и его товарищи, летавшие на Землю, попросили изготовить для них олити старой конструкции?

Бьесьи пожала плечами.

— Спросите об этом их самих. Желание странное и малопонятное.

Широков посмотрел на Синьга, сидевшего с ним рядом во втором ряду кресел, и ему показалось, что при словах Бьесьи врач звездолета смутился. Синьг даже отвернулся, делая вид, что рассматривает что-то внизу.

«Любопытный психологический штрих, — подумал Широков. — Самое интересное, что этот своеобразный консерватизм проявился не у одного Синьга, а у всех двенадцати звездоплывателей».

Синяев также заметил смущение их старого друга и промолчал.

— Олити на острове, — сказал он, обращаясь к Бьесьи, — не имела такой педали.

— Вероятно, она принадлежала к типу автоматических, как, например, грузовые олити, которые также летают без людей по определенному маршруту. А эти предназначены для свободного полета. Так что же, сядете на мое место?

— Боюсь, — ответил Синяев. — Под моим управлением мы рискуем врезаться в землю.

— Этого не может случиться. Олити никогда не упадет.

— Сама по себе не упадет, это ясно, но если я направлю ее вниз на полной скорости?

— Она вам не подчинится. Можете ничего не опасаться. Управление чрезвычайно

просто. Движение ноги вперед, назад, в стороны, вниз или вверх

— вот и вся техника управления. Маневры совершаются автоматически, без участия водителя. Только не нажимайте слишком резко вперед или назад. Получится неприятный толчок.

— Ну что ж, — решил Синеяев, — попробуем. Они поменялись местами.

— Это действительно совсем просто, — сказал Синеяев через минуту. — Движения, которые надо производить, настолько естественны, что ошибиться невозможно. Хочешь попробовать, Петя?

— В другой раз, — ответил Широков. — Смотри внимательней!

Сверху было хорошо видно, что Атилли имеет только одну, бесконечно длинную улицу, идущую вдоль берега океана. Все дома находились между нею и берегом. По другую сторону тянулись какие-то очень длинные, по три-четыре километра, низкие здания без окон.

— Это заводы, — объяснил Гесьянь.

На улице было много пешеходов. В этом не было ничего удивительного, — человеку полезно ходить пешком, и не могли же каллистяне все время летать.

Видя огромное количество воздушных машин — олити всех размеров и разных других, — мелькавших во всех направлениях, Широков сначала опасался, что под управлением Синеяева они с кем-нибудь столкнутся, но потом успокоился. Движение над городом, казалось, подчинялось невидимому регулировщику. Машины летели на разной высоте, в зависимости от направления и скорости. Подчиняясь указаниям Бьесьи, Синеяев не нарушал порядка. Воздух был словно разделен на зоны. Выше всех летели большие машины непонятной конструкции и как будто без людей, ниже была зона олити. Еще ниже, над самыми домами и деревьями, часто виднелись каллистяне на крыльях.

Широков вспомнил громадные воздушные корабли, похожие на дирижабли, которые он видел в книгах каллистян еще на Земле, и спросил, почему их не видно.

— Они вышли из употребления, — ответил Гесьянь. — Конструкторы все время работают над новыми моделями машин и сразу заменяют устаревшие.

Примерно через полчаса полета Синеяев объявил, что, по его мнению, достаточно.

— Город надо осмотреть не сверху, а снизу, с земли. Где дом Диегона?

— Мы его давно пролетели.

— Повернем назад?

— Здесь нельзя поворачивать, — сказала Бьесьи. — Надо пролететь немного дальше.

— Рядом же никого нет.

— Все равно. Какая-нибудь олити может взлететь как раз в этом месте. Существуют специальные места для поворотов.

Вскоре внизу, на самой середине улицы, показался высокий столб зеленого цвета. Такие столбы попадались и раньше.

— Вот здесь вы можете повернуть.

Синеяев слегка повернул носок ноги влево. Олити послушно совершила широкий полукруг.

Машины, летевшие за ними и не собиравшиеся поворачивать, подлетая к столбу, опускались или поднимались, освобождая место.

— Ни одна олити здесь не взлетит, — сказала Бьесьи. — Я забыла вас предупредить, но вы правильно сделали поворот, налево.

— А если все-таки взлетит? — Синеяев улыбнулся. — Какое наказание полагается за нарушение правил?

— Я не слышала, чтобы такой случай когда-нибудь произошел.

— Ну а все-таки? Если кто-нибудь нарушит правила?

— Я думаю, — спокойно сказал Гесьянь, — что такого случая произойти не может. А если произойдет, то человека, виновного в нем, обследуют врачи, так как он, несомненно, окажется болен.

— К чему задавать вопросы, на которые ответ заранее известен? — недовольным тоном

сказал Широков по-русски.

Неизвестно, убедил ли Синяева ответ Гесьяня или он решил последовать совету своего друга, но он больше ничего не сказал, с удвоенным вниманием управляя полетом.

— Вот дом, где поселился Диегонь, — сказала Бьесьи через несколько минут.

И вдруг внутри олити раздался чей-то незнакомый голос, повторивший несколько раз подряд:

— Геогий Синев!.. Геогий Синев!

— Это что такое? — спросил Синяев. — Похоже на мое имя.

— Да, это вас вызывают, — сказал Гесьянь. — Очевидно, в этой олити установили дублирующий приемник экрана вашего дома. Чтобы вы знали, что кто-то зовет вас.

— Наш экран настроен на слово «Земля».

— Когда строили олити, об этом еще не было известно.

— Геогий Синев!..

— Могу я ответить?

— Право, не знаю, — ответил Гесьянь. — Обычно на олити этого не делают. Они часто переходят из рук в руки.

— Голос совсем незнакомый, — заметил Широков.

— Неудобно не отвечать. Может, вернемся домой?

— Мы уже рядом с домом Диегоня, Опустимся и узнаем, кто вызывает вас, — предложила Бьесьи.

— Если это можно сделать из любого дома, то конечно, — согласился Синяев.

Они оказались в этот момент прямо над террасой нужного дома. Синяев потянул педаль назад. Олити остановилась и неподвижно повисла на одном месте.

— Нажмите педаль, — сказала Бьесьи.

— Сильно или слабо?

— Безразлично. Спуск совершается всегда с одной и той же скоростью.

Как только олити коснулась каменных плит террасы, навстречу выбежала Дьеньи.

До сих пор Синяев думал, что каллистяне, независимо от пола, одеваются одинаково. Теперь он убедился, что это не так. На Дьеньи было платье белого цвета с широким бледно-зеленым поясом. Золотистые волосы девушки, более длинные, чем у мужчин, были уложены в простую и строгую прическу. В этом виде она показалась Синяеву гораздо красивее, чем в костюме астронавта.

Широков даже не заметил, во что одета Дьеньи. Он смотрел в ее лицо, испытывая нечто большее, чем радость встречи. И внезапно ему стало ясно, что все это время он скучал по ней.

«Глупо! — подумал он. — Только и не хватает влюбиться. Как будто на Каллисто нет другого дела».

Вслед за Дьеньи вышли Диегонь и его сын.

— Скорей проходите в дом, — сказал Гесьянь. — Не надо долго стоять под открытым небом.

— Рельоса же не видно.

— Все равно. Его лучи проникают под облака.

— Вы обрекаете нас на довольно скучную жизнь, — сказал Синяев. — Если так будет продолжаться, мы мало что увидим на Каллисто.

— В первые дни это необходимо. А там посмотрим. Комната, примыкавшая к террасе, была похожа на такую же комнату в их доме, но фонтанов и здесь не было. Синьг рассказал, что кто-то настойчиво вызывает Синяева.

— Сейчас узнаем, — сказал Вьег Диегонь, подходя к экрану.

— Разве вызовы регистрируются? — спросил Синяев.

— Нет, но если разговор срочен и важен, то можно через дежурный пост назначить

время, когда вы сами можете связаться с тем, кто хочет вас видеть,

На экране появился центральный пост Атилли. Он был в несколько раз больше секторного, и в нем было пять дежурных. Вьег Диегонь переговорил с одним из них.

Широков и Синяев намеренно не подошли к экрану. Они не хотели задерживать разговора, что неизбежно случилось бы, если бы дежурные на посту их увидели.

Экран «погас».

— С вами хочет говорить Аинь Зивьень, — сказал Диегонь. — Он просит вас связаться с ним как можно скорее.

— Аинь Зивьень! — воскликнула Бьесьи. — Как странно?

— Кто это? — спросил Синяев.

— Очень большой ученый. Он руководит всеми работами по изучению гравитации и антигравитации. Зачем вы ему понадобились?

— Может быть, как астроном? — предположил Широков.

— Астрономия на Каллисто, во всяком случае, не хуже развита, чем у нас, — возразил Синяев, — К чему гадать! — Он подошел к экрану и, нажав нужную кнопку, отчетливо произнес: — Аинь Зивьень!

Экран сразу «исчез». Открылась небольшая, просто обставленная комната со множеством прозрачных, почти невидимых шкафов, заполненных книгами.

Перед экраном стоял пожилой каллистянин, одетый в обычную полупрозрачную одежду из белого материала.

— Геогий Синев? — спросил он и выжидательно замолчал.

— Это я.

— Извините, что беспокою вас. Дело большой важности требует вашего присутствия. Оно важно не столько нам, сколько вам обоим и вашей планете. Откладывать нельзя, так как не исключена возможность, что вам придется покинуть Каллисто и вернуться на Сетито.

— Это еще почему? — невольно вырвалось у Синяева. Зивьень улыбнулся.

— Я думаю, вам самим ясно почему. Если же нет, спросите Гесьянн. Он рядом с вами.

Или вашего товарища, он врач.

— Я не думаю, чтобы это стало необходимо.

— Тем лучше. Но дело настолько важно, что мы не хотим рисковать.

— Во всяком случае, я к вашим услугам, — сказал Синяев.

— Прошу вас прибыть в секцию теси гравииоинститута.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше.

— Я готов хоть сейчас.

— Совсем хорошо. Какой это дом?

— Атилли, второй сектор, 8843, — ответил Диегонь.

— Ждите здесь. Через полчаса за вами прилетит олити.

— Против этого я возражаю, — сказал Гесьянь. — Наш гость не может пока пользоваться обычными олити. Только своей.

— Как же быть?

— Разрешите мне доставить его к вам, — предложила Бьесьи. — Я знаю, где находится гравииоинститут.

— Прекрасно.

— Долго вы меня удержите? — спросил Синяев.

— Дня два.

— Прибыть мне одному или с моим другом?

— Мы будем рады видеть его, но нам нужны только вы, — с обычной для каллистян прямотой ответил Зивьень.

Синяев не спросил, для чего он нужен институту. Было ясно, что вопрос очень серьезен и неудобно говорить по экрану.

— Мы вас ждем, — сказал Зивьень. Экран «погас», то есть опять стал видим.

— Ты полетишь со мной? — спросил Синяев.
— Пожалуй, не следует, — ответил Широков. — Отправляйся один.
— Как же ты будешь обходиться без нашей олиты?
— Петя останется здесь, — сказал Диегонь. — Он будет нашим гостем. Мы постараемся, чтобы он не скучал.

ГЛАВА 3

ВСПЫШКИ НА НЕБЕ

В жизни Николая Николаевича Козловского после отлета корабля Каллисто произошли большие изменения. Каллистяне, не подозревая этого, круто повернули его судьбу самым непредвиденным образом.

По инициативе Академии наук СССР был создан Международный комитет по изучению и практическому освоению огромного количества научных и технических материалов, оставленных на Земле каллистянами. В него вошли крупнейшие ученые двадцати трех стран, в том числе все члены бывшей экспедиции Куприянова,

На первом организационном заседании нового комитета по предложению академика Неверова, единогласно поддержанному всеми, Козловский был выбран председателем.

— Но, дорогие товарищи, — сказал Николай Николаевич, ошеломленный этим выбором (он присутствовал на заседании в качестве гостя), — я не ученый, а партийный работник. Как я могу руководить таким комитетом?

— Нужен человек, который сумел бы объединить нас всех в сплоченный коллектив, — ответил ему Неверов. — Вы именно такой человек и есть. Вас знают и уважают все члены комитета. Не отказывайтесь. Отто Юльевич Шмидт не был полярником, но под его руководством советские полярники одержали ряд блестящих побед в Арктике.

Слова попросил секретарь Центрального Комитета КПСС, присутствовавший на заседании.

— Я одобряю ваш выбор, — сказал он коротко.

Козловскому пришлось сдаться.

И вот прошло свыше одиннадцати лет. Сравнительно небольшой комитет превратился в огромный научный институт, подлинно международный. В нем работали ученые самых различных специальностей — медики и астронавты, биологи и математики, химики и инженеры-конструкторы, астрономы и... языковеды. В его стенах звучали языки всех стран мира.

Ушел с поста вице-председателя профессор Куприянов, возглавивший медицинскую секцию, ушли многие из тех, кто начал работу в комитете; на их место приходили новые люди, расширялись рамки работы, совсем иные проблемы вставали в повестку дня института, а Козловский неизменно оставался на посту директора. Его авторитет во всем, что касалось предстоящих связей с Каллисто, был непререкаем во всем научном мире.

Человечество Земли готовилось ответить каллистянам на их визит.

Еще до прилета гостей с Каллисто были запущены первые искусственные спутники Земли, велась работа по осуществлению давнишней мечты — межпланетных полетов. Изучение каллистянских материалов ускорило работу ученых и инженеров. Естественно и закономерно все силы, работающие в области космонавтики, влились в институт, возглавляемый Козловским.

Уже через пять лет после старта каллистянского звездолета первый космический корабль посетил Луну. Автоматические ракеты без людей готовились к запуску на Венеру и Марс. Создание большого звездолета для полета на Каллисто было не за горами.

Имена двух отважных людей, улетевших с каллистянами на их родину, не сходили со

страниц мировой печати. Широков и Синяев побили все рекорды продолжительности вызванной ими сенсации.

В мае 19.. года, ровно через одиннадцать лет после отлета, их портреты появились на первых страницах всех газет и журналов с волнующим заголовком:

«Герои Земли ступили на Каллисто!»

Никто не мог знать, что в это время они находились на другой планете системы Рельоса — Сириуса.

Герои Земли!

Это не было звонким эпитетом, придуманным журналистами.

Звание «Герой Земли» действительно принадлежало им.

Советское правительство заочно наградило обоих ученых Золотой Звездой Героя. Этого все ждали, и это никого не удивило. Но Академии наук, общественные организации и печать всех стран выразили неудовольствие.

Почему «Герои Советского Союза»? Разве Широков и Синяев представляют на Каллисто только СССР?

Профессор Матиссен первый произнес слова «Герой Земли».

И вот на специально созванной конференции было учреждено новое, первое в истории человечества международное звание. Оно должно было присуждаться тем, кто в интересах всего человечества будет одерживать победы над космосом.

В гоме аплодисментов делегатов, многочисленных гостей и корреспондентов потонуло чтение указа конференции о присуждении звания «Герой Земли» Петру Аркадьевичу Широкову и Георгию Николаевичу Синяеву — первым людям, покинувшим Землю для установления связи с далеким миром.

Если бы они могли узнать об этом! Какой радостью и законной гордостью наполнились бы их сердца!

Но только через двадцать пять лет могли они узнать о высокой чести, которой удостоило их человечество.

Прошло одиннадцать лет. До возвращения героев осталось четырнадцать.

— Огромный срок для человека моего возраста, — сказал Куприянов. — Мне никак не дожить до их прилета. А как бы хотелось!

— Это зависит прежде всего от самого тебя, — ответил Козловский. — Тебе поручено сохранить жизнь всех, кого хотят увидеть Петр и Георгий. Исполняй же это поручение не только по отношению к другим, но и к самому себе. В том, что Широков очень хочет тебя увидеть, сомневаться не приходится.

Куприянов посмотрел на портрет Широкова, который вместе с портретами Синяева и покойного Штерна украсил стены служебного кабинета Козловского, и вздохнул.

— Легко сказать!

— И сделать. В крайнем случае последуй примеру Зинаиды Александровны Синяевой,

— Это еще, пожалуй, рано.

— Вот видишь! Что же ты брюзжишь? Куприянов засмеялся.

— Очень уж сильно желание увидеть Петю и узнать, что такое Каллисто. А брюзжание — привилегия старости.

— Работай! — пожав плечами, сказал Козловский. Поручение, о котором говорил бывший секретарь Курского обкома партии, существовало совершенно официально. На одном из заседаний «каллистянского комитета» возник вопрос о подготовке встречи звездолета, когда он вторично прилетит на Землю. Этот вопрос был поднят профессором Лебедевым несколько преждевременно, но Куприянов, воспользовавшись случаем, высказал давно мучившую его мысль, что к моменту возвращения Широкова и Синяева большинство их друзей и близких уйдут из жизни.

— Что же мы можем сделать? — спросил его академик Неверов.

— Воспользоваться теми познаниями, которые мы почерпнем из каллистянских медицинских книг. Известно, что каллистяне умеют приостанавливать деятельность организма, вызывать искусственную летаргию на неопределенное время. Синьг говорил, что таким способом можно сохранить жизнь человека на долгий срок. Правда, это не дает продления жизни, а только создает перерыв. У них самих такой перерыв почти не применяется.

— Но мы-то этого не умеем?

— Скоро будем уметь.

— Вполне понятно, что каллистяне не хотят этого «перерыва», как вы его называете, — заметил один из членов комитета. — Ничего привлекательного в нем нет.

— Для людей, близких Широкову и Синяеву, это выход, — возразил Куприянов.

— Значит, вы предлагаете усыпить, выключить из жизни на двадцать пять лет...

— Нет, — перебил Козловский. — Я понимаю мысль Михаила Михайловича так: надо взять здоровье определенного круга лиц под контроль нашего комитета и только в крайнем случае воспользоваться каллистянским рецептом.

— Совершенно верно, — подтвердил Куприянов.

Предложение встретило единодушную поддержку. Тут же была создана Комиссия жизни близких и руководство ею поручено самому Куприянову.

С тех пор прошло девять лет. Все намеченные «к сохранению во что бы то ни стало» находились под неусыпным наблюдением. Все были живы, за исключением Николая Емельяновича Синяева, который скоростижно скончался от паралича сердца.

Год назад создалась угроза смерти матери Синяева. Старушка была очень плоха, и казалось, ничто уже не спасет ее — самого близкого Синяеву человека. Но к этому времени медицинские средства каллистян были уже основательно изучены, хотя и не проверены еще на практике. Куприянов предложил единственный выход — усыпить Синяеву по способу, применяемому на Каллисто.

Зинаида Александровна с радостью согласилась. Ей страстно хотелось увидеть сына.

Врачи пунктуально выполнили все указания неизвестного им автора каллистянской медицинской книги. Наука далекой Каллисто спасла жизнь матери своего гостя.

Странные вещи происходили с телом старой Женщины, лежавшей в «мертвом сне». Оно заметно молодело: разглаживались морщины, темнели волосы, кожа приобретала блеск.

Прошло около года, и Зинаиду Александровну Синяеву стало трудно узнать. Семидесятилетняя женщина как будто превратилась в сорокалетнюю. Под стеклянным колпаком, вокруг которого тесно стояли необычайного вида аппараты, лежала без признаков жизни, но несомненно живая, далеко не старая женщина. Ее дети — сестра и братья Синяева — едва узнавали свою мать. Такой она была в годы их раннего детства.

Было совершенно ясно, что Георгий Николаевич, вернувшись на Землю, встретит мать более «молодой», чем оставил.

Совсем недавно опыт был повторен. Стареющий академик Лебедев также захотел испытать на себе действие омолаживающего сна. И снова все вышло так, как нужно. Рецепты каллистян действовали безотказно.

Новый способ «омоложения» вызвал глубокое волнение среди ученых всего мира. Каллистяне сами указывали, что «летаргия» не оказывает влияния на общий срок сознательной жизни человека" перерыв на нем не сказывается. Но было ясно, что именно здесь надо искать полное решение проблемы — дать человеку вторую молодость. Открывались грандиозные перспективы.

Куприянов и его ближайшие ученики и сотрудники целиком отдались изучению новой отрасли медицины. Но материалы, оставленные каллистянами, были не полными. Многие в механизме летаргии оставались неясным. И, как ни сильно было желание подарить человечеству мощное средство борьбы со старостью, приходилось ждать вторичного прилета корабля каллистян.

— Через четырнадцать лет, — говорил Куприянов, — мы получим настоящего руководителя в нашей работе — Петра Аркадьевича Широкова. За три года пребывания на Каллисто он хорошо изучит каллистянскую медицину и, кроме того, привезет с собой все, чего нам не хватает сейчас.

Ожидание вторичного посещения Земли каллистянами стало еще нетерпеливее, чем раньше.

Если бы можно было спросить каллистян и тут же получить ответ. Увы! Это было совершенно невозможно!

Что может быть быстрее света? 300 000 километров пролетает он в каждую секунду. Но и свету нужно более восьми лет, чтобы преодолеть исполинское расстояние между Землей и Каллисто. Семнадцать лет в оба конца! Тяжелый разговор получился бы при таких условиях!

— Жаль, конечно, — говорили ученые, — но тут ничто нам не поможет.

И вдруг случилось!..

Невероятное! Невозможное? «Противоестественное»!..

12 сентября 19... года (золотыми буквами вошла эта дата в историю человечества) в Восточной Сибири и над территорией Северного Китая были замечены странные вспышки, точно маленькие взрывы, высоко в верхних слоях атмосферы.

День за днем (по счастью, стояла безоблачная погода) они появлялись с поразительной точностью, в один и тот же час.

Двадцать девять вспышек, пятнадцатиминутный перерыв, снова двадцать девять вспышек, опять перерыв — и еще раз.

Каждый день.

Непонятым явлением в атмосфере занялись метеорологи. Точно определили, на какой высоте появляются вспышки: оказалось, что на высоте ста тридцати километров над поверхностью Земли, то есть приблизительно у верхней границы слоя Хевисайда.

Регулярность и математическая правильность вспышек не давали возможности считать их природным явлением.

Что же это такое?..

16 сентября мир узнал сенсационную новость.

Тайна раскрылась. Вернее было сказать, что она стала еще более непонятной, но самое главное: что означают вспышки — перестало быть загадкой.

Люди узнали, кто производил их на небе!

Но как — это по-прежнему было тайной. К этому времени загадочными явлениями на небе восточной части азиатского материка заинтересовались во всех странах. Десятки предположений делались учеными и не учеными.

Было несомненно только одно — вспышки имеют вземное происхождение.

Тайну удалось раскрыть скромному телеграфисту станции Албазин, расположенной на самой границе Китая и СССР, Николаю Семеновичу Кабанову. Он первый обратил внимание, что вспышки не одинаковы: одни были короче, другие длиннее. Как только мелькнула у Кабанова мысль о сходстве вспышек с азбукой Морзе, он без труда понял их смысл,

Высоко в ионосфере Земли каждый день в одно и то же время трижды повторялось два слова: «ПЕТР ШИРОКОВ».

Словно бомба взорвалась над человечеством!

Вспышки производились с Каллисто!

Непонятым способом каллистяне посылали на Землю сигналы. Это стало несомненно. Азбуку Морзе они узнали от Синяева и Широкова, это тоже было несомненно. Выбранные ими два слова — всем известные имя и фамилия — должны были показать, откуда идут сигналы. Их регулярное, ежедневное повторение означало, что каллистяне опасались, что люди не сразу заметят и не сразу поймут смысл увиденного на небе.

И еще это означало, что вспышки посланы с Каллисто не раньше как четыре месяца тому назад. Звездолет только в мае этого года мог закончить свой рейс.

Опять возник прежний вопрос: что же это такое? Что могло пройти от Каллисто до Земли в двести пятьдесят раз быстрее луча света?

"Петр Широкова! Это, безусловно, было только вступлением. Когда, по расчетам каллистян, люди увидят и поймут, что сигналы идут с Каллисто, последуют другие сообщения. Их нельзя было упустить.

Козловский действовал быстро. Как только было получено известие о расшифровке вспышек, как только отпали сомнения в их каллистянском происхождении, экспедиция института вылетела в Восточную Сибирь.

Надо было учесть возможность изменения погоды, появления облачности. В распоряжение Козловского было предоставлено три высотных самолета. Местом наблюдения выбрали город Хабаровск, где вспышки были хорошо видны.

Кроме самого Козловского, в экспедиции участвовали: Куприянов, Аверин, Смирнов, Ляо Сен, Лежнев, Матиссен и четыре опытных оператора, виртуозно владевших приемом сигналов по азбуке Морзе.

На десятый день после первого появления вспышки изменились. Теперь они передавали имя и фамилию Широкова латинским алфавитом. Еще через десять дней снова изменение — каллистяне перешли на английское правописание.

— Совершенно ясно и логично, — сказал Куприянов. — Они не могли направить сигналы с абсолютной точностью. В каком месте их увидят, там не знают.

— Редкостное терпение, — заметил Аверин. — Целый месяц они передают одно и то же,

— И это понятно, — ответил Козловский. — Каллистяне собираются передать что-то очень важное. Дают нам время подготовиться к приему. Но я думаю, что месяц — это крайний срок. Со дня на день надо ждать основного текста.

— Следует еще учитывать, что Широкову и Синяеву нужно время, для того чтобы перевести, быть может, сложный текст сообщения на русский язык, а возможно, и на латинский и на английский. Да еще потом на азбуку Морзе. Это не так просто, — прибавил Куприянов.

Предсказание Козловского сбылось — 12 октября, ровно через месяц, началась передача самого необычного текста, который когда-либо принимался земными телеграфистами.

Каждый день, какая бы ни была погода, взлетали с Хабаровского аэродрома три самолета и, поднявшись выше любой возможной облачности, четыре часа летали по кругу над городом.

Каждый день четыре оператора записывали передачу, производившуюся в быстром темпе.

Широков и Синяев точно предусмотрели, что именно предпримут на Земле для приема сообщения. Не будь на борту самолетов виртуозов телеграфного дела, сигналы с Каллисто невозможно было бы записать, настолько быстро следовали они один за другим. Быстро и в то же время крайне медленно. Каждая фраза повторялась по три раза, на трех языках. В день удавалось принять две, три страницы блокнота. А на следующий день повторялась вчерашняя передача. Но и ее тщательно записывали.

Поражала четкость передачи. Ни одного пропуска, ни одной неясной буквы. Короткие и длинные вспышки чередовались с математической точностью. Словно не восемьдесят триллионов километров, а совсем небольшое расстояние отделяло операторов Каллисто от операторов Земли. Цель передачи выяснилась в первый же день.

«Достигли Каллисто пятнадцатого сентября 19... года, по земному календарю, — гласило принятое сообщение. — Оба здоровы. Горячий привет всем, всем! Принимайте описание способа передачи и устройства нужного для нее аппарата. Широков. Синяев».

Трудно даже представить себе, какое впечатление произвело появление этой

телеграммы на страницах газет! Способ передачи! Устройство аппарата для нее! Это означало, что Земля получит возможность говорить с Каллисто, не ожидая ответа семнадцать лет!

То, что совсем недавно казалось абсолютно невозможным, стало реальностью.

Но разве это не общая судьба всего, что люди считают невозможным, забывая, что не все законы природы им известны!

Вернувшись в Хабаровск после приема первого сообщения, Козловский собрал совещание.

— Широков и Синяев достигли Каллисто в сентябре, — сказал собравшимся профессор Смирнов. — Это означает, что передача началась сразу после их прилета, двенадцатого сентября, тогда же, когда сигналы были впервые замечены. Получается, что они проходят путь от Каллисто до Земли практически мгновенно, а не за четыре месяца, как мы думали. Принцип, на котором они основаны, не может быть колебаниями вроде света или радиоволн. Тут что-то новое. Скорей всего это относится к области гравитации. Необходимо вызвать сюда физиков, работающих над проблемами гравитационных полей.

— Это мы сделаем, — сказал Козловский. — Я сегодня отдам распоряжение, а завтра наши сотрудники физической секции будут здесь. Но почему сигналы появились двенадцатого, а Широков и Синяев сообщают, что прибыли на Каллисто пятнадцатого?

— Скорей всего, просто ошибка, — ответил Куприянов. — За несколько лет полета ошибиться на несколько дней, учитывая специфику межпланетного рейса, — ничего удивительного.

День за днем, неделя за неделей поднимались в воздух самолеты экспедиции. Заполнялись толстые тетради стенографической записью.

Поразительное открытие каллистянской науки постепенно прояснялось для ученых Земли.

А когда закончилась передача и последнее слово «ждем» было записано, началась трудная и спешная работа. Затаив дыхание следил за ней мир. Осуществлялась прямая мгновенная телеграфная связь между двумя планетами, находящимися на невообразимо огромном расстоянии друг от друга.

Удастся ли технике Земли справиться с невероятными трудностями этой грандиозной задачи?

Каллистяне сообщили все, что было необходимо для успеха. Дело за инженерами и астрономами.

— Мы добьемся цели во что бы то ни стало, — заявил в печати директор Института Каллисто Козловский. — Не позже как через три месяца наше сообщение будет отправлено. И тогда начнется постоянное, ежедневное общение с каллистянами.

— Вот теперь, — сказал Куприянов, — я окончательно отказываюсь последовать примеру Синяевой и Лебедева.

— Как знать, — ответил Николай Николаевич. — Может быть, придется все-таки. И не только тебе, но и мне самому. Я думаю, что Широков и Синяев будут рады меня увидеть.

ТЕСИ-ЛУЧ

Синяев вернулся только на следующий день к вечеру. Все время его отсутствия Широков провел в семье Диегоней. Возвращаться одному в огромную пустую квартиру ему не хотелось. Только теперь Петр Аркадьевич понял, чем стал для него земной товарищ. С ужасом вспоминал он свое намерение лететь на Каллисто без спутника, без друга, который делил бы с ним все — мысли, чувства, растущую тоску по родине.

За годы полета они слились в одно существо, понимали друг друга без слов. Для каждого из них самый факт постоянного присутствия другого был огромным облегчением. Здесь, на Каллисто, все — солнце, природа, люди, самый воздух, которым они дышали, —

было чужим. Никогда ни один человек не отрывался от родины так безнадежно далеко. Но понадобилось временное отсутствие Синяева, чтобы Широков понял, как трудно ему без близкого человека.

«Вы получите товарища, с которым легче будет переносить долгую разлуку с Землей. Что ни говорите, а это нелегко. Вдвоем будет легче», — как часто вспоминал он в эти два дня вещие слова Штерна! Старый ученый лучше его понимал тяжесть взятой им на себя задачи. И как глубоко он был прав!

Диегонь, его сын и Дьеньи окружали Широкова чисто родственным вниманием. Оно не бросалось в глаза, но проявлялось в каждой мелочи. Все, что было нужно Широкову, появлялось как бы само собой. Каллистяне безошибочно угадывали малейшие оттенки его настроения. Их изощренная чуткость, развитая веками жизни истинно человеческого общества, предстала перед Широковым с особой рельефностью.

Он любил эту семью, она была ему близка и приятна, но видеть других каллистян почему-то не хотелось. И это непонятное даже ему самому психическое состояние было непостижимым образом угадано. В эти два дня никто не посетил дом Диегоня. Гесьянь и Синьг сразу после отлета Синяева куда-то исчезли и не появлялись. Широков знал, что они с радостью вернутся, если он позовет их, но ему не хотелось делать этого. Он был благодарен за предоставленное ему одиночество. Диегони ему не мешали.

Временами Широков начинал сердиться на своего друга. Неужели он так занят, что не может найти время связаться по экрану хотя бы для того, чтобы сообщить, когда думает вернуться? Или он не испытывает тех же чувств, что Широков? Не скучает о нем и вообще забыл о его существовании?

В одну из таких минут он пошел к Рьигу Диегону.

— Ваш друг, — сказал бывший командир звездолета, — безусловно, очень занят. Вызов Зивьеня означает, что дело идет о чем-то важном, очень важном. Почему вы не отправились с ним?

— Потому, что Зивьень не выразил этого желания, — ответил Широков, повторяя часто слышанную от самих каллистян фразу.

— Вы скучаете с нами?

— Нет. Но...

— Я понимаю. — Диегонь ласково провел пальцами по лбу и волосам Широкова. — Это реакция. Слишком много впечатлений получили вы за последние дни. Ваш организм, я имею в виду нервную систему, бессознательно стремится к отдыху. Хотите, мы погрузим вас в сон, пока Георгий не вернется?

— Нет, не надо. К этому средству, возможно, придется прибегнуть нам обоим, но не сейчас. Почему не видно вашей жены и остальных детей? — спросил он, желая переменить тему разговора. — Я помню, вы говорили, что их шестеро.

— Я с ними виделся, — ответил Диегонь. — А сюда они не являются по той же причине, по которой никто не приходит, пока вы не попросите об этом.

— Но, однако, ваш сын Вьег...

— Вы правы. Но мы думали, что отец Дьеньи для вас является исключением.

Широков почувствовал, что краснеет. Этого еще не доставало! Неужели Диегонь намекает на то чувство, которое с каждым днем все сильнее сознавал в себе Широков? Он старался подавить его, но оно становилось все более властным, может быть именно потому, что он с ним боролся. Но как иначе можно было понять эти слова?..

Широков молчал, не зная, что ответить. Диегонь пришел ему на помощь.

— Вы долгое время провели с моей внучкой. Вы привыкли к ней почти как к нам. Мы думали, что вы и Георгий полюбили ее. Разве мы ошиблись?

Широкову показалось, что Диегонь намеренно подчеркнул слова «вы и Георгий».

— О нет! — ответил он. — Вы не ошиблись. Вы не могли ошибиться. Разве можно не полюбить Дьеньи?

Диегонь улыбнулся. Но почти тотчас же с его лица исчезла улыбка. Тихо, будто сам

себе, он сказал:

— Человек Земли и человек Каллисто. Внешне много общего. Но внутреннее строение...

Широков покинул его в полном замешательстве. Не оставалось и тени сомнения: Диегонь обо всем догадался. Он думает о возможном браке (Широков вздрогнул при этом слове) своей внучки и его — человека Земли. И он думает об этом как ученый, рассматривая вопрос как научную физиологическую проблему.

«Но почему же, — думал Широков, — такая мысль пришла ему в голову? Разве могла она возникнуть, если бы сама Дьеньи не подавала повода к этому?»

Но он ни в чем не мог найти подтверждения. Дьеньи относилась к нему и Синяеву совершенно одинаково. Но ведь тогда, на Кетьо, она поцеловала его руку!..

Слова Диегоня окончательно открыли глаза Широкову. Да, он любит Дьеньи. За что? Кто и когда мог ответить на такой вопрос! Просто за то, что она Дьеньи, — как ему казалось, лучшая девушка во Вселенной.

Этот разговор, одновременно приятный и неприятный для Широкова, произошел вечером первого дня отсутствия Синяева.

Петр Аркадьевич плохо спал ночь. Он думал о своей первой любви там, на Земле, и сравнивал оба чувства — тогдашнее и теперешнее.

За что он полюбил Лену? Говорят, что нужны общие вкусы, интересы, стремления. Было это у них с Леной? Нет, пожалуй, не было. А любовь была. У него и Дьеньи, безусловно, есть одно общее — стремление к другим мирам. На Кетьо она рассказывала ему о своей жизни, о мечтах увидеть человека с другой планеты. Теперь она мечтала увидеть Землю.

Не это ли послужило первым толчком? Нет! Он теперь ясно видел, что полюбил ее, как только встретил в первый раз, на Сетито.

Отчего возникает это мощное чувство — двигатель Жизни? Вечная, но до конца так и не разгаданная тайна природы!

Широков уже не был юношей. Он покинул родину в возрасте двадцати семи лет. По времени, протекшем на Земле, ему сейчас должно быть тридцать восемь. Но законы субсветовых скоростей «омолодили» его почти на восемь лет. Он был тридцатилетним мужчиной.

«Не слишком ли велика разница? — думал Широков. — Дьеньи, по нашему земному счету, не больше девятнадцати, максимум двадцать. И что имел в виду Диегонь, говоря о разнице внутреннего строения? Каллистяне понимают брак только как средство продления жизни на планете. Очевидно, это он и имел в виду».

В конце концов, он окончательно запутался в своих мыслях и сомнениях. Засыпая, он решил завтра же поговорить с Диегоном прямо и откровенно. Простая мысль, что гораздо лучше поговорить с самой Дьеньи, почему-то не пришла ему в голову.

Но весь следующий день он так и не исполнил этого намерения. Причина, разумеется, нашлась сама собой:

«Может быть, все это — плод моего воображения? Какими глазами посмотрит на меня Диегонь, если я ни с того ни с сего поднесу ему такую несуразную новость?»

И до самого вечера, когда Синяев, наконец, вернулся, Широков старательно избегал общества Дьеньи, на этот раз притворяясь, что ищет одиночества. Он боялся встретить испытующий взгляд Диегоня или его сына. С еще большим нетерпением он ожидал Синяева, чтобы с ним вместе уйти из этого дома, пребывание в котором стало так сложно.

Синяев прилетел, когда все сидели за ужином. С ним были Бьесьи и Аинь Зивьень.

Георгий Николаевич вошел в комнату с радостным, взволнованным лицом и бросился на шею Широкову. Он так крепко обнял его, что Петр Аркадьевич сразу понял, что и на этот раз их мысли и чувства были одинаковы.

— Что я узнал! — сказал Синяев по-русски. — Мы скоро будем говорить с Землей.

— Как говорить?

— По телеграфу.

Широков подумал, что его друг сошел с ума.

— По какому телеграфу? Подумай, что ты говоришь? Разве это возможно?

— В том-то и дело, что возможно. — Синяев радостно засмеялся. — Не веришь? Спроси Зивьеня. — Он повернулся к каллистянам и продолжал уже на их языке: — Мой друг мне не верит. Подтвердите ему, что я говорю чистую правду.

Зивьень посмотрел на Широкова и очень серьезно сказал:

— Если разговор идет о связи с Землей, то Синяев говорит правильно. С его помощью мы убедились, что можем осуществить задуманное. По счастью, как для нас, так и для вас он опытный астроном. Будь с вами человек другой специальности, ничего бы не получилось. Но для успеха нужна большая работа. Готовы ли вы к ней?

— Если дело идет о связи с Землей, на которую не потребуются долгие годы...

— Ни одной минуты, — вставил Синяев.

— ... то, разумеется, я готов на все для ее осуществления.

— Ты знаком с азбукой Морзе? — спросил Синяев.

— Не имею о ней ни малейшего представления.

— Мы так и думали. Но в какой-нибудь из книг, взятых нами с Земли, она должна найтись. Иначе все пойдет прахом.

— Объясни же, наконец, в чем дело. Что ты меня мучаешь? — взмолился Широков.

— Легко сказать! Я сам с трудом и далеко не все понял. Но это долгий разговор. Вернемся домой.

Широков привык читать мысли Синяева. Он понял, что Георгий почему-то не хочет говорить при каллистянах.

— Вернемся, — сказал он, вставая.

Как всегда, никто не пытался уговорить их остаться, раз они выразили желание уйти.

— Разрешите мне завтра утром посетить вас, — попросил Зивьень. — Надо обо всем договориться подробно.

— Ну разумеется, — ответил Синяев. — Может быть, вы переночуете у нас? — с легкой запинкой, которую заметил один Широков, прибавил он.

— Нет, я останусь здесь. Расскажу обо всем Диегону.

— Вы давно знакомы? — спросил Широков, желая выяснить, в каких отношениях находится Зивьень с семьей его старого друга. Он видел, что они поздоровались так, как будто виделись еще вчера.

— Я знаю Диегона, — ответил Зивьень, — так же, как знают его все каллистяне. Но мы увиделись впервые. Въег Диегонь вызвался проводить их.

— Будем очень благодарны, — ответил Широков. — Я сам хотел попросить об этом.

Попрощавшись, они вышли на террасу. Бьесьи села в олители Диегона и улетела домой. Въег Диегонь должен был вернуться на олители Синьга, которая так и осталась на террасе дома Широкова и Синяева.

Уже стемнело, и деревья сада потеряли свою яркую окраску. Небо по-прежнему было затянуто облаками; погода не менялась в эти дни. Каллистяне продолжали охранять своих гостей от прямых лучей Рельоса. Искусственная облачность была достаточно плотна, но дождя не было.

— В Атилли дождь не нужен, — как-то ответил Диегонь на вопрос Широкова. — Атмосферная влага направляется для поливки полей и лесов.

Олители под управлением Въега Диегона быстро доставила их домой. Каллистянин спросил, не нужно ли что-нибудь людям, и, получив отрицательный ответ, попрощался и улетел обратно.

— Ну, наконец-то! — облегченно вздохнул Синяев. — Я устал в их обществе.

— Я тоже, — наполовину искренне сказал Широков. Как только покинули дом Диегона, образ Дьеньи снова заполнил его сознание. «Что за наваждение!» — подумал он.

Комната осветилась, как только они вошли в нее. Свет загорелся не сразу, а

постепенно, не ослепляя внезапной вспышкой. Но его источника нигде нельзя было заметить.

— А как его потушить? — спросил Синяев.

— Есть специальные кнопки. Ты будешь ужинать?

— Нет. Они меня закармлили в эти два дня. Носились со мной, как с писаной торбой.

— Где ты был?

— В секции теси. Ты же знаешь. А жил у Зивьеня.

— Ну, рассказывай!

— Я бы очень хотел сначала выкупаться в бассейне.

— Ты что, нарочно испытываешь мое терпение? — засмеялся Широков. — Ну, хорошо, идем!

После купания они устроились на одном из диванов большого зала.

— С чего начать? — спросил Синяев.

— С начала, — пошутил Широков. — Это действительно правда, что мы сможем говорить с Землей? Мне все еще как-то не верится.

— Ах, Петя! — сказал Синяев. — Это так прекрасно, так радостно! Подумай! Мы скоро узнаем, что делается на Земле, узнаем, как живут наши родные, друзья. Все!

— Говори скорее!

— погоди, это не так просто. Я не хотел говорить при Диегоне, так как смогу только по-русски. Старик довольно хорошо понимает. Если бы ты знал, как мне надоело чувствовать себя дураком перед ними!

— Ну зачем же так! Они более развиты, но разница не так уж велика.

— В эти два дня я был форменным дураком. Так и не понял, в чем тут основа. Но я откровенно сказал им об этом и заверил, что на Земле разберутся. Как ты думаешь?

— Ты забываешь, что я еще ничего не знаю, — улыбнулся Широков. — Но на Земле, конечно, разберутся в чем угодно.

— Ты видел олити на острове?

— Ну конечно!

— Каллистяне раскрыли тайну тяготения. И не только раскрыли, но научились управлять этой силой. Олити, звездолет Гесьяня — они держатся в воздухе потому, что между ними и землей ослаблены нити тяготения. Эти нити можно усиливать или ослаблять по желанию. Не чудесно ли?

— Чудесно. Но рассказывай суть.

— Слушай лекцию. Правда, сам лектор плохо знает то, о чем говорит.

— Хватит предисловий. Что с тобой сегодня?

— Сам не знаю. Я потрясен всем, что слышал и видел. — Синяев потер виски. — Итак, каллистяне определяют силу тяготения словом «нить». Нити тяготения пронизывают всю Вселенную. Они существуют между всеми телами, но с расстоянием ослабевают. Между Землей и Каллисто они также есть. Подчеркиваю, не только между Рельсом и Солнцем, но и между Землей и Каллисто. Обе планеты очень слабо, но тяготеют друг к другу. Между ними постоянно натянутые нити.

— Теси? — догадался Широков.

— Не совсем, но в общем верно. Но теси — это не сама нить, а только ее составляющая часть, частица ядра атома. Ядра пульсируют, выделяя теси, которые мгновенно пронизывают всю Вселенную и, встретившись с другими, исходящими от другого тела, сцепляются с ними, образуя нить. Так возникает гравитационное поле. Тут, насколько я понял, действует закон противоположности знаков. Я уже сказал, что плохо понял их объяснения.

— Достаточно, — сказал Широков. — Больше нам и не нужно. Мы с тобой не физики. Выходит, что теси летят быстрее света?

— Нет, тут совсем другое. Представь себе очень длинную веревку, легкую и идеально прочную. Если дернуть за ее конец, то рывок мгновенно ощутится на другом конце, как бы ни была веревка длинна. Или так: цепочка людей стоит в затылок друг другу. Раздается

команда — и вся цепь одновременно делает шаг вперед. При любой длине цепи передний и задний продвинулись в один и тот же момент. Как хочешь, — прибавил Синяев, разводя руками, — яснее объяснить не могу. В этом вопросе разбираются очень немногие каллистяне.

— Я смутно понимаю, — сказал Широков, и оба рассмеялись.

— В том-то и беда, что мы смутно понимаем. Но на Земле поймут яснее. Факт тот, что теси связывают тела Вселенной нитями тяготения, как бы там это ни происходило. И вот существует нить, вернее — бесчисленное количество нитей, между Землей и Каллисто. А каллистяне могут усилить или ослабить эти нити. Могут как бы дернуть за веревку или дать команду по цепи.

— Кажется, я догадываюсь, — сказал Широков.

— Пусть тебе не кажется. Мне тоже показалось. Слушай дальше. Теперь начинается самое трудное. Я спросил их: если вы можете произвольно ослаблять нити тяготения, то, значит, возможно совсем уничтожить тяготение между Землей и Каллисто? Зивьень ответил, что нет. Теоретически это возможно, но практически нет. Для этого понадобилось бы столько энергии, сколько ее заключается в массе, во много миллионов раз большей, чем масса Рельоса. Управлять силой тяготения можно только в небольших масштабах. Относительно, конечно. В нашем случае во власти каллистян только узкий, почти нереальный пучок нитей между Землей и Каллисто. Тончайший теси-луч. Но его можно использовать в качестве провода.

— Ничего не понимаю.

— Вот видишь! А говоришь — «догадываюсь». Как у всех частиц атома, у теси есть противоположно заряженная частица — антители. Соприкосновение теси и антители вызывает аннигиляцию. Теперь представь себе, что мы посылаем в пространство два луча — луч теси и луч антители — под углом друг к другу. В каком-то месте они встретятся. И сразу произойдет аннигиляция — вспышка света. Можно рассчитать так, что эта вспышка произойдет возле Земли, в ее атмосфере.

— Постой! Прежде чем достигнуть Земли, антилуч должен пройти огромное расстояние. Он сразу столкнется с прямыми частицами. И аннигиляция возникнет...

— Совершенно верно, — перебил Синяев. — Я сразу спросил об этом. Оказывается, не произойдет ничего подобного. Теси-лучи нельзя направить под углом, они пойдут параллельно. Это только схема, наглядный пример. Каллистяне нашли другой способ. Они научились создавать античастицы из прямых частиц, в том числе и теси. С помощью вспомогательного луча. Это уже такие дебри, что я при всем желании не мог ничего понять и объяснить тебе не могу. Любопытно, что Зивьень сказал то же, что написал Ленин: «Атом неисчерпаем». Так вот, они открыли частицы, которые переносятся частицами теси на любое расстояние. И с помощью этих частиц (кстати, у них нет даже названия для них, настолько они новы) на границах ионизированного слоя планеты возникают антители, происходит аннигиляция — вспышка. Ее можно делать сильнее или слабее, по желанию.

— И эти вспышки можно видеть и читать, как телеграфную ленту?

— Вот теперь ты догадался. Короткие и длинные вспышки появятся на небе Земли в тот же момент, как они будут посланы с Каллисто — вернее, с одной из ее «лун». Ведь Каллисто сам имеет ионизированный слой. Установка для посылки сигналов на Землю уже готова, — неожиданно сообщил Синяев.

— Готова?

— Да, на «луне» Каллисто. Они приступили к работе сразу, как только узнали о нас и о том, что я астроном. Пока мы сидели на Кетьо, они работали для нас. Вот почему меня вызвали в первый же день.

— Не понимаю, зачем им понадобился земной астроном.

— Абсолютно необходим.

— Дело в расстоянии, что ли?

— Именно. Каллистянские «телескопы» основаны на ином принципе, чем наши, но и

они не дают возможности увидеть Землю на таком расстоянии. Знаешь ли ты, что даже радиус земной орбиты виден с Каллисто под углом в триста семьдесят пять тысячных угловой секунды?

— До сих пор не знал, — улыбнулся Широков. — Теперь знаю.

— А уж диаметр Земли виден под углом настолько малым, что его даже трудно себе представить. Порядка трех сотых угловой секунды. Каллистяне понятия не имеют, где, в какой точке относительно Солнца находится сейчас Земля. А теси-лучи надо направить точно на Землю. Легко ошибиться и воспользоваться нитью тяготения между Каллисто и другой планетой Солнечной системы и даже Луной.

— Очень убедительно, — сказал Широков. — У меня создается впечатление, что это безнадежное дело.

— Трудное, но не безнадежное. В новейшие инструменты каллистянских астрономов виден Юпитер. Поверишь ли? Когда я убедился, что вижу именно его, совсем рядом с Солнцем, то испытал такое чувство, что вижу Землю. Странно, не правда ли?

— Ничуть. Вполне естественно.

— Это в корне меняет дело. Раз виден Юпитер, легко рассчитать местонахождение Земли. Вычислительные машины каллистян очень точны и очень просты. Но сами каллистяне ничего не могут сделать. Надо хорошо знать все элементы орбит Земли и Юпитера.

— И вы собираетесь почти неосозаемым лучом попасть точно на Землю с расстояния в восемьдесят триллионов километров?

— Представь себе. Установка дает такую возможность. Теси-луч можно направить с точностью до одной двухмиллионной угловой секунды.

— Что она собой представляет?

— Я не видел ее, она на спутнике Каллисто. Но мне показывали чертежи. Очень сложная штука. Пожалуй, в два раза больше этого дома. Каллистяне уверяют, что, получив все данные, пошлют теси-луч чуть ли не прямо в Москву.

— Значит, — после нескольких минут раздумья сказал Широков, — картина такая. Теси-луч в сопровождении вспомогательного луча достигает Земли, и на небе появляются короткие и длинные вспышки. Точки и тире. По азбуке Морзе люди прочтут сообщение с Каллисто. Будем предполагать, что небо безоблачно и на вспышки обратили внимание. Что же дальше? Ты сказал, что мы сможем говорить с Землей.

— Да. И это действительно так. Каллистяне передадут все, что надо, чтобы на Земле узнали устройство установки и принципы, на которых она основана. Там построят такую установку и ответят. Облачность, конечно, возможна. Но мы решили целый месяц посылать только два слова: «Петр Широков». В одно и то же место. Не может быть, чтобы за месяц ни разу не прояснилось. У нас, в СССР сейчас осень, сентябрь. Обычно в это время стоит безоблачная погода. А когда они поймут, что это сигналы с Каллисто, облачность уже не будет помехой. Воспользуются самолетами. А через месяц мы начнем передавать принципы работы теси-установки.

— Но ведь даже для каллистянских ученых эти принципы — новинка.

— Открыть что-либо трудно, а объяснить уже открытое очень легко.

— Где же поставят теси-установку? Ты сам сказал, что на планете, имеющей ионизированный слой, она не будет работать.

— На Луне.

— Что?

— Ну, да! На Луне. Неужели ты можешь сомневаться в том, что люди уже достигли Луны? Особенно после того, что они узнали от каллистян. Я уверен, что за время нашего отсутствия звездоплавание сделало резкий скачок вперед.

— А если нет?

— Не может быть. Даже каллистяне уверены в этом. Широков с сомнением покачал головой.

— Слишком много «если», — сказал он. — Шансы на получение ответа, по-моему, очень малы. Но все равно! Послать сообщение — это уже много.

— Ответ будет, — уверенно сказал Синяев, — Обязательно будет. Я твердо верю в силу техники нашей Земли.

Там сделают все, чтобы ответить. Знаешь, что сказал Мьеньонь?

— Он там был?

— Да, его вызвали. Он прямо заявил, что, учитывая уровень развития техники на Земле, ответ придет через год.

— Какой год — земной или каллистянский?

— Земной. Дело в том, что установка очень проста, если знать, на чем она основана. Мьеньонь дает год потому, что ее надо строить не на Земле. Странно! Мьеньонь и другие каллистяне верят, а ты сомневаешься.

Широков порывисто обнял друга.

— Я не сомневаюсь, а боюсь верить. Это слишком прекрасно! А есть у нас азбука Морзе?

— Уверен, что есть. Она должна быть в какой-нибудь книге по радиотехнике или о способах связи на Земле. Мне даже кажется, что я ее видел, когда мы занимались переводами.

— Надо как можно скорее убедиться, — нетерпеливо сказал Широков. — Кстати, где наш багаж? Неужели все еще на корабле?

— Вряд ли. За эти два дня они безусловно доставили его сюда.

Синяев оказался прав. Все вещи, привезенные ими с Земли, оказались в комнате, примыкавшей к спальней. Ящики, чемоданы, пакеты были аккуратно сложены в углу.

— Ты же был здесь, — заметил Синяев. — Как же ты не знал, что вещи принесли?

— Я не покидал дом Диегоня. И мне никто не сказал об этом. Да и зачем? Дом ведь не заперт.

Они не легли спать, пока не нашли нужную книгу, которая, разумеется, оказалась в тщательно подобранной библиотеке. Ведь она была составлена с целью познакомить каллистян со всеми сторонами жизни Земли.

— Жутко подумать, — сказал Широков, нежно глядя рукой бесценную страницу, — что ее могло не быть.

НА ВЕЛЬДЕ

Потекли дни напряженной и трудной работы. По просьбе Широкова и Синяева к ним присоединился Бьяининь, и они втроем переводили на русский язык исключительно сложный текст «послания Каллисто Земле».

Они часто вспоминали совещание технической комиссии после диверсии на звездолете. Как и тогда, некоторые фразы приходилось переводить очень сложным способом.

В доме, где жили гости Каллисто, постоянными посетителями стали все члены экспедиции к Солнцу, всеми силами старавшиеся помочь работе.

Каждая фраза считалась правильно переведенной, если Синяев, лучше Широкова разбирающийся в этих вопросах, заявлял, что она ему ясна.

— Я прохожу курс новейшей ядерной физики, — шутил он.

За все время этой работы люди почти не видели света «солнца», и их домашние врачи — Гесьянь и Синьг — были очень довольны таким дополнительным карантинном. Облака над Атилли постепенно становились все тоньше, и к концу работы над городом снова было безоблачное небо.

— Если все время держать над вами облака, — говорил Гесьянь, — вы никогда не

привыкнете к лучам Рельоса. А вам надо познакомиться со всей Каллисто.

— Никаких тревожных симптомов нет, — отвечал Широков. — Мне кажется, что Рельос для нас безвреден.

Он умалчивал при этом, что несколько раз у него и у Синяева появлялось недомогание, считая его причиной переутомление от напряженной работы. Он хорошо знал повышенную мнительность по отношению к ним каллистянских врачей, испытал это на самом себе после случая с камнем на Кетьо.

«Скажи я об этом, и они, чего доброго, вернут нас на Кетьо или на Сетито без всякой нужды», — думал он.

Пока шла работа над переводом, теси-установка со спутника Каллисто ежедневно посылала сигналы на Землю. По глубокому убеждению всех — людей и каллистян, слова «Петр Широков» не могли остаться незамеченными. Точность расчета и надежность автоматического управления лучом не вызывала сомнений.

— Вспышки появляются над Москвой, — говорил Синяев, когда Широков снова начинал сомневаться. — Или, во всяком случае, близко от Москвы. Между Рельосом и Солнцем нет ни одной звезды, и луч не может уклониться.

— А само Солнце? — спрашивал Широков.

— Влияние гравитационного поля Солнца учтено при расчете.

— Но Земля вращается.

— И это учтено. Теси-луч движется, правда, абсолютно незаметно для самых точных приборов в сторону вращения Земли. Сигналы вспыхивают на одном и том же месте.

— И ты уверен, что нет ошибки?

— Уверен.

— Почему же тогда мы передаем сигналы на трех языках?

— На этом настаивают каллистяне. Они хотят обеспечить успех на сто процентов. А вдруг луч не совсем точно направлен?

— Значит, это все-таки возможно? — разочарованно спросил Широков.

— Разумная осторожность, не более.

— А основной текст тоже будем передавать на трех языках?

— Да. По три раза каждую фразу. На русском, английском и французском.

— Тогда уж лучше не на французском, а на латинском.

— Ты его так хорошо знаешь?

— Не хуже, чем русский.

— Какой ты у меня умный. — Синяев провел пальцами по лбу Широкова. — Значит, английский и латинский. Ты будешь переводить; это не трудно, раз есть русский текст. А я зашифровывать азбукой Морзе. Латинские и французские буквы одинаковы.

Но, несмотря на все усилия, к пятнадцатому октября перевод не был закончен. Синяев предложил Зивьеню, руководившему всей работой, отложить начало передачи основного текста, продолжив вступительные слова.

— Мы считаем, что можно начать, — ответил тот. — Зачем заставлять ждать людей Земли? Им это, вероятно, будет тяжело. Мы начнем, а вы продолжайте работу. Я уверен, что никаких затруднений больше не встретится. В оставшейся части текста нет новых для вас слов.

На том и порешили.

И через день дежурный звездолет совершал рейс на спутник Каллисто, доставляя туда очередную партию металлических пластинок, на которых по особой системе наносились знаки, соответствующие точкам и тире азбуки Морзе, выполненные на бумаге рукой Синяева.

Эти пластинки закладывались в теси-установку, которая автоматически отправляла «телеграмму» на Землю.

— Вы можете передавать триста знаков в минуту, — сказал Синяев Зивьеню. — На Земле есть операторы, которые могут принять текст при такой скорости.

— Это облегчит работу, — ответил Зивень. — Но будут ли использованы такие операторы?

— Несомненно. Если только слова «Петр Широков» были увидены и поняты. Кроме того, на Земле могут снимать вспышки на киноленту.

Прошел еще один земной месяц, и работа по переводу была успешно закончена.

— Теперь, — сказал Широков, — я не буду иметь покоя, пока мы не получим ответа.

— Придется ждать год.

— А может быть, раньше?

— Мьеньонь считает, что двенадцать наших месяцев — это наименьший срок.

— Удалось ли? — с тоской в голосе сказал Широков.

— Они решили через полгода, по-нашему, повторить передачу.

— Как радостно будет получить весточку с Земли!

— Еще бы! — сказал Синяев.

Для него и Широкова неудача была бы тяжелым ударом. Как это ни странно, но свои надежды на счастливый результат они возлагали на... чуткость и внимательность к ним каллистян. Вряд ли они предложили бы провести опыт, если бы не были уверены в успехе. До сих пор все доказывало, что хозяева прекрасно понимают психологическое состояние своих гостей. А если каллистяне были уверены... Широков и Синяев верили в их технику и знания.

Но место для сомнения все же оставалось. Если техника Земли еще не может доставить на Луну все, что необходимо для теси-установки, ответа не будет.

Хотелось сократить время ожидания. Ничто не помогает в этом так надежно, как напряженный труд.

— Мы пробыли на Каллисто довольно много времени, — сказал Широков Гесьяню. — Мне кажется, что пора прекратить затворничество. Настало время свободно знакомиться с вашей планетой.

— А разве вы не свободны? — удивился Гесьянь.

— Конечно нет. Вы не позволяете нам даже походить по городу. Какая же это свобода?

— Мне странно слышать это от вас. Вы же врач. Мы действуем в ваших же интересах. Впрочем, — прибавил Гесьянь, пожимая плечами, — делайте, как хотите. Вы были, есть и всегда будете совершенно свободны в своих поступках.

Широкову показалось, что Гесьянь обижен. Он ласково провел пальцами по лбу каллистянина.

— Очень хочется поскорее увидеть все, — сказал он извиняющимся тоном. — Тяжело ничего не делать.

— Это, конечно, трудно. Но в последнее время вы много работали.

— Я понимаю ваши опасения, — продолжал Широков. — Проведем опыт. Завтра утром как следует покажите нам Атилли. Ведь мы почти не видели города. А потом тщательно обследуйте нас.

— Хорошо, — без видимой охоты согласился Гесьянь. — Пусть будет завтра. Рано или поздно, но это все равно придется сделать. Но не советую сразу начинать с пешеходной прогулки. Лучше всего слетать куда-нибудь на обычной олите, например на вельдь. Завтра как раз соревнование по фетимьи.

— Что это такое?

— Спортивное соревнование. Финальная игра на первенство Каллисто.

— Чудесно! — воскликнул Синяев.

Он был страстным болельщиком футбола и в Москве не пропускал ни одного матча. Но, кроме футбола, он вообще любил спорт.

Каллистянское слово «вельдь» означало открытый стадион.

— Почему финальная игра проводится в Атилли? — спросил Широков, предчувствуя, какой последует ответ. Он знал, что город, в котором они поселились, был далеко не из больших.

— В надежде, что вы захотите посмотреть игру, — как и ожидал Широков, ответил Гесьянь.

Что было сказать на это? Не знающее границ гостеприимство каллистян проявлялось решительно во всем.

— А как насчет мест? — спросил Синяев. — Вельдь, по всей вероятности, будет переполнен.

— Да, эти соревнования всегда вызывают большой интерес. Но для вас...

— Сколько на вельде мест?

— Точно не знаю. Кажется, около двухсот тысяч.

— Выдаются билеты? — увлекшийся Синяев чуть не сказал «продаются».

— Нет. Никаких билетов не требуется. Тут уж кто успеет. Надо сообщить дежурному первого сектора, что вы хотите посмотреть соревнование, и он скажет номер места. Когда все места заняты, прием заявок прекращается.

Синяев посмотрел на Широкова. Петр Аркадьевич увидел в глазах друга лукавый огонек и понял его мысль.

— У них такого случая произойти не может, — сказал он по-русски.

— Могу себе представить, что бы получилось, введи администрация наших стадионов такой порядок, — сказал Синяев и рассмеялся. — Ну и мир! Это просто удручающая честность.

Как всегда, на лице Гесьяня не отразилось ни малейшего любопытства. Он слушал — вернее, не слушал — непонятный ему разговор, глядя в окно. Синяев поспешил объяснить ему причину своего смеха.

— При системе оплаты это еще более непонятно, чем если бы случилось у нас, — сказал каллистянин. — Идемте в большую комнату. Я спрошу дежурного о наших местах.

Дежурный первого сектора, на котором, очевидно, помещался вельдь, ответил, не задумываясь и не посмотрев ни в какую запись, что для людей Земли оставлена кабина номер один.

— В ней десять мест, — предупредил он.

— Кого же нам еще пригласить? — сказал Широков. — Предлагаю Синьга, Мьеньоня и Ньяньиньга. Разумеется, вас и Бьесьи, — прибавил он, обращаясь к Гесьяню.

Синяев улыбнулся. Названные его другом, вместе с ними двумя, составляли семь человек. Очевидно, Широков считал присутствие Диегоной само собой разумеющимся.

Гесьянь понял так же.

— С Диегоном, его сыном и Дьеньи получается как раз десять, — сказал он. — Не сомневаюсь, что все будут рады сопровождать вас.

На следующий день Синяев проснулся рано и разбудил Широкова.

Предстоящее соревнование, первое, которое они увидят на Каллисто, где спорт был широко распространен, чрезвычайно его интересовало.

Он знал, что у каллистян нет ничего похожего на футбол, но Гесьянь сказал, что фетимьи разыгрывается на первенство всей планеты, и этого было достаточно, чтобы в нем заговорил болельщик.

По привычке Синяев первым делом подумал о погоде: «А вдруг будет дождь?»

Широков пренебрежительно махнул рукой.

— Жди! — сказал он. — Прелесть внезапного летнего дождя! Веселый визг девушек, застигнутых им и бегущих под первое попавшееся прикрытие! Как же! Они распределяют погоду, как мы — расписание поездов.

Синяев нажал кнопку и «открыл» окна. Небо было совершенно безоблачно.

Они выкупались в бассейне, оделись, позавтракали и расположились в «большой комнате», как назвал ее вчера Гесьянь, ожидать прилета друзей.

Синяев поминутно смотрел на часы.

— Не опоздать бы!

Матч фетимьи должен был начаться ровно в полдень.

Каллистяне явились все вместе на большой олити, окрашенной в необычайный бледно-розовый цвет,

— Вы твердо решили провести опыт? — спросил Синьг. — Не забывайте, что сейчас самое жаркое время дня.

— Мы хотим видеть фетимьи, — сказал Синяев.

— Соревнование можно посмотреть на экране. Хотя бы на вельдь летите в своей олити.

— Довольно, Синьг! — сказал Широков. — Мы шестьдесят дней находимся на Каллисто, и пора выяснить. Всякой осторожности должна быть граница. Решили, о чем говорить!

— Не время ли? — спросил Синяев. — Опоздаем. Он ни о чем, кроме матча, не хотел думать.

— А вы знаете, в чем заключается игра? — спросила его Дьеньи.

Она была одета в короткое платье без рукавов и опять белого цвета.

— Не знаю, — ответил Синяев. — И вы мне не говорите. Я хочу понять сам.

Случайно или намеренно, но Широков оказался рядом с Дьеньи в мягком «стеклянном» кресле олити. Система управления здесь была такой же, как у их воздушного экипажа. Олити вел Вьег Диегонь.

Лучи Рельоса свободно проходили сквозь прозрачный футляр, который не ослаблял их силы. Было более, чем жарко. Широков и Синяев прикрыли головы носовыми платками. Хотя с Земли были взяты белые шляпы, какие носят обычно на южных курортах, ни тот ни другой не захотели надеть их. Слишком нелепо выглядели они на Каллисто, где никто не носил никаких головных уборов.

Еще не пролетели и половины пути, как Широков почувствовал недомогание. Временами словно туманная дымка заволакивала его сознание, сердце начинало биться неровно. Нежный голос Дьеньи звучал в эти мгновения как бы издалека. Но он молчал, хорошо зная, что, скажи он о своем состоянии, и Гесьянь немедленно вернет его домой. Синяев, разумеется, последует за ним и лишится удовольствия. Он так давно не видел ни одного спортивного соревнования, которые так любил.

«Пройдет, — думал Широков. — Просто я давно не был на солнце».

Олити вылетела за город. Кругом расстилалась оранжевая равнина. Вдали показались многочисленные здания, как везде разделенные желто-красными пятнами садов.

— Это Генья, — сказала Дьеньи, — спортивный пригород Атилли. Мне он хорошо знаком. Я жила здесь почти год, когда увлекалась спортом.

— Каким? — спросил Широков. — Вероятно, гимнастикой?

— Вы угадали. Но больших успехов я не достигла. Помешало мое увлечение звездоплаванием, а у меня были большие данные.

Широков ни на секунду не подумал, что Дьеньи хвастается.

Воздух казался пестрым из-за разнообразной окраски олити всех размеров. Тысячи каллистян летели на крыльях.

Их олити опустилась на обширной площади, уже заполненной десятками тысяч машин. Толпы каллистян, в разноцветных одеждах, шли к вельду. В воздухе стоял гул голосов.

Диегонь с сомнением покачал головой и сказал сыну, готовящемуся поднять футляр олити, чтобы выйти из нее:

— Не лучше ли было опуститься на самом вельде? Ничего! — ответил он на недоуменный взгляд Вьега. — В таком исключительном случае это позволительно. А потом вы вернетесь сюда и пешком присоединитесь к нам. Им, — он указал глазами на Широкова и Синяева, — нехорошо идти под лучами Рельоса так медленно.

Но каллистяне, находившиеся поблизости, уже узнали гостей Каллисто. Очевидно,

известие о их прилете на вельдь мгновенно разнеслось по всей толпе. Движение к стадиону прекратилось, и тысячи лиц повернулись к ним.

— Опоздали! — сказал Диегонь. — Теперь придется выйти здесь.

Его опасения оказались напрасными. Когда они вышли из олити, толпа раздвинулась, и образовался широкий проход к одному из входов в здание.

Поднимаясь с кресла, Широков почувствовал сильнейшее сердцебиение. Он был вынужден несколько мгновений простоять на месте, держась за спинку. Его товарищи ничего не заметили, решив, что он просто хочет выйти последним. Припадок был коротким и прекратился так же внезапно, как и начался. Широков вышел из олити уже не на шутку встревоженный.

Каллистяне приветствовали людей Земли движениями рук, поднятых над головой. Не было ни одного возгласа, столь обычных на Земле в таких случаях. Между двумя стенами каллистян они прошли в здание без всяких затруднений.

— За время полета к Солнцу вы отвыкли от нас, — пошутила над Диегоном Дьеньи.

— Выходит, что так, — улыбнулся он.

Внешним видом вельдь Атилли был похож на Ленинградский стадион имени Кирова. Так же как там, здесь были широкие лестницы, ведущие к верхним входам, украшенные статуями. Сходство завершали полого поднимающиеся дорожки и многочисленные цветочные клумбы. Но общая архитектура здания была совсем иной.

Диегонь и его спутники прошли через нижний вход и очутились в длинном коридоре, идущем, по-видимому, вокруг всего стадиона. Было много дверей с цифрами на них, что напоминало коридоры театров.

Диегонь открыл дверь с цифрой «1», и они вошли в кабину. Она была величиной с большую театральную ложу и открыта спереди и сверху. Только в задней части был сделан навес.

Вельдь был уже почти полон. Это было колоссальное сооружение, с уходящими куда-то далеко в высоту, более крутыми, чем на земных стадионах, секторами для зрителей. Кабины, подобные той, где они находились, шли по нижнему ярусу. Остальные места были совершенно открыты и залиты ослепительным светом Рельоса. Они пестрели всеми цветами радуги, с линиями черных лиц над разноцветными костюмами.

— Для кого предназначены эти кабины? — спросил Синяев.

— Для тех, кто по каким-либо причинам не может находиться на открытых местах, — ответил Синьг. — Например, болен.

— Значит, чтобы попасть сюда, требуется свидетельство врача?

— Нет, зачем же? Предоставить место в кабине просят те, кто болен, — не понял вопроса Синьг, — но не очень. Если нужен врач, человек сидит дома.

Широков сел почти у самой задней стенки, под защиту навеса. Но и отсюда весь вельдь был как на ладони.

Он был похож на земные стадионы, но ни на минуту нельзя было забыть, что это построено не на Земле. Все было иным, все имело отпечаток архитектуры, чуждой людям. Вельдь был выстроен не из камня, не из металла, не из дерева и не из пластмассы. Это был все тот же удивительный материал, казавшийся прозрачным и блестящим, но бывший непрозрачным и матовым. Нигде не было солнечных бликов, яркий свет Рельоса не отражался ни от гладких стен, ни от полированных панелей, которые точно впитывали его лучи в свою «прозрачную» глубину. Невольно казалось, что все кругом должно быть раскалено, но стены и барьер были холодными на ощупь.

Вельдь имел овальную форму. Кругом шла, по-видимому, беговая дорожка странно белого цвета, словно из утрамбованного снега. В середине помещалось игровое поле, но не прямоугольное, а также в форме эллипса. Оно было покрыто ярко-оранжевой травой.

Ждать пришлось недолго.

Раздался звонкий удар, повторившийся три раза.

С четырех сторон на поле выбежали команды. Тут были юноши и девушки. Их было

много, человек по тридцать в каждой группе. Они были одеты в плотно облегающие тело костюмы, белые, зеленые, розовые и голубые. Каждая группа вынесла по четыре соответственно окрашенных больших обруча. Сойдясь на середине, они обменялись этими обручами и разбежались по краям травяной площадки.

Широков видел, как вышли команды, успел рассмотреть их, но внезапно почувствовал, как от сердца к голове прошла волна холода. Стадион потускнел перед его глазами и как-то странно покачнулся.

Спутники, сидевшие впереди, превратились в туманные пятна...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Открыв глаза, Широков сразу подумал, что этот припадок сильнее всех предыдущих и что надо немедленно сказать Гесьяню, но не увидел ни Гесьяня, ни стадиона.

Он лежал в своей комнате. Окна были закрыты темно-синей завесой. Комната освещалась слабым сиянием, исходившим из потолка, и в ней было полутемно.

«Полет на олити... вельдь... Дьеньи в белом платье... — подумал он. — Неужели мне все это только приснилось?»

Он посмотрел на стоявший напротив диван, но не увидел, как ожидал, своего друга. Синяева не было, и даже постель не была постлана. Сам Широков лежал раздетый, под легким покрывалом.

«Что-то неладно, — подумал он. — Что же сейчас: день или ночь?»

Повернув голову к окну, он внезапно увидел Синяева, который, совершенно одетый, сидел в кресле. Рядом с ним, в другом кресле, сидела Дьеньи.

— Георгий! — тихо позвал Широков.

Синяев и Дьеньи вскочили при звуке его голоса.

— Наконец-то! — воскликнул Синяев. — Дьеньи, позовите Гесьяня.

Девушка выбежала из комнаты.

— Что со мной случилось?

— Что-то скверное. Ты потерял сознание на стадионе.

— Давно это было?

— В полдень; разве ты забыл? А сейчас глубокая ночь.

— И ты не спишь из-за меня?

— Что с тобой, Петя! Как я могу спать? Здесь находятся все наши друзья, члены экипажа звездолета, Дьеньи со своим отцом, Гесьянь, Бьесьи, Женьсиньг, Зивьень и многие другие. Твой обморок взволновал всю Каллисто. Как ты себя чувствуешь?

Широков не успел ничего ответить. В комнату вошли Гесьянь, Синьг и какой-то незнакомый каллистянин, с глубокими морщинами на лице.

— Это какой-то знаменитый врач, — успел шепнуть Синяев на ухо Широкову. — Его зовут Бьиньг. Его вызвали с другого материка Каллисто.

Трое врачей подошли к Широкову. Синьг сел на край постели. Гесьянь предупредительно подвинул кресло для Бьиньга, а сам остался стоять у изголовья Широкова.

— Напугали вы нас, Петя, — сказал Синьг, словно не зная, с чего начать разговор. — Как вы себя чувствуете сейчас?

— Совершенно нормально, точно проснулся после крепкого сна.

— Совсем скверно! — неожиданно сказал Бьиньг.

— Наоборот. — Широков не понял, к чему относилось восклицание старого каллистянина. — Совсем хорошо!

— Вот это и плохо, — последовал ответ Бьиньга. — Если бы вы проснулись больным, было бы хорошо.

— Я вас не понимаю.

— Опыт, на котором вы так настаивали, — сказал Гесьянь, — окончился плачевно.

Этого надо было ожидать. А то, что вы чувствуете себя нормально, еще хуже. Значит, наше предположение верно.

— Объяснитесь!

— Причина вашего обморока — Рельос, его лучи, непривычные для вас.

— Но, ведь у нас на Земле каллистяне нисколько не страдали от лучей Солнца, которые так же непривычны для них. То, что со мной случилось, не похоже на тепловой удар.

— Рельос и Мьеньи, — вмешался Бьиньг, — разные звезды. Дело не в том, что лучи Рельоса несут больше тепла, а в том, что они более активны. Вам ясно, что это значит?

Он говорил ворчливым тоном и чем-то напомнил Широкову Штерна.

— Допустим, что ясно.

— Надо было послушаться Гесьяня, задержаться на Сетито дней на сто, потом на Кетьо дней на двести и только тогда прилетать на Каллисто. Надо было как следует привыкнуть к лучам Рельоса там, где они слабее.

— Но что же все-таки случилось со мной? — спросил Широков.

— Случилось то, что на ваш организм оказала вредное влияние какая-то составляющая лучей Рельоса, которой, по словам вашего товарища, нет у Мьеньи.

— Если так, то почему же это вредное влияние сказалось на мне одном?

— По-видимому, организм вашего товарища менее восприимчив к нему. Но и с ним случится то же самое, что случилось с вами. Это неизбежно.

Широков вспомнил, как несколько раз Синяев жаловался ему на недомогание, симптомы которого совпадали с тем, что испытывал он сам. Давно следовало сказать об этом Гесьяню. Здесь была допущена большая ошибка.

— Что же надо делать, по-вашему? — спросил он. — И чем нам грозит пребывание на Каллисто?

Последняя фраза вырвалась как-то невольно, и Широков с ужасом понял, что сам же допускает возможность покинуть планету, с которой они, в сущности, еще и не начали знакомиться.

Синяев, сидевший поодаль в кресле и не принимавший участия в разговоре, вздрогнул, услышав эти слова.

Гесьянь посмотрел на Синьга, и на его лице, выражение которого давно научился понимать Широков, мелькнуло смущение.

— Мне очень жаль, — сказал Гесьянь, — но я должен повторить то, что сказал вам раньше. Пребывание на Каллисто для вас опасно. Вы должны отправиться обратно на Кетьо или, еще лучше, на Сетито и провести там дней двести.

— Потерять почти год! — по-русски сказал Синяев. — Немыслимо!

— Что это за составляющая? — спросил его Широков.

— Не знаю точно. — Синяев вскочил с кресла и подошел к постели друга. — Сегодня днем они показали мне спектры Рельоса. Они такие же, какие давно уже получены на Земле, но есть несколько лишних линий. Я сказал им, что этих линий нет в спектре Солнца. Вот и все! А они сделали из этой мухи слона.

— Слона ли? — задумчиво сказал Широков.

Синяев пожал плечами.

— Ты врач, — сказал он, — а я нет. Кроме того, болен ты. Я совершенно здоров.

— Вы так думаете? — спросил Синьг, очевидно понявший то, что сказал Синяев.

— Пока, во всяком случае. — Синяев вернулся к своему креслу и бросился в него с видом полного нежелания продолжать разговор.

Широков задумался. Синяев, конечно, прав. Решать должен именно он — Широков. Решать за себя и за своего товарища. Все говорило за то, что каллистянские врачи дают правильный совет. Двести дней! В конце концов, не такой уж долгий срок. Они могли задержаться на Каллисто, ведь теперь есть возможность сообщить об этом на Землю. Надо соглашаться. Но как тяжело на это решиться!

— Хорошо! — сказал он после продолжительного молчания. — Допустим, что вы

правы. Я верю вашим знаниям и опыту. Но ведь вы не знаете, не можете знать организм людей Земли. Даже Синьг. Мой товарищ совершенно здоров. Это заставляет меня колебаться. Быть может, положение не столь критично. Вы должны понять, что нам дорог каждый день. Терять двести дней!

— Вам лучше знать, — сказал Бьиньг. — Мы высказали свое мнение. Делайте, как хотите.

— Надо подумать, Петя, — мягко сказал Синьг.

— Я подумаю.

На этом кончилась беседа, которой суждено было возобновиться скорее, чем предполагал Широков.

— Советую не вставать до завтрашнего утра, — сказал Гесьянь и, пожелав спокойного сна, ушел вместе со своими коллегами.

— Пройди к ним, Георгий, — сказал Широков. — Неудобно оставлять гостей одних. Синяев вышел, но вскоре вернулся.

— Никого нет, — сказал он. — Все улетели. В доме остался один Синьг.

— Где он?

— В большом зале. Он сказал, что переночует здесь, на всякий случай. Велел позвать его, если ты не сможешь заснуть.

— Велел? — улыбнулся Широков.

— Попросил, конечно. Но просьба врача — это ведь приказ.

Синяев подошел и сел на край постели.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил он, кладя свою руку на руку Широкова и нежно глядя его пальцы, показавшиеся ему очень холодными.

— А что думаешь ты сам?

— Что первый блин оказался комом. Но наш опыт сослужит хорошую службу тем, кто после нас прилетит на Каллисто.

— Значит, ты считаешь, что нам все-таки придется улететь отсюда?

— Не я так думаю, а ты. В этих вопросах тебе и книги в руки.

В голосе Синяева звучала глубокая грусть. «Да, — подумал Широков, — вопрос отложен, но не снят. И может случиться, что моя сегодняшняя нерешительность дорого нам обойдется».

— А фетимьи? — спросил он, чтобы отвлечь друга от невеселых мыслей. — Ты так и не увидел.

— Соревнование отложили.

— Из-за меня?

— Если бы ты видел, что творилось на стадионе! Все поле заполнили зрители, едва им стало известно о твоём обмороке. Какая уж тут игра! Когда тебя положили в специально вызванную, вероятно санитарную, олити и она полетела в Атилли, все каллистяне покинули стадион и сопровождали нас до самого дома. Этой картины я никогда в жизни не забуду. Буквально не было видно неба.

— Странные они люди! — сказал Широков. — И очень хорошие. Даже прекрасные.

— Особенно Дьеньи! — Синяев вдруг обнял Широкова, крепко целуя его в губы.

— Да постой! — улыбнулся Широков. — При чем тут Дьеньи? Что ты болтаешь?

— Ладно, — сказал Синяев. — Чего уж там! Она тебя любит, — прибавил он очень серьезно. — Я понял это сегодня.

— Глупости говоришь.

— Ну, как знаешь! — Синяев встал и подошел к окну. Темно-синяя завеса «растаяла» и исчезла. В комнату проник странный, мертвенно-зеленый свет. Причудливые двойные тени легли на полу. — Посмотри! Такой картины не увидишь на Земле.

Небо было безоблачно. Тысячи звезд в непривычных сочетаниях каллистянских

созвездий мерцали в его темной глубине. Прямо напротив окна, близко друг к другу, висели в небе обе «луны» Каллисто. Они были значительно меньше земного спутника и почти одного диаметра (так казалось). Большая из них была желтого цвета, меньшая — странно-голубого. Свет каждой в отдельности был намного слабее света полной Луны, но вместе они создавали довольно сильное освещение.

Широков встал и подошел к окну. Видеть оба спутника Каллисто одновременно им еще не случалось.

— Тебе нельзя вставать, — сказал Синяев.

— Сейчас лягу, — ответил Широков.

Он обнял товарища за плечи, и они молча смотрели на непривычную и чуждую им картину в рамке широкого окна.

Оранжево-красный сад при зеленом свете, создаваемом двойным освещением каллистянских «лун», казался коричневым. Черные статуи были невидимы, белые превратились в зеленые. Океан был еще более синим, чем днем. Ультрамариновым блеском сверкала его спокойная поверхность. В густых ветвях кустов и деревьев мелькали разноцветные огоньки. Точно тысячи светящихся насекомых перелетали с места на место, кружась в ночном хороводе.

В океане и в воздухе виднелось несколько судов и олити. Они были видны с такой отчетливостью, будто их освещал сильный луч прожектора. Но этот луч был невидим и, освещая корабль, не освещал воду у его борта.

— Корабли и олити, — сказал Широков, — вероятно, светятся сами.

— Да, во избежание столкновения в темноте. Посмотри! — Синяев протянул руку. — Видишь, вон там, низко над горизонтом, две большие звезды на одной линии, параллельной земле.

— Вижу.

— Мысленно проведи линию влево от них. Она упирается в небольшую звездочку, примерно второй величины. Видишь? Эта звезда называется у каллистян Мьеньи.

— Земля! — прошептал Широков.

Желтоватая звезда мерцала часто и сильно. Точно там, на родном Солнце, бушевала огненная буря, вспышками света посылая привет своим сыновьям, улетевшим так безмерно далеко от своей извечной матери.

— Нет, — грустно ответил Синяев. — Не Земля. Только Солнце. Нашу Землю нельзя увидеть на таком расстоянии даже в сильнейший телескоп; она так безмерно мала по масштабам Вселенной. Впрочем, так же, как и Каллисто, — прибавил он с непонятым ожесточением.

— Там Земля, — сказал Широков. — Может быть, мы увидим ее очень скоро. Скорее, чем предполагали.

— Нет, — сказал Синяев. — Я не хочу улетать с Каллисто раньше срока. Они ошибаются. Привыкнуть к лучам Рельоса можно и здесь.

— Я очень хочу надеяться на это, — тихо сказал Широков. — Попробуем.

Его голос звучал совсем неуверенно. Синяев заметил это, но ничего не сказал.

Широков глубоко вздохнул.

— Идем спать, — сказал он и, не ожидая ответа, отошел от окна.

Синяев «опустил» занавес.

ГЛАВА 4

ДЬЕНЬИ

С тяжелым чувством проснулся Синяев на следующее утро. Что-то мешало ему спать

всю ночь. Что? Мысли о здоровье Широкова? Тревога за него? Да, это было. Даже во сне он не забывал об этом. Угроза покинуть Каллисто, не закончив и даже не начав работы? И это могло быть причиной.

Открыв глаза, он долго лежал неподвижно, прислушиваясь к себе. Сердце билось неровно, толчками. Временами озноб волнами проходил по телу и сознание заволакивалось словно туманной дымкой.

«Неужели я заболел? — со страхом подумал он. — Вот уж не было печали!»

Часто случалось еще на Земле, что он просыпался с ощущением начинающейся болезни. Тогда усилием воли он заставлял себя встать, взяться за обычную работу и не думать о недомогании. В большинстве случаев это помогало, болезнь гложла в зародыше.

Синяев решил и на этот раз прибегнуть к своему испытанному средству пересилить болезнь. Откинув покрывало — легкую, почти прозрачную ткань, он сделал движение соскочить с постели, но с невольным стоном опустился обратно. Сердце забилося столь бешеным темпом, что это вызвало ощущение боли. Кровоаво-красная пелена встала перед глазами.

Как будто сквозь стену, услышал он голос Широкова:

— Что с тобой?

— Подойди ко мне, — прошептал Синяев.

— Я не могу встать.

— Я тоже.

— Совсем скверно. Что ты чувствуешь? Красная пелена рассеялась. Сердце как будто успокоилось, хотя и продолжало биться неровно. Если не шевелиться, можно было говорить без неприятных ощущений. Синяев шепотом рассказал обо всем.

— То же самое происходит со мной, — ответил Широков также чуть слышным шепотом. — Срочно нужен врач. Догадается ли Синьг войти без зова?

В доме было тихо, ни звука не доносилось и снаружи. Точно все вымерло кругом. Предупредительная деликатность каллистян могла обернуться в плохую сторону. Как позвать Синьга?

— Ты можешь крикнуть? — спросил Широков.

— Нет. При повышении голоса начинается сильнейшее сердцебиение, почти мучительное. Я могу говорить только шепотом.

— И я тоже.

— Веселая история!

Они лежали не шевелясь, с беспокойством ожидая нового приступа неизвестной болезни.

Синьг не приходил. Вероятно, он думал, что гости планеты еще не проснулись, и не хотел их беспокоить.

— Они уморят нас своей заботливостью, — прошептал Синяев. — На Земле врач давно бы зашел проведать больного.

«Надо что-то предпринять», — подумал Широков. Его взгляд остановился на большом «хрустальном» сосуде, формой похожем на цветочную вазу, наполненном голубоватой жидкостью. Это был нариди — напиток, напоминавший вкусом лимонный сок. Широков и Синяев часто хотели пить по ночам, и нариди всегда стоял у изголовья постели. Он им очень нравился.

— Георгий! — прошептал Широков. — А что, если я сброшу этот кувшин на пол? Грохот привлечет внимание Синьга, и он придет к нам узнать, в чем дело.

— Так он же разобьется.

— Кто его знает. Может быть, разобьется, а может, и нет. Если не разобьется, то и нариди не выльется. Крышка закрывается плотно. Ты же знаешь, ее приходится поднимать с усилием.

— Если кувшин разобьется и нариди выльется, кому-то придется производить уборку. Вряд ли наш андроид умеет это делать.

— Неужели они осудят нас за это?

— Нет, конечно, но как-то неудобно.

— Нельзя ждать. Синьг может войти через час и через два. Но как мне это сделать? Страшно пошевелить рукой.

— Мне тоже.

— Я попробую потихоньку.

Широков стал медленно поднимать руку. Сердце ответило ускорением биения, но все же ничего страшного не случилось.

— Спокойно, Петя! Не торопись!

Сосуд был легок для здорового человека, но Широков с тревогой думал об усилении, которое придется сделать, чтобы опрокинуть его на пол. Пройдет ли это движение безнаказанно?..

И вдруг они услышали тихий мелодичный звук, пронесшийся по комнате, а вслед за ним отчетливый голос Синьга:

— Вы проснулись? Можно мне зайти к вам?

— Поскорее! — как мог громко ответил Широков, осторожно опуская руку.

— Мы вас давно ждем, — сказал, в свою очередь, Синяев.

Они не знали, услышит ли Синьг их шепот.

Но каллистянин услышал. Очевидно, комнаты в доме соединялись какими-то акустическими аппаратами, до сих пор неизвестными для Широкова и Синяева. Почти сразу же он вошел к ним.

Еще с порога, окинув обоих внимательным взглядом, Синьг, по-видимому, понял, что случилось что-то неладное.

— Что с вами? — спросил он, явно взволновавшись.

— Нам очень плохо, Синьг, — ответил Широков. — Кажется, мы серьезно заболели.

— Находимся на грани преждевременной смерти, — прибавил Синяев, после прихода Синьга сразу пришедший в обычное настроение.

— Я сейчас вернусь, — и, сказав эти слова, каллистянин исчез.

— Ну, уж теперь они за нас возьмутся, — улыбаясь сказал Синяев. — Проявят свою любовь к нам в полном объеме.

— Как он с нами говорил? — спросил Широков. Даже в том состоянии, в каком он находился, он не мог не обратить внимание на новое для них применение каллистянской техники.

— Вероятно, привел в действие какой-то аппарат. Мало ли их на Каллисто! Но раньше он нас не слышал — это очевидно. Иначе давно бы пришел.

Синьг вернулся очень скоро.

— Сейчас прилетят Гесьянь и Бьиньг, — сказал он. — Не беспокойтесь ни о чем. Все будет в порядке. Погодите! — прибавил он, видя, что Широков собирается рассказать ему о их самочувствии. — Не говорите сейчас. Лучше помолчите.

— Говорить нам не трудно. Но только тихо. Трудно двигаться. Шалит сердце.

— Лежите совсем спокойно.

— Мы вынуждены это делать. Мы давно не спим, Синьг. Мы ждали вас, а вы не приходили. Я собирался сбросить сосуд с наряди на пол и этим привлечь ваше внимание. Но как раз в этот момент вы подали голос.

— Разве вы не знали? — Синьг показал на крохотный выступ на ножке восьмигранного столика. — Надо нажать вот здесь, и вступит в действие связь между всеми комнатами дома.

— Мы этого не знали. И я был уверен, что вы не придете, пока мы не позовем. Как же это случилось, — улыбнулся Широков, — что вы решились нас потревожить?

— Меня заставила Дъеньи.

— Видишь! — по-русски сказал Синяев. — А ты мне не хочешь верить.

Широков почувствовал приятное волнение. Сердце забило чаще, но совсем не так, как раньше. В одну секунду ему стала ясной истина, о которой он думал и раньше, стараясь

уяснить себе внутренний мир каллистян. Их чуткость, примеров которой он так много видел, неизбежно должна была усилить в них то шестое чувство, бессознательный, но безошибочный инстинкт, помогающий человеку почувствовать беду, грозившую близкому человеку. И если, как сказал Синяев, Дьеньи любила Широкова, то не было ничего удивительного в том, что она почувствовала угрожающую ему опасность.

— Дьеньи здесь? — спросил он.

— Нет, — ответил Синьг, — ее здесь нет. Она связалась со мной по экрану и попросила зайти к вам. Ей показалось, что с вами что-то случилось.

«Я угадал правильно, — подумал Широков, — И Георгий прав. Как это хорошо!»

— Каллистянская медицина верит в предчувствия? — спросил Синяев.

— Смотря какие. Предчувствия очень часто обманывают. Они зависят от состояния нервной системы и от других причин. Но, когда каллистянка испытывает такое чувство, как Дьеньи в данном случае, оно редко бывает ложным.

— Почему?

Широков понял, что еще немного — и его друг добьется от Синьга того ответа, в котором он сам был уже уверен, но почему-то не хотел услышать от каллистянского врача.

— Ваша наука знает, откуда возникают такие предчувствия? — спросил он, не давая Синьгу времени ответить Синяеву.

— Пока только нащупывает пути к этому вопросу. Но факт не подлежит никакому сомнению. Девушки очень чувствительны ко всему, что касается тех, кого они любят.

— Слово произнесено! — по-русски сказал Синяев. Прилет Гесьяня и Бьиньга выручил Широкова. Оба врача вошли в комнату, даже не спросив разрешения.

— Ну вот и исполнилось ваше желание, — сказал Широков, улыбнувшись Гесьяню, которого он всегда был рад видеть. — Вы хотели, чтобы я заболел. Сделано!

— Если бы это было так, — вздохнул каллистянин. — К сожалению, дело обстоит иначе. Ваше сегодняшнее заболевание не имеет и не может иметь никакой связи со вчерашним.

— Вы же меня еще и не осматривали, — удивился Широков. — Откуда же вы можете это знать?

Бьиньг устанавливал на столике, у постели Широкова, какой-то аппарат. Другой, точно такой же, Гесьянь поставил возле Синяева.

— Раз вы вчера чувствовали себя нормально, — все тем же ворчливым и как будто недовольным тоном ответил за Гесьяня Бьиньг, — то значит, сегодняшнее не связано со вчерашним. Астрономические обсерватории, — добавил он, — отметили резкое усиление активности Рельоса. Я опасюсь, не с этим ли связана ваша внезапная болезнь. Что вы чувствуете?

Широков подробно рассказал обо всех симптомах болезни.

— Ваш друг чувствует то же?

— Да.

— Лишнее доказательство, что связи со вчерашним нет. Синьг утверждает, что ваше сердце ничем не отличается от нашего. Посмотрим, в чем дело!

Аппарат чуть слышно загудел. Точно невидимый шмель полетел по комнате. Широков видел, как на передней панели засветился маленький экран. Было нетрудно догадаться, что это такое.

Бьиньг достал небольшой диск, ничем не соединенный с аппаратом, и положил его на грудь Широкова.

— Если вам нужно сердце, то не забудьте, что оно у нас находится с левой стороны. Бьиньг переложил диск.

— Я забыл об этом, — сказал он. На экране замелькали линии.

— Пошевелите рукой, — приказал Бьиньг. Широков повиновался и почувствовал, как судорожными рывками забилось его сердце. Линии резко участились.

— Замрите! — явно испуганно воскликнул Бьиньг. — Не шевелитесь!

Он повернулся к Гесьяню, очевидно проделавшему ту же операцию с Синяевым, и оба врача обменялись короткими фразами, произнесенными столь быстро, что ни Широков, ни Синяев ничего не смогли понять.

— Немедленный сон, — сказал Бьинг. — На десять дней.

Синг вышел из комнаты.

— Вы даже не спрашиваете нашего согласия, — сказал Синяев.

— Бывают случаи, когда это необязательно. Если я говорю «надо», вы не должны возражать. Мы не признаем за человеком права на добровольную смерть.

— Что же, вы усыпите нас силой?

— Да, если понадобится, — последовал ответ.

— Что ты ерепенишься, Георгий? — спросил Широков. — Надо — значит, надо.

— Не в том дело. Я и не думаю протестовать. Я просто хотел узнать, как далеко распространяется у них свобода личности.

Синг вернулся с двумя хорошо знакомыми «стеклянными» банками.

— Непрерывное дежурство у их постелей, — успел услышать Широков, прежде чем чудесное снотворное средство каллистян лишило его сознания.

— Дело обстоит из рук вон плохо, — сказал Бьинг, когда оба гостя Каллисто заснули. — Вы и Синг допустили большую ошибку, согласившись улететь с Кетью так скоро. Надо было продержат их там в пять раз дольше.

В комнату, неслышно ступая, вошла Дьеньи. Девушка, очевидно, слышала слова Бьинга.

— Что им грозит? — спросила она, наклонившись над Широковым.

— Невозможность вернуться на Землю, — ответил Бьинг. — Пребывание на Каллисто, после того как они прилетели без специальной подготовки, неизлечимо испортит сердце. А в этом случае они не выдержат обратного полета.

— Но они не умрут?

— Этого мы, конечно, не допустим. Но смерть или невозвращение на родину для них одно и то же.

Дьеньи улыбнулась, не спуская глаз с лица Широкова.

— Только для одного, — прошептала она так тихо, что ее никто не услышал.

— Дежурство начну я, — сказал Гесьянь.

— Пожалуйста, располагайте мною, — попросила Дьеньи.

Широков проснулся через десять каллистянских суток и увидел сидящую возле его постели Дьеньи.

Сразу очнувшись, он улыбнулся ей и протянул руку.

— Любимая! — сказал он по-русски. И снова Дьеньи, наклонившись, коснулась его руки своими губами.

— Зачем вы это сделали? — спросил Широков. — Сейчас и тогда, на Кетью.

Чуть заметный серый налет покрыл щеки девушки.

— Это ваш земной обычай, — ответила она шепотом.

— Вы ошибаетесь, Дьеньи. На Земле существует обычай касаться губами (он не мог сказать «целовать», потому что такого слова не было на каллистянском языке) руки женщины. Но к мужчинам этот обычай почти не применяется.

— Почти? Значит, все-таки...

— Это в особых случаях. У нас на Земле, если мужчина и женщина любят друг друга, они соединяют губы, — неожиданно для себя сказал он, испытывая острое желание осуществить на Каллисто древний обычай Земли. — Это называется у нас «поцелуем».

Чуть слышно скрипнула постель Синяева. Широков увидел, как его друг повернулся на бок, спиной к ним. Очевидно, Синяев также проснулся.

— Пьюце... — попыталась повторить Дьеньи, но из этой попытки ничего не вышло, и она рассмеялась. — Какой трудный ваш язык! Мне кажется, что я никогда не смогла бы овладеть им так, как вы овладели нашим. — Она вдруг вскочила. — Какая я невнимательная!

Надо сообщить Гесьяню о том, что вы проснулись.

— Подождите, Дьеньи! — умоляюще сказал Широков. — Не все ли равно, сейчас или немного позже. Я знаю, что пробуждение от сна, вызванного вашим средством, безвредно. Посидите со мной немного.

— А как ваше сердце?

— Бьется совершенно нормально. Можете мне поверить. Ведь я врач.

Естественно-непринужденным движением Дьеньи протянула руку и положила ее на грудь Широкова точно на сердце. Она не ошиблась, как Бьинг.

— Ну нет, — сказала она, — ваше сердце бьется слишком часто. Я немедленно позову Гесьяня. И она ушла.

— А вот у меня, — сказал Синяев, поворачиваясь лицом к Широкову, — сердце бьется совсем спокойно. Почему она не проверила на мне?

— Не смейся, Георгий.

— Я не смеюсь. Дьеньи вернулась.

— Гесьянь сказал, чтобы вы лежали и по возможности не шевелились. Он и Бьинг сейчас прилетят.

— А Синьг?

— Да, и он тоже.

Одно мгновение она как будто колебалась, потом села у постели Синяева.

Вскоре явились врачи. Тщательный осмотр, по-видимому, удовлетворил их, и Широков с Синяевым получили разрешение встать.

— Выходить из дома в ближайшие дни я запрещаю, — сказал Бьинг.

— Хорошо, — ответил Широков. — Мы будем послушны.

Бьинг посмотрел на Гесьяня, и молодой каллистянин, очевидно, поняв значение этого взгляда, попросил Синяева и Дьеньи выйти с ним в соседнюю комнату.

Синяев охотно последовал за ним. Так же, как и Широков, он спал в пижаме, и ему не надо было одеваться.

— Вот что, Петя, — сказал Синьг, когда они остались втроем. — Мы хотим поговорить с вами как с врачом. Пока вы спали, мы провели обследование как вас, так и вашего товарища. Результаты неутешительны, хотя ничего, прямо угрожающего вашей жизни, мы не увидели. Но мы пришли к твердому выводу, что пребывание на Каллисто для вас губительно.

Широков не удивился, он ждал этого.

— Вы настаиваете на отлете на Кетьо?

— Пока нет. Мы знаем, что вы не хотите этого. Мы ищем способ сохранить для вас возможность остаться на Каллисто. И нам кажется полезным провести один опыт.

— Говорите!

— Вы, конечно, знаете, что такое профилактическая прививка?

— Разумеется.

— Бьинг предлагает сделать попытку привить вам иммунитет к лучам Рельоса.

— Разве такая вакцина существует? — обрадовано спросил Широков.

— Нет конечно. До сих пор в ней не было надобности. Да и вряд ли она может существовать.

— Тогда я не понимаю.

— Сейчас поймете. У меня сохранился анализ вашей крови. Помните, на звездолете я брал у вас кровь? Так вот, мы сравнили его с тем, который был получен сейчас, во время вашего сна. Оказалось, что есть разница. Смотрите! Это анализ крови, полученный на звездолете, а это здесь. А вот анализ крови, взятой у каллистянина. Сравните их и делайте выводы.

Широков внимательно рассмотрел поданные ему Синьгом листки с вычерченными на них разноцветными кривыми. Он уже научился понимать медицинский «язык» каллистян.

— Да, — сказал он, — вижу. В нашей крови появились элементы, которых раньше не

было, но которые всегда имеются в крови каллистян. Это воздействие Рельоса, и именно оно опасно для нас, так как наш организм не умеет с ним бороться.

— Ваш вывод совпадает с нашим.

— Получается, что мы начали привыкать, но нашему организму нужно помочь. Вы хотите сделать переливание крови?

— Да. Бьинг считает, что это может дать положительный эффект.

— А вы не опасаетесь?..

— Нет. Наша и ваша кровь совершенно идентичны по составу.

— Но вы же знаете. Синьг, — сказал Широков, — что у людей Земли кровь разных групп.

— Да, — вмешался до сих пор молчавший Бьинг. — Мы это знаем. Так было и у каллистян в прошлом. Теперь у нас всех одна группа. Как она называется у них? — обратился он к Синьгу.

— Ньюливая, — почти на чистом русском языке ответил Синьг.

— Давайте попробуем, — сказал Широков. — Если вы уверены, что вреда не будет...

— Это исключается. Будет ли польза, увидим.

— Во всяком случае, это шанс. И много вы думаете перелить нам?

— Совсем немного, — ответил Бьинг. — Не более... — он назвал меру, соответствующую пяти кубическим сантиметрам. — Если результат будет положительным, тогда повторим.

— Я готов.

— А ваш друг?

— Он, конечно, согласится. Ему не хочется покидать Каллисто, так же как и мне.

— Георгию перельем от Гесьяня, — сказал Синьг. — Он так хочет.

— А мне?

— Дьеньи просит взять ее кровь. Если вы не возражаете.

Огромным усилием воли Широков сумел остаться внешне спокойным. Он мгновенно вспомнил историю Каллисто, которую читал на звездолете. В давно прошедшие времена на планете существовал обычай — при свадебной церемонии жених и невеста обменивались своей кровью. Что это? Случайность? Или...

— Мне все равно чью, — ответил он.

— В таком случае приступим, — сказал Бьинг. Профессиональное искусство каллистянских медиков было очень высоким. Не прошло и пяти минут, как совершенно безболезненная операция была закончена.

— Теперь лежать до утра, — приказал Бьинг.

— Оставайтесь, Дьеньи, — попросил Широков, когда девушка вместе со всеми направилась к выходу. — Я хочу поговорить с вами. Недолго, — прибавил он.

Дьеньи вернулась и села в кресло у его постели.

Синяев вышел проводить остальных.

— Дьеньи, — сказал Широков, твердо решивший выяснить все до конца. — Зачем вы это сделали?

— Что?

— Зачем вы дали мне свою кровь?

Он был совершенно уверен, что она либо промолчит, либо ответит правду.

Любая девушка на Земле опустила бы глаза при таком вопросе. Дьеньи продолжала прямо смотреть на Широкова, но сквозь узкую щель век ее, глаза были не видны. Что можно прочесть в таких глазах?..

— Это долго рассказывать...

— Все равно, говорите! Прошу вас. Дьеньи кинула взгляд в сторону двери.

— Георгий не скоро вернется, — сказал Широков, уверенный, что будет именно так. — Если вы не хотите при нем...

— Я хотела бы только вам. Мне кажется, вы поймете меня.

— Я постараюсь, Дьеньи.

— Это немного смешно. Но я такая с детства. Ведь мой дед Рьиг Диегонь. Мечтой его жизни было достигнуть Мьеньи. Может быть, мне передалось это по наследству, но с ранних лет и я мечтала о вашем Солнце. Я мечтала о далекой звезде и ее планетах, была уверена, что мой дед не ошибается и у Мьеньи действительно есть планеты, населенные людьми, такими же, как мы. Еще не видя этих людей, не зная, как они выглядят внешне, я любила их. Странно, не правда ли? Так продолжалось всю мою сознательную жизнь. Я почему-то была уверена, что увижу людей оттуда, от Мьеньи. И вот это случилось. Как это прекрасно — осуществление мечты.

— Но мы оказались не такими, как вы нас представляли? — спросил Широков.

— Нет, я не могу этого сказать. Но я не помню теперь, как представляла вас раньше. Когда я вас увидела, мне показалось, что вы именно такие, о каких я мечтала. Вероятно, это не так. Но я забыла преждее.

Она замолчала. Широков лежал неподвижно, взволнованный ее искренностью.

— Я люблю вашу Землю, — снова заговорила Дьеньи. — Всегда любила, хотя и не видела ее, а до последнего времени и не знала, существует ли она на самом деле. Люблю людей Земли. Ваши девушки мои сестры. Вы говорили, что у вас вся растительность зеленого цвета. Мне кажется это прекрасным. Зеленый цвет! Цвет нашей свободы. Земля! — произнесла она, почти правильно выговаривая это слово, но с невыразимой прелестью смягчая звуки русского языка. — Вы скоро вернетесь туда. Покинете Каллисто, и кто знает, увижу ли я еще раз людей Земли. И мне захотелось, чтобы вы унесли с собой, к вашему Солнцу, что-то от меня. Чтобы всегда это что-то было с вами, чтобы его нельзя было потерять. Вот и все. — Она порывисто встала. — Это смешно, я знаю.

— Дьеньи, — сказал Широков. — Кто мешает вам лететь с нами на Землю? Я хотел бы, чтобы вы всегда были со мной, — вырвалось у него.

Он с волнением ждал ее ответа. Ведь то, что он сказал, было признанием.

— Не говорите этого, — прошептала Дьеньи. — Может быть, у вас так принято, но у нас первой должна сказать девушка. Я сама скажу вам, когда придет время. Поймите меня!

И она быстро вышла из комнаты.

Широков закрыл глаза. Чувство бесконечного спокойствия наполнило все его существо. Он знал, был уверен, что правильно понял ее ответ.

Дьеньи уже сказала.

НА ЭКРАНЕ

Инъекция каллистянской крови не вызвала никаких осложнений. Широков и Синяев чувствовали себя на следующий день совершенно здоровыми. Но все же Бьиньг повторил вчерашнее указание, — несколько дней они должны провести дома, не выходя на улицу.

— Больше двух месяцев мы находимся на Каллисто, — сказал Синяев, — но еще ничего не видели. Мы знаем о планете не больше, чем знали на Земле.

— Два месяца, — ответил Широков, — это еще не так много. Впереди шестнадцать месяцев. Я опасюсь, что мы вообще не увидим Каллисто.

— Ты думаешь, что переливание...

— Это только опыт. С равными шансами он может и удался и не удался.

— Тогда не будем терять времени. Каллистяне утверждают, что можно увидеть все, что угодно, не выходя из дома. По экрану. Воспользуемся этим способом. Произведем, так сказать, предварительное знакомство с Каллисто. Это нам не помешает, скорей наоборот, если все опасения окажутся ложными.

— Не возражаю. Кто же будет руководить этой экскурсией?

— Конечно, наши друзья — Гесьянь, Бьесьи, Диегонь, Дьеньи...

— Если они не заняты.

— Мне кажется, что все наши знакомые считают своей основной работой обслуживать нас, — засмеялся Синяев. — Как просто у них получить трудовой отпуск.

— Это уже несправедливо. А разве у нас, на Земле, мы не получили такой отпуск для обслуживания каллистян? Чем ты занимался все девять месяцев их пребывания у нас?

— Упрек справедлив, — сказал Синяев. — Я сказал не подумав. Включай экран!

Гесьянь, очевидно, с кем-то говорил. Когда Широков назвал его имя, экран слегка потемнел.

— Рьиг Диегонь! — сказал Широков, вторично нажимая кнопку.

К экрану подошла Дьеньи.

— Отца и деда нет дома, — сказала она. — Я сейчас прилечу к вам. С большим удовольствием. Связь с Гесьянем не включалась долго.

— Держу пари, — сказал Синяев, — что он беседует о нас с Бьиньгом или другим каким-нибудь врачом. Ни о чем, кроме нашего здоровья, Гесьянь сейчас не думает.

— Принимаю пари, — ответил Широков. — На вечернее купание. Кто проиграет, ляжет спать без него. Синяев поморщился.

— Тебе будет трудно спать, — сказал он.

— Мне? Ничуть не бывало. Без купания ляжешь ты.

— Очень жесткое условие.

— Ага! — засмеялся Широков. — На попятный! Ну, так и быть. Если ты проиграешь, я прощу проигрыш из медицинских соображений.

Экран Гесьяня наконец освободился.

— Бьесьи нет, — сказал молодой врач. — Она улетела в Куссуди, к дочери. Я только что говорил с ней. Широков бросил на Синяева насмешливый взгляд.

— А вы?

— Ну, разумеется, прилечу к вам. Только, по-моему, надо пригласить инженера. Мне будет трудно давать объяснения по техническим вопросам.

— Потому мы и хотели Бьесьи, — сказал Синяев. — Кого же тогда?

— Позовите Линьга, — посоветовал Гесьянь. — Мьеньоня и Ньяньиньга нет в Атилли. Они отправились с Диегоном на остров — ракетодром, чтобы наблюдать за разгрузкой звездолета. Вы помните Линьга?

— Ну конечно! А разве он в Атилли?

— Должен быть здесь. Я сейчас узнаю. Подождите у экрана.

— Линьг! — сказал Широков. — Я рад, что с ним все благополучно. По-видимому, он не виновен в смерти Льети.

— Я спрашивал об этом Зивьеня, — сказал Синяев. — Они считают, что инженер Льети погиб вследствие своей собственной неосторожности. Самое интересное то, что этот вывод сделан на основании показаний самого Линьга, то есть лица, по нашим понятиям заинтересованного и, следовательно, не пригодного к роли судьи.

— Они не знают, что такое личная заинтересованность. Психология каллистян иная, чем у нас. Если бы Линьг был виноват, то сказал бы об этом.

— Удобно для следователей. Впрочем, у них нет никаких судебных органов.

— Когда-нибудь их не будет и у нас. Гудок вызова прервал разговор.

— Жаль, если Линьга нет в Атилли, — сказал Широков, нажимая нужную кнопку.

Но в «отверстии» исчезнувшего экрана они не увидели, как ожидали, Гесьяня, перед ними стоял сам Линьг.

— Приветствую вас, — сказал каллистянин. — Гесьянь передал мне, что вы хотите меня видеть.

— Да, — ответил Синяев. — Мы хотели попросить вас, если вы не очень заняты, приехать к нам. Мы хотим совершить путешествие по Каллисто, не выходя из дома. Врачи запретили нам...

— Я знаю. Все, что касается вас, известно всем каллистянам.

— Так вот, мы хотим познакомиться кое с чем по экрану. Но мы не все поймем без объяснений инженера.

— Благодарю, что вспомнили обо мне.

— Это не мы, — машинально ответил Широков, бессознательно подражая манере каллистян. — О вас вспомнил Гесьянь.

— Но вы согласились?

— И даже с радостью.

— Тогда я сейчас буду у вас.

— Как ты думаешь, он не обиделся на меня? — спросил Широков, когда экран был выключен.

— Конечно нет. Они всегда так говорят.

— Да, — вспомнил Широков. — Ты проиграл пари. Купаться будешь только с моего согласия.

— Ты же простил.

— Я могу передумать.

— Ну, это уже не по-каллистянски, — сказал Синяев, и оба рассмеялись.

Дьеньи, Гесьянь и Линьг не заставили себя ждать. Они явились почти одновременно. После взаимных приветствий все пятеро удобно устроились перед экраном.

— С чего мы начнем наше путешествие по Каллисто? — спросил Гесьянь.

— С Куссуди, — ответила Дьеньи. — Я хочу показать вам мою мать, — прибавила она, обращаясь к Широкову.

— Мы будем очень рады.

— Показать ее тебе, — сказал Синяев по-русски, — но не мне. А самое правильное — показать тебя ей.

— Георгий! — сказал Широков. — Если будешь продолжать в этом роде, не пущу в бассейн. Она имела в виду нас обоих. Что такое Куссуди? — спросил он по-каллистянски. — Я уже слышал это название.

— Это детский город, — ответила Дьеньи. — Далеко отсюда. Я там выросла. Моя мать по специальности детский врач. Она постоянно живет в Куссуди.

— Это единственный детский город?

— О, нет! Их много.

— Дети обязательно живут в таких городах?

— Конечно не обязательно, но все дети живут там. Эти города построены специально для детей, и там есть все, что нужно ребенку. У меня остались чудные воспоминания об этом периоде моей жизни.

— А если родители не могут поселиться вместе с детьми?

— Обычно они этого не делают. Моя мать исключение. В детских городах много людей, посвятивших себя детям, любящих и умеющих работать с детьми. Разлука не тяготит никого. И мать и отец могут хотя бы ежедневно видеть своего ребенка и в любое время посетить его. Может быть, вам это непонятно, но мы привыкли к такому порядку вещей и находим его естественным. Ребенку нужно правильное воспитание.

— Нет, почему же? — сказал Широков, подумав, что немногие матери на Земле согласились бы на долголетнюю разлуку с детьми. — Понять можно.

Гесьянь нажал кнопку и произнес несколько слов. Экран «исчез», и перед ними появилась внутренность обширного зала. По размерам мебели было ясно, что она предназначена для маленьких каллистян. В зале никого не было.

— Сейчас время купания, — сказала Дьеньи. — Дети на берегу океана.

— В ваших океанах нет опасных хищников? — спросил Широков.

— К сожалению, еще есть, и даже очень много, и очень опасных, — ответил Линьг. — Но места для купания надежно ограждены.

— Синьг говорил, что нельзя заглянуть внутрь дома, пока не нажата ответная

кнопка, — сказал Синяев.

— Это не частный дом.

В зал кто-то вошел. Это была женщина в белом платье. Когда она приблизилась, Широков сразу понял, что это и есть мать Дьеньи. Сходство между ними не оставляло сомнений.

«Почему вошла именно она? — подумал он. — Почему она не на берегу? Неужели Дьеньи договорилась с ней?»

Женщина подошла вплотную к экрану. Казалось, стоило протянуть руку, чтобы дотронуться до нее. Ее волосы были такими же белыми, как и платье. Матово-черное лицо странно выглядело в этой рамке.

— Здравствуйте! — сказала она, приветливо улыбаясь. — Рада вас видеть. Благодарю, что согласились исполнить желание Дьеньи.

«Так и есть», — подумал Широков.

— Мы хотели бы увидеть детей, — сказал Синяев.

— Для этого вам придется заглянуть к нам немного позже. Дети на берегу. Вы же знаете порядок, Дьеньи, — обратилась она к дочери.

— Я думала, что в этом случае...

— Свидание с гостями планеты взволнует детей, и они не будут спать после купания. Кто из вас Широков? — неожиданно спросила она, с трудом произнося русскую фамилию.

Синяев указал на своего товарища. Петр Аркадьевич почувствовал себя неловко, когда узкие глаза матери Дьеньи с пристальным вниманием обратились на него.

«Георгий прав, — думал он, молча позволяя рассматривать себя. — Она говорила обо мне с дочерью».

Он не знал, что сказать. Все это было очень странно, с земной точки зрения.

— Ваше имя Пьетя?

— Петр, — ответил Широков. — У нас на Земле имена часто произносятся по-разному, в зависимости от отношений между людьми.

— Рьиг Диегонь называет вас Пьетя.

— Да, он мой друг и гораздо старше меня. Я ничего не имею против, чтобы и вы называли меня так.

— Хорошо. А меня зовут Мьенью. Широков вспомнил, что слышал уже такое имя от Диегоня несколько лет тому назад, на Земле.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — так зовут одну из дочерей Рьига Диегоня.

— Да, это верно. На Каллисто имена часто повторяются. Фамилии — никогда. — Она еще раз осмотрела Широкова с ног до головы пристальным, словно оценивающим взглядом, потом повернулась к дочери: — Соединитесь со мной, когда будете одна. Надеюсь, — прибавила она, обращаясь уже ко всем, — что сегодня увижу вас еще раз. Дети будут рады поговорить с вами. Теперь мне пора на берег.

— Даже чересчур откровенно, — сказал Синяев, когда экран был отсоединен от Куссуди. — Я даже не предполагал, что угадал так точно.

— Обижаться на них нельзя, — ответил Широков. — Таковы их понятия.

Ему было неловко перед Гесьянем и Линьгом, на глазах которых произошел этот эпизод, но оба каллистянина как будто ничего не заметили.

«Будем говорить прямо, как они сами», — решил Широков и, обратился к Дьеньи:

— Почему ваша мать обратила на меня такое особое внимание?

Дьеньи ответила с такой откровенностью, какой он не ожидал от нее:

— Потому, что я много говорила ей о вас. Вам должно быть понятно почему. Широков смешался.

— Что показывать дальше? — выручил его Гесьянь.

— Не знаю.

— Можно соединиться с какой-нибудь станцией погоды? — спросил Синяев.

— Вообще нет, но вам можно. Включаю дежурную станцию Атилли.

«Открылось окно» в большую, просто обставленную комнату. Несколько кресел, стол. Вдоль стен стояло много не то шкафов, не то каких-то ящиков, по-видимому металлических. Между ними находились экраны. Синяев не заметил ни одного прибора, ни одного аппарата, которые, по его представлениям, обязательно должны были находиться на такой сугубо технической станции. Обыкновенная комната с несколько необычной обстановкой — и только.

В ней находилось двое. Один стоял склонившись над столом, рассматривая не то план, не то какую-то схему, другой что-то делал у одного из шкафов. Оба повернулись, привлеченные звуком вызова, а когда увидели, кто вызывает их, подошли к экрану.

— Наши гости, — сказал Линьг, — хотят познакомиться с вашей работой.

— Мы будем рады помочь им в этом, — ответил один из дежурных.

Это были инженеры погоды, как называлась на Каллисто их специальность.

Разговор продолжался долго, но его вел один Синяев. Широков не задал ни одного вопроса. Он внимательно слушал даваемые объяснения, следил за демонстрацией вызова дождя, но несколько часов спустя попросил Синяева рассказать, что именно им говорили.

Мысли Петра Аркадьевича были далеки от вопросов погоды.

Экран перенес их в Институт архитектуры. Здесь они встретились с людьми, проектирующими новые города, которые должны были появиться на новом, сейчас еще пустом месте. Им показали планы, макеты, рисунки зданий.

Широкову и Синяеву Атилли казался городом дворцов, но в сравнении с тем, что должно быть построено, он был довольно скромным.

— Почему вы проектируете исключительно роскошные здания? — спросил Синяев. — Мне кажется, что и более скромный дом может удовлетворить человека. И почему ни один дом не похож на другой?

— Все, что окружает человека, — ответили ему, — должно быть красиво. Это делает жизнь приятнее. А вкусы у людей разные. На Каллисто еще не все красиво. Мы стремимся к тому, чтобы все города перестроить по-новому. Чем лучше жизнь, тем больше возрастают потребности.

— Где же предел этим потребностям?

— Пока его не видно. Да и вряд ли он может быть достигнут.

— Теперь покажите какое-нибудь строительство, — попросил Синяев. — Хотя бы дома.

Гесьянь соединился с дежурным по сектору и поговорил с ним.

— В Атилли сейчас ничего не строится, — сказал он. — Придется немного подождать. Нас соединят со строительством нового завода, недалеко отсюда.

— А почему нужно ждать?

— На строительной площадке нет экрана. Но его установят очень быстро.

— Зачем же такое беспокойство? Мы рады посмотреть что-нибудь другое.

— Никакого беспокойства нет. Мы рады доставить вам удовольствие. Ждать придется недолго.

Линьг стал рассказывать о способах производства. Его рассказ был настолько интересен, что Широков забыл все свои мысли и слушал так же внимательно, как и Синяев, у которого не было причин задумываться о посторонних вещах.

По словам Линьга получалось, что все производимое на планете — предметы обихода, средства транспорта, одежда, продукты питания, сами машины, — все изготовлялось без участия человека.

Невольно создавалось впечатление, что человеку нечего делать на планете, отданной во власть «умных» машин.

Линьг улыбнулся, когда Широков вслух выразил эту мысль.

— В этом впечатлении, — сказал он, — виновато мое изложение. Я говорю как инженер. Ничего подобного, конечно, нет и не может быть. Как бы ни была сильна машинная техника, как бы мы ни автоматизировали производство, человек был, есть и всегда

будет главной движущей силой прогресса. Никакая самая «умная» машина не может заменить творческого разума. Никак не может создаться положение, при котором человеку нечего будет делать. Можно создать машину, целый завод, который будет работать практически бесконечно, без вмешательства человека. Но такой завод будет выпускать всегда одно и то же. Очень непривлекательна станет жизнь, если все, что вас окружает, всегда будет одно и то же. Это не жизнь. У нас все меняется, и меняется часто. Очень многое в современной жизни нас не удовлетворяет. Машина — помощник, но не более.

Примерно через полчаса раздался сигнал вызова. Нажата кнопка, и перед ними оказалась панорама строительства завода.

Экран установили на возвышенном месте, откуда можно было хорошо рассмотреть почти всю площадь, занятую этим строительством.

Оно, очевидно, только начиналось. Стен еще не было. Тянулись вдаль бесконечные линии заложеного фундамента, и по ним легко было представить себе грандиозную величину будущего здания.

Сотни машин совершенно непонятной конструкции двигались во всех направлениях и трудились как будто самостоятельно — ни одного человека возле них не было. Машины переносили строительный материал, складывали его на нужных местах.

Картина менялась буквально на глазах. Кое-где начали вырастать стены. Только что была земля, но прошло несколько машин — и вместо земли — пол из разноцветных плит.

— Неужели на постройке никого нет? — спросил Синяев.

— Не знаю, как в данном случае, — ответил Линьг. — Обычно, если проектировал человек, то он и руководит работой, хотя это и не обязательно. Если же проектировала фитьзели, (Фитьзели — машина, управляемая электронным «мозгом») то она и наблюдает за другими машинами.

— Фитьзели проектирует самостоятельно?

— Да, ведь это завод, и, очевидно, самый обычный.

— И все строительство закончится без участия человека?

— Нет. Внутреннюю отделку и установку механизмов произведут люди. Конечно, с помощью специальных машин. Автоматически возводится только само здание. По проекту.

— Но кто-то должен следить за соответствием проекта выполнению?

— Это делает фитьзели. В нее заложен проект, и она не допустит ни малейшего отклонения. Все машины, — Линьг показал на экран, — подчинены одной и выполняют ее указания точнее и лучше, чем могли бы это делать люди.

— Они очень разумны, — сказала Дьеньи. — И хорошо понимают друг друга.

— Полное торжество кибернетики, — заметил Синяев.

— Постройка идет непрерывно? — спросил Широков.

— Конечно, днем и ночью. Машинам отдых не нужен.

НА ЭКРАНЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

— Вероятно, мы не сможем увидеть полевые работы? — спросил Синяев. — Насколько я понимаю, на Каллисто овощи и фрукты не синтезируются, а выращиваются в естественных условиях.

— Да, — ответил Линьг, — на полях нет экранов. Но общая картина этих работ напомнила бы вам только что виденное строительство. Разве что на полях значительно меньше машин.

— А почему?

— Да только потому, — засмеялся инженер, — что каллистяне любят работать в поле или в саду. Нам это доставляет удовольствие. Поэтому многое из того, что может делать машина, мы делаем своими руками.

— Кстати, — спросил Широков, — есть у вас небольшие города с

сельскохозяйственным населением?

— Есть конечно. Но большинство городов расположено по берегам океана. До любого пункта внутри материка можно долететь за короткое время. Морской воздух полезнее для человека. Но многие живут вдали от моря. Вкусы людей бесконечно разнообразны.

— А можно связаться с кем-нибудь из таких?

— Наверное, можно. Экраны есть в любом доме, где бы он ни находился. Я сейчас узнаю.

— Я могу предложить, — сказала Дьеньи, — соединиться с братом моего отца — Льином Диегоном. Он живет в самом центре этого материка, среди большого леса.

— Очень хорошо, — сказал Широков. — Мы будем рады познакомиться с вашим родственником, Дьеньи. Он кто? Я имею в виду специальность.

— Художник и скульптор. Это человек, любящий одиночество, но он будет рад увидеть вас.

Она наклонилась к экрану, нажала кнопку и произнесла имя.

Экран оказался занят.

— Он скоро освободится, — сказала Дьеньи. — Мой дядя не любит долго разговаривать. К вам это не относится, — прибавила она. — Все каллистяне с удовольствием будут говорить с вами.

— Объясните мне одну вещь, — сказал Синяев. — Я помню, что на Каллисто не может быть двух человек, носящих одинаковые имена и фамилии. Но ваша мать, Дьеньи, носит то же имя и ту же фамилию, что и ваша тетка. Как это понять?

— Вы ошибаетесь. Фамилия моей матери — Ельянь.

— Но она сказала, что имена могут повторяться, а фамилии никогда. Но я вижу, что людей, носящих фамилию Диегонь, очень много.

— Она имела в виду совпадение имен и фамилий. Этого никогда не бывает, разве что после смерти кого-нибудь другой родственник получит то же имя.

— Женщины никогда не меняют фамилий?

— Ни женщины, ни мужчины. Зачем это? Какой в этом смысл?

— У нас дело обстоит иначе.

— Я знаю. Но пора повторить вызов.

Экран Льины Диегона был уже свободен. Перед ними появилась комната в доме каллистянского «отшельника». Перед экраном стоял человек, удивительно похожий на Рьига Диегона. Тот же рост, те же черты лица. Если бы Широков и Синяев не знали, кто стоит перед ними, они легко могли ошибиться и принять его за своего старого друга.

— Извините нас, — сказал Широков, — за то, что мы нарушили ваш покой. Но Дьеньи сказала, что вы не будете сердиться на нас.

— И в этом она совершенно права, — ответил Льино Диегонь. — Вы доставили мне огромное удовольствие. Думаю, что вас побудило к этому желание увидеть человека, живущего вдали от городов, и Дьеньи указала на меня.

— Вы угадали.

— У меня только один экран. Кроме этой комнаты, вы ничего не сможете увидеть. А эта комната, — он указал рукой вокруг, — ничем не примечательна. Это моя мастерская.

Он мог бы не говорить этого. Обстановка ясно показывала характер занятий ее владельца. Всюду стояли скульптуры — законченные и находящиеся еще в работе. На стенах висели маски, совсем как в мастерской земного ваятеля. Было много картин. По тому, что они могли видеть, Широков и Синяев поняли, что Льино Диегонь художник-пейзажист.

— Впрочем, — прибавил хозяин, — дом не представляет для вас никакого интереса. Он мало чем отличается от домов Атилли. Меньше размеры.

— Вероятно, мы оторвали вас от работы? — спросил Широков, заметив, что руки Диегона испачканы красками.

— Это не имеет значения. — Он подвинул к экрану кресло и сел. — Если у вас есть вопросы, я готов отвечать вам.

— Вы сказали, что дом ничем не отличается от домов Атиллы. Но вы, вероятно, не имели в виду, например, доставки продуктов? — спросил Синяев.

— Каких продуктов?

— Питания. Завтраки, обеды, ужины.

— Почему же? Все это мне доставляется так же, как и вам.

— Откуда?

— Из ближайшего города. Только мне приходится ждать немного дольше.

— Какое расстояние до ближайшего города?

— Не знаю точно. Километров восемьсот.

— Доставка производится на олити?

— Нет. Так же, как вам, по обычной автоматической сети. Я вижу, вас смущает расстояние. Это не имеет значения. Когда я построил этот дом, мне провели все, что нужно для доставки питания, морской воды для бассейна и всего, что мне может понадобиться. Летать в город у меня нет времени. Доставляющие механизмы достаточно мощны, расстояние их не смущает.

— Нет, — сказал Синяев, — я думал о другом. Но это не важно. Чем вы занимаетесь в свободное время?

— У меня есть большой сад. Я работаю в нем. Физический труд — хороший отдых.

— С помощью машин?

— У меня их нет.

— Ваш сад велик?

Льинь Диегонь назвал цифру, соответствующую квадратному километру.

— Такая площадь должна отнимать много времени. Например, поливка...

— Этим мне незачем заниматься. Когда саду нужна поливка, я сообщаю на станцию, и мне дают дождь.

— Я забыл об этом, — сказал Синяев. — Но уход за деревьями?

— Справляюсь, — коротко ответил каллистиянин.

— А уборка урожая?

— Ее производят другие. Фрукты увозят.

— Кто?

— Не знаю. Мое дело сообщить, что время уборки наступило, а кто прилетит за фруктами, — зачем мне это знать?

Диегонь говорил как будто недовольным тоном. Можно было подумать, что вопросы ему неприятны. Но ни Широкову, ни Синяеву такая мысль даже не пришла в голову. Они очень хорошо знали, что если бы Диегонь не хотел говорить с ними, то сказал бы об этом не задумываясь.

— Как вы работаете? — спросил Широков. — Я говорю о вашей основной работе.

Как по волшебству, выражение лица хозяина изменилось при этом вопросе. Он оживился, и в тоне ответа уже нельзя было заподозрить скуки.

— Вероятно, вы подразумеваете не как, а над чем я работаю? Вот смотрите!

Он подошел к чему-то, стоявшему посередине мастерской, и откинул темное покрывало.

— Обычно я не показываю свою работу до ее завершения. Но вам могу показать.

Это была огромная картина, но выполненная не кистью, а резцом по материалу, похожему на мрамор бледно-розового цвета. Скульптура изображала лес на берегу реки. Очевидно, Диегонь пользовался красками или чем-то другим, потому что вода в реке была окрашена в естественный цвет и так прозрачна, что можно было видеть камни на дне. Деревья были еще едва намечены. Мастерство исполнения было высоким.

— Куда предназначается эта скульптура? — спросил Синяев.

— Пока никуда. Но если она понравится, то ею украсят какое-нибудь здание или комнату в детском городе.

— Я думаю, что она не может не понравиться, — сказал Широков. — Это очень

красиво.

— Благодарю вас, — сказал Диегонь. — Но судить еще рано.

Он снова закрыл свою работу и подошел к экрану.

— А вы занимаетесь скульптурными портретами?

— Иногда. Но это не моя специальность. Я люблю изображать природу. — Он обернулся, словно ища что-то. — Вот, например!

Перед экраном появился небольшой бюст из черного камня. Он изображал несомненно Дьеньи, но только в детском возрасте.

— Узнаете? — спросил Диегонь.

— Да, конечно. Очень хорошо выполнено.

Художник пренебрежительно махнул рукой.

— Это не искусство, — сказал он. — Подобный портрет можно изготовить за один час. Если хотите, я покажу вам, как это делается.

Разумеется, Широков и Синяев тотчас же выразили свое согласие.

Диегонь пододвинул к экрану небольшую машину. Она была на маленьких колесиках и легко передвигалась. По внешнему виду это был прямоугольный ящик.

Художник пристально всмотрелся в лицо гостей Каллисто.

— Ваша голова, — обратился он к Синяеву, — труднее, чем у вашего товарища. Поэтому, если не возражаете, я изготовлю ваш портрет.

— Конечно не возражаю, — ответил Синяев.

И вот меньше чем за час была создана из белого камня голова Синяева. Каллистянский скульптор действовал совсем не так, как обычно работают скульпторы. Вложив кусок камня в машину, он затем на плотных листах нарисовал голову Георгия Николаевича с трех сторон и вложил эти листы в ту же машину. Не прошло и десяти минут, как бюст был уже готов. Машина по рисункам выточила его из камня. Но первый оттиск не удовлетворил Диегоня. Он вложил камень обратно и принялся исправлять рисунки. Так повторилось несколько раз. В конце концов получился точный портрет, поражающий тонкостью работы.

— Подарите мне эту скульптуру, — попросил Синяев.

— Лучше приезжайте ко мне, и я создам настоящий портрет, — ответил Диегонь. — Мне надо узнать вас ближе. Этот бюст мертв. В нем нет выражения. Я не знаю вашего характера, вкусов. Вы для меня незнакомый человек. Сравните с портретом Дьеньи, он выполнен тем же способом.

Действительно, разница бросалась в глаза даже для неискушенного человека. Портрет Синяева был маской, очень похожей, но только маской. На лице юной Дьеньи было выражение мечтательности, которое художник, очевидно, считал характерной чертой своей племянницы. Это лицо было живым.

— Все же, — сказал Синяев, — я повторяю свою просьбу. Мне хочется иметь этот бюст на память о нашей встрече.

— Если вы хотите, — ответил Диегонь, — вы его получите. Я пришлю его вам. А теперь прощайте. Меня ждет работа. Если вы еще раз соединитесь со мной, я буду рад.

Гесьянь выключил экран.

— Одно меня удивляет, — сказал Синяев, — это то... Предположим, — обратился он к Линьгу, перебивая сам себя, — что мне вздумалось бы поселиться в самом глухом месте, где-нибудь в горах...

— Там живут.

— Так неужели бы ради меня одного стали бы проводить сети труб для снабжения?

— Разумеется.

— А вам не кажется, что производить такую работу ради одного человека нерационально?

Четверо каллистян переглянулись. Вопрос, очевидно, показался им непонятным.

— Вы же не удивляетесь, что в этом доме, где вы живете, все это есть? — мягко спросил Линьг.

— Здесь город. В нем живут миллионы людей, пусть даже тысячи.

— Но в этом доме живут не миллионы и не тысячи. Вы могли бы жить тут и один.

— Не знаю, право, как пояснить вам мою мысль. Здесь, в Атилли, много домов. Провести трубы в один или в десять, в сто — разница небольшая. Я имею в виду затрату времени и материалов. Но вести эти трубы за сотни километров ради одного человека — это другое дело. В один дом...

— Но ведь в этом доме живут люди, не правда ли? — спросил Гесьянь таким тоном, каким говорят с человеком, не желающим понять очевидной истины. — Разве эти люди не имеют права на то, чем владеют остальные?

— Мы привыкли все расценивать на деньги, — сказал Широков по-русски. — У них материалы не имеют цены. Потребности человека — единственное мерило.

— Прихоть одного человека, — продолжал Синяев, не слушая Широкова, — еще не причина производить огромную работу. Если человек хочет жить вдали от коллектива, то пусть сам доставляет себе то, что ему нужно.

— Работа, насколько я знаю, совсем не такая большая, — сказала Дьеньи.

— Ее производят машины, — добавил Линьг. — А материалов на Каллисто достаточно для чего угодно.

— Что будем смотреть дальше? — спросил Георгий Николаевич, видя, что в этом вопросе им не понять друг друга.

— По-моему, пора обедать, — сказала Дьеньи. — Я голодна.

— Да, верно, и я голоден, — поддержал ее Широков. — Идемте в бассейн. Надо освежиться и отдохнуть.

— Может быть, нам лучше оставить вас? — спросил Гесьянь. — Мы можем вернуться позже.

«Бьиньг просил не утомлять их, — подумал он. — Но как узнать, насколько они устали? Я все еще плохо понимаю выражение их белых лиц».

— Нет, пожалуйста, останьтесь с нами, — попросил Широков.

Ему очень не хотелось, чтобы Дьеньи ушла. Стараясь делать это незаметно, он все время любовался девушкой. В ее присутствии он чувствовал себя как-то особенно хорошо.

— Мы охотно останемся, — ответил Гесьянь. — Я думаю, что вам нужен отдых.

— Вы нам не мешаете.

После купания, как всегда влившего в них новые силы, все перешли в столовую.

Гесьянь порекомендовал после обеда полежать часа два, но Широков и Синяев отказались. Им хотелось продолжить «путешествие». Экран давал настолько полную и реальную картину, что это создавало иллюзию действительного путешествия. За один день они узнали о Каллисто больше, чем за два предыдущих месяца.

— Что вы хотите увидеть? — спросил Гесьянь, когда все снова устроились возле чудесного «окна».

— Если возможно, завод, — ответил Синяев.

Нажата кнопка, произнесены нужные слова, и вот перед ними появился заводской цех.

Идеальная чистота, полная тишина, не видно ни одного человека.

Гигантский зал полон машин. Но где они? Тянутся далеко в глубину ряды труб, стоят странной формы не то кубы, не то многогранные шары.

— Это и есть машины, — сказал Линьг.

Никакого движения.

— Что изготавливает этот завод?

Гесьянь переключил экран.

Большое и очень высокое помещение, без крыши. Видно небо. Оно, как всегда, безоблачно. В Атилли дождь редко бывает нужен. На полу стоят крупные олиты. Движущиеся машины грузят на них пакеты с изображением зеленой звезды. Загруженные

олити взлетают, на их место опускаются новые. Работа идет без перерывов. И снова не видно ни одного человека.

— Завод медикаментов, — сказал Линьг. — Их только два на всей Каллисто.

— Их продукции хватает на все население? — с профессиональным интересом спросил Широков.

— Даже с излишком. Время от времени приходится останавливать завод, а то и оба сразу.

— Кто это делает?

— Дежурный по сектору, по указанию поста Каллисто.

— Почему на олити нет людей? — спросил Синяев.

— Это грузовые машины. Они перевозят продукцию с завода на склады. Люди не нужны, управляют автоматы. Маршрут всегда один и тот же.

— На заводе совершенно нет людей?

— Есть дежурные механики. Что-нибудь может испортиться.

Гесьянь снова переключил экран. Появилась небольшая, хорошо обставленная комната, точно где-нибудь в жилом доме. У стола в мягких креслах сидели шестеро каллистян. Перед ними находились экраны, на которых виднелись цеха завода. Но, прежде чем Широков и Синяев успели рассмотреть дежурную комнату, экран «погас», то есть опять появился перед ними.

— Нельзя отвлекать их внимание, — сказал Линьг. — Тем, что показали вам это помещение, мы нарушили правило. Соединяться с механиками имеет право только дежурный по сектору.

— Они нас даже не заметили.

— И не могли, — сказал Гесьянь. — Я не давал сигнала.

— Как они узнают, что где-то произошло повреждение? — спросил Синяев.

— Машины сами вызывают механика. Мы могли бы посмотреть, как это делается, но боюсь, что придется сидеть перед экраном долгие дни, так как повреждения редки. Большинство мелких неполадок машина исправляет сама на ходу, не прекращая работы. Кроме того, существуют автоматические «механики», вроде тех, что убирают комнаты. Они умеют исправлять определенные повреждения без участия человека.

«Путешествие» продолжалось.

Один за другим на экране появлялись заводы — одежды, обуви, мебели, олити...

Всюду одна и та же картина.

Длинные залы, блистающие безукоризненной чистотой, трубы, непонятной формы машины, полная тишина.

Автоматические конвейеры, непрерывно выдающие поток вещей. Грузовые, никем не управляемые олити взлетают, садятся, снова взлетают.

Могучая река днем и ночью «затопляет» планету бесчисленным количеством разнообразной продукции.

— Хватит! — сказал наконец Синяев. — Довольно заводов. От всего этого голова кругом идет.

— Да, хватит, — со вздохом повторил Широков. «Далеко нам до такого развития автоматике и такого изобилия. Но все это у нас обязательно будет».

— Может быть, вообще хватит? — спросил Гесьянь. — Возобновим осмотр завтра.

— Покажите нам какое-нибудь зрелище, — попросил Широков. — Надо разнообразить впечатления.

— У вас есть театры? — спросил Синяев.

— Были. Но теперь в том смысле, как у вас, нет. Все представления фиксируются на пленку.

Линьг не сказал: «пленка». Такого слова у каллистян не было. Изображения и звук записывались на дисках, отдаленно напоминающих патефонные пластинки, очень маленькие по размерам.

— Значит, мы можем увидеть любое представление, когда бы оно ни было исполнено?

— Вообще, да. Но станции передают определенную программу. Она достаточно разнообразна. Если же вы хотите посмотреть то, что сегодня не передается, то стоит только соединиться с архивом.

Появилась «программа». Точно огромный газетный лист, неподвижно и отчетливо на месте, где был экран, висело перед ними расписание передач. Здесь было более двухсот названий.

— Существуют у вас газеты? — спросил Синяев.

— Таких, как у вас, уже нет давно. Но в любой момент вы можете узнать все новости на планете с помощью этого экрана. Он заменяет нам ваши газеты. Любой выпуск можно прочесть когда угодно, хотя бы через несколько лет.

— Это довольно удобно, — сказал Широков.

Его и Синяева не удивляла осведомленность Линьга о Земле, на которой он не был. Они знали, что на всей Каллисто буквально зачитывались книгой Бьяининя «Планета Земля», которая вышла недавно в фантастическом количестве экземпляров. Они сами помогали ему писать эту книгу еще в пути, на звездолете.

По совету Дьеньи, они прослушали музыкальный спектакль, что-то вроде оперы. Но артисты не пели, а говорили под аккомпанемент инструментальной музыки. Для Широкова и Синяева музыка звучала странно, а сюжет они плохо поняли.

После ужина, когда зашел Рельос и ночь раскинула над Атилли свой звездный узор, они вынесли кресла на террасу.

Широков сел рядом с Дьеньи.

«Лун» еще не было. Они должны были взойти позже. В темноте лицо Дьеньи было почти невидимо.

Широков вдруг вспомнил, как четыре года тому назад (но одиннадцать с половиной по земному счету) вот так же ночью он сидел с Диегоном, дедом Дьеньи, у входа в палатку, в лагере под Курском, и слушал его рассказ о Каллисто. Мог ли он думать тогда...

Он повернулся, желая рассказать ей об этом далеком эпизоде, но никого не увидел.

Дьеньи исчезла...

Исчезли все, кто был на террасе, и сама терраса...

Волна холода прошла от сердца вверх, к голове...

ПРИКАЗ РОДИНЫ

Равнина, покрытая зеленой травой.

Зеленый лес на горизонте.

Голубое небо, на котором совсем как Солнце сияет далекий Рельос.

Все похоже на Землю, все ласкает глаз привычным, знакомым с детства сочетанием красок.

Кучевые облака над лесом, прохладный ветер, проникающий через открытое окно, нормальная температура воздуха — все «земное»...

Отчего же острое чувство тоски не покидает Широкова?..

Где-то далеко, в безднах неба, осталась Каллисто — чудесная планета, мир будущего!

Совершенно похожая на Землю, она с еще большей силой, чем прежде, влечет к себе.

Два коротких месяца — и дверь прекрасного мира, прежде чем он успел войти, закрылась перед ним. Осталось только воспоминание, вызывающее тоску и горечь неосуществленного желания.

Когда случайно залетевший на Сетито космический корабль покидал ее, Широков жалел, что не увидит больше эту планету, столь похожую на Землю, а теперь, когда он снова находился на ней, проклинал неожиданную и непредвиденную болезнь, заставившую его покинуть Каллисто.

Сетито, несмотря на ее сходство с Землей, казалась ему отвратительной, как насмешка.

С тяжелым вздохом он отвернулся от узкого окна и бросился в кресло.

Он был один в доме на холме, в том самом, который они с Синяевым так недавно рассматривали с огромным интересом как первую каллистянскую постройку, увиденную ими.

Сейчас, после дворцов Атилли, этот дом казался Широкову донельзя жалким.

Синяев отправился с Гесьянем и Бьесьи фотографировать окрестности холма и реку, а если удастся, то и пресмыкающихся.

«Вот, как ни храбрился Георгий, — думал Широков, — но и ему пришлось оказаться здесь. Все случилось не так. Но, может быть, еще не все потеряно, — пытался он утешить себя, — может быть, все обойдется? Мы вернемся на Каллисто и закончим знакомство с нею. Разве не может случиться так?»

Все, что произошло в ту роковую ночь, врезалось ему в память, и он вспоминал о ней с чувством обреченности.

Как врач он знал, что все потеряно, но как человек — возмущался и негодовал на злую шутку, которую сыграла с ним судьба.

Тогда, после вторичного обморока, у его постели состоялся консилиум. Широков сам принимал в нем участие, консультируя каллистянских врачей по вопросам нормальной работы человеческого организма.

Пятеро врачей, во главе с Бьиньгом, подвергли его тщательному и всестороннему осмотру.

Приговор был единогласным.

— Единственное, что может вас спасти, — это немедленное возвращение на Землю, — высказал решение консилиума Бьиньг. — Прививка каллистянской крови не дала ожидаемого эффекта, а может быть, принесла даже вред.

— Значит, людям Земли закрыт доступ на Каллисто?

— Нисколько не значит. Мы сговоримся с медиками Земли. Перед отлетом к нам звездоплаватели будут проходить специальную подготовку, а затем длительный карантин на Сетито и Кетьо. И только тогда прилетать на Каллисто. С вами этого не было сделано. Теперь уже поздно.

— Но ведь я-то совершенно здоров! — в отчаянии воскликнул Синяев.

— Вы так думаете, но ошибаетесь. Просто вы крепче своего друга. Разденьтесь! Вместе с ним мы обследуем вас, и пусть он сам скажет, что мы увидим.

Это был урок каллистянской медицины, и Широков с профессиональным интересом вспоминал многочисленные приборы, с помощью которых под руководством Бьиньга он проверил работу всех внутренних органов в теле Синяева. Отличительной особенностью этих приборов была возможность зрительно видеть процессы, которые врачи обычно только слышат или осязают.

Результат исследования поразил Широкова. Несмотря на внешние признаки здоровья, Синяев несомненно был болен. Особенно пострадавшим оказались сердце, периферические нервы и почки. Широков нашел все признаки нефрита, за исключением отеков на лице. Казалось, что в организм его друга (а значит, и в его собственный) проник какой-то яд. Он хорошо знал, что у Синяева никогда не было нефрита. Состав и давление крови также вызывали тревогу.

— Это не яд, — пояснил Бьиньг, — а результат воздействия лучей Рельоса. Вы видите теперь, к чему привело неподготовленное пребывание на Каллисто. Этого не учли ни ваши, ни наши ученые. Дальше будет еще хуже. Возвращайтесь на Землю.

— Попробуем сделать еще одну, последнюю попытку, — взмолился Широков. — Отправьте нас на Сетито. Может быть, длительное пребывание на ней вылечит нас.

— Отправиться на Сетито вам все равно придется. Звездолет не готов к полету на Землю. Поверьте, мы не меньше вас хотим, чтобы вы вернулись к нам. Посмотрим!

— Нет! — внезапно сказал Синяев. — Я чувствую себя здоровым и никуда не полечу.

Я явился на Каллисто для того, чтобы изучать жизнь на ней, и буду продолжать делать это, пока возможно. Мне очень жаль, что Петя заболел и нам придется временно расстаться. Пусть он летит на Сетито, а затем возвращается. Я буду ждать его здесь.

— Это неразумно, Георгий, — сказал Широков. — Мы вылечимся на Сетито и вернемся.

— Я не верю в ее целительную силу.

— А если мне придется лететь на Землю?

— Тогда другое дело. На Землю мы вернемся вместе.

Бьиньг, Гесьянь и Широков пытались переубедить упрямого астронома, но без успеха. Синяев наотрез отказался лететь с Широковым.

— Поймите! — сказал он. — Я не имею права на это, пока держусь на ногах. Петя говорит так потому, что он врач, а на моем месте он поступил бы так же.

— Ну, как хотите, — сказал наконец Бьиньг. — Оставайтесь здесь.

— Со мной ничего не случится. Не буду выходить из дому в середине дня. Вот и все.

Как только решение было принято, Бьесьи предложила доставить Широкова на Сетито на своем звездолете.

— Корабль и его экипаж готовы к старту.

Состояние Широкова оставалось тяжелым, и было решено, что он немедленно вылетит на ракетодром, чтобы быть там до восхода Рельоса.

— Не сердись, что я отпускаю тебя одного, — сказал Синяев, обнимая Широкова. — Но я не могу поступить иначе.

— Я не сержусь, но ты поступаешь неправильно, оставаясь на Каллисто.

— Там видно будет.

— Не печальтесь разлукой с другом, — прощаясь, сказал Бьиньг. — Очень скоро он присоединится к вам.

Скоростная олити за тридцать пять минут преодолела расстояние от Атиллы до ракетодрома.

Еще не взошел Рельос, когда управляемый Бьесьи звездолет оторвался от оранжевого острова и устремился в далекий путь. Кроме Широкова и четырех членов экипажа на его борту находились Синьг, Лениньг и Ресьинь. Широков, таким образом, оказался под наблюдением четырех врачей.

До Сетито долетели без всяких происшествий.

Предсказание Бьиньга сбылось даже скорее, чем ожидал Широков. Они спустились возле холма, на котором стояла бьеньетостанция, перед самым рассветом, а вечером того же дня прилетел второй звездолет, на котором оказались Линьг, Вьеньянь, незнакомый Широкову врач — Гедьоньиньг и... Синяев.

Он сам рассказал Широкову, что почти сразу же после восхода Рельоса почувствовал себя плохо, а вскоре потерял сознание, и его решили отправить на Сетито против воли. Очнувшись он уже на борту корабля, на расстоянии многих миллионов километров от Каллисто.

— Мне очень совестно, — закончил он свой рассказ, — что из-за моего упрямства им пришлось отправить на Сетито второй корабль.

— Упрямство до добра не доводит, — пошутил Широков, радуясь, что они снова вместе.

— Самое обидное, что мы не увидим ответ Земли. Это историческое событие произойдет без нас.

— До ответа еще много времени. Или ты не веришь, что мы вернемся на Каллисто?

— А ты веришь? Нет, Петя, Бьиньг прав, Каллисто мы больше не увидим.

— Да, похоже, что так, — вздохнул Широков.

Дьеньи, как член экипажа корабля Линьга, была здесь. Ее постоянное присутствие радовало и одновременно мучило Широкова. Он знал, что скоро покинет Сетито, улетит на Землю. Ни одну девушку он не любил так, как Дьеньи. Но разве согласится она покинуть

Каллисто, мать, отца и последовать за ним? Конечно нет!

Ее обещание «сказать» было дано тогда, когда все считали, что он и Синяев пробудут на Каллисто несколько лет. А теперь...

На этот счет у Широкова не было ни малейшего сомнения.

Они поселились в домике бьеньетостанции. Тут же жили Синьг и Ленъиньг. Остальные поселились на звездолетах, которые остались на Сетито. Экипажи твердо решили, что останутся здесь со своими друзьями до конца.

Потянулось время, мучительно медленное.

Ежедневно Широков и Синяев должны были проходить специальные процедуры. Сложные аппараты для них были доставлены на Сетито Линьгом.

Бьеньетостанция оранжевого острова по два раза в день запрашивала о здоровье гостей Каллисто, передавала бесчисленные приветы. Часто при посредстве Ленъиньга они говорили с Диегоном, Мьеньоном, Женьсиньгом.

Волны теплой дружбы шли от Каллисто к Сетито и обратно.

Так прошло три земных месяца. Здесь это составило сто четырнадцать суток.

Состояние здоровья Широкова и Синяева не ухудшалось, но и не становилось лучше. Врачи не скрывали тревоги. Ослабленные расстоянием лучи Рельоса оставались лучами Рельоса, а не Солнца, которое одно могло полностью излечить их. Надежды на акклиматизацию явно не сбывались.

— Мне кажется, что дальнейшая задержка только повредит вам, — сказал Гесьянь. — Разрешите сообщить на Каллисто, что вы согласны лететь на Землю. Звездолет и его экипаж давно готовы.

— Подождем еще немного, — ответил Широков.

Его приводила в отчаяние мысль о разлуке с Дьеньи, разлуки навсегда.

Что касается Синяева, то он согласился бы не только ждать, но и вернуться на Каллисто, несмотря на явную опасность.

— Может быть, — поддержал он своего товарища, — произойдет перелом. Наш организм справится, и все будет в порядке. Мы не хотим упускать ни одного шанса.

— Ни одного шанса у вас нет, — ответил Гесьянь. — Но делайте, как хотите. Только я должен предупредить вас, что вы рискуете совсем не вернуться на Землю и навсегда остаться здесь.

— Здесь или на Каллисто?

— Именно здесь. На Каллисто вас ждет быстрая смерть.

Эти слова заставили Синяева призадуматься.

Широков сознавал, что на него ложится огромная ответственность. Его друг в этом вопросе полагался на него. Он должен был сказать решающее слово. Оно было неизбежно, но со дня на день Широков откладывал, надеясь неизвестно на что.

Но опасные колебания прекратились самым непредвиденным образом.

Казалось, ничто уже не могло удивить Широкова и Синяева после всего, что они видели и испытали. Но то, что произошло, поразило их не меньше, чем всех каллистян на обеих планетах. Это случилось на третий день после отлета с Сетито корабля Линьга. Он улетел, чтобы доставить запасы продовольствия, которые подходили к концу. Никто не предполагал, что пребывание на Сетито так затянется.

К большому удивлению Синяева и горю Широкова, Дьеньи улетела с Линьгом. Она не сказала, что побудило ее к этому, и не только Широков, но и Синяев не решились спросить.

Она попрощалась с ними так, как прощалась обычно на Каллисто.

— Она вернется, — сказал Синяев. Но Широков не верил ему.

Прошло три дня.

И вдруг бьеньетостанция оранжевого острова передала неожиданную и радостную весть: на Каллисто получен ответ с Земли!

«Передайте нашим дорогим друзьям, — гласило сообщение, — что с Земли получена первая тесиграмма на русском языке. Первый опыт прямой связи увенчался полным успехом.

Все знаки приняты и записаны. Бьяининь занят расшифровкой. Как только он закончит работу, полный текст будет немедленно передан на Сетито. Горячо поздравляем Широкова и Синяева с поразительным успехом техники и науки их родины. Теси-установка построена на Земле в немыслимо короткий срок».

Гесьянь, с сияющим от радости лицом, буквально ворвался к Широкову и Синяеву с этим сообщением. Он порывисто обнял их, видимо всем существом радуясь вместе с ними.

Вслед за Гесьянем в комнате собрались все каллистяне, бывшие на Сетито. Они так искренне радовались огромному успеху науки Земли, точно это был успех Каллисто.

И в этой так ясно выраженной атмосфере чистой дружбы и всеобщей радости Синяев не выдержал. Он пустился вприсядку, продемонстрировав каллистянам бурную стремительность русской пляски.

— Скоро Бьяининь сумеет закончить расшифровку? — спросил Широков у Леньиньга. — Как вы думаете?

— Следующая связь назначена через четыре часа, — ответил инженер.

И можно сказать без преувеличений, что эти четыре часа показались всем длиннее трех месяцев, проведенных на Сетито.

Со дня старта каллистянского звездолета на Земле прошло почти двенадцать лет. Многого могло случиться за этот срок. Многие из тех, кого любили Широков и Синяев, могли уйти из жизни, — это волновало их больше всего.

На всю жизнь запомнили они мучительно-тревожные двести шестьдесят четыре земные минуты.

Точно в назначенное время по экрану побежали долгожданные линии бьеньетогаммы.

Леньиньг записывал текст. Широков и Синяев, стоя за его спиной, читали из-под его руки.

Они были твердо уверены, что в этой первой тесиграмме, адресованной им, с Земли сообщат то, что им хотелось узнать в первую очередь, и не ошиблись.

Начало тесиграммы — «Героям Земли Широкову и Синяеву» — прошло как-то мимо их сознания. Они не обратили на эти слова никакого внимания, ожидая дальнейшего.

«Сообщаю вам, что все лица, присутствовавшие при вашем отлете на Каллисто, живы».

Широков слышал, как судорожно вздохнул Синяев, но не обернулся.

«Семья Георгия Николаевича также жива и здорова. Ожидает сына и брата...»

Пальцы Синяева до боли сжали плечо Широкова, но и это не могло заставить его отвести глаза от руки Леньиньга.

«На Земле жизнь идет так же, как шла при вас. Спокойно работайте и знайте, что все, кого вы любите, встретят вас на Земле. Передайте благодарность науке Каллисто, спасшей жизнь матери Синяева. Подробности в следующих сообщениях. Эта телеграмма будет повторена в ближайшие два дня. С любовью обнимаем вас. Директор Института Каллисто — Козловский».

Леньиньг записал последнее слово и передал листок Широкову. Потом он встал и вышел вместе со всеми каллистянами, присутствовавшими при приеме.

Люди Земли остались одни.

— Ну вот! — растерянно сказал Широков.

— Да, — ответил Синяев.

И это было все, что они сумели сказать друг другу, потрясенные безмерной силой счастья.

— Почему он пишет, что наука Каллисто спасла мою мать? — спросил Синяев после продолжительного молчания.

— Я думаю, что это надо понимать так, что Зинаида Александровна была тяжело больна и они воспользовались сведениями, полученными из каллистянских медицинских книг.

— Все живы! — прошептал Синяев.

— Больше того, — ответил Широков. — Николай Николаевич сообщает, что все

останутся живы до нашего возвращения. Он не такой человек, чтобы бросать слова на ветер.

— Как же он может это знать?

— Не знаю, но уверен, что у него есть основание так говорить.

Почему же Козловский не сообщил о смерти отца Синяева? Правильно ли он поступил? Не лучше ли было сказать правду? Не будет ли для Синяева еще тяжелее узнать правду после того, как его заверили, что на Земле его встретят все? Трудно ответить на такой вопрос. Может быть, Козловский считал, что радость встречи ослабит горе? Возможно!

Друзья десятки раз перечитывали дорогие строчки. Но только из следующих сообщений они поняли, что «Герои Земли» не было случайными словами, что это высокое звание действительно присвоено им. О том, что они испытали при этом, легко догадаться.

Каждый день бьеньетостанция оранжевого острова передавала на Сетито очередной разговор Каллисто с Землей. Первую тесигramму, конечно, не пришлось повторять. Каллистяне сразу ответили Земле и сообщили, что текст принят полностью.

Все, что произошло на Земле за время отсутствия Широкова и Синяева, стало им известно. Как будто и не было долгой разлуки.

Выяснилось, что быстрота ответа, так удивившая каллистян, получилась потому, что ученые Земли сразу, как только поняли принцип, увидели возможность упростить установку и даже производить передачу не с Луны, а прямо с Земли. Мьеньонь и Зивьень сообщили Широкову и Синяеву, что на Каллисто с нетерпением ожидают, когда будет получен технический текст, так как способ передачи, примененный на Земле, им совершенно непонятен.

«Ваша наука приводит нас в восхищение», — «писал» Зивьень.

Оба друга несказанно жалели, что не могут сами увидеть на небе Каллисто вспышки, посланные родной рукой.

И каллистяне догадались об этом.

Когда вернулся звездолет Линьга, на нем была доставлена серия снимков, на которых отчетливо были видны эти вспышки — голос Земли.

Широков ни на минуту не переставал ожидать прилета Линьга. В глубине его сердца таилась надежда на возвращение Дьеньи.

Но вот корабль опустился на равнину перед холмом. Вышли Линьг и члены его экипажа. Дьеньи не было.

— Она осталась на Каллисто, — ответил Линьг на вопрос Синяева.

— Этого следовало ожидать, — по-русски с горечью сказал Широков. — Что ей делать здесь? Что мы для нее?

— Все же мне кажется это странным, — ответил Синяев. — Ведь Дьеньи — член экипажа корабля. А корабль здесь.

— Я привез вам тесигramму от Козловского, — сказал Линьг, еле-еле выговорив фамилию.

Текст был кратким:

«Приказываю вам во всем подчиняться требованиям Бьиньга. Козловский».

— Кто он такой, в конце концов, — сердито сказал Синяев, — чтобы приказывать нам?

— Это приказ партии, — ответил Широков.

— Бьиньг просил передать вам, что будет сделано все возможное, чтобы вы остались, — сказал Линьг.

— И на том спасибо, — ответил Широков. — Я не возражаю против того, чтобы лететь на Землю хоть сейчас. Вся прелесть Каллисто померкла в его глазах.

ЭПИЛОГ

ВСТРЕЧА В ПРОСТРАНСТВЕ

И неизбежное совершилось. Однажды утром, встав с постели, Широков и Синяев увидели на равнине белый шар космического корабля.

Зловещий смысл его появления не требовал никаких пояснений. Они сразу поняли, что это значит. Для перелета с Каллисто на Сетито исполинский звездолет был не нужен. Для этой цели были вполне достаточны «корабли внутренних рейсов», подобные кораблям Бьесьи и Линьга.

Настал день, к мысли о котором они приучали себя все это время и который, как им казалось, уже не вызывал в них ни печали, ни сожалений.

Но когда они увидели так хорошо знакомый корабль и поняли, что настал конец, то почувствовали, как сжалось сердце и к горлу подступили слезы. В этот момент они испытали острую жалость к себе. Обидно до боли было осознать, что даром потрачены долгие годы, что их самоотверженная попытка проникнуть в жизнь другого мира закончилась фатальной неудачей.

Несколько минут они молча смотрели на белый звездолет, отчетливо вырисовывающийся на фоне зеленой равнины и далекого леса, потом отвернулись от окна и посмотрели в глаза друг другу.

— Все! — сказал Широков.

— Конец! — отозвался Синяев.

И они обнялись, словно хотели передать друг другу мужество, которого так не хватало сейчас каждому из них.

— Ничего! — сказал Широков. — Наш полет все-таки будет не напрасным. Приобретен опыт, который сослужит хорошую службу тем, кто после нас посетит Каллисто более удачно.

— Будем утешаться этим, — уже совсем спокойно, обычным тоном ответил Синяев.

Звездолет, очевидно, только что прилетел. Они видели, как с его вершины на крыльях начали спускаться члены экипажа.

Их было очень много.

— Очевидно, провожающие, — сказал Синяев. Он посмотрел на Широкова и в глазах друга прочел мучительную тревогу. — Она тоже прилетела, — прибавил он как мог увереннее. — Жестокость не свойственна каллистянам. Ведь она знает...

— Жалость, — прошептал Широков.

Синяев нахмурился. Мысль, что Дьеньи могла прилететь из жалости к его товарищу, оскорбила его.

— Я пойду туда, а ты оставайся здесь. Если ее нет, тебе будет трудно сдержаться. Я дам тебе знак. Следи за мной в бинокль.

Широков остался один.

Он не мог бы сказать, что было бы легче для него: чтобы Дьеньи прилетела или осталась на Каллисто. Не позже как завтра звездолет возьмет старт. Стоило ли мучить себя столь кратким свиданием? Ему казалось, что Дьеньи должна была рассуждать так же и остаться.

Он сидел погруженный в свои мысли, забыв о словах Синяева. Беспольный бинокль лежал на столе.

Легкие шаги послышались в комнате рядом.

Дьеньи! Он узнал ее сразу, еще не видя.

Она подошла к нему, просто и естественно обняла его. Он почувствовал нежное прикосновение ее пальцев. Нет, не пальцев... Его лба коснулись ее губы.

— Я не могла поступить иначе, — сказала она. — Я хотела проверить себя. И проститься с матерью. Теперь я готова лететь с вами на Землю.

* * *

На звездолете прилетело сорок два человека. Тут были все, кто летал на этом корабле на Землю, и многие другие.

— Все население Каллисто, — сказал Женьсинг, — просило меня передать вам глубокое сожаление, что ваше пребывание на Каллисто было столь кратким. Но эта неудача послужит уроком для будущего.

— Это неизбежно? — спросил Широков.

— Судя по донесениям Гесьяня, — ответил Бьинг, — неизбежно и обязательно. Но мы сейчас убедимся в этом.

Кроме него, на Сетито прилетело несколько самых известных врачей Каллисто. Перед этой блестящей комиссией, состоявшей из светил медицинской науки, стояла задача вынести окончательный приговор.

Каллистяне горячо желали найти хоть малейшую возможность вернуть своих гостей на Каллисто, но все надежды оказались напрасными. Неосторожный прилет, почти без всякой подготовки, сделал свое дело.

Старт был назначен на утро следующего дня.

— Я привез вам радостную весть, — сказал Рьиг Диегонь. — Перед нашим отлетом с Каллисто с Земли было сообщено, что ровно через два года, по земному счету лет, к нам вылетит экспедиция в составе шестнадцати человек.

— Счастливицы! — вздохнул Синяев.

— А их не постигнет наша участь? — спросил Широков.

— Нет. Мы сообщили на Землю обо всем, что случилось с вами, и ваши ученые предупреждены. В сообщении говорится, что все шестнадцать приступили к подготовке, которая устранил опасность. Спектры Рельоса переданы на Землю. Вам обоим никто не мешает еще раз прилететь к нам, — прибавил он, видя, как помрачнели лица Широкова и Синяева.

Как всегда, он угадал их мысли.

Действительно, им стало очень горько. Существовала возможность подготовить человека к лучам Рельоса, не допустить того, что случилось с ними. Почему же никто не подумал об этом раньше?..

Правда, никто не знал, что между Рельосом и Солнцем есть такая значительная разница.

— Нет уж! — ответил Диегону Синяев. — Такие путешествия два раза не делаются. Наша песня спета. Выходит, — круто изменил он тему, — что мы встретимся с этим кораблем.

— Да, — ответил Мьеньонь. — Козловский сообщил точный день и час старта. Мы произвели расчет. Командир нашего звездолета знает, когда произойдет встреча.

Экипаж корабля был полностью другим. Десять каллистян выразили желание лететь на Землю и стремились к ней, как раньше стремились на Каллисто Широков и Синяев.

Все двигатели звездолета были заменены новыми, более мощными и совершенными. Командиром на этот раз был совсем молодой ученый, которого звали Гедьонь.

— На звездолет погружено все, что нужно для полного освещения нашей жизни и истории, — сказал он Широкову. — Этим мы отвечаем Земле за ее подарки, сделанные нам. Музей Земли уже построен. Вы сможете построить у себя Музей Каллисто. Список я передам вам в пути.

* * *

Подобно белой молнии мчался звездолет Каллисто через черные бездны Вселенной, от Рельоса к Солнцу, неся на борту тринадцать человек, с нетерпением ожидающих конца

далекого пути.

За его кессиндовыми стенками, в каютах, в центральном посту — всюду звучала русская речь. Каллистяне настойчиво изучали трудный для них язык.

Один за другим проходили месяцы. Неутомимый корабль оставлял за собой один триллион километров за другим, неуклонно приближаясь к цели.

Широков и Синяев все реже вспоминали свою роковую неудачу. Их мысли летели быстрее звездолета, вперед, к Родине.

Настал, наконец, день, когда, по расчетам, должна была состояться знаменательная встреча двух кораблей.

С самого «утра» Широков и Синяев, да и не только они, находились в возбужденно-приподнятом настроении.

— Странно подумать, — сказал Широков, — что где-то близко находятся наши братья — люди Земли.

— Близко? — улыбнулся Синяев. — О, нет! Они невообразимо далеко. Самого пылкого воображения не хватит, чтобы представить себе это расстояние.

— А мы не можем столкнуться?

— Что ты! Две пули, выпущенные с расстояния трех километров, имеют в миллион раз больше шансов столкнуться, чем два звездолета в мировом пространстве. Это совершенно немыслимо.

Когда приблизился назначенный час, весь экипаж собрался у центрального пульта.

Ни в какой телескоп нельзя было увидеть встречный космический корабль, даже точно зная его местонахождение. Сумма скоростей двух звездолетов, летящих навстречу друг другу, почти вдвое превышала скорость света.

Каллистяне договорились с Землей, что в момент встречи на обоих кораблях запустят на полную мощность радиопередатчик. Но удастся ли услышать хоть на мгновение радиосигнал, никто сказать не мог. Подобные опыты еще никогда и никем не производились.

Не надеясь на слух, Гедьонь включил самопишущий прибор. Тонкая прямая линия медленно двигалась по экрану. Тринадцать человек, люди и каллистяне, не спускали глаз с этой линии.

Широков подумал о тех шестнадцати, которые в этот момент, собравшись на командном пункте своего корабля, с таким же напряженным вниманием следят за показаниями своего прибора. Кто они? Было более чем вероятно, что экипаж земного звездолета состоит из молодых ученых. В то время, когда Широков и Синяев вылетали на Каллисто, эти люди были еще подростками. Теперь они летели по пути, проложенному двумя их старшими братьями, чтобы продолжить и развить дальше начатое ими дело.

«Как жаль, — подумал Широков, — что мы не можем увидеть их, обменяться взглядом, улыбкой, пожелать счастливого пути».

— Услышим ли хоть одно слово? — спросил он.

— Безусловно нет, — ответил Гедьонь. — Самая длинная фраза прозвучит в доли секунды. Ведь мы летим к ним навстречу со скоростью, почти равной скорости радиоволны. А если учесть и их скорость...

И только успел он произнести последнее слово, как все поняли, что долгожданная встреча уже в прошлом.

Когда она произошла?

Никакой секундомер не смог бы зафиксировать это неуловимое мгновение.

Они увидели, что на экране вдруг возникла тонкая вертикальная черточка, точно острый выступ, вычерченный сверхчувствительным электронным лучом. И одновременно прозвучал какой-то звук. Никто не услышал бы его (так он был короток), если бы слух людей не был так напряжен в ожидании. Точно мгновенный вскрик, прозвучал он неизвестно откуда и неизвестно куда исчез в безднах бесконечной Вселенной, привет, произнесенный не на человеческом языке...

И оба человека Земли почувствовали, как мучительной и сладкой болью отозвался этот

звук в их сердцах. Это был голос Земли, голос Родины, первое приветствие, обращенное к ним, возвращающимся на Землю. И на миг им показалось, что они видят крохотную точку космического корабля, уносящего их братьев туда, откуда они сами летели к Земле, корабля, который в эту минуту находился уже в десятках миллионов километров от них.

— Встреча состоялась с поразительной точностью, — сказал Гедьонь.

* * *

И снова понеслось быстрокрылое время.

Чем ближе была Земля, невидная еще даже в мощные «телескопы» корабля, тем больше волновал вопрос: что они увидят на ней?

Во время полета не могло быть никакой, даже теси-связи. От старта на Сетито до финиша на Земле пройдет одиннадцать лет. Что случится за эти годы? Какие события произойдут в жизни людей? Кто встретит их? Кого они больше не увидят?

Широков и Синяев испытывали то же самое, что и каллистяне, когда звездолет Диегона приближался к Рельосу. И хотя они верили обещанию Козловского, тревога против воли росла.

Дьеньи разделяла их чувства. Земля должна была стать ее второй родиной.

Гедьонь намеревался провести на Земле пять лет. Дьеньи не знала, полетит ли она с ним обратно или останется на Земле.

— Если я захочу вернуться, — говорила она, смешно коверкая русские слова, — мы вернемся вместе.

И Широков знал, что, если она скажет, он снова полетит на Каллисто.

Каллисто!

Она осталась далеко позади, скрывшись в необъятных просторах, как мимолетный призрак, порожденный мечтой о жизни, достойной человека.

Широков и Синяев были уверены, что рассказ о Каллисто, обо всем, что они успели увидеть на ней, в каждом, кто будет их слушать, вызовет желание построить и на Земле такую же жизнь.

— Нет, — говорил Синяев, — не такую же, а гораздо лучшую.

— Да, — отвечал Широков. — Гораздо лучшую.

Они были дети Земли и верили в творческие силы человечества.

Солнечно-прекрасная жизнь вставала перед ними. Она была возможна и зависела только от самих людей. Позади осталось доказательство этого — Каллисто, «мир будущего», куда они первыми из людей заглянули на миг, но навсегда сохранили в своем сердце.

Все ближе и ближе была Земля!

Родина, желанная и любимая!